

Библиотека сайта <http://www.dogswar.ru>

Dogswar.ru - Информационный портал о стрелковом оружии, военной технике, вооруженных силах стран мира. Статьи и обзоры о армиях мира, оружии и военной технике, боеприпасах и амуниции. Тактико-технические характеристики и фотографии вооружения. Электронные книги, справочники и энциклопедии оружия, униформы, военной истории. Форум.

Алексей Исаев
Неизвестный Сталинград.
Как перевирают историю

Предисловие ко второму изданию

Есть темы, которые не отпускают, затягивают, к ним возвращаешься вновь и вновь, чувствуя, что не все загадки нашли свое решение. Такой темой уже несколько лет для меня остается Сталинградская битва. Когда-то я зацепился за один из эпизодов этого выдающегося сражения, связанный с пребыванием под Сталинградом Георгия Константиновича Жукова. Этот эпизод – позиционное сражение к северу от осажденного города – перевернул сложившееся представление о битве за город на Волге. Выяснилось, что помимо боев за «дом Павлова», снайперских дуэлей в развалинах промышленных предприятий армия Паулюса и Сталинградский фронт вели кровопролитное позиционное сражение, больше похожее на Сомму и Верден.

Потом всплывали и другие страницы боев на подступах к Сталинграду. «Котел» в выжженной солнцем степи, когда бойцы и командиры бились до последнего в многочисленных оврагах-«балках». Сгоравшие подобно свече буквально за несколько дней соединения, только что прибывшие на фронт полностью укомплектованными и вооруженными. Все это заставляло вновь и вновь обращаться к теме Сталинграда и жадно впитывать новые данные.

В очередной раз приходится констатировать, что для полноценного исследования необходимо привлечение данных противника. Нескольких мемуаров и исследований немецких авторов, как это было в советский период, в наше время уже совершенно недостаточно. Обращение к первичным источникам, а не к их пересказам позволяет составить адекватную картину происходящего, принятых решений и реальных масштабов понесенных потерь. В частности, изучение документов 6-й армии заставляет пересмотреть традиционные взгляды на бои в излучине Дона.

Еще одним уроком, извлеченным из анализа ранее недоступной информации, было напоминание о том, что артиллерия в 1942 г. оставалась богом войны. Сталинградская битва, как ни странно, является примером сражения, в котором Красная армия и вермахт проявили себя в областях, обычно считавшихся сильной стороной их противника. Артиллерия традиционно (по крайней мере, в массовом сознании) считалась сильной стороной Красной армии, да и русской армии в целом. Однако в ходе Сталинградской битвы армия Паулюса располагала сильной в количественном и качественном отношении артиллерией и именно опираясь на нее добивалась успеха в наступлении и обороне в течение июля – августа 1942 г. Напротив, маневренные действия традиционно считаются сильной стороной вермахта, а не Красной армии. Тем не менее именно дерзкие маневренные действия механизированных соединений обеспечили советским войскам успех в операции «Уран».

Сегодня, через семьдесят лет после грандиозных событий на Волге, хочется, чтобы Сталинградская битва получила достойное освещение.

Введение

Изучая перипетии Сталинградской битвы, я не мог отделаться от мысли о схожести ее с широко известным фильмом «Терминатор». Армия Паулюса, словно созданный для убийства робот, методично крушила все на своем пути. В нее били танковыми корпусами с сотнями танков, против нее выдвигались все новые и новые свежие, полнокровные стрелковые дивизии. Но видимого эффекта удары танков не производили, а дивизии откатывались назад, истекая кровью. Терминатор упорно шел вперед в поисках Сары Конор, 6-я армия столь же целеустремленно шла к Волге и Сталинграду. Когда взорвалась цистерна (замкнулось кольцо окружения), вновь раздался леденящий душу скрежет, и изолированная армия восстановила линию фронта. Обгоревшая, превращенная в металлический скелет машина все еще двигалась. 6-я армия влияла на оперативную обстановку. Даже после провала операции Манштейна по деблокированию «котла», будучи лишена надежд на спасение, она сохранила боеспособность. Точно так же разорванный пополам робот продолжал упорно ползти к цели. Только после гидравлического пресса операции «Кольцо» зловещий красный огонек в «фотоэлементах» одной из самых сильных немецких армий погас.

Несмотря на то что сражение под Сталинградом ассоциируется преимущественно с уличными боями, в нем огромную роль сыграли танковые части и соединения. Открытая местность благоприятствовала применению танков, и они активно использовались во всех фазах сражения. Так, в составе Сталинградского и Юго-Восточного фронтов на 1 сентября 1942 г. было восемь танковых

корпусов. На ту же дату в составе Брянского фронта был один танковый корпус, Воронежского фронта – четыре, в составе фронтов на Кавказе – один. Такое же количество танковых корпусов (восемь) было только в составе Западного фронта на важнейшем, московском направлении. Всего же в действующей армии на тот момент имелся двадцать один танковый корпус. Сталинград и московское направление притянули к себе 80% самостоятельных танковых соединений Красной армии. В разгар проведения операций «Уран» и «Марс», на 1 декабря 1942 г., то есть в составе Калининского и Западного фронтов, на подступах к Москве было три механизированных корпуса и четыре танковых корпуса. Соответственно в составе Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов было четыре механизированных корпуса и пять танковых корпусов. При этом в отличие от позиционного сражения у Ржева под Сталинградом корпуса применялись для маневренных действий в глубине обороны противника. Фактически Сталинградская битва стала первым действительно успешным использованием в бою советских механизированных соединений.

По-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события стало возможным не только вследствие переоценки роли механизированных соединений. Эта книга была написана уже в новых условиях. Считаю своим долгом высказать искреннюю благодарность министру обороны Российской Федерации Анатолию Эдуардовичу Сердюкову. Благодаря его приказу № 181 о рассекречивании документов периода Великой Отечественной войны автор получил возможность ознакомиться с целым рядом дел, которые были недоступны в период работы над предыдущей книгой – «Георгий Жуков». В частности, в книге о Жукове были введены в оборот отрывочные данные об операциях Сталинградского и Донского фронтов к северу от Сталинграда. В этой книге освещение этого вопроса расширено. Это позволяет рассмотреть развитие событий в сражении за город на Волге на качественно новом уровне.

Фактически на наших глазах заново, часто с нуля, пишется история войны. Еще в 1967 г. в своей беседе с К. Симоновым А.М. Василевский сетовал: «Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло двадцать лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о том, как в действительности происходило дело. Но с самой войны и по сегодняшний день как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал». К сожалению, спустя сорок лет слова Василевского не потеряли актуальности. Если в 1967 г. еще были какие-то препятствия для ознакомления с основными боевыми документами, то сегодня их практически нет. Но по многим операциям Великой Отечественной войны и ныне там.

Именно документы позволяют восстановить картину событий, расставив акценты по объективным данным об обстановке. Мемуаристы и политически ангажированные исследователи могли вольно или невольно «высветлить» или «затемнить» те или иные эпизоды. К тому же далеко не все участники событий оставили воспоминания. Поэтому центр событий мог в памяти потомков сместиться в район, где действовал человек, оставивший увлекательные мемуары. Напротив, человек, находившийся в центре урагана битвы, мог не оставить воспоминаний или же просто промолчать про важную страницу своей биографии. Такое, казалось бы, незначительное событие могло существенно изменить представление о сражении. Авторы донесений, оперативных сводок и отчетов, сами того не осознавая, писали письма в будущее, своим потомкам, нам с вами.

Движение отечественной исторической науки вперед становится все заметнее. Появился целый ряд книг о Курской дуге, детально описывающих на документальной основе сражения переломного периода войны. Вязьма, Севастополь, Керчь – все больше сражений получают достойное современному уровню исторического исследования освещение. Автор постарался сделать посильный вклад в общее дело написания истории Великой Отечественной.

Сталинградская битва – это один из самых достойных объектов для историков. Это было крупное и безусловное поражение немцев в тот период, когда они еще были достаточно сильны. Когда еще союзники не высадились на континенте, когда их бомбардировщики еще не подвергали интенсивному воздействию германскую промышленность, заводы синтетического горючего и румынские нефтепромыслы. Однако именно в этот период целая армия была полностью уничтожена. Окруженные под Корсунь-Шевченковским, «котлы» в Белоруссии 1944 г., хальбский «котел» под

Берлином хотя бы малой частью вырвались из западни. В недавно вышедшем восьмом томе официальной немецкой истории войны с любовью нарисованы линии прорыва из окружений в Белоруссии. Сталинград такого коридора не имел. Немногие пережившие катастрофу счастливчики были вывезены из «котла» на самолетах. Практически легендарные истории о прорыве мелких групп скорее навевали ужас, чем внушали оптимизм. Например, в одной из групп из окружения вышел один человек, на следующий день после своего спасения убитый шальной миной.

Крупные «котлы» страшны тем, что в них под удар попадают те, кто в обычных условиях никогда бы не оказался лицом к лицу с противником. Тыловые подразделения, связисты, кашевары, ездовые и водители автомашин – все они перемалываются в окружении или попадают в плен. Именно этим объясняются большие цифры потерь в ходе сражений на окружение. В позиционном сражении, несмотря на всю его кровавость, машина войны исправно работает: раненых вывозят в тыл, кашевары, ездовые и артиллеристы занимаются своим делом, а не с винтовками в руках отбиваются от наседающего со всех сторон противника.

Сталинград в этом отношении дает более чем показательную картину. Безвозвратные потери вермахта на Восточном фронте, по данным немецкого историка Оверманска, в январе 1943 г. составили 180 310 человек. Это был максимум потерь не только за весь предыдущий период войны, но и за богатый на кровопролитные сражения 1943 г. Даже в страшных для немцев июне и июле 1944 г. рекорд Сталинграда не был достигнут. В эти месяцы безвозвратные потери составили 142 079 и 169 881 человек соответственно. Только в августе 1944 г. этот рекорд был побит – потери немцев составили 277 465 человек.

С оперативной точки зрения Сталинградскую битву можно условно разделить на три больших периода. Первый – это маневренное сражение на дальних подступах к городу. Он охватывает промежуток времени примерно от середины июля до конца августа 1942 г. Второй период – это бои за город и контрудары Сталинградского фронта по флангу 6-й армии. Данный период самый продолжительный и занимает временной интервал от конца августа до 19 ноября 1942 г. Однако следует отметить, что интенсивность боевых действий в этот период постепенно снижалась. Наконец, третий период – это окружение армии Паулюса, отражение попытки Манштейна ее деблокировать и уничтожение окруженных войск в ходе операции «Кольцо». Последний период простирается от 19 ноября 1942 г. до 2 февраля 1943 г. Соответственно книга разделена на три части, в каждой из которых повествование разделено по направлениям и в хронологическом порядке.

Пролог

Глубокой ночью 12 июля 1942 г. в адрес командующего Юго-Западным фронтом пришла телеграмма из Ставки Верховного Главнокомандования. Телеграфный аппарат бесстрастно отбивал буквы на ленте: «ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ В СТАЛИНГРАДСКИЙ ТЧК...» Так еще до первых боев на дальних подступах к городу на Волге было положено начало очередному этапу войны. Начиналось сражение, которое должно было решить исход летней кампании 1942 г. и, может быть, даже всей войны.

Фронт к тому моменту уже в достаточной степени откатился на восток, чтобы отказаться от наименований «Юго-Западный» и «Южный». Немецкое наступление отбрасывало советские войска на восток и на юг. Нужно было смахивать юшку после нокдауна первых ударов «Блау» и, пока рефери давал отсчет «раз, два, три, четыре...», восстанавливать силы. В ближайшие несколько месяцев развернутся два пространственно разделенных, но в целом взаимосвязанных сражения – битва за Кавказ и Сталинградская битва.

Следующая цель – Сталинград! Справа от Гитлера – командующий 6-й армией Фридрих Паулюс. Крайний справа – командующий группой армий «Б» Федор фон Бок. Вскоре он был смещен на Максимилиана фон Вейхса (стоит за спиной Паулюса)

Директива Ставки ВГК № 170495 не только сообщала о переименовании, но и ставила новые задачи. Штаб только что появившегося фронта перемещался в Сталинград. Первым командующим Сталинградским фронтом стал маршал С.К. Тимошенко. 28, 38, 57 и 9-я армии Юго-Западного фронта передавались в состав Южного фронта. Оборонять Сталинград предстояло резервным армиям. В состав Сталинградского фронта директивой Ставки были включены 63-я армия (бывшая 5-я резервная, 1, 153, 197, 127, 203-я, 14-я гв. сд), 62-я армия (бывшая 7-я резервная, 33-я гв., 147, 192, 196, 181-я и 184-я сд), 64-я армия (бывшая 1-я резервная армия, 131, 229, 29, 18, 214 и 112-я сд). Общая численность 63-й армии на 10 июля составляла 67 тыс. человек, 62-й армии – 81 тыс. человек, 64-й армии – 72,8 тыс. человек. Таким образом, для восстановления целостности фронта в сражение вводилось сразу более 200 тыс. человек. От своего родителя Сталинградский фронт унаследовал 8-ю воздушную и 21-ю армии. Наследство, прямо скажем, небогатое: в составе 21-й армии было всего 28 тыс. человек. Задачи Сталинградского фронта Ставкой были сформулированы так: «Силами 62-й и 64-й армий, двух морских стрелковых бригад, восемнадцати артиллерийско-пулеметных УРОВских батальонов, курсантов восьми училищ, прибывающих с Северного Кавказа, прочно занять Сталинградский рубеж западней реки Дон и ни при каких условиях не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда».

Соответственно 63-я и 21-я армии должны были «ни в коем случае не допустить форсирования противником р. Дон». Задача армий Сталинградского фронта вполне укладывалась в два слова: «стоять насмерть». О накале борьбы и сложившейся в южном секторе критической ситуации свидетельствует использование военных училищ. Только в действительно катастрофической обстановке командование отказывается от завершения подготовки курсантов училищ как офицеров и бросает их в бой в качестве обычной пехоты.

Помимо директивы Ставки А.М. Василевский добавил несколько слов от себя. Лично

Н.С. Хрущеву (занимавшему должность члена Военного совета фронта) он сообщил: «Временно 64-й армией, прибывающей сейчас в Сталинград, командует зам. командующего этой армией генерал-лейтенант Чуйков. В боях тов. Чуйков пока не участвовал. Ставка рекомендует переместить на 64-ю армию генерала Гордова, оставив на 21-й армии его заместителя или кого найдете необходимым». В.И. Чуйков, ставший позднее героем битвы, в июле 1942 г. еще был для командования «темной лошадкой», непроверенным в боях с немцами генералом.

Начальнику штаба фронта П.И. Бодину А.М. Василевский сообщил о прибывающих на выручку Сталинграду частях и соединениях, в основном артиллерийских полках и полках «катюш». В частности, было сказано о «8 отдельных ротах танков КВ специально для усиления обороны». Заслуживший в 1941 г. славу танкоборца, КВ в некоторой степени сохранил доверие к себе летом 1942 г. Сдав южному соседу почти все армии, Сталинградский фронт унаследовал от Юго-Западного фронта его авиацию. Дополнительно было обещано прислать еще восемь авиаполков. Также в состав Сталинградского фронта были направлены четыре дивизиона бронепоездов (восемь бронепоездов).

Надо сказать, что командующий 62-й армией В.Я. Колпакчи получил приказ на занятие обороны на дальних подступах к Сталинграду примерно за сутки до образования Сталинградского фронта. Ему было приказано сняться с позиций на Сталинградском обводе и занять так называемый Сталинградский рубеж. Выдвижение частей и соединений 62-й армии происходило походом и по железной дороге. Ночью 12 июля 1942 г. целостного фронта из резервных армий на подступах к Сталинграду, разумеется, еще не было. 62-я армия к моменту ее подчинения штабу нового фронта находилась в Сталинграде и в течение 12 июля должна была выйти через Калач на Сталинградский рубеж к западу от Дона. 64-я армия перевозилась из района Тулы. Расположение резервной армии к югу от Москвы отражало предположения советского Верховного командования относительно нанесения главного удара в кампании 1942 г. на московском направлении. Теперь приходилось тратить время на перегруппировку войск на действительное направление немецкого главного удара. Три дивизии 64-й армии находились 12 июля только на подходе к Сталинграду. Первым решением командующего Сталинградским фронтом С.К. Тимошенко было построение обороны на дальних подступах к городу силами 62-й армии с ее частичной сменой по мере прибытия соединений 64-й армии.

Кадры решают все. Здесь имеет смысл кратко остановиться на «роли партии». В этот период в войсках Юго-Западного (Сталинградского) фронта находился член ГКО, секретарь ЦК Г.М. Маленков. В партии Маленков занимался кадрами, которые, как известно, решали все. Фактически он был доверенным лицом Сталина. Г.М. Маленков немедленно «выписал» из Москвы шифровкой начальника Главного автобронетанкового управления Красной армии Я.Н. Федоренко. Прибыв на только что созданный Сталинградский фронт, Федоренко развил кипучую деятельность по подготовке танковых войск к предстоящему сражению. Так, 17 июля он направляет на утверждение Сталину план переформирования танковых бригад. Федоренко пишет Верховному, что из состава Юго-Западного фронта вышла в расположение Сталинградского фронта двадцать одна танковая бригада, из которых на фронте решено оставить три, а оставшиеся восемнадцать отправляются на переформирование. Из восемнадцати бригад двенадцать (3, 10, 12, 58, 84, 85, 88, 90, 91, 114, 159, 167-я) отправлялись в Саратов, а шесть (6 гв., 6, 13, 65, 156, 168-я) – в Сталинград. Тем самым было начато создание резервов, которым предстояло сказать свое веское слово уже в оборонительной фазе сражения. Переформируемые в Сталинграде бригады пошли в бой в августе, а первые из переформируемых в Саратове – в сентябре. Также в связи с резким ослаблением танковых войск фронта с Северного Кавказа перебрасывалась под Сталинград 40-я танковая бригада. Напротив, из Сталинграда на Северный Кавказ Федоренко танки отправлять запретил. Весь выпуск СТЗ шел прямо в войска, в восстанавливаемые бригады. Также по решению Федоренко в Сталинграде был оставлен учебный автобронетанковый центр.

Командование Сталинградского фронта достаточно трезво оценивало ближайшие перспективы развития боевых действий на вверенном ему направлении. В донесении в Генштаб, озаглавленном «Оценка группировки и намерений противника перед Сталинградским фронтом на 14.7.42», о предполагаемых задачах групп армий «А» и «Б» было написано следующее:

«Основной задачей этой группировки будет окружение и уничтожение армий Южного фронта с выходом на нижнее течение р. Дон [...] Действия противника восточнее р. Дон на данном этапе операции маловероятны, т.к. это потребовало бы рассредоточения усилий ударной

мотомехгруппировки. Удара на Сталинград следует ожидать после того, как противнику удастся закончить операцию против Южного фронта. Этот удар наиболее вероятен как вспомогательный к главному удару, который противник будет наносить на нижнем течении р. Дон с целью прорыва на Северный Кавказ» [1].

Последнее предложение про «Этот удар наиболее вероятен...» было впоследствии вычеркнуто. Но нельзя не отметить, что командование Сталинградского фронта довольно четко обрисовало первоначальный замысел операции «Блау» – удар на Сталинград был вспомогательным относительно похода за нефтью. Оценка ближайших перспектив также была довольно точной. Действительно, в этот период разворачивалось сражение на окружение в полосе Южного фронта, в результате которого попали в «котел» под Миллерово войска 9-й и 38-й армий.

Незнаменитый «котел» лета 1942 г. оказал непосредственное воздействие на то, кому пришлось руководить советскими войсками в Сталинградской битве. 14 июня И.В. Сталин адресовал С.К. Тимошенко следующие достаточно резкие слова: «Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находились, кажется, 14 дивизий. Ставка хочет знать, куда девались эти дивизии» [2]. Официально штабы 28, 57 и 38-й армий были переданы в состав Сталинградского фронта по директиве Ставки № 170513 от 17 июля 1942 г.

Штаб Тимошенко ответил трехстраничным докладом, начинавшимся словами: «Докладываем, что донесения Военного совета фронта о положении 28, 38 и 57 армий были прекращены представлением Ставке с момента перехода этих армий в распоряжение Южного фронта». Судьба армий описывалась так: «28 армия к этому времени (10 и 11.7) была сильно расстроена и отходила неуправляемыми группами бойцов»; «38 армия, превратившаяся через два дня тоже в неорганизованную и неуправляемую массу, отходившую с большими потерями боевой техники на переправы в районе Казанской, Вешенской и Серафимович». Последующие донесения были малоутешительными. Тимошенко сообщал, что, по донесениям штабов 28, 38 и 57-й армий, на восточный берег Дона вышли жалкие остатки соединений. Так, из 13-й гв. стрелковой дивизии вышли 387 человек, из состава 38-й стрелковой дивизии – до 60 человек без штаба, 175-я стрелковая дивизия – до 200 человек без штаба, 169-я стрелковая дивизия – штаб и 786 человек, 15-я гв. стрелковая дивизия – 225 человек и еще 100 человек из тыловых учреждений дивизии. Артиллерийские полки армий также потеряли много орудий. Эта информация постепенно создавала критическую массу в Ставке.

Но пока С.К. Тимошенко еще не знал о сгушавшихся над ним тучах и активно занимался новым фронтом. Несмотря на оптимистичную оценку обстановки, уже 13 июля командующим фронтом был поставлен перед Ставкой вопрос об эвакуации населения Сталинграда. Он писал: «Считаем необходимым немедленно эвакуировать из Сталинграда женщин и детей, не занятых на производстве военных материалов, ибо в городе скопилось очень много народа после эвакуации из Украины, и дальнейшее оставление всего населения города на своих местах будет очень невыгодно в условиях возможных налетов авиации противника» [3]. Нельзя не признать это предложение более чем своевременным. Нет сомнений, что Тимошенко приложил бы максимум усилий для ускорения эвакуации населения из Сталинграда.

Условия, в которых начиналось сражение, трудно назвать типичными для битв Великой Отечественной. Первоначально противники не имели соприкосновения друг с другом. Немцы шагали на восток по казавшейся бескрайней степи. Части резервных армий занимали подготовленные позиции и под палящим солнцем махали кирками и лопатами, стремясь их улучшить. Маршевые колонны немцев и закапывающихся в землю советских пехотинцев и танкистов разделяли десятки километров. Поначалу не было ни внимательного изучения позиций противника в бинокль, ни стихийно вспыхивающих перестрелок, ни остовов танков и разнокалиберных воронок на «ничейной земле». Стояла необычная для фронта тишина. Никакой канонады, только редкие пролеты самолетов.

Одной из первых задач Сталинградского фронта стало выдвижение вперед передовых отрядов для выяснения сил и планов противника. Фактически они должны были установить контакт с

двигающимися на Сталинград немецкими частями, в то время как основные силы фронта соприкосновения с противником не имели. Передовые отряды было решено формировать из прибывающих училищ. Курсанты обладали лучшей выучкой и дисциплиной, чем среднестатистический пехотинец, и им можно было доверить трудную задачу действий в составе передового отряда. Передовые отряды предполагалось усиливать дивизионом артиллерии, ротой танков и ротой ПТР. Командованию 8-й воздушной армии было приказано обеспечить передовые отряды действиями авиации. Позднее, вследствие запаздывания с прибытием училищ, передовые отряды стали формировать из частей стрелковых дивизий 62-й армии.

Глоток воды на пути к Сталинграду. Немецким пехотинцам предстояло прошагать многие километры по степи до первой встречи с войсками резервных армий

Высылка передовых отрядов также позволяла выяснить, есть ли у войск фронта время на подготовку новых позиций. Тимошенко не был доволен теми позициями, которые были подготовлены для резервных армий. Занимаемые 62-й армией позиции располагались на открытой танкодоступной местности и могли быть легко прорваны. Более выгодным рубежом командующий

фронтом считал высоты в 15–20 км от существующей линии обороны 62-й армии. Одновременно Тимошенко рассматривался вопрос оказания помощи сражающимся под Миллерово войскам Южного фронта. Однако реальных возможностей нанести деблокирующий удар не было. Командованием фронта был сделан вывод, что изолированный контрудар «не даст ожидаемого эффекта, но повлечет значительные потери в силах и средствах фронта, что несомненно сильно ослабит оборону Сталинградского направления». Но размышления о контрударе были бесполезны. Именно в этот период (18 июля) от Тимошенко следует предложение о создании «танковой армии силой в 2–3 тк с артиллерией и подчинением ей двух-трех сд и сильной группы авиации». Предполагалось использовать танковую армию для удара во фланг противнику, наступающему на юг. Впоследствии танковая армия в составе Сталинградского фронта будет создана, более того, она будет не одна.

Некоторые из высланных вперед передовых отрядов вступили в соприкосновение с противником уже 17 июля. Именно от этого события принято начинать отсчет Сталинградской битвы. Как это иногда бывает, ставшая базовой дата оказывается не совсем верной. Согласно журналу боевых действий 62-й армии, первое столкновение произошло немного раньше, в 20.00 16 июля.

Изучение документов позволяет восстановить картину первого боя Сталинградской битвы. Его провел передовой отряд 147-й стрелковой дивизии. Ядром отряда были рота Т-34 и рота Т-60 645-го танкового батальона. Также в отряд вошли два взвода автоматчиков, четыре взвода стрелков, шесть ПТР и три противотанковых пушки с расчетами. Через два часа после выгрузки танков из эшелона отряд 15 июля 1942 г. направился в направлении хутора Морозов и станции Морозовской. Холмистая местность позволяла противникам сблизиться незаметно друг для друга. В 13.00 отряд прибыл в хутор Золотой, в 8 км юго-восточнее станции Морозовской. В 17.40 16 июля три Т-34 и два Т-60 при разведке хутора Морозов были обстреляны противотанковыми пушками противника и ответным огнем их уничтожили. После разведки танки возвратились, таща одну «тридцатьчетверку» на буксире. Это была еще не боевая потеря – у танка просто отказала коробка передач. Несколькими часами спустя произошло более серьезное столкновение. В 20.00 четыре немецких танка скрытно подошли к хутору Золотой и открыли огонь по отряду. Первый бой Сталинградской битвы длился 20–30 минут. Танкисты 645-го танкового батальона заявили об уничтожении двух немецких танков с экипажами, побитии еще одного и уничтожении одной противотанковой пушки. Видимо, немцы не рассчитывали столкнуться сразу с двумя ротами танков и послали вперед всего четыре машины. Потери отряда составили один Т-34 сгоревшим и два Т-34 подбитыми. Первый бой кровопролитного многомесячного сражения не был ознаменован ничьей смертью – людские потери двух танковых рот составили 11 человек ранеными. Таща за собой два подбитых танка, танковый отряд вернулся назад. Первые выстрелы великой битвы прозвучали.

Поначалу схватки с передовыми частями немцев казались детской игрой. Однако вскоре сражение запылало в полную силу. 17 июля командование фронта «в целях разведки и обеспечения 62 и 64 А занятия более выгодного рубежа обороны» приказало выдвинуть три отряда для овладения Боковской, Чернышевской и Морозовской.

Причины расширения задач передовых отрядов были обрисованы в телеграмме Сталину штаба фронта от 18 июля: «Сам по себе рубеж для обоснования упорной обороны не выгоден, плоский, танкодоступный и открытый. Более выгодный рубеж для упорной обороны тянется по высотам 15–20 километрах восточнее... [...] В настоящее время оборона 62 армии сильно растянута по фронту и легко может быть прорвана» [4].

Сообразно этому штаб С. К. Тимошенко предлагал следующий план действий:

- «1) Удерживать занимаемый рубеж 62 армии;
- 2) Сильными передовыми частями усиленные артиллерией и танками занять рубеж по р. Царица, Курталак, Чир, Цымла. По прибытии училищ немедленно выводить их для усиления занятого передовыми частями рубежа.
- 3) С подходом 64 армии на линию 62 армии выводить войска 62 и 64 армий на рубеж, занимаемый передовыми частями. Выход на этот рубеж одной 62 армии крайне рискован» [5].

Действительно, выдвигать вперед с худо-бедно подготовленных позиций всю 62-ю армию было опасно – она могла быть разгромлена на марше. Несмотря на то что, по мнению советского командования, главный удар наносился немцами в южном направлении, активность на сталинградском направлении не исключалась. Шагающие по голой степи на новые позиции части стали бы легкой добычей авиации и танков.

19 июля передовой отряд 33-й гв. стрелковой дивизии (88-го гв. полк и 651-й танковый батальон в полном составе) получил задачу атаковать Чернышевскую, в 45 км от рубежа обороны 62-й армии. По данным разведки, в Чернышевской было всего около 300 немцев, и сопротивление ожидалось слабым. Танки нацеливались на охват и окружение Чернышевской. Однако планам поэтапно сдвинуть рубеж обороны вперед не суждено было сбыться: с запада уже подходили передовые части 6-й армии. Атаку советского передового отряда встретил ураганный огонь – в Чернышевскую уже вошел и закрепился 260-й полк 113-й пехотной дивизии. Наступающая за танками пехота залегла, танковый десант спрыгнул с машин и также залег. Бой гремел с 4.00 до 20.00 20 июля, танкисты израсходовали целых два боекомплекта. Потери составили 10 Т-34 (все безвозвратно) и 3 Т-60 [6]. 9 Т-34, по отчету батальона «сгорели от ударов термитных снарядов» [7]. «Термитными» чаще всего называли кумулятивные снаряды. 113-я пехотная дивизия была вооружена 75-мм орудиями ПАК-40, стрелявшими обычными бронебойными снарядами. Скорее всего, кумулятивные снаряды использовали САУ «Штурмгешюц», приданные 113-й дивизии в количестве трех единиц [8]. Вскоре на контратакующие танки советских танковых бригад и корпусов

обрушится настоящий шквал «термитных снарядов».

Столь же безуспешными были попытки других передовых отрядов выйти на рубеж Боковской и Морозовской. От Боковской на восток до Пронина дошла боевая группа 113-й пехотной дивизии, Морозовская оказалась занята частями LI корпуса немцев, советский передовой отряд был остановлен в 8 км к востоку от нее. План маршала Тимошенко с постепенным выносом главного рубежа обороны фронта вперед был похоронен, не успев родиться.

Увертюра из разрозненных схваток передовых отрядов на эпизоде с Чернышевской не закончилась. Буквально через день, 22 июля 1942 г., оставшиеся танки 651-го батальона и 88-й гв. полк заняли оборону на подступах к населенному пункту Петровка восточнее Чернышевской. В этот момент в сражение были введены только что переданные немецкой 6-й армии подвижные соединения XIV танкового корпуса. Через Чернышевскую на восток к Петровке двигалась 16-я танковая дивизия. Похоже, для немцев столкновение с советской обороной оказалось неожиданным. Обходом открытых флангов советского передового отряда его заставили отступить, однако это столкновение обернулось для немцев достаточно чувствительными потерями. По советской версии событий, Т-34 батальона результативно контратаковали прорвавшиеся немецкие танки. Внятного описания событий по немецким донесениям не прослеживается. Однако сами за себя говорят цифры. Согласно вечернему донесению XIV корпуса в штаб 6-й армии (23.16 22 июля), численность танков 16-й танковой дивизии составляла: 17 Pz.III kurz, 57 Pz.III lang, 5 Pz.IV kurz и 15 Pz.IV lang [9]. То есть по сравнению с 21 июля она уменьшилась на 13 Pz.III lang и 2 Pz.IV kurz. Суммарная советская заявка по оперсводке штаба фронта составляла 13 танков подбитыми и 7 сожженными [10]. Потери советского 651-го батальона за 22 июля составили 2 Т-34 сгоревшими и 3 подбитыми, был тяжело ранен командир батальона майор Карпов [11]. Танкисты батальона претендовали на 6 уничтоженных танков противника, остальные могут быть записаны на счет артиллерии и пехоты 88-го гв. полка. Это пример несомненного успеха усиленной танками пехоты, показывающий оборонительный потенциал танковых батальонов. К сожалению, он был растрочен на изолированные действия в отрыве от главных сил армии.

Часть первая Искусство сеять ветер

Термитный дождь

В тот же день, когда передовые отряды столкнулись с противником, С.К. Тимошенко подписал оперативную директиву № 0023/оп, в которой определил задачи войск фронта. Цели немецкого командования на Сталинградском направлении были в ней определены следующим образом: «Наиболее вероятно, что противник в ближайшее время, после подхода оперативных резервов, поставит перед собой задачу овладения районом Сталинград и выхода на Среднюю Волгу». Соответственно задачей фронта было «во что бы то ни стало сохранить за собой район Сталинграда и подготовить силы для контрудара в западном и юго-западном направлениях».

Согласно директиве Тимошенко, 63-я и 38-я армии занимали рубеж реки Дон. 21-я армия была выведена в резерв фронта и переформировывала остатки соединений в четыре стрелковых дивизии. Прикрывать Сталинград с запада должны были 62-я и 64-я армии.

62-я армия в составе 33-й гвардейской, 192, 181, 147, 196 и 184-й стрелковых дивизий, 644, 645, 648, 649, 650 и 651-го отдельных танковых батальонов, 1185, 1186, 1183, 508, 652, 614, 555 и 881-го легкоартиллерийских полков РГК, четырех дивизионов бронепоездов (восемь БЕПО), четырех полков курсантских училищ занимала оборону на рубеже Малоклетский, Евстратовский, Калмыков, Слепихин, Суровкино.

64-я армия в составе 214, 29, 229 и 112-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых бригад, 40-й и 137-й танковых бригад, четырех артиллерийских полков, двух артполков ПТО РГК, двух дивизионов бронепоездов и четырех полков курсантов должна была занять и оборонять рубеж Верхне-Осиновский, Сысойкин, Пристенковский и далее по восточному берегу р. Дон до Верхне-Курмоярской (примыкая левым флангом к Северо-Кавказскому фронту).

В резерв фронта были выделены 18-я стрелковая дивизия с 133-й танковой бригадой (четыре роты КВ) и 131-я стрелковая дивизия с 158-й танковой бригадой (четыре роты КВ). Также резервом

фронта был 3-й гв. кавкорпус, располагавшийся в районе Калача.

Директива Тимошенко давала пока еще только контуры строящейся обороны на дальних подступах к Сталинграду. На момент появления директивы 64-я армия еще находилась в процессе сосредоточения. К 20 июля только 154-я морская бригада и 29-я стрелковая дивизия вышли в назначенные районы обороны.

Однако руководить обороной Сталинграда С.К. Тимошенко не довелось. 23 июля 1942 г. он был отозван в распоряжение Ставки, а его место занял В.Н. Гордов. Причины опалы очевидны: неудача Юго-Западного фронта под Харьковом в мае 1942 г., последующее отступление и, наконец, окружение под Миллерово. Истинные масштабы последней катастрофы были выявлены к 20–22 июля, и реакция Верховного на этот промах Тимошенко была предсказуемой. Решение о снятии с должности С.К. Тимошенко было, пожалуй, поспешным и преждевременным. В.Н. Гордов не обладал достаточным опытом для руководства фронтом в тяжелых условиях. Более того, он не справился с этой задачей, и впоследствии двумя фронтами (Сталинградским и Юго-Восточным) руководил А.И. Еременко. Маршал Тимошенко представляется более подходящей фигурой для руководства Сталинградским фронтом, по крайней мере в оборонительной фазе сражения.

В тот же день, когда был отстранен от руководства Сталинградским фронтом С.К. Тимошенко, появилась на свет Директива № 45 Верховного главнокомандующего германских вооруженных сил о продолжении операции «Брауншвейг» (так с 30 июня стала называться операция «Блау»). Относительно плана действий на Сталинградском направлении в ней было сказано: «4. На долю группы армий «Б», как приказывалось ранее, выпадает задача, наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон, нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке.

Вслед за этим танковые моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер» [серая цапля. – *А.И.*], степень секретности – «совершенно секретно, только для командования» [12].

Обычно задача наступать в направлении Сталинграда с целью его захвата связывается именно с этой директивой. Однако в отношении самого Сталинграда она лишь закрепляла ранее принятые на уровне группы армий решения. Так, еще 20 июля 1942 г. оперативный отдел (Ia) группы армий «Б» направил в адрес командования 6-й армии документ за исходящим №2122/42, подписанный Вейхсом, в котором черным по белому было написано следующее:

«Телефонограммой ГА “Б” корпусам 6-й армии поставлена задача использовать нынешнюю слабость противника безостановочным преследованием и оборонять фронт на Дону минимальными силами. Особое внимание уделяется при этом достаточной противотанковой обороне на наиболее угрожаемых переправах.

После захвата Сталинграда задачей 6-й армии станет удержание долговременных позиций между Волгой и Доном, которые позволят неограниченное использование железнодорожной линии Морозовская – Сталинград, а также оборона рубежа Дона от района северо-западнее Сталинграда до левой границы армии.

Оборону южного фронта южнее Сталинграда следует организовать примерно по линии железной дороги Котельниково – Сталинград» [13].

Формулировка «После захвата Сталинграда» (в оригинале *Nach Erreichen von Stalingrad*) не допускает двойного толкования. Решение именно захватить, а не нейтрализовать Сталинград было принято германским командованием, по крайней мере, за три дня до Директивы № 45. Более того, как мы видим из приведенного текста, в штабе группы армий «Б» уже были примерно определены оборонительные рубежи 6-й армии в районе Сталинграда. Однако документ № 2122/42 был отпечатан всего в двух экземплярах (Директива № 45 – в шести) и остался в тени, что позволило впоследствии неограниченно спекулировать на тему непростительных ошибок «бесноватого фюрера».

Также обращают на себя внимание обороты «слабость противника» и «безостановочное преследование». Командование группы армий «Б» на тот момент явно недооценивало советские войска на сталинградском направлении.

План действий, с которым 6-я армия вступила в сражение в большой излучине Дона, был

обрисован в приказе, подписанном Паулюсом 20 июля 1942 г. Если приказ на последний бросок на Сталинград от 19 августа 1942 г. достаточно часто приводится в литературе, то приказ, с которым 6-я армия начала свой поход к городу на Волге, известен в куда меньшей степени. Однако именно он определил то, как началось знаменитое сражение. Характеристика противостоящих советских войск в приказе от 20 июля была, прямо скажем, далека от реальности: «Перед восточным фронтом армии пока только слабый противник с танками» [14]. По показаниям пленных, предполагалось лишь наличие свежих сил на плацдарме в районе Калача. Очевидно, что эти выводы были сделаны по итогам боев с передовыми отрядами. Несмотря на традиционно достаточно резкие оценки действий передовых отрядов Сталинградского фронта, они сыграли определенную роль в окутывании «туманом войны» реальной группировки советских войск в большой излучине Дона.

Сообразно оценке противника в приказе Паулюса была сформулирована задача 6-й армии: «Как можно скорее занять Сталинград, в том числе прочно удерживать железнодорожную линию Морозовская – Сталинград. Основная масса армии незамедлительно наступает на Дон и за него по обе стороны Калача. Часть сил прикрывает северный фланг на Дону» [15].

Здесь вновь нельзя не обратить внимание на формулировку «занять Сталинград», используемую еще до появления Директивы №45.

Главный удар по плану должен был наносить XIV танковый корпус, которому предписывалось «переправиться через Дон по обе стороны Калача и захватить Сталинград». Большое значение придавалось захвату неповрежденными мостов через Дон, особенно железнодорожного моста восточнее Рычева [16] и шоссейного моста у Калача. VIII и LI армейские корпуса должны были прикрывать ударную группировку с севера и юга соответственно. Они также должны были форсировать Дон. Ввиду перспективы форсирования Дона, XIV и LI корпуса уже в начале сражения были значительно усилены инженерными средствами: первый получил 10,5 понтонно-мостовых колонн, второй – 9 понтонно-мостовых колонн, причем 7 из них были подчинены корпусу 23 июля.

22 июля Паулюсу из состава 4-й танковой армии был передан XXIV танковый корпус из одной 24-й танковой дивизии [17]. Именно это можно назвать реальным последствием Директивы № 45. Изменение наряда сил вызвало некоторую корректировку планов, но в целом замысел операции остался прежним – «Наступление через Дон, главный удар по обе стороны Калача». XIV корпус по-прежнему ориентировался на форсирование Дона в районе Калача. Вновь переданное Паулюсу подвижное соединение получило задачу в соответствии с общим замыслом: «24-я тд XXIV тк выходит сначала в район западнее Нижнечирской, чтобы затем, будучи усиленным одной или двумя пд, вместе с XIV тк наступать на Сталинград» [18]. Нижне-Чирская находится намного южнее Калача, и такой выбор направления удара никак нельзя назвать стремлением кого-либо окружить.

Таким образом, достаточно распространенное в литературе мнение, что с самого начала Паулюс планировал сражение на окружение в большой излучине Дона со смыканием «клещей» в районе Калача, представляется недостаточно обоснованным и противоречащим оперативным документам 6-й армии. Этому противоречит даже распределение средств усиления (для сражения на окружение понтонно-мостовые колонны в таких количествах не нужны). План 6-й армии на начало Сталинградской битвы можно охарактеризовать как «кавалерийский наскок» – быстрый прорыв к городу на Волге через Дон. Объяснить это можно тем, что с точки зрения штаба 6-й армии она находилась на внешнем фронте окружения под Миллерово, серьезного сопротивления позади окруженных армий Юго-Западного фронта не ожидалось.

Оптимистичная оценка противника сохранялась до самого последнего момента. Так, даже в записи в КТВ ОКВ от 23 июля советские силы в большой излучине Дона оценивались следующим образом: «По данным разведки и воздушного наблюдения, противник выгрузил в районе нп Калач (75 км западнее г. Сталинград) дивизию с танками в количестве до 200 единиц. Эта дивизия имеет приказ задержать наступление немецких сил с запада на рубеж р. Лиска, чтобы выиграть время для создания оборонительного рубежа между р. Дон и р. Волга». То есть вместо шести дивизий 62-й армии предполагалось наличие всего одной дивизии на подступах к Калачу.

Армии Сталинградского фронта занимали к 23 июля положение, в целом соответствующее директиве № 0023/оп (см. выше). Рассмотрим их расположение поподробнее.

63-я армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова по левому берегу Дона на участке Бабка, устье реки Медведица, общим протяжением около 300 км;

21-я армия – восточнее 63-й армии на фронте свыше 60 км до Клетской;

62-я армия генерал-майора В.Я. Колпакчи развернулась на 100-километровом участке фронта от Клетской до Суровикино;

64-я армия генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова развернулась южнее 62-й армии и обороняла 80-километровый участок от Суровикино до Верхне-Курмоярской, имея свой левый фланг на восточном берегу р. Дона.

Численность соединений экс-резервных армий находилась на высоком уровне. Так, в 62-й армии численность личного состава соединений колебалась от 11 428 человек (196-я сд) до 12 903 человек (184-я сд) при штатной численности 12 807 человек. Соответственно в 64-й армии численность дивизии находилась в пределах от 10 795 человек (131-я сд) до 12 768 человек (112-я сд). Для сравнения: 300-я стрелковая дивизия насчитывала 844 человека, а 304-я – 1100 человек. Комплектность вооружением была удовлетворительной. Винтовок и пистолетов-пулеметов было близкое к штатному количество. Причем винтовок немного не доставало, а пистолетов-пулеметов было даже в избытке. Хуже было с пулеметами: станковых пулеметов было примерно три четверти от штата, а ручных – две трети. Зато количество минометов во всех дивизиях двух экс-резервных армий даже превышало штатную численность вооружения этого типа.

Соединения резервных армий формировались по новому штату № 04/200 от 18 марта 1942 г. По сравнению с предыдущим, декабрьским 1941 г. штатом № 04/750 вырос численный состав дивизий, возросло количество полевых орудий, пулеметов и противотанковых ружей.

Одновременно приходится констатировать, что чуда не произошло и замена окруженных под Миллерово войск на резервные армии не была равноценной. Дело даже не в боевом опыте частей: Юго-Западным фронтом была в основном потеряна артиллерия усиления. Прибывшие армии располагали лишь штатной артиллерией дивизий и усиливались только противотанковыми и зенитными полками. Если в марте 1942 г., еще до Харьковской катастрофы, Юго-Западный фронт располагал 117 152-мм пушками-гаубицами и 40 152-мм гаубицами 09/30 гг. и 25 152-мм гаубицами 1938 г. [19], то по состоянию на 20 июля в войсках Сталинградского фронта имелось всего 21 орудие калибром 152 мм всех типов [20]. Причем концентрировалась эта артиллерия в выводимых на укомплектование 28-й и 38-й армиях. Для сравнения: только в пехотных дивизиях 6-й армии было 144 150-мм полевых гаубиц. Артиллерии большой мощности (обычно в этом качестве в КА выступали 203-мм гаубицы) в составе Сталинградского фронта не имелось вовсе.

Артиллерия каждой из стрелковых дивизий резервных армий состояла по штату из 44 полевых орудий: 12 76,2-мм полковых пушек, 20 76,2-мм дивизионных пушек и 12 122-мм гаубиц. В большинстве случаев наличное количество соответствовало штату. Однако при этом советские дивизии не располагали 150–152-мм гаубицами, которые имелись в каждой немецкой дивизии.

Если посмотреть на карту и соотнести обороняемый фронт с наличными силами, то у Сталинградского фронта не было почти никаких шансов сдержать сильный удар противника. Резервные армии прикрыли крупную брешь в построении советских войск, и они не могли прикрыть ее с достаточной плотностью. Южный фронт, ранее занимавший оборону примерно на широте Сталинграда, теперь развернулся фронтом на север и отходил на Кавказ. Перед наступающими на восток немцами словно отворилась дверь.

Выстраивание нового фронта было непростой задачей. Даже при выдвижении всех дивизий в один эшелон плотность обороны составляла примерно 17 км на дивизию. В действительности же оборона требует эшелонирования и выделения части сил в резерв для парирования кризисов. В 62-й армии 33-я гв. стрелковая дивизия, 192, 181, 147 и 196-я стрелковые дивизии занимали оборону на назначенном фронте в 100 км, 184-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне. В каждой стрелковой дивизии первой линии два полка были в первом эшелоне и один – во втором.

Повысить устойчивость обороны можно было, угадав направление удара и уплотнив войска на нем. Командующий 62-й армией В.Я. Колпакчи сосредоточил усилия обороны на левом фланге армии, закрывая направление, по которому Сталинград достигался по кратчайшему расстоянию. Соответственно уплотнение на левом фланге было достигнуто за счет растягивания фронта 192-й стрелковой дивизии на правом фланге 62-й армии. Выведенная во второй эшелон 184-я стрелковая дивизия также располагалась за левым крылом 62-й армии, поперек железной дороги. Оставалось только надеяться, что именно это направление будет избрано противником.

Надо сказать, что советское Верховное командование трезво оценивало возможности удержания широкого фронта резервными армиями. Еще до формирования Сталинградского фронта

Ставка сняла дивизии с Дальнего Востока. 8 июля 1942 г. директивой Ставки № 9944101 командующему Дальневосточным фронтом приказывалось:

«1. Отправить из состава войск Дальневосточного фронта в резерв Верховного Главнокомандования следующие стрелковые соединения:

205-ю стр. дивизию – из Хабаровска; 96-ю стр. дивизию – из Куйбышевки, Завитой; 204-ю стр. дивизию – из Черемхово (Благовещенского); 422-ю стр. дивизию – из Розенгартовки; 87-ю стр. дивизию – из Спасска; 208-ю стр. дивизию – из Славянки; 126-ю стр. дивизию – из Раздольного, Пуциловки; 98-ю стр. дивизию – из Хороля; 250-ю стр. бригаду – из Биробиджана, 248-ю стр. бригаду – из Закандворовки, Приморья; 253-ю стр. бригаду – из Шкотово.

2. Отpravку соединений начать 10.07.1942 г. и закончить 19.07.1942» [21].

Солдатам и офицерам с Дальнего Востока, до этого лишь жадно вслушивавшимся в сводки Совинформбюро, теперь предстояло попасть в самое пекло. С большинством перечисленных соединений нам вскоре предстоит встретиться. Они прибыли в разгар сражения и использовались на разных направлениях.

К началу наступления на Сталинград немецкая 6-я армия являлась сильнейшей на Восточном фронте, ее численность составляла около 320 тыс. человек. Только 18-я армия под Ленинградом могла похвастаться сравнимой численностью – 306 тыс. человек, остальные до 300 тыс. человек даже не дотягивали. Произошло это вследствие постепенного усиления находящихся в подчинении Ф. Паулюса войск: сначала ей были переданы VIII и LI армейские корпуса из 4-й танковой армии, XIV танковый корпус с двумя дивизиями – из 1-й танковой армии, затем XXIV танковый корпус (24-я тд) из 4-й танковой армии.

Однако эти приведенные цифры целесообразно использовать в сравнении с другими германскими армиями. Если же ставится задача сравнения с советскими войсками, то необходимо использовать другие цифры, более близкие к методике подсчета Красной армии. В данном случае наиболее информативным является так называемое «число рационов», за вычетом находящихся на довольствии армии военнопленных. Согласно донесению обер-квартирмейстера 6-й армии, на 20 июля 1942 г. ее численность в расчете на число рационов составляла 443 140 человек. Эта величина раскладывалась по следующим позициям [22].

	Людей	Лошадей
Армия	358 350	100 050
Люфтваффе	40 000	–
Иностранные формирования (хорваты, словаки, венгры)	6 600	800
Немецкий вольнонаемный состав	16 750	–
Иностранный вольнонаемный состав	8 350	–
Военнопленные	12 910	
Всего	443 140	100 850

Эти данные показывают, что иногда встречающаяся в отечественной литературе численность 6-й армии в 270 тыс. человек [23] не в полной мере отражает состояние армии Паулюса перед началом сражения. В действительности эта величина ближе к 400 тыс. человек, даже без учета XIV и XXIV танковых корпусов. Для сравнения: по состоянию на 20 июля 1942 г. Сталинградский фронт насчитывал 386 365 человек, включая тыловые части и учреждения, в том числе 29 947 человек приходилось на 8-ю воздушную армию [24]. Боевые войска фронта насчитывали 298 895 человек и 45 577 лошадей [25]. Сравнивая эти величины, можно уверенно сделать вывод о том, что ни о каком количественном превосходстве советских войск над противником говорить не приходится, по крайней мере в начале сражения.

Важным событием в преддверии сражения за Сталинград для 6-й армии стало получение 75-мм противотанковых пушек двух типов: 75-мм ПАК-40 и 75-мм ПАК-97/38 (до этого пехотные дивизии

75-мм противотанковых пушек не имели). Орудия прибыли несколькими эшелонами в период с 23 мая по 24 июня 1942 г., всего было получено 111 ПАК-40 и 63 ПАК-97/38 [26] .

Вскоре новые орудия были опробованы в деле. 75-я пехотная дивизия 6-й армии отчиталась об уничтожении в боях 13–19 июля 1942 г. 59 советских танков (4 КВ, 4 легких и 51 Т-34), из которых 30 машин были уничтожены силами противотанкового дивизиона с 75-мм пушками [27] и еще 8 машин – 177-м батальоном штурмовых орудий [28] . Отзывы о новых орудиях по итогам этих боев были если не восторженными, то в целом позитивными, несмотря на неизбежные «детские болезни»:

«Эффективность 7,5-см ПАК-40 великолепная, однако во многих случаях возникали проблемы с заряджанием и другие неисправности орудий, о которых еще будет подробно доложено.

Эффективность ПАК-97/38 с кумулятивным снарядом также была хорошей, не считая случая с восемью попаданиями в КВ-1, ни одно из которых не пробilo броню, как и попадания в тот же танк из штурмовых орудий теми же боеприпасами» [29] .

75-мм противотанковая пушка ПАК-40 на позиции. Перевооружение дивизий 6-й армии пушками ПАК-40 и ПАК-97/38 существенно повысило их противотанковые возможности

Оснащение всех пехотных дивизий армии Паулюса 75-мм ПАК-40 и ПАК-97/38 означало качественный скачок в ее противотанковых возможностях. Теперь войска уже практически не зависели от наличия 88-мм зениток и выучки солдат. Борьба с советскими танками становилась в большей степени ремеслом, чем искусством. Советские танковые атаки без подавления ПТО артиллерией практически обрекались на неудачу. Однако поначалу серьезной проблемой новых немецких противотанковых средств стали боеприпасы. В войска даже была разослана директива, в которой указывалось: «Боеприпасы позволено выпускать только по тяжелейшим танкам, поскольку доставка в течение ближайших месяцев будет происходить лишь в минимальных объемах» [30] .

Непосредственно перед наступлением на Сталинград 6-я армия также была обильно усилена тяжелой артиллерией. По состоянию на 24 июля в качестве средств усиления в ее составе имелось пять дивизионов 210-мм гаубиц (около четырех десятков стволов), три дивизиона 105-см пушек и четыре дивизиона 150-мм гаубиц sFH18.

Состояние танкового парка 6-й армии показано в таблице.

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВОГО ПАРКА 6-й АРМИИ НА 21 ИЮЛЯ 1942 г. [31]

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	7,62cm Sfl1	Vсего
16 тд	—	17	70	7	15	—	109
60 мд	16	—	34	—	4	8	62
3 мд	10	—	28	—	4	4	46

Входившие в состав XIV танкового корпуса 12 САУ – истребителей танков (7,62-cm Sfl1) представляли собой 76,2-мм трофейные советские орудия, модернизированные и смонтированные на шасси устаревших танков Pz.II. Уже после начала сражения 6-й армии была передана 24-я танковая дивизия. Согласно донесению от 26 июля, она насчитывала 6 Pz.II, 5 Pz.IIIkurz, 72 Pz.IIIlang, 6 Pz.IVkurz, 3 Pz.IVlang [32] .

Помимо танков, в состав 6-й армии входили батальоны штурмовых орудий. Согласно донесению от 24 июля, в 244-м батальоне «Штурмгешюцев», подчиненном XIV танковому корпусу, насчитывалось 17 StuGIII, в 177-м батальоне, подчиненном VIII корпусу, – 11 StuGIII lang и 5 StuGIII kurz [33] .

В поисках «креатива». Осознавая сложности с построением прочной обороны на месте рухнувшего фронта, советское командование усилило армию Колпакчи танками и противотанковыми средствами. Своеобразие составу 62-й армии придавали сильные отдельные танковые батальоны, в составе 42 танков каждый (21 средний и 21 легкий танк). Они были приданы по одному на каждое соединение 62-й армии, за исключением 196-й стрелковой дивизии. Ни одна другая армия не имела отдельные танковые батальоны в такой пропорции: по одному на каждую дивизию. Также каждая стрелковая дивизия 62-й армии была усилена истребительно-противотанковым полком (по 20 орудий).

210-мм немецкая гаубица Moerser 18. Армия Ф. Паулюса была значительно усилена орудиями этого типа перед началом битвы за Сталинград. Орудие было способно забрасывать 113-кг снаряды на 16 700 метров

В сущности, даже высланные передовые отряды были попыткой советского командования найти некое решение проблемы прогнозирования действий противника. Нужен был некий «креатив», «кунштштюк», и таковым стали передовые отряды. Теоретически они могли, во-первых, задержать противника, заставить двигаться в боевых и предбоевых порядках, а не в маршевых колоннах. Во-вторых, они могли нащупать действительно сильную группировку противника и выявить направление ее движения. Нельзя назвать эту задумку удачной. Глубина задачи передовых отрядов (ПО) от переднего края рубежа обороны на участке 192-й стрелковой дивизии составляла 88 км, 33-й гв. стрелковой дивизии – 66 км, 147-й стрелковой дивизии – 82 км. Для стрелковых соединений это было очень большое расстояние. Маневренность, вследствие отсутствия автомашин, у отрядов была низкая. При этом в передовые отряды выделялось до 25% сил дивизий со средствами усиления. Вступив в соприкосновение с отрядами, немцы сковали их с фронта небольшими силами и обошли с флангов. В итоге передовые отряды были поодиночке разгромлены двигающимися на восток немцами. Остатки их хаотично отошли мелкими группами на передний край обороны. Так, ПО 33-й гв. стрелковой дивизии отошел в полосу 192-й стрелковой дивизии. Офицер Генерального штаба КА в 62-й армии майор Кордовский писал о действиях передовых отрядов в своем докладе А.М. Василевскому следующее: «В результате высылки ПО на большое удаление, армия потеряла большое количество живой силы и мат. части до начала боя на переднем крае. ПО свою основную задачу выполнили очень мало» [34]. Нормальной альтернативой передовым отрядам была эффективная авиаразведка. Однако, похоже, Верховное командование Красной армии не особо доверяло «сталинским соколам», сплошь и рядом ошибавшимся с идентификацией наземных целей. Прощупать противника выдвижением небольших подразделений казалось более надежным способом определения его группировки и планов.

Надо сказать, что история с передовыми отрядами 62-й армии – это камешек в огород сторонников стратегии «глубокого предполья» в качестве средства эффективной обороны границы в 1941 г. Попытка сдерживать продвижение немцев небольшими отрядами в пространстве между старой и новой границами привела бы к точно такому же результату, как действия ПО под Сталинградом. Сдерживать врага на время, достаточное для развертывания главных сил, маленькие отряды не могут. Входящие в их состав части будут уничтожены и тем самым вырваны из рядов сражающейся армии. Пешие отряды обладают ничтожной подвижностью, а моторизованные являются непроизводительной тратой сил. Идею предполья глубиной в 100–300 км перед главной полосой обороны следует уверенно отнести к разряду утопий.

Танки Т-34 и тягачи СТЗ-5 на площадке СТЗ, лето 1942 г. Работающий на полную мощность танковый завод был существенным подспорьем для защитников Сталинграда. Хорошо видны характерные приметы машин военного времени: катки без резиновых бандажей, одна фара, упрощенная маска пушки

«В качестве мощного резерва...» Потеря передовых отрядов была не самой большой проблемой Сталинградского фронта. Он был лишен возможности действовать активно, т.е. наступать. Это развязывало руки противнику в нанесении ударов по линии обороны советских войск в излучине Дона. Командующий 6-й армией Ф. Паулюс мог выбрать любую точку на фронте 62-й или 64-й армии и ударить по ней, оставив на остальном своем фронте лишь жидкую завесу. Растягиваться в завесу с сосредоточением кулака в условиях вынужденной пассивности советских войск немецкая 6-я армия могла совершенно безнаказанно. При умеренной плотности построения, 62-я армия просто не могла ни собрать ударного кулака, ни выстроить устойчивый фронт обороны своими силами. Единственной надеждой обороняющихся было создание крупных подвижных резервов, которыми можно было бы маневрировать вдоль фронта и наносить контрудары по прорвавшемуся противнику. Формально маневренное соединение для парирования возникающих кризисов в составе 62-й армии присутствовало. Командование Сталинградского фронта приказом № 0095/оп от 23 июля передало в распоряжение командующего 62-й армией 13-й танковый корпус «в качестве мощного резерва против прорывающихся танков противника». На тот момент в состав 13-го танкового корпуса входили 163, 166 и 169-я танковые бригады и 20-я мотострелковая бригада (в составе одной роты). Возглавлял корпус с 17 июля полковник Т.И. Танасчишин, до этого командовавший только бригадой. Он заменил погибшего в начале июля комкора-13 генерал-майора П.Е. Шурова. Если опираться только на число танков, то 13-й танковый корпус был серьезным аргументом против прорывов противника. К началу боев в трех его бригадах насчитывалось 94 Т-34, 63 Т-70 и 10 бронемашин [35]. Танки равномерно распределялись по бригадам, по 32 Т-34 и 21 Т-70. Только в 166-й танковой бригаде недоставало двух танков Т-34, оставленных в пункте формирования вследствие технических неисправностей.

Однако как целостный организм 13-й танковый корпус никак не заслуживал оценки «отлично». Когда читаешь документы корпуса, возникает устойчивое чувство дежавю с мехкорпусами 1941 г. В докладной записке по вопросу укомплектования 13-го танкового корпуса его командир характеризовал подготовку своих танкистов следующим образом: «Укомплектованность удовлетворительная, но механики-водители танков имеют только по 3–5 часов вождения. Крайне необходимо чтобы в корпусе было хотя бы 30 механиков-водителей со стажем 30–50 часов» [36]. Те же несколько часов вождения на танках новых типов часто присутствуют в описаниях действий советских мехчастей в июне 1941 г. Например, командир 8-го механизированного корпуса Д.И. Рябышев в отчете по итогам боевых действий корпуса под Дубно писал: «Водительский состав боевых машин КВ и Т-34 в своем большинстве имел стаж практического вождения от 3 до 5 часов» [37].

Такое же чувство дежавю оставляет описание состояния 20-й мотострелковой бригады. О ней Танасчишин высказался следующим образом: «Личным составом бригада укомплектована на 27,2%. [...] Без полного укомплектования личным составом, особенно мотострелковых батальонов, бригада небоеспособна. Укомплектованность материальной частью не дает возможность поднимать бригаду даже в два приема» [38]. Командир корпуса ничуть не лукавил. 20-я мотострелковая бригада насчитывала к 22 июля 1942 г. 857 человек вместо 3258 человек по штату, автотранспорт бригады составляли всего 70 грузовиков [39]. Таким образом, мотопехота у корпуса была слабая, что не могло не сказаться на эффективности его действий. Также в корпусе не было дивизиона РС, а артиллерия насчитывала всего шестнадцать 76-мм пушек и четыре 45-мм пушки. В сравнении со средней немецкой танковой дивизией со 105-мм и 150-мм гаубицами в арtpолку и сильным мотопехотным звеном советский танковый корпус смотрелся довольно бледно. Таким образом, 62-я армия вступила в сражение, имея в качестве подвижного резерва достаточно слабое в пехотном и артиллерийском отношении соединение.

От танкового корпуса к танковой армии. Один танковый корпус в любом случае был не самым надежным средством для удержания достаточно широкого фронта. Наряду с ограниченными (в сравнении с аналогичными соединениями немцев) боевыми возможностями, имелись вполне очевидные ограничения с точки зрения масштабов его использования. Взваливать на командующих армиями задачу управления несколькими корпусами было немилосердно. Они и с одним подвижным соединением не всегда справлялись. Крупное же оборонительное сражение требовало ввода против немецкого прорыва двух-трех танковых корпусов в одном районе. Соответственно, управлять ими

нужно было на уровне фронта с промежуточной армейской инстанцией (необходимость поддерживать тылы корпусов, связь и т.п.). Поэтому в недрах советской военной машины зрело более перспективное решение – формирование танковых армий.

Кто был автором идеи создания танковых армий на Сталинградском фронте, пока не ясно. Самым ранним документом, обнаруженным автором, в котором озвучивается эта идея, является шифровка Федоренко Сталину от 17 июля 1942 г. Он пишет: «[В] Районе Сталинграда крайне необходимо создать одну танковую армию [в] составе: трех танковых корпусов, одной отдельной танковой бригады, двух стрелковых дивизий, двух полков ПТО, двух полков ПВО» [40] . Предполагаемым сроком готовности танковой армии Федоренко предлагал назначить 1 августа. Такой срок формирования был относительно реалистичным, особенно с учетом того, что управление танковой армии предлагалось развернуть на базе управления одной из общевойсковых армий бывшего Юго-Западного фронта. Предложение Федоренко было достаточно разумным. Трехкорпусной состав танковой армии с отдельной танковой бригадой стал фактически стандартом Красной армии заключительного периода войны в 1945 г. Отказались в 1944–1945 гг. от включения в состав танковых армий стрелковых дивизий, была найдена замена в лице механизированных корпусов с сильной мотопехотной составляющей. Также с самого начала Федоренко заложил в состав танковой армии отдельную танковую бригаду для решения частных задач без раздвигания танковых корпусов. Отдельная танковая бригада в прямом подчинении командарма станет неотъемлемой частью танковой армии в 1944–1945 гг.

Вопрос о том, быть или не быть танковым армиям в составе Сталинградского фронта, был решен несколькими днями спустя. В ходе переговоров по прямому проводу между И.В. Сталиным и командованием фронта вечером 23 июля Верховным был утвержден представленный план формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий. Они формировались по оперативной директиве № 0096/оп от 0.23 24 июля штаба Сталинградского фронта. Каждая из армий должна была состоять из двух танковых корпусов, трех стрелковых дивизий, двух артиллерийских полков ПТО с 76-мм орудиями, двух полков ПВО и одного гвардейского минометного полка. 1-я танковая армия должна была быть сформирована к 26 июля, а 4-я танковая армия – к 1 августа. Управления армий создавались из управлений 38-й и 28-й армий. Соответственно танковые армии унаследовали командармов от общевойсковых армий. Командующим 1-й танковой армией стал генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко, а его заместителем – генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин. Командующим 4-й танковой армией стал В.Д. Крюченкин, а его заместителем – генерал-майор танковых войск Н.А. Новиков. Остатки соединений двух армий, пробившихся из окружения у Миллерово, передавались 21-й армии.

Командующий 4-й танковой армией В.Д. Крюченкин и заместитель командующего Сталинградским фронтом по автобронетанковым войскам А.Д. Штевнев

В подчинение 1-й танковой армии передавались 13-й и 28-й танковые корпуса, а в подчинение 4-й танковой армии – 22-й и 23-й танковые корпуса. Из шести стрелковых дивизий, запланированных для включения в состав новых армий, только 131-я стрелковая дивизия из резерва фронта уже с 20.00 24 июля передавалась 1-й танковой армии. Остальные пять дивизий должны были прибыть из резерва Ставки. 26–27 июля в район Сталинграда прибывали с Дальнего Востока 126, 204, 205, 321, 399 и 422-я стрелковые дивизии. Именно их предполагалось использовать для новых формирований. 1-я танковая армия сосредотачивалась в районе переправы через Дон у Калача, а 4-я танковая армия – на ближних подступах к Сталинграду у Воропоново. Так советское командование создавало резервы, которыми можно было наносить удары из глубины или, в худшем случае, прикрывать жизненно важные пункты от немедленного захвата прорвавшимся противником. В худшую сторону от немецких танковых корпусов советские танковые армии раннего типа отличались меньшим числом артиллерии и ее меньшей мощностью. Также в Красной армии отсутствовали как класс соединения, подобные немецкой моторизованной дивизии. Чаще всего в немецком танковом корпусе было три механизированных соединения, две танковых дивизии и одна моторизованная или же две моторизованных и одна танковая.

Однако времени на строительство танковых армий или даже на доведение до близкой к штатам численности 13-го танкового корпуса у командования Сталинградского фронта уже не было. В отличие от Курской дуги в 1943 г., где в качестве подпорок обороны у Центрального и Воронежского фронтов было по танковой армии, Сталинградский фронт начал боевые действия только с пакетом бригад, объединенных управлением 13-го танкового корпуса и несколькими танковыми батальонами, рассеянными по стрелковым дивизиям. Через 11 дней после образования нового фронта на 62-ю армию обрушились первые удары идущих к Сталинграду немецких войск.

Паровой каток . Если называть вещи своими именами, то подвижные соединения немецкого XIV корпуса наступали так, будто на их пути вообще не было никакой линии обороны,

перекрывавшей большую излучину Дона. В ЖБД 6-й армии первое столкновение с линией обороны 62-й армии описывалось следующим образом: «XIV тк начал наступление в 2.30 [23 июля]. В полосе XIV тк 16-я тд в 6.00 вела бой с вражескими арьергардами северо-западнее Кисилева» [41]. То есть свежие силы противника поначалу оценили как арьергарды отходящих частей. Только позднее части атакованной 33-й гв. дивизии оценили как «усиливающегося» противника. Также необходимо отметить, что позиции соединений 62-й армии были атакованы одновременно: 3-я и 60-я моторизованные дивизии ранним утром 23 июля находились еще к югу от Серафимовича. Эти два соединения атаковали и прорвали оборону 62-й армии лишь около полудня.

На руку немцам сыграло то, что на правом фланге 62-й армии на широчайшем фронте 42 км занимала оборону 192-я стрелковая дивизия, а слева от нее – 33-я гв. стрелковая дивизия на фронте 18 км. Обе дивизии к тому же были ослаблены примерно на треть высылкой передовых отрядов. В результате «невыгодный, плоский, танкодоступный и открытый» рубеж обороны на правом фланге 62-й армии был прорван в нескольких точках и три немецких подвижных соединения вышли в ее тыловые районы.

Однако этот прорыв не был похож на обычные для 1941–1942 гг. прорывы советского фронта. Прежде всего, отсутствовали пехотные дивизии, которые расширяли и удерживали основание прорыва. За спиной XIV корпуса оставались наступавшие на широком фронте 113-я и 100-я пехотные дивизии. В результате пробитые в советской обороне бреши сомкнулись, по крайней мере частично. Как указывалось в утренней оперативной сводке Сталинградского фронта от 24 июля, «несмотря на прорыв отдельных групп танков противника, фронт, занимаемый нашей пехотой, удерживается на прежнем рубеже» [42]. Результаты не заставили себя ждать. Как указывалось в ЖБД 6-й армии 24 июля, наступавшая по пятам танков 113-я пехотная дивизия столкнулась «с крупными силами противника, который оказывает упорное сопротивление на позициях, прикрытых минными полями, при поддержке многочисленных танков» [43]. В 18.00 24 июля в ЖБД 6-й армии появляется запись: «XIV тк докладывает по радио: наступление подвижных дивизий остановилось из-за нехватки горючего» [44]. Также 16-я танковая дивизия радиовала о том, что «конвой с горючим уничтожен противником». Эта дивизия оказалась в наихудшем положении, 3-я и 60-я моторизованные пробивались через менее плотный фронт.

Как это часто бывает в оборонительных операциях, некоторый разброд и шатание внесла неопределенность планов противника. Наступавшая на юг 4-я танковая армия Г. Гота 22 июля форсировала Дон у Цимлянкой. Это событие сразу же приковало внимание Ставки и двух смежных фронтов. Штаб Сталинградского фронта боевым распоряжением № 0091/оп от 7.25 23 июля, адресованным командованию 8-й воздушной армии, нацеливает авиацию на удары по переправам: «С утра 23.7 переключить главные усилия всех сил боевой авиации, днем и ночью на уничтожение переправ противника через р. Дон на участке Филипповская, Романовская, не допуская ни при каких условиях переправы артиллерии на южный берег р. Дон». Более того, Гордов предписывает принять немедленные меры по перебазированию части ВВС Сталинградского фронта на территорию Северо-Кавказского фронта, «с тем чтобы сократить радиус полета и увеличить количество ударов авиации по противнику». Эти действия существенно ослабили авиацию фронта на направлении удара XIV моторизованного корпуса 6-й немецкой армии.

В вечернем разговоре 23 июля по прямому проводу с командованием Сталинградского фронта Верховный высказался о сложившейся обстановке так: «Противник выброской своих частей в район Цимлы отвлек наше внимание на юг, и в это самое время он подводил потихоньку главные силы к правому флангу фронта. Эта военная хитрость противнику удалась благодаря отсутствию у нас надежной разведки».

С тем же успехом упрек в отсутствии «надежной разведки» можно адресовать штабу Паулюса и группы армий «Б» в целом. Однако сражение еще только начиналось. Доложив Сталину обстановку, Гордов сообщил о принимаемых командованием фронта мерах: «62-я армия в этой обстановке проводит следующие мероприятия: имеющиеся в ее распоряжении танки, РС и ап ПТО сосредоточивает на фронт 33 [гв. стрелковой дивизии] для воспреещения танковых атак противника; 184 сд выводит на правый фланг для уплотнения боевого порядка 192 сд на участке Евстратовский, Калмыков; 196 сд, смененную частями 64-й армии, выводит в резерв за центром армии. 50% ВВС фронта с утра 24 [июля] направляется на фронт 62-й армии для противодействия и ликвидации атак противника» [45].

Таким образом, предполагалось перестроить порядки армии для парирования удара по слабому правому флангу. Оставшиеся 50% сил ВВС фронта Гордов предполагал использовать против переправ у Цимлянской и Николаевской, т.е. некоторая инерция планов еще сохранялась. Сталин не поддержал это решение, указав на правый фланг фронта как самое важное направление, требующее сосредоточения всех сил. Завершил Верховный свой разговор с командованием Сталинградского фронта предупреждением относительно нового командующего: «Передайте Гордову следующее: имейте в виду, что Колпакчи очень нервный и впечатлительный человек, хорошо бы направить к Колпакчи кого-либо покрепче для поддержания духа, а если Гордов сам выедет к нему, будет еще лучше». В итоге командование фронта получило сверху, прямо скажем, нелестную характеристику командующих обеих армий на Сталинградском направлении. Надо сказать, что Ставка не ограничивалась заметками фенолога. После того как стало ясно, что противник развивает наступление на сталинградском направлении, на фронт были направлены генералы А.И. Лопатин и М.С. Шумилов.

Обе стороны оказались в довольно странном положении. Как XIV корпус в глубине советской обороны, так и правофланговые соединения 62-й армии оказались с частично блокированными путями подвоза в отсутствие сплошного фронта. Положение немцев несколько сглаживалось снабжением по воздуху (запрос на него в группу армий был отправлен после получения вышеозначенной радиограммы 16-й тд). При этом как советские войска в излучине Дона, так и передовые соединения армии Паулюса постепенно усиливались за счет подтягивания свежих сил из глубины. Вопрос был в том, кто быстрее добьется решительного результата и быстрее введет в бой подходящие соединения.

«**Мощное средство для контрударов**». Вследствие прорыва противника на правом фланге 62-й армии 13-й танковый корпус вступил в бой еще до завершения формирования танковых армий, вечером 23 июля он был передан 62-й армии. Изначально корпус сосредотачивался на ожидавшемся направлении главного удара противника, примерно на оси идущей к Сталинграду железной дороги 62-й армии. Поэтому 23 июля он избежал столкновения с прорывающимися к Калачу немецкими мехсоединениями. Однако уже 24 июля 13-й танковый корпус принял участие в «запечатывании» фронта после прорыва немецкой 16-й танковой дивизии. Корпус силами 166-й и 169-й танковых бригад нанес контрудар в районе Первомайского, остановив продвижение 113-й пехотной дивизии и заявив об уничтожении, в числе прочего, «автомашин с горючим и боеприпасами» – тот самый уничтоженный конвой.

163-я танковая бригада была выведена в резерв командарма-62 и очень скоро была использована по прямому назначению. Боевая группа 16-й танковой дивизии распространилась глубоко в тыл 62-й армии, выйдя к Качалинской и создав угрозу штабу армии и коммуникациям не только 33-й гв. стрелковой дивизии, но и еще даже не атакованной с фронта 181-й стрелковой дивизии. Жертвой немецких подразделений в Качалинской вскоре стали две автомашины самого 13-го танкового корпуса.

Угрозу тыловым коммуникациям следовало ликвидировать. Соответственно 163-я бригада выдвинулась для контрудара по прорвавшемуся противнику. Первый натиск на Качалинскую был неудачным, потери бригады 24 июля составили 10 Т-34 и 6 Т-70 [46]. Успех немецкого передового отряда в немалой степени объясняется эффективной поддержкой с воздуха. Так, в ЖБД 6-й армии в записи за 25 июля утверждается: «Противник неоднократно атаковал боевую группу в районе Качалинской с северо-востока при поддержке танков, которые удалось отразить при помощи “Штук” [47]. Так или иначе, 13-й танковый корпус вступил в сражение в весьма своеобразной обстановке, когда разные его бригады действовали в противоположных направлениях: две фронтом на запад и одна фронтом на восток.

Однако проблемы в районе Качалинской, в тылу соединений в центре боевого порядка 62-й армии бледнели в сравнении с тем, что происходило на ее правом фланге. Прорыв в район к северо-западу от Калача подвижных соединений XIV танкового корпуса привел к тому, что 184-я, 192-я стрелковые дивизии, полк 33-й гв. стрелковой дивизии и 40-я танковая бригада оказались глубоко охвачены с флангов. Кроме того, в результате прорыва немцев к Верхне-Бузиновке был разгромлен штаб 192-й стрелковой дивизии, командир дивизии полковник А. С. Захарченко был убит в бою. Для координации действий окруженных соединений в «котел» был отправлен самолетом начальник оперативного отдела 62-й армии полковник К. А. Журавлев. Прибыв на место, он

установил связь со штабом армии по радиации 40-й танковой бригады и уже 25 июля взял управление окруженными войсками на себя. Так была образована так называемая группа полковника Журавлева. В ее состав вошли 676, 662, 427, 753, 294 и 297-й стрелковые полки, 88-й и 84-й гвардейские стрелковые полки, 616-й артополк, 1177-й и 1188-й ИПТАП, 40-я танковая бригада и 644-й отдельный танковый батальон.

Если бы окружение советских дивизий являлось частью плана наступления 6-й армии, то образовавшийся «котел» вряд ли вызвал проблемы. Однако в действительности «котел» образовался стихийно и создавал угрозу коммуникациям XIV корпуса. Кроме того, оставался блокированным маршрут, по которому 23 июля прорвалась в глубину 16-я танковая дивизия. На этом направлении восстановлению линий снабжения препятствовал советский 13-й танковый корпус. Основным направлением для корпуса Танасчишина 25–26 июля оставался район Первомайского, где он фронтом на запад противостоял частям 113-й пехотной дивизии. По иронии судьбы, именно на этом направлении в 6-й армии имелись самые мощные самоходные противотанковые орудия германской армии на Восточном фронте. В 521-м дивизионе истребителей танков имелись две САУ с 128-мм орудиями – 12,8-см K.40 (Pz.Sfl.) и одна – с 105-мм. Они были способны поразить любой танк союзников на дистанции свыше 2000 м. Первоначально самоходки разрабатывались для борьбы с бронедетальными сооружениями линии Мажино, но к кампании во Франции опоздали. По состоянию на 24 июля 1942 г. 521-й дивизион был подчинен XIV танковому корпусу [48], а на 26 июля он находился в подчинении 113-й пехотной дивизии и насчитывал боеготовыми одну САУ с 128-мм орудием и одну с 105-мм орудием [49]. При этом 113-я пехотная дивизия была недавно перевооружена на новейшие 75-мм пушки ПАК-40. В атаках на противника, имеющего такие противотанковые средства, было затруднительно достигнуть успеха. Тем не менее танковые атаки корпуса Танасчишина препятствовали продвижению 113-й пехотной дивизии на соединение с подвижными соединениями XIV корпуса.

Угроза на левом фланге нарастает. Неодновременный, поэтапный выход соединений 6-й армии к полосе обороны советских резервных армий стал характерной деталью боев в большой излучине Доне. Вступление в бой XXIV танкового корпуса (24-й танковой дивизии) в полосе наступления LI армейского корпуса 6-й армии 25 июля не дало решительного результата. Командование XXIV корпуса вечером радиовало в штаб 6-й армии: «Противник обороняется на глубоко эшелонированных позициях западнее Соленой. В 16.30 ощущение усиливающегося сопротивления» [50]. На этом направлении оборонялись 229-я и 214-я стрелковые дивизии 64-й армии, не ослабленные высылкой передовых отрядов, и они уверенно выдержали первый натиск немецкой пехоты и танков. Однако бесконечно это продолжаться не могло, и уже 26 июля 297-я пехотная дивизия LI корпуса, прорвав оборону советских войск в районе Сулацкого, вышла к Чиру по обе стороны Ближне-Мельничного и сформировала там плацдарм на восточном берегу реки.

Подразделение штурмовых орудий на марше. Большая излучина Дона. Хорошо видно, что вооружение дивизиона пока смешанное: большая часть САУ вооружена 75-мм короткоствольным орудием. При стрельбе по советским танкам такие самоходки использовали кумулятивные снаряды

В любом случае к 25 июля было уже практически очевидно, что запланированный командованием кавалерийский наскок на Сталинград с форсированием Дона не складывается. Настоятельно требовалась корректировка задач соединений. Необходимость ломки первоначального замысла операции и разработка «на лету» нового плана всегда вызывают неудовольствие в штабах. В этом отношении штаб Паулюса не стал исключением. Инициатором смены планов «снизу» стал генерал Виттерсгейм. В приложениях к ЖБД 6-й армии сохранилось состоявшееся 25 июля обсуждение этого вопроса: «Командир XIV тк считает положение своих дивизий, которые ведут тяжелые бои с русскими танками фронтом на юг западнее Калача, серьезным. Он просит направить на северо-восток западнее Дона для облегчения положения своих дивизий 24-ю тд» [51]. Однако на этом этапе Паулюс и его начальник штаба оставались глухи к вполне разумным требованиям снизу. Их аргументы звучали так: «Отказаться от захвата мостов южнее Калача силами 24-й тд значило бы упустить шанс. Попытка решить обе задачи – захват плацдармов и удар на север на помощь XIV тк означала бы раздробление сил и отсутствие успеха на обоих направлениях» [52]. Решение было отложено на следующий день, 26 июля. Забегая вперед, нужно сказать, что 26 июля в штабе Паулюса решили все же не отказываться от прежнего плана. В примечании к ЖБД 6-й армии указывалось: «Складывается впечатление, что русские, как это часто уже бывало, танковыми атаками пытаются прикрыть отход пехоты и других частей. Задача 24-й тд наступать через Дон южнее Калача на Сталинград сохраняется» [53]. Такую оценку обстановки можно охарактеризовать как попытку выдать желаемое за действительное и стремление командования 6-й армии изо всех сил следовать первоначальному плану, несмотря на явное и очевидное несоответствие текущей обстановки ее оценке в приказе от 20 июля. Неизбежная корректировка планов была лишь отложена и затянута. Для этого потребовались еще сутки.

Требовалось принятие срочных мер по парированию этого выпада противника. В.И. Чуйков, занимавший в тот период должность заместителя командующего 64-й армией, вспоминал: «Для ликвидации прорыва противника и в особенности для обеспечения стыка 64-й и 62-й армий я немедленно принял такое решение: 112-ю стрелковую дивизию, находившуюся после ночного перехода на отдыхе в районе хутора Логовский, с десятью танками “КВ” 137-й танковой бригады, срочно перебросить по железнодорожному мосту через Дон. Перед ними была поставлена задача:

занять рубеж обороны от Старомаксимовского по реке Чир до ее устья и укрепиться на выгодных позициях. Надо было немедленно и надежно обеспечить стык между 62-й и 64-й армиями и не допустить удара противника во фланг и тыл 62-й армии. Этот маневр удался. К вечеру 26 июля 112-ю стрелковую дивизию удалось переправить и вывести на рубеж железнодорожного полотна Рычковский – Старомаксимовский, где была установлена связь с 229-й стрелковой дивизией» [54] .

Чуйков несколько ускоряет события. 137-я танковая бригада была им снята с марша, но несколько позже. Первоначально задачей бригады было выдвижение к Цимлянкой для контрудара, но часть ее сил (батальон КВ без роты малых танков) была только вечером 27 июля введена на правый берег Дона. Не ясно, кто принимал решение, возможно, это уже был М.С. Шумилов. К утру 28 июля к 10 КВ присоединились возвращенные от Цимлянской Т-34. Атака развивалась по обычному сценарию: пехота за танками не пошла, закрепить свой успех самостоятельно они не смогли. Потери, впрочем, были умеренными – 2 КВ и 1 Т-34 сожженными, 1 КВ и 1 Т-34 подбитыми.

Выдвижением 112-й стрелковой дивизии и 137-й танковой бригады командованию 64-й армии удалось предотвратить немедленный прорыв немцев в глубину обороны советских войск в большой излучине Дона. Однако удар южной группы 6-й армии все равно был очень сильным и привел к печальным для советской стороны последствиям. Замысел наступающих немцев был довольно простым: прижать советские войска к берегу Дона и уничтожить. Сама необходимость успеть к переправе до того, как от нее отрежут, оказывала деморализующее действие на войска. Чуйков описывает происходившее следующим образом: «Казалось, что нам все же удастся остановить противника, не допуская к рекам Дон и Чир, и закрыть образовавшийся прорыв. Но в медсанбаты, в артпарки и в обозы частей, расположенных на правом берегу Дона и Чира, кто-то сообщил, что немецкие танки находятся в двух-трех километрах. Многие устремились к переправе» [55] . Под рукой у командования оказались только рота Т-60 и мотострелковый батальон из 137-й танковой бригады, снятые с марша и направленные занимать оборону у Нижне-Чирской. Серьезное сопротивление они оказать не могли, и немцам удалось пробиться к переправе. Это была репетиция трагедии, которая вскоре произошла с 112-й стрелковой дивизией. Рота 137-й бригады была практически полностью уничтожена: 3 танка Т-60 затонули при взрыве переправы, 2 Т-60 подбиты артогнем, 1 Т-60 не успел переправиться и пропал без вести.

К вечеру 26 июля переправа через Дон у Нижне-Чирской была разбита немецкой авиацией. 214-я стрелковая дивизия и две морские стрелковые бригады 64-й армии оставались на западном берегу Дона, без переправы. Ими была организована оборона на правом берегу Дона, и под прикрытием этой обороны проходили переправка частей и занятие позиций на берегу реки. Но отход за Дон все же не обошелся без серьезных потерь. На 25 июля 214-я стрелковая дивизия насчитывала 12 267 человек, на 30 июля – 7762 человека. Для немцев оттеснение советских частей на этом направлении за Дон означало обеспечение безопасности своего правого фланга при ударе в тыл 62-й армии. Теперь у советского командования просто не было плацдарма на правом берегу реки, с которого можно было бы бить во фланг противнику танковыми корпусами.

Танковая армия идет в бой . Первой и естественной реакцией советского командования на бросок танков противника сталокрытие переправы у Калача за счет резервов. По боевому приказу штаба фронта № 00101/оп от 24 июня на подступы к переправе выдвигались полк 131-й стрелковой дивизии (общая численность соединения 11 041 человек на 25.07) и 10 танков 158-й танковой бригады А.В. Егорова (40 танков КВ). Главные силы дивизии и бригады оставались на восточном берегу Дона. Проблемой стала переправа через Дон: существующий мост и паромная переправа не подходили для тяжелых КВ. Потребовалось строить специальную паромную переправу. К 12.00 25 июля удалось переправить всего три танка КВ на правый берег р. Дон. К 5.00 26.7 была переправлена одна танковая рота в составе 9 КВ.

Однако вслед за первым осторожным шагом последовали более решительные действия. Во-первых, штаб В. Н. Гордова решил отправить в бой 1-ю танковую армию досрочно, до завершения планового срока формирования. Приказом № 00190/оп штаба Сталинградского фронта она была отправлена в бой уже 25 июля: «1-й танковой армии в составе 28 и 13 тк, 131 сд, двух ап ПТО, двух ап ПВО, одного ГМП решительным ударом в направлении Верхне-Бузиновка – Клетская, во взаимодействии с правофланговыми частями 62 А уничтожить прорвавшегося противника и восстановить положение по рубежу Клетская, Евстратовский, Калмыков. Начало наступления 28 и 13 тк – 14.00 25.7». Во-вторых, в бой было решено ввести 21-ю армию, принявшую остатки войск

28-й и 38-й армий. Боевым распоряжением № 0015/оп от 19.00 25 июля «21 армии со средствами усиления, переправившись с утра 26.7.42 г. через р. Дон на участке Серафимович, Распопинская, перейти в наступление на юг в направлении Верхне-Черенский» [56]. Тем самым предполагалось ударами по сходящимся направлениям закрыть прорыв на правом фланге 62-й армии. Задача 1-й танковой армии была поставлена на большую глубину, но, по большому счету, выбор у Гордова был невелик – в районе Сиротинской и Трехостровской, на фланге вражеской ударной группировки, попросту зияла пустота.

Определенную надежду на успех давало хорошее состояние 28-го танкового корпуса Г.С. Родина. Его укомплектованность во всех отношениях была намного лучше, чем у корпуса Т.И. Танасчишина, и едва ли не лучше всех корпусов, участвовавших в начальной фазе Сталинградской битвы. 39, 55 и 56-я танковые бригады насчитывали на 25 июля 68, 71 и 69 танков соответственно, а всего в корпусе было 208 боевых машин [57]. 32-я мотострелковая бригада, входившая в состав корпуса, насчитывала 3147 человек и 133 автомашины. Такая высокая комплектность мотострелковой бригады была редкостью среди танковых корпусов, участвовавших в контрударах в июле и августе 1942 г. под Сталинградом.

Самым существенным недостатком привлекавшихся к контрудару войск (принципиально отличавшим их от XIV танкового корпуса немцев) была слабость их артиллерии, прежде всего гаубичной. На 25 июля в состав армии К.С. Москаленко входили 233, 1251 и 1262-й полки ПВО и 1254-й истребительно-противотанковый полк. Ни гаубичных, ни пушечных артполков в армии не было. Орудия калибром более 76 мм в составе 1-й танковой армии на 25 июля отсутствовали даже по штату включенных в ее состав частей и соединений. Инструменты подавления противотанковой обороны и система обороны противника в целом в танковой армии образца июля 1942 г. были крайне слабы. Несколько улучшалась ситуация с включением в состав армии стрелковых дивизий, но они добавляли преимущественно 76-мм пушки и лишь по дюжине 122-мм гаубиц.

В расчете на пехоту немецкие 16-я танковая, 3-я и 60-я моторизованные дивизии насчитывали 15 мотопехотных батальонов. Советский 28-й танковый корпус и 131-я стрелковая дивизия могли теоретически выставить $3+9=12$ батальонов, а с учетом мотострелковых батальонов танковых бригад – $6+9=15$ батальонов. При этом следует учитывать, что полностью укомплектованный батальон советской стрелковой дивизии насчитывал 700 человек, а немецкий мотопехотный – 900–1000 человек. Мотострелковые батальоны танковых бригад были еще слабее, так что корректнее будет сказать, что для контрудара выделялся эквивалент 13,5–15 батальонов. Таким образом, даже с учетом потерь, понесенных ранее немцами, значительного численного перевеса не наблюдалось. Группа Журавлева была в значительной степени нейтрализована перехватом ее коммуникаций с нажимом с фронта пехотными частями немцев. Таким образом, можно констатировать, что советская 1-я танковая армия не обладала решающим превосходством в силах и даже уступала противнику в артиллерийском отношении. Ожидать от нее крупного успеха не приходилось.

Кроме того, в организации контрудара сыграл свою роль специфический фактор, который можно условно назвать синдромом «Прохоровки». Продвижение ударной группировки противника всегда вызывает беспокойство и желание остановить его. Соответственно, достаточно часто контрудар организуется не с охватом фланга этой ударной группировки, а практически «в лоб» наступающим дивизиям врага. Это, естественно, снижает эффективность контрудара и приводит к большим потерям, хотя и заставляет противника перейти к обороне. Предельный случай такого контрудара дает наступление 5-й гв. танковой армии под Прохоровкой 12 июля 1943 г., обернувшееся высокими потерями людей и техники. Наблюдалось это, естественно, и позднее, в частности именно в таком стиле был использован 23-й танковый корпус генерала Ахманова в конце января 1945 г. под Будапештом.

Фронтной контрудар начался утром 26 июля именно в варианте «Прохоровки». Одна рота KB 158-й танковой бригады, рота 131-й стрелковой дивизии и 28-й танковый корпус атаковали передовые части немецких 3-й и 60-й моторизованных дивизий и заставили их отступить. Радиограмма из 3-й моторизованной дивизии звучала почти панически: «Мощная атака на всем фронте, особенно на правом фланге 60-й мд. Боеприпасы для танков отсутствуют». Вместе с тем не следует преувеличивать проблемы немцев с боеприпасами: за 26 июля XIV корпусом было израсходовано 50 тонн боеприпасов [58].

В итоге контрудара советскими частями были освобождены населенные пункты «10 лет Октября» и Ложки. Из 9 атаковавших КВ 158-й бригады было потеряно 6, в том числе три сгоревшими. Участвовавшая в контрударе 163-я бригада 13-го корпуса отбила ранее безуспешно атакованную Качалинскую, причем, по советским данным, было захвачено 5 исправных немецких танков. Потери 163-й бригады за два дня боев составили 21 машину, в том числе 10 танков было потеряно от ударов с воздуха [59]. В этот день поддержка с воздуха показала свои пределы. В ЖБД 6-й армии обстановка в тот момент описывалась следующим образом: «Подвижные соединения северо-западнее Калача ведут непрерывные тяжелые бои с крупными, постоянно подпитываемыми с юга и юго-востока пехотными и танковыми частями противника. Значительные потери в живой силе и недостаточное снабжение горючим и боеприпасами не позволяют продолжить наступление на юг и юго-восток, и 26.7 авангарды приходится временно отвести» [60]. По существу, в этот момент первоначальный план Паулюса с захватом переправ у Калача рухнул. Но это был только первый раунд сражения.

Тем временем командование Сталинградского фронта приняло решение бросить в бой обе танковые армии до завершения их формирования. Оперативной директивой № 00121/оп штаба фронта от 20.30 26 июля предписывалось:

«Командарму 1 танковой перейти в решительное контрнаступление, силами 13, 28 тк, 196 и 131 сд и 158 тбр в общем направлении на Верхне-Бузиновка с задачей уничтожить противника и выйти к исходу 27.7 главными силами в район Верхне-Бузиновка.

Командарму 21 силами трех стрелковых дивизий начать наступление из района Серафимович на юг и юго-восток в направлении Караичев.

Командарму 4 танковой в ночь на 27.7 переправить на западный берег р. Дон 22 тк с приданной ему 133 тбр и с утра 27.7 перейти в наступление с задачей уничтожить передовые части противника и к исходу 27.7 главными силами выйти на р. Голубая. Дальнейшая задача – ударом на Верхне-Бузиновка с востока, совместно с частями 1 танковой армии уничтожить главную группировку противника и восстановить положение на правом фланге 62 армии» [61].

Если сравнить этот текст с предыдущей директивой (см. выше), то хорошо видно уменьшение глубины задач армий. Теперь вместо мощного удара до Клетской предполагается удар на меньшую глубину, на Верхнюю Бузиновку с северо-востока и с юго-востока. 196-ю стрелковую дивизию удалось включить в состав ударной группировки за счет ее высвобождения занимавшими свои позиции частями 64-й армии. Таким образом, командование Сталинградского фронта стремилось ударами с разных направлений разбить противника до того, как он усилится.

Органические недостатки лишь усугубили ситуацию с запаздыванием сосредоточения сил. Задуманный как сокрушительное наступление с нескольких направлений, контрудар 27 июля, по существу, стал лишь продолжением атак у Калача силами 1-й танковой армии, и то ограниченными силами.

*Подбитый в большой излучине Дона танк КВ, предположительно из 158-й танковой бригады.
Летом 1942 г. танки КВ потеряли былую «неуязвимость»*

Наиболее сильным в отношении бронетехники участником контрудара 27 июля была 158-я танковая бригада, вооруженная тяжелыми танками КВ, в полном составе переправленная на западный берег Дона, поддержанная частями 131-й стрелковой дивизии. Основная масса пехоты последней постепенно подтягивалась уже в ходе боя, артиллерия дивизии лишь частично заняла огневые позиции, а абсолютное большинство ее находилось на марше и на переправах. Танки КВ 158-й бригады перешли в наступление, не имея достаточного количества пехоты, не имея поддержки артиллерии, при отсутствии поддержки с воздуха. Немногочисленная пехота вскоре была отсечена от танков пулеметным и артиллерийским огнем, и КВ двинулись дальше в одиночестве. В июне – июле 1941 г. почти три десятка КВ были бы серьезной силой. Однако 27 июля 1942 г. оборонявшиеся на направлении наступления 158-й бригады части 3-й и 60-й моторизованных дивизий обладали более чем достаточным количеством противотанковых средств: истребители танков с 76,2-мм пушками и собственно танки, в том числе вооруженные 75-мм длинноствольными орудиями [62]. В итоге атака КВ была остановлена на рубеже высот 169,8, 174,9 к северу от «10 лет Октября», за день 158-я бригада потеряла 20 КВ сожженными и 5 КВ подбитыми, т.е. почти все свои наличные танки. Еще одним сильным участником контрудара 27 июля была 196-я стрелковая дивизия с 649-м танковым батальоном (42 танка), атаковавшая от совхоза «10 лет Октября» на север. Полнокровной дивизии с танками сразу удалось заставить немцев отступить. В истории 16-й танковой дивизии эти бои описывались следующим образом: «Дивизия была разорвана на три части, каждая из которых была втянута в тяжелые бои и отрезана от снабжения. Время настоящего испытания! Боевые группы Латмана и Вицлебена снабжались горючим по воздуху самолетами Хе-111. Окруженная 45 танками, боевая группа Вицлебена была вынуждена отойти из Острова в Гуреев и в конце концов в Еруслановский» [63]. Несмотря на драматичное описание ситуации со снабжением, артиллерия оставалась сильной стороной немецких подвижных соединений – XIV корпус расстрелял за день 70 тонн боеприпасов [64]. В ЖБД 6-й армии отмечалось: «Северо-западнее Калача развернулись ожесточенные бои, в ходе которых все атаки противника были отражены, частью контрударами, при этом было уничтожено 39 танков противника, в том числе 28 тяжелых» [65].

Корпус Танасчишина 27 июля вообще оказался исключенным из ударной группировки. Подчинение 13-го танкового корпуса 1-й танковой армии и получение новой задачи требовало его вывода из боев фронтом на запад. Однако было решено «решительной атакой уничтожить противостоящего противника с тем, чтобы начать выполнение новой задачи» [66]. Атака была

назначена на 3.30 27 июля. Это время было выдержано, за исключением 163-й бригады, опоздавшей на 40 минут. Командир вышеупомянутого 521-го батальона истребителей танков так описывал эту утреннюю атаку: «Наши глаза пытаются пронизать утренний туман. На удалении 1500 м вырисовываются силуэты русских танков: одного, второго, третьего... Стальные гиганты атаковали из тумана, стреляя из всех орудий». 128-мм и 105-мм самоходки батальона пропустили советские танки и заняли позиции у них на фланге, открыв огонь по бортам. Все три бригады 13-го танкового корпуса атаковали противника, но успеха не имели. Потери корпуса за день составили 19 Т-34 и 10 Т-70 [67]. Согласно отчету командира 521-го батальона, приведенному историком Т. Йенцем, при отражении советской атаки двумя его тяжелыми самоходками и противотанковыми пушками за короткий срок было подбито 14 советских танков, еще два прорвавшихся в глубину обороны танка были подбиты зенитками. В ЖБД 6-й армии отмечалось: «Перед 113-й пд и западной группой 16-й тд были в тяжелых боях, по имеющимся данным, до сих пор уничтожены 46 средних и тяжелых танков, наши потери значительны» [68]. Однако потенциал 13-го танкового корпуса был уже практически исчерпан – на вечер 27 июля в бригадах осталось в строю 27 Т-34 и 13 Т-70 [69].

21-я армия приняла участие в контрударе 27 июля силами 300, 124 и 278-й стрелковых дивизий, насчитывавших на 25 июля 878, 7625 и 1080 человек соответственно. Такими потрепанными соединениями было трудно добиться успеха, и чуда не произошло – немцами атаки у Серафимовича оценивались как «разведка боем» и были отбиты силами подошедшей с запада 305-й пехотной дивизии.

Советские атаки 27 июля наконец убедили командование 6-й армии в необходимости корректировки планов. В середине дня телефонограммой отправляется приказ: «LI АК должен немедленно, продвигаясь через высоты северо-восточнее Рычова, установить контакт с XIV тк западнее Калача. Следует очистить от врага местность южнее Чира. По-прежнему важен захват невредимыми мостов в Рычове и юго-западнее. Корпус должен готовиться к переправе через Дон по обе стороны от устья Чира. В подчинении LI АК остается 44-я пд, кроме того, ему временно в тактическом отношении подчиняется 24-я тд» [70].

В приказе видна определенная половинчатость – по-прежнему ставятся задачи на форсирование Дона. Однако впервые появляется задача наступать на соединение с XIV танковым корпусом у Калача.

28 июля 13-й танковый корпус был, наконец, развернут во фланг и тыл XIV танковому корпусу немцев: он получил приказ наступать на Майоровский и Верхнюю Бузиновку и был готов его выполнить. Правда, к тому моменту в строю в корпусе остается всего 40 танков. С утра 28 июля бригады корпуса Танасчишина прорываются в район Майоровского и устанавливают связь с группой Журавлева. Группе удается подать 21 машину с горючим и боеприпасами. По существу, боевые машины 13-го танкового корпуса выполнили роль охранения конвоя снабжения.

Легкость прорыва танков Танасчишина к Майоровскому заставляет задуматься о том, не было ли целесообразно использовать 13-й танковый корпус для удара во фланг противнику раньше. Однако здесь следует признать, что сдерживание наступления 113-й пехотной дивизии тоже было важной задачей. Поворачиваться к ней спиной и контратаковать в направлении Верхней Бузиновки было бы по меньшей мере безрассудством. После ухода танков с ее фронта 113-я пехотная дивизия пошла вперед и во второй половине дня заняла Евсеев, по существу, отрезав 13-му танковому корпусу путь к отступлению. Скорее, речь идет о том, что танковые армии были введены в бой с опозданием.

Командир 13-го тк Т.И. Танасчишин

После соединения с группой Журавлева 13-й танковый корпус продолжает наступление в направлении Верхней Бузиновки. С 14.00 до 18.00 он проходит до Верхней Бузиновки, круша все на своем пути. Согласно отчету командира корпуса, в ходе этой атаки было уничтожено 31 орудие, в том числе 9 тяжелых, «много автомашин и обозов». Тяжелые орудия – не иголка в стоге сена. Если обратиться к документам противника, то выясняется, что в этот день 6-й армией действительно были утрачены 3 sFH18, 1 leFH18 и три противотанковых пушки [71]. Однако дальнейшее продвижение застопорилось: последующие атаки танков 13-го танкового корпуса с 18.00 28 июля по 22.00 29 июля на Верхнюю Бузиновку были безрезультатными. Успех приносит атака с привлечением пехоты группы Журавлева и 35 танков 40-й танковой бригады. Поздним вечером 29 июля Верхнюю Бузиновку удастся отбить, захватив в качестве трофеев 13 пушек, «легковые и транспортные машины». В числе утраченного вооружения 100-й легкопехотной дивизии присутствуют 8 легких полевых гаубиц, проходящие по потерям 6-й армии именно 29 июля, а также около трех десятков автомашин [72].

Согласно ЖБД 6-й армии, прорыв к Верхней Бузиновке вызвал прерывание коммуникаций XIV корпуса, и на его ликвидацию были направлены части 376-й, 305-й пехотных и 100-й легкопехотной дивизий, от Евсеева – части 113-й пехотной дивизии и танковая рота 16-й танковой дивизии. Незадолго до полуночи 29 июля Танасчишин получает приказ прорываться на Осиновский на соединение с частями 1-й танковой армии.

Смена 13-го на 23-й. Вынужденное использование 13-го танкового корпуса в качестве средства сдерживания противника фронтом на запад заставило пересмотреть первоначальный состав 1-й танковой армии. Несмотря на то что по планам командования 23-й танковый корпус должен был войти в состав второй танковой армии фронта (4 ТА), обстановка заставила выдвигать его к Калачу и использовать в подчинении штаба К. С. Москаленко. В состав корпуса на 27 июля входили 99-я танковая бригада (17 Т-34 и 16 Т-70), 189-я танковая бригада (26 Т-34 и 16 Т-70) и 9-я мотострелковая бригада [73]. Как и многие другие танковые соединения на Сталинградском фронте,

корпус страдал от недостатка мотопехоты. Согласно донесению о боевом и численном составе 9-й мотострелковой бригады, по состоянию на 26 июля 1942 г. из 3258 человек по штату в ней было 1190 человек. Большая часть некомплекта приходилась на рядовых, в отчете корпуса возможности мотострелковой бригады оцениваются всего в 254 «штыка» [74]. В силу низкой укомплектованности мотострелковая бригада была оставлена на левом берегу Дона. Возглавлял 23-й танковый корпус генерал-майор танковых войск Абрам Матвеевич Хасин, достаточно опытный танковый командир. А. М. Хасин еще в начале 30-х годов отучился в ВАММ, командовал различными танковыми частями, встретил войну в Прибалтике, вывел в гвардию доверенную ему в сентябре 1941 г. 1-ю танковую бригаду.

К 4.00 29 июля 99-я и 189-я танковые бригады переправились через Дон и вышли на исходные позиции для контрудара. Корпусу была поставлена задача: наступать в общем направлении на Осиновский на соединение с частями 4-й танковой армии. Тем самым предполагалось окружить прорвавшиеся на подступы к Калачу подвижные соединения противника. Однако в последний момент поступил приказ, отменявший наступление и переадресовавший 23-й танковый корпус в район Суровкино, т.е. на направление удара LI корпуса 6-й немецкой армии. Судя по всему, в этом момент до штаба 1-й танковой армии добралась оперативная директива штаба фронта № 00129/оп от 2.00 28 июля. Она гласила: «23 тк и 204 и 321 сд стремительным ударом в направлении Новомаксимовский уничтожить противника, переправившегося на левый берег р. Чир и к исходу дня 28.7 выйти на р. Чир на участке Бол. Осиновка, Нижне-Чирская» [75].

Смена направления удара, в принципе, дело достаточно распространенное. Однако без нарезания кругов, характерных для оборонительных сражений, не обошлось. В 10.00 29 июля, когда части корпуса уже были на марше в новый район сосредоточения, последовал приказ Москаленко на возвращение 189-й танковой бригады назад. На карте, приложенной к отчету командира корпуса, написано «возвращена распоряжением Хрущева». Корпус фактически разбивался на две части: одна должна была действовать против северной, а другая – против южной ударной группировки 6-й армии. Для этого им понадобился 150–300-километровый марш, в ходе которого вышло из строя до 30% матчасти, они еще 3–5 суток оставались в ремонте. Эти потери были связаны, в частности, с неопытностью механиков-водителей, многие из которых имели подготовку всего 4 часа практического вождения. Не менее досадной потерей было время. 189-я танковая бригада вернулась на исходные позиции только к 16.00 29 июля, и атака была перенесена на 4.00 30 июля, т.е. сдвинулась на сутки относительно первоначального плана контрудара. В 16.00 29 июля выдвижение к Суровкино было окончательно отменено. Вопреки утверждениям в некоторых мемуарах и даже исторических исследованиях, 23-й танковый корпус в отражении наступления южной ударной группировки не участвовал. Так, Москаленко пишет:

«23-й танковый корпус и 204-я стрелковая дивизия вскоре прибыли и были также направлены в намеченный район и введены в бой на стыке 62-й и 64-й армий. Они сыграли решающую роль в отражении удара противника с юго-запада. Вражеские дивизии понесли большие потери и были отброшены из района Новомаксимовского за р. Чир» [76].

Не ясно, о какой решающей роли может идти речь, когда 99-я танковая бригада была в тот же день возвращена в прежний район для контратак против северной ударной группировки 6-й армии. Вследствие смены планов использования 23-го танкового корпуса 29 июля фактически стало паузой в нанесении ударов по подвижным соединениям противника на подступах к Калачу. 158-я танковая бригада четырьмя КВ совместно с частями 131-й стрелковой дивизии перешла в общее наступление. Дойдя до высот 174,9 и 168,9, танки были встречены сильным противотанковым огнем и, не имея поддержки со стороны пехоты и артиллерии, отошли на исходное положение. 196-я стрелковая дивизия атаковала, но была остановлена огнем «вкопанных танков». Эти два выпада были скорее булавочными уколами, чем контрударами. Это тем более досадно ввиду того, что 29 июля тылы XIV танкового корпуса были дезорганизованы действиями корпуса Танасчишина и группы Журавлева и его оборонительные возможности были снижены.

Танковая армия II. Датой завершения формирования 4-й танковой армии был изначально назначен более поздний срок (1 августа), чем для 1-й танковой армии. Также армия формировалась на ближних подступах к Сталинграду. Поэтому армия В.Д. Крюченкина вступила в бой позже армии К.С. Москаленко. Более поздний срок формирования армии привел к тому, что у 4-й танковой армии успели отобрать предназначавшийся ей 23-й танковый корпус. Он был переадресован в район Калача

в армию Москаленко, а танковой армии Крюченкина достался только 22-й танковый корпус генерал-майора танковых войск А.А. Шамшина. Генералу Шамшину в тот момент было всего 34 года, хотя с танковыми войсками он был связан еще с начала 30-х годов.

Советским командованием в очередной раз был использован прием подчинения уже имевшему боевой опыт штабу механизированного соединения свежесформированных бригад. В сражении под Харьковом корпус участвовал в составе 13, 36 и 133-й танковых бригад. Теперь А.А. Шамшину подчинялись 173, 176 и 182-я танковые бригады. Две последних формировались с весны 1942 г. в Горьком и перебрасывались под Сталинград по железной дороге. К исходу 26 июля 182-я танковая бригада сосредоточилась в районе Иловлинская, а 173-я танковая бригада находилась в месте ее формирования – в районе Качалинской. 176-я танковая бригада запаздывала и прибыла в район боевых действий 27 июля и в неполном составе – 2-й танковый батальон и мотострелковый батальон догнали бригаду только на третий день боевых действий. То есть бригада оказалась даже без минимальной поддержки пехоты. Мотострелковая бригада 22-го корпуса, застигнутая в середине формирования, могла отправить в район боевых действий две сотни активных штыков с одним(!) 76-мм орудием. Стрелковых частей в районе действий 22-го танкового корпуса поначалу просто не было. По существу, обстановка в северной части большой излучины Дона, под Сиротинской, была типичной для этого необычного сражения – сплошной фронт поначалу вообще отсутствовал.

У подчинения опытному штабу новичков, конечно же, были свои недостатки. Окончательный состав бригад стал известен только вечером 26 июля, а к моменту получения боевого приказа на контрудар командир корпуса и командиры бригад еще не знали друг друга в лицо. Начав переправу через Дон в 11.00 27 июля, части 22-го танкового корпуса завершили ее только к исходу 28 июля – переправа происходила на паромках.

После переправы через Дон последовал марш к назначенному району сосредоточения для контрудара. На марше часть танков вышла из строя из-за поломок, как по вине завода-производителя, так и по вине механиков-водителей. Состояние танкового парка частей 22-го танкового корпуса см. в сводной таблице.

СОСТОЯНИЕ И ПОТЕРИ 22-ГО ТК 27 ИЮЛЯ – 2 АВГУСТА 1942 г. [77]

Бригада и марка танка		Наличие к началу боев	Боевые потери по дням боев							Всего	В том числе безвозвр.
			27.07	28.07	29.07	30.07	31.07	1.08	2.08		
173 тбр	T-34	32/23 ²	–	–	10	4	–	1	3	18	11
	T-70	21/19	–	1	2	1	–	1	6	11	8
	T-60	13/13	–	–	–	3	4	–	3	10	8

Бригада и марка танка	Наличие к началу боев	Боевые потери по дням боев							Всего	В том числе безвозвр.
		27.07	28.07	29.07	30.07	31.07	1.08	2.08		
Итого 173 тбр	66/55	–	1	12	8	4	2	12	39	27
176 тбр	T-34	–	–	16	–	–	3	–	19	19
	T-70	–	–	8	–	–	–	–	8	8
Итого 176 тбр	48/29	–	–	24	–	–	3	–	27	27
182 тбр	T-34	4	2	15	8	–	1	1	31	16
	T-70	–	1	6	4	4	–	3	18	2
	T-60	–	–	–	4	–	–	2	6	4
Итого 182 тбр	66/41	4	3	21	16	4	1	6	55	22
Итого 22 тк	180/125	4	4	47	24	8	6	18	111	76

В числителе – на 27 июля, в знаменателе – после марша, к моменту встречи с противником.

Хорошо видно, что, вследствие выхода танков из строя на марше, ударные возможности корпуса к моменту вступления в соприкосновение с противником существенно просели. Так, из 180 наличных танков были готовы вступить в бой 125, или 69,4% исходной численности, причем доля боеготовых Т-34 была даже чуть ниже, 65,6% – 63 машины из 96 по списку. Задачей 22-го танкового корпуса было нанести контрудар с севера по вклинившейся на стыке 21-й и 62-й армий группировке противника, «главный удар в направлении Оськинский – Верхне-Бузиновка» [78]. Нельзя сказать, что запаздывание с началом контрудара сразу же привело к радикальному изменению обстановки. Пехотные соединения 6-й армии находились еще на подходе к большой излучине Дона, и основным противником советских танкистов оставались части XIV танкового корпуса.

В первый бой бригады 22-го танкового корпуса пошли «в лучших традициях» 1941 г. – танками без пехоты. Немногочисленные мотострелковые батальоны бригад корпуса А.А. Шамшина были растащены для прикрытия левого фланга до р. Дон. Они формировали своего рода завесу между танковым ударным кулаком корпуса и берегом Дона. Вместе с тем генерала Шамшина трудно упрекнуть в таком использовании мотострелков – прорыв противника на левом фланге армии к переправам через Дон мог привести к самой настоящей катастрофе.

В первом бою 4-й танковой армии 29 июля все три ее бригады широким фронтом двинулись вперед, фактически не имея локтевой связи друг с другом. 173-я и 182-я танковые бригады продвинулись на несколько километров, заняв Оськинский и потеряв 33 танка (данные о потерях бригад 22-го тк по дням см. выше). Наиболее драматично развивались события 29 июля в полосе наступления 176-й танковой бригады. Первый эшелон бригады во главе с ее командиром в составе 14 Т-34 и 8 Т-70 двигался в направлении на Сухановский и в районе Осиновского напоролся на противотанковую оборону немцев. В Осиновском находился опорный пункт с круговой обороной (так называемый «еж») одной из боевых групп 16-й танковой дивизии. Сразу же было потеряно 8 Т-34 и 7 Т-70. Командир бригады был убит. За первым эшелоном двигалась оперативная группа штаба бригады под прикрытием 4 Т-34 и 2 Т-70. Она была расстреляна огнем во фланг, все танки и колесные машины были уничтожены [79]. Здесь явно имело место пренебрежение разведкой противника. Также большой процент командного и рядового состава впервые участвовал в боях и не обладал опытом и выучкой, слабо маневрировал на поле боя. Отсутствие радиальных танков приводило к потере управления с началом атаки. Результатом стало избиение 176-й танковой бригады уже в первом бою.

Тем не менее танковые атаки произвели определенное впечатление на немцев, в ЖБД 6-й армии указывалось; «16-я тд, прикрывая Лиску, сражается в Верхне-Бузиновке и у Оськинского с

превосходящими силами танков противника». Нельзя сказать, что атака танков без пехоты была вовсе безрезультатной. 173-я бригада заявила об уничтожении 12 противотанковых пушек, 2 танков, а трофеями бригады стали 25 автомашин, 9 радиостанций, 2 цистерны с горючим и минометная батарея. Если бы на месте 22-го танкового корпуса было полноценное механизированное соединение с сильной мотопехотой и артиллерией, то его удар мог стать для XIV корпуса едва ли не роковым. Однако атаки одних танков лишь потеснили немецкие части – танки сами по себе не могли занимать и удерживать местность.

Судный день. Апофеозом фронтового контрудара стало 30 июля 1942 г., когда командованию Сталинградского фронта удалось задействовать для атак на прорвавшегося противника значительные силы.

С раннего утра 30 июля в течение 10 часов 13-й танковый корпус и группа Журавлева вели бой за Осиновский – тот же населенный пункт, возле которого в предыдущий день был уничтожен первый эшелон 176-й танковой бригады 22-го корпуса. В тот момент бой шел буквально в нескольких километрах от атаковавших с юга частей 1-й танковой армии. В истории 16-й танковой дивизии признавалось: «Никогда ранее положение дивизии не было столь критическим». Согласно ЖБД 6-й армии, атаки на Осиновский утром 30 июля были отражены, заявлялось об уничтожении 11 советских танков. Неудача в прорыве на соединение с 1-й танковой армии заставил Ефима Пушкина перенацелить 13-й танковый корпус на север, на соединение с 4-й танковой армией. Этот приказ был выполнен, и в 21.00 30 июля остатки группы Журавлева и 13-го танкового корпуса вышли к Оськинскому. Из окружения прорвались наиболее боеспособные подразделения группы Журавлева. Однако позади остались менее боеспособные подразделения, вероятно в основном тыловые. Как указывалось в ЖБД 6-й армии, «в боях за В. Бузиновку [VIII АК] во взаимодействии с частями XIV тк взято более 2000 пленных, уничтожено 38 танков, захвачено и уничтожено 25 орудий и много другой техники» [80]. В целом ситуация изменилась в пользу немцев: 100-я легкопехотная и 113-я пехотная дивизии установили прочную связь с прорвавшимися в район Калача подвижными соединениями корпуса Виттерсгейма.

К тому моменту, как 4-я танковая армия была готова вторично перейти в наступление 30 июля, оборона противостоящих ей немецких войск значительно усилилась. Во-первых, в излучину Дона вошла еще одна дивизия VIII корпуса – 305-я пехотная (двумя полками). Во-вторых, прорыв 13-го танкового корпуса к группе Журавлева высвободил 113-ю пехотную дивизию, и она выдвинулась для занятия обороны фронтом на восток.

Итогом перемещений в стане противника стало то, что танковый корпус Шамшина 30 июля атаковал всеми тремя бригадами, но столкнулся с обороной частей сразу трех немецких дивизий. На правом крыле наступления 182-я танковая бригада безуспешно атаковала правый фланг 305-й пехотной дивизии, по немецким данным, из 30 атакующих танков 12 были уничтожены, остальные 18 «рассеяны огнем штурмовых орудий и атакой пикировщиков Ю-87». В центре 173-я бригада безуспешно атаковала части 113-й пехотной дивизии. В ходе тяжелых боев погибли командиры 182-й и 173-й танковых бригад. На левом крыле 4-й танковой армии 176-я танковая бригада атаковала части 16-й танковой дивизии. По итогам дня 30 июля 4-я танковая армия лишь несколько усилилась за счет потрепанных 184-й и 192-й стрелковых дивизий группы Журавлева и остатков 13-го танкового корпуса – 22 танка. На следующий день, 31 июля, усилившаяся немецкая группировка не только оборонялась, но и начала наступление.

30 июля к фронтовому контрудару также присоединился 23-й танковый корпус, он был последним введенным в бой подвижным соединением танковых армий. В наступлении поначалу участвовала одна 189-я танковая бригада, 99-я танковая бригада фронтом на запад прикрывала фланг корпуса Хасина. Потери бригады за день составили 11 Т-34 и 12 Т-70, т.е. больше половины первоначального состава. На старом направлении ситуация была без изменений. Получившая маршевую роту в количестве 9 КВ 158-я танковая бригада 31 июля атаковала в прежнем направлении, танки прорвались в глубину обороны противника без пехоты. 10 КВ были сожжены «термитными» (скорее всего, кумулятивными) снарядами.

31 июля 23-й танковый корпус вновь перешел в наступление, на этот раз двумя бригадами и 99-й, и 189-й. Наступающие танки были встречены огнем ПТО и вкопанных в землю танков. Танковый батальон 99-й танковой бригады прорвался в глубину обороны противника, в Сухановский, но связь с ним была потеряна, и его судьба осталась неизвестной. В журнале боевых

действий Верховного командования вермахта эти события описывались так: «В районе севернее Калача наши наступающие войска отражают атаки танковых групп противника, частично переброшенных с других участков, частично же тех, что пытаются вырваться из окружения». Гальдер в своем дневнике 31 июля 1942 г. записал: «Положение 6-й армии улучшилось. Противник снова наступает, подтягивая свежие силы, но все его атаки отбиваются. Положение с боеприпасами и горючим нормализовалось». Удары по главным силам XIV танкового корпуса были делом трудным и изматывающим, а надежды на успех – призрачными.

В конце июля были сменены командующие резервными армиями, считавшиеся недостаточно подготовленными для ведения боев в сложной обстановке на важнейшем направлении.

Командармом-62 вместо В.Я. Колпакчи был назначен генерал-лейтенант А.И. Лопатин (ранее командовавший 9-й армией Северо-Кавказского фронта), а в командование 64-й армией вместо В.И. Чуйкова вступил генерал-лейтенант М.С. Шумилов. 5 августа задача управления войсками Сталинградского фронта была упрощена: по директиве Ставки ВГК № 170554 был образован Юго-Восточный фронт, которому отошли 64, 57 и 51-я армии.

Пехота вместо танков. В начале августа советские войска на правом берегу Дона все еще пытались перехватить инициативу и разгромить прорвавшуюся вплотную к Калачу танковую группировку противника. 1-я и 4-я танковые армии продолжали атаковать вклинившегося до Дона противника. С образованием Юго-Восточного фронта части 1-й танковой армии передавались в 62-ю армию.

Если в ходе первых контрударов 22-го танкового корпуса пехота в составе 4-й танковой армии практически отсутствовала, то в начале августа ситуация значительно улучшилась, прежде всего за счет передачи армии прибывших на фронт «дальневосточных» [81] дивизий. На 1 августа в составе армии Крюченкина числились 18-я стрелковая дивизия (резерв фронта, 12 024 человека), 205-я стрелковая дивизия (11 826 человек) и вышедшая из окружения группа Журавлева (потерпанные 184-я и 192-я стрелковые дивизии). Также 4-й танковой армии передавались 321-я и 422-я «дальневосточные» стрелковые дивизии. Однако здесь вмешались события на южном фланге фронта, 422-ю дивизию пришлось переправлять обратно через Дон и перебрасывать в район Абганерово (см. далее).

Танковый парк армии Крюченкина к 1 августа 1942 г. находился уже далеко не в блестящем состоянии (см. таблицу).

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В ЧАСТЯХ 4-й ТАНКОВОЙ АРМИИ НА 1 АВГУСТА 1942 г. [82]

	По списку	На ходу	Осталось на поле боя	Без-возвр. потери	В ремонте
173 тбр					
Т-34	22	9	7	2	9
Т-70	21	12	2	1	4
Т-60	13	9	–	–	2
Итого:	66	30	9	3	15
176 тбр					
Т-34	32	3	–	–	–
Т-70	16	2	–	–	–
Итого	48	5	–	–	–
182 тбр					
Т-34	32	7	–	9	–
Т-70	16	7	–	5	–
Т-60	13	7	–	6	–
Итого	61	21	–	20	–
Всего в 22 тк	175	56			
133 тбр					
КВ	40	40	–	–	–

Хорошо видно, что большую часть танкового парка 22-го танкового корпуса теперь составляли легкие и малые танки. Больше всего пострадала в боях 176-я танковая бригада, противостоявшая 16-й танковой дивизии. Прорвавшиеся в расположение 4-й танковой армии остатки 13-го танкового корпуса были переформированы в одну 169-ю танковую бригаду, включенную в состав 22-го танкового корпуса. Показанная в таблице 133-я танковая бригада, формально подчинявшаяся 4-й ТА, вскоре была изъята из подчинения Крюченкина и отправлена в район разъезда «74 км» к юго-западу от Сталинграда в связи с прорывом немецкой 4-й танковой армии. Тем не менее в 22-м танковом корпусе оставался еще достаточно многочисленный ремонтный фонд. 2 августа 22-й танковый корпус перешел в наступление совместно с пехотой вырвавшейся из окружения группы Журавлева. Впервые с момента ввода корпуса в бой его действия поддерживали пехота и артиллерия (до шестнадцати 76-мм орудий). В этот день в бою участвовали все четыре подчиненные корпусу танковые бригады, но продвинуться удалось всего на 2–3 км.

В отчете командира 22-го танкового корпуса говорилось:

«Стрелковые части, действующие совместно с корпусом, были слабо организованными и упорства в наступлении не проявляли. При первом огневом сопротивлении противника приостанавливали наступление и частью отходили в овраги, а частью окапывались на достигнутом в это время рубеже» [83].

Учитывая известные ныне артиллерийские возможности VIII армейского корпуса, «первое огневое сопротивление» было устрашающим. В последующие несколько дней, до 3 августа, 4-я танковая армия продолжала атаки, но они уже были обречены на провал – от района Клетской до Дона занял прочную оборону VIII армейский корпус 6-й армии. К тому же соединения корпуса были существенно усилены. Так, находившаяся на направлении главного удара 4-й танковой армии 113-я пехотная дивизия на 1 августа в качестве средств усиления располагала 521-м батальоном истребителей танков, 177-м и 244-м батальонами штурмовых орудий (оба, имевшихся в корпусе в целом!), 733-м дивизионом 210-мм гаубиц и 631-м дивизионом 105-мм пушек [84]. По состоянию на 30 июля в составе двух указанных батальонов штурмовых орудий было 5 StuGIII kurz, 11 StuGIII lang [85]. Кроме того, в качестве противотанковых в донесениях корпуса проходили 6 88-мм зениток. Таким образом, как противотанковые, так и артиллерийские возможности немецких соединений, противостоящих армии Крюченкина, позволяли уверенно держать фронт и отражать атаки.

На 3 августа в 22-м танковом корпусе осталось в строю всего 43 танка: 15 Т-34, 10 Т-70 и 18 Т-60 [86]. Следует подчеркнуть, что основные потери были понесены от артогня противника, потери от ударов с воздуха составили 7 машин. Вместе с тем нельзя сказать, что игра шла в одни ворота. По состоянию на 2 августа в составе 177-го и 244-го батальонов штурмовых орудий насчитывалось боеготовыми 13 StuGIII kurz и 5 StuGIII lang [87]. То есть советским танкистам удалось несколько проредить парк длинноствольных «Штурмгешюцев», а тем временем были отремонтированы и введены в строй машины с «окурком», подбитые ранее.

К сожалению, значительное усиление пехотной компоненты 4-й танковой армии за счет дальневосточников сильно запоздало. Во-первых, ввиду утраты большей части танков, «танковой» ее можно было назвать весьма условно. Во-вторых, теперь армии Крюченкина противостояли три пехотные дивизии VIII армейского корпуса: 305-я, 113-я и недавно введенная в излучину Дона 384-я.

В сущности, в этот момент уже наступило время для транспаранта «GAME OVER» [88]: немецкая группировка усилилась, танки были потеряны, и шансы добиться решительного результата стремились к нулю. Какими же мотивами руководствовалось советское командование? На переговорах штаба фронта с ГШ КА 2 августа Гордов вполне однозначно сформулировал причины продолжения наступления: «...у нас происходит приток одновременно с противником. Сидеть же и ожидать, пока сосредоточатся силы, я не могу, так как противник может упрочиться и свернуть правый фланг 62 А. Вот почему активные действия здесь не прекращаются, хотя знаю, что это ведет к взаимному перемалыванию» [89]. Далее Гордов высказывал надежду, что за счет прибытия резервов баланс сил качнется в пользу Красной армии, что позволит взять инициативу в свои руки. Также необходимо подчеркнуть, что А.М. Василевский на этих переговорах прямым текстом требовал от штаба Сталинградского фронта «широких активных действий».

Группа подбитых танков Т-34. Машина на переднем плане – выпуска СТЗ. Скорее всего, эти танки попали в засаду

Следующая серия ударов последовала 5–8 августа 1942 г. На этот раз в наступлении участвовали свежие «дальневосточные» дивизии. Однако танковый парк 22-го танкового корпуса к этому моменту составлял совсем уж жалкое зрелище. В наступлении 5 августа 182-я танковая бригада атаковала в составе 2 Т-34, 2 Т-70 и 5 Т-60, 173-я танковая бригада – в составе 11 танков. При такой слабой танковой поддержке нельзя было рассчитывать на сокрушение обороны противника. Столь же слабой была артиллерийская поддержка (в сравнении с артиллерией VIII корпуса). 6 и 7 августа были потрачены на перегруппировку, и 8 августа последовало новое наступление, с некоторым смещением направления главного удара. Но оно также потерпело неудачу. После этого 4-я танковая армия перешла к обороне. 1-я танковая армия вошла в августовские бои со значительно снизившимся количеством танков. Состояние ее частей к тому же моменту было ненамного лучше своей сестры, действовавшей в тот же период севернее (см. таблицу).

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В СТРОЮ В 1-й ТАНКОВОЙ АРМИИ К 21.00 1 АВГУСТА 1942 г. [90]

	Наличие танков по типам				Итого
	Т-34	Т-70	Т-60	БТ	
28-й танковый корпус					
55 тбр	13	1	–	16	30
39 тбр	4	1	10	–	15
Итого в 28 тк	17	2	16	–	45
23-й танковый корпус					
56 тбр	24	24	–	–	48
99 тбр	5	6	–	–	11
189 тбр	9	–	3	–	12
20 мсбр	7	–	–	–	7
Итого в 23 тк	45	30	3	–	78
Всего в 1 ТА	62	32	13	16	123

Напротив, состояние парка бронетехники XIV танкового корпуса немецкой 6-й армии оставалось стабильным (см. таблицу).

**ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВОГО ПАРКА XIV ТАНКОВОГО КОРПУСА НА 1 АВГУСТА
1942 г. [91]**

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	7,62cm Sfl1	Всего
16 тд	6	19	75	6	12	—	118
60 мд	12	—	31	—	3	3	49
3 мд	9	—	25	—	5	7	46

Стабильность состава танковых соединений корпуса Виттерсгейма объясняется как своевременной эвакуацией подбитых машин на контролируемой немецкими войсками территории, так и использованием танков правильно, при поддержке моторизованной пехоты и артиллерии. Несмотря на изменение обстановки, советское командование еще надеялось переломить ход сражения в свою пользу. 2 августа 23-й танковый корпус в очередной раз перешел в наступление по модели «прохоровки», т.е. практически в лоб ударной группировке противника. Потери за день составили 20 Т-34 подбитыми и 7 сожженными, 6 Т-70 подбитыми и 1 сожженным, 14 Т-60 подбитыми и 3 сожженными. Один танковый батальон 56-й бригады из 6 Т-34 и 4 Т-60 углубился в расположение противника и попросту исчез. Однако здесь нельзя не отметить, что количество боеготовых танков XIV корпуса по итогам боев 2 августа несколько изменилось (см. таблицу).

**ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВОГО ПАРКА XIV ТАНКОВОГО КОРПУСА НА 3 АВГУСТА
1942 г. [92]**

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	7,62cm Sfl1	Всего
16 тд	—	19	65	5	16	—	105
60 мд	12	—	21	—	2	3	38
3 мд	8	—	25	—	5	6	44

Брошенный Т-60 в районе Липологовского, август 1942 г. Он мог принадлежать одной из бригад 28-го танкового корпуса или одному из танковых батальонов 62-й армии

В первых числах августа танковая армия К. С. Москаленко также получила свежую стрелковую дивизию – 399-ю. Это была еще одна введенная в бой свежая дивизия, насчитывавшая на 5 августа 1942 г. 12 322 человека и практически полностью укомплектованная по штату. Она сразу же была введена в бой 5 августа и понесла тяжелые потери, по оценке офицера ГШ КА, в 62-й армии «более 3000 убитыми», но речь, скорее всего, идет об убитых и раненых. Вместе с тем не следует думать, что все эти контрудары 1-й и 4-й танковых армий были подобны швырянию стеклянной посуды в бетонную стену. Дёрр оценивал ситуацию следующим образом: «На северном фланге армии свежие силы противника перешли в наступление из излучины Дона в районе Кременская и стали угрожать с тыла нашим дивизиям северо-западнее Каменский. Части 8-го армейского корпуса под натиском противника вынуждены были начать отступление, поскольку сплошной линии обеспечения на Дону еще не существовало» [93]. Гальдер 5 августа записывает в дневнике: «Паулюс докладывает о серьезных контрударах противника против 14-го армейского корпуса с юга. Еще более серьезные атаки противник ведет против северного участка 14-го и 8-го армейских корпусов». В записи от 6 августа откровенно сквозит тревога: «У Паулюса на северном участке тяжелые оборонительные бои».

Об интенсивности боев свидетельствует достаточно высокий расход боеприпасов оборонявшимися против 4-й танковой армии немецких соединений VIII армейского корпуса в сравнении с начальной фазой сражения (см. таблицу). Дополнительно приведены данные в процентах боекомплекта для учета различий в составе корпуса в разные периоды сражения.

РАСХОД БОЕПРИПАСОВ VIII АРМЕЙСКИМ КОРПУСОМ [94]

Период	05–15.08.1942 г.		18.07.1942 – 04.08.1942 г.	
	Выстрелов	% б/к	Выстрелов	% б/к
Пехотное оружие	472 600	18%	933 507	27%
Противотанковые пушки	952	17%	2931	23%
Тяжелое пехотное оружие	9337	37%	9032	37%
Легкая полевая артиллерия	12 487	260%	10 172	188%
Тяжелая полевая артиллерия	4305	102%	2320	96%
Реактивные минометы	1918	53%	–	–
Танковые орудия ²	8247	157%	3780	30%

По этим данным прослеживается высокий процент настрела боеприпасов к полевой артиллерии и пушкам штурмовых орудий. Советские атаки отбивались ураганным огнем полевой артиллерии. Неудивительно, что рефреном в сводках Генштаба в отношении августовских наступлений 4-й танковой армии звучали слова: «Противник оказывал сильное огневое сопротивление». В целом в излучине Дона события развивались вполне в русле контрударов 1941 г. Советские танковые соединения обрушивали на противника град контрударов, но не добивались решительного результата. После истощения сил механизированных частей противник получал возможность реализовать свои планы. Так, например, в ходе сражения под Уманью в конце июля 1941 г. 2-й мехкорпус смог на какое-то время задержать наступление танковой группы Клейста в тыл 6-й и 12-й советским армиям. После того как корпус потерял танки, последовал Уманский «котел».

Жара. «Котел»

Поворот немецкой 4-й танковой армии на Сталинград (см. ниже) оказывал все большее влияние на события на Сталинградском фронте. К 6 августа 1942 г. советскому командованию понадобилось армейское управление, и выбор пал на штаб К. С. Москаленко. Вскоре он стал штабом 1-й гвардейской армии. Соответственно директивой фронта №00209/оп от 0.10 5 августа войска 1-й танковой армии, 131-я и 299-я стрелковые дивизии, 23-й и 28-й танковые корпуса и 158-я танковая бригада передавались 62-й армии.

Вывод управления танковой армии и планы его использовать вовсе не означали отказ от наступательных планов. С одной стороны, танковый парк 62-й армии представлял собой жалкое зрелище. В 23-м танковом корпусе на 6 августа 1942 г. насчитывалось: в 189-й танковой бригаде 1 Т-34 и 90 активных штыков мотострелков, в 99-й бригаде – 2 Т-34, 2 Т-70 и 60 штыков, в 56-й бригаде – 6 Т-34 и 2 Т-70 (пять танков на ходу и четыре неходовых), 25 автоматчиков, в 9-й мотострелковой бригаде – 92 штыка [95]. В 39-й и 55-й танковых бригадах 28-го танкового корпуса оставались 1 и 2 танка соответственно, в 32-й мотострелковой бригаде – 1730 человек [96]. Пожалуй, самой сильной на тот момент была 158-я танковая бригада, которая благодаря упорной работе ремонтников к 7 августа сохранила в строю 12 танков КВ [97]. В 196-й и 131-й стрелковых дивизиях оставались на 5 августа 4772 человека и 6279 человека соответственно. От их былой мощи и почти 100%-й комплектности остались одни воспоминания.

«Тридцатьчетверка-сталинградка», подбитая на подступах к переправе через Дон

Еще одно фото той же машины. Видна пробоина в борту башни

Т-34 с другого ракурса. Антенна отсутствует. Возможно она стала жертвой запасливых солдат, но, скорее всего, радиостанция на этот танк просто не устанавливалась

Тем не менее 62-й армии была поставлена задача «наступать на Сухановский, Нижне-Бузиновка». На первый взгляд это может показаться безумием, но в действительности это было частью плана – новым сильным игроком в схватке в большой излучине должна была стать 21-я армия. В ее состав передавались 96, 98 и 87-я стрелковые дивизии из числа «дальневосточных»,

которые выгружались на участке Филоново, Арчеда и выдвигались на фронт обороны армии к 4–5 августа 1942 г. Соответственно предполагалось, что «на участке 21 А будет создан небольшой кулак из трех свежих хорошо подготовленных стрелковых дивизий и двух новых танковых бригад» [98]. 96, 98 и 87-я стрелковые дивизии на 5 августа насчитывали 11 796, 11 878 и 11 753 человек соответственно [99]. Не ясно, о каких бригадах идет речь, но 21-й армии передали три отдельных танковых батальона (86 танков). Три дивизии предполагалось переправить через Дон и использовать в новом наступлении с решительными целями во фланг и тыл немецким войскам в большой излучине Дона. Общая численность 21-й армии возросла примерно до 85 тыс. человек. Для сравнения: на 20 июля она насчитывала 29 тыс. человек. Оценивая тогдашнюю обстановку с позиций сегодняшнего знания, можно констатировать, что наступление 21-й армии имело неплохие шансы на успех: под Клетской оборонялась 376-я пехотная дивизия XVII армейского корпуса. Этот корпус не располагал ни тяжелой артиллерией, ни «Штурмгешюцами» в качестве средств усиления. Начало наступления было назначено на утро 6 августа, но в этот день свежие дивизии еще находились в процессе сосредоточения, и его пришлось отложить.

Однако по другую сторону фронта тоже вынашивались наступательные планы. Дёрр пишет: «7 августа, наконец, прибыли отставшие боевые части. Снабжение армии было обеспечено в такой степени, что можно было начать наступление на позиции противника западнее Дона» [100]. Накопление боеприпасов и горючего, конечно, было важным делом. Столь же важным было подтягивание в излучину Дона пехоты 6-й армии. Это позволило вывести из первой линии 16-ю танковую дивизию и подготовить ее к наступлению. Всего к наступлению привлекались пять пехотных, одна легкопехотная, две танковых и две моторизованных дивизии.

Утром 7 августа северная и южная ударные группировки 6-й немецкой армии перешли в наступление по сходящимся направлениям. Северная группировка прорвала оборону 196-й стрелковой дивизии 62-й армии, а южная – 112-й стрелковой дивизии (8107 человек на 5 августа) той же армии. Главный удар наносился 16-й танковой дивизией XIV танкового корпуса, наступавшей из района Майоровского. Ее боевые группы «перекатывались» через позиции 100-й легкопехотной дивизии. В сущности, немцам удалось нанести удар по самому уязвимому месту – 196-я стрелковая дивизия была сильно ослаблена предыдущими боями. Прорвав ее оборону, немецкие танки уже около полудня 7 августа вышли в район Острова, форсировали Лиску и устремились на подступы к переправе через Дон, к Березову (у переправы в районе Калача). Тем самым ударная группировка 62-й армии была глубоко охвачена с фланга, и создавалась угроза переправам через Дон. Поначалу она оказала упорное сопротивление, в ЖБД 6-й армии отмечалось: «К наступлению 60-й мд, которая после захвата Скворина движется на юго-восток, во второй половине дня присоединилась 3-я мд. Дивизия ведет тяжелые бои с окопавшимся противником, располагающим танками. Ее наступление затрудняют многочисленные минные поля» [101]. Однако уже в середине дня 7 августа охват фланга привел к расшатыванию и постепенному развалу обороны. 99-я танковая бригада 23-го танкового корпуса была окружена, к штабу корпуса вышли немецкие танки.

Подбитые танки Т-34

От бреши, пробитой в обороне 112-й стрелковой дивизии у станции Чир, веером расходились 297, 76 и 71-я пехотные дивизии и 24-я танковая дивизия XXIV танкового корпуса. 112-я стрелковая дивизия была отброшена на восток и прижата к Дону. Уже в 10.00 8.8 дивизия начала переправу через Дон по железнодорожному мосту. Градом снарядов мост был подожжен, и переправа войск шла по горящему мосту. Но это было только начало катастрофы. Немецкие танки прорвались за отходившими танками 121-й и 137-й танковых бригад к мосту. В 137-й танковой бригаде на тот момент оставалось 3 КВ 4 Т-34 и 4 Т-60. С целью избежать захвата моста противником он был взорван в 14.00 – 14.30 8 августа 1942 г. Масса людей и техники 112-й стрелковой дивизии оказались на правом берегу Дона перед взорванной переправой. В ночь на 8 августа «клещи» XIV и XXIV танковых корпусов сомкнулись (согласно записи в ЖБД 6-й армии, радиограмма от 16 тд о замыкании «котла» поступила в 5.45 утра берлинского времени 8 августа), и оборонявшиеся на западном берегу Дона части и соединения 62-й армии оказались в окружении.

Оставшиеся вне «котла» соединения в той или иной степени порядка отходили через Дон. Переправы прикрывали остатки 23-го танкового корпуса, в оборону был поставлен 21 танк, на 70% неходовых. В утренней сводке Генштаба КА 8 августа указывалось: «399 и 196 сд мелкими группами переправлялись на левый берег р. Дон». Днем 8 августа переправы были взяты под обстрел артиллерией немецкой 16-й танковой дивизии. Нетрудно представить, какой ад творился на переправах через Дон у Калача в этот момент. Севернее, у Рубежного, фронтом на запад обороняли переправы для отхода 131-й стрелковой дивизии танки КВ 158-й танковой бригады. На тот момент главные силы XIV корпуса были развернуты фронтом на восток.

Благодаря танкам удалось предотвратить окончательный разгром отходящих частей. К вечеру 8 августа большая часть КВ 158-й бригады была сожжена «термитными» снарядами, последние три машины были уничтожены экипажами 9 августа. Однако танкисты спасли немало жизней. На 10 августа 131-я стрелковая дивизия сохранила в строю 2933 человека, примерно половину от численности на 5 августа. Столь же упорными были бои на подступах к переправам у Калача. В боях 9 августа оставшиеся танки 23-го корпуса были практически все сожжены или подбиты, но до утра 10 августа удалось обеспечить переправу 150 подвод и 200 автомашин. Тем не менее отступившие на восточный берег Дона соединения 62-й армии находились в плачевном состоянии. По донесениям от 10 августа, 196-я и 399-я стрелковые дивизии насчитывали 1190 и 2114 человек соответственно [102]. По существу, это означало, что обе дивизии оказались разгромлены. Разгром 62-й армии заставил

командование Сталинградского фронта отказаться от планов использования «дальневосточных» дивизий в наступлении 21-й армии (которое к тому же теряло смысл с потерей позиций в излучине Дона). Они выводились для занятия обороны по восточному берегу Дона в полосе 62-й армии.

Попытки прорыва. В результате проведенного маневра на окружение немецкие войска вышли на рубеж Дона к северу и югу от идущей на Сталинград железной дороги. На правом берегу Дона оставался плацдарм на рубеже от Клетской до Песковатки, занимаемый 4-й танковой армией. Далее от Песковатки на юг к Нижне-Чирской шел внешний фронт окружения, занятый 3-й моторизованной, 24-й танковой и 71-й пехотной дивизиями немцев. «Котел» уже к 9 августа окаймлялся пехотными соединениями, и шансов из него вырваться у окруженных почти не было.

Танк Т-34, подбитый на сталинградском направлении. В левой части борта видна пробоина от снаряда. Судя по всему, танк был подбит и неуправляемым съехал в овраг

В «котел» попали значительные силы 62-й армии: один полк 33-й гвардейской стрелковой дивизии, 181, 147 и 229-я стрелковые дивизии, Краснодарское училище, пять истребительно-противотанковых и три танковых полка. Численность окруженных войск (за вычетом полка 33-й гв. стрелковой дивизии и Краснодарского училища) в штабе Сталинградского фронта оценивали в 28 тыс. человек. В эту цифру входили: 147-я стрелковая дивизия (9575 человек на 5.8);

181-я стрелковая дивизия (11 142 человека на 5.8);

229-я стрелковая дивизия (5419 человек на 5.8);

555, 508, 881, 1185 и 1252-й истребительно-противотанковые полки;

645, 650 и 651-й танковые батальоны [103] .

В составе окруженных войск было 157 полевых и 67 противотанковых орудий, 17 танков Т-34, 39 Т-60, 354 автомашины и 4562 лошади [104] . 88-й и 84-й гв. стрелковые полки 33-й гв. стрелковой дивизии избежали окружения. Они отошли совместно с группой Журавлева и вели боевые действия в составе 4-й танковой армии.

Окруженные соединения распались на несколько групп, пробивавшихся в разных направлениях. Двусторонняя связь со штабом армии и фронта отсутствовала. В отчете офицера ГШ КА о действиях 62-й армии указывалось: «Фронтом были высажены разведчики из самолетов с радиостанциями для связи с дивизиями, но от последних никаких сведений нет» [105] . Согласно отчету командира 33-й гв. стрелковой дивизии А.И. Утвенко, в 19.00 8 августа радиостанцией

соединения была принята радиограмма, предписывавшая пробиваться на север совместно с 181-й стрелковой дивизией. Главой группы назначался командир 181-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.Я. Новиков. Еще одну группу образовали 147-я и 229-я стрелковые дивизии. Командир 147-й стрелковой дивизии А.А. Вольхин связи с командованием не имел и получил приказ на прорыв от командира 229-й стрелковой дивизии полковника Ф.Ф. Сажина. Эти две дивизии пробивались на восток и юго-восток к железнодорожному мосту через Дон.

Первым шагом стал общий отход. 33-я гв. стрелковая дивизия снялась со старых позиций и стала отходить, оторвавшись от противника. Выйти в назначенный район уже не получилось. Командир дивизии А. И. Утвенко позднее описывал происходившее в письме К. Симонову: «К моменту приказа о прорыве на восток у меня было до трех тысяч людей, семнадцать орудий, тринадцать легких танков. Двинулись двумя колоннами напролом через овраги. Пушки – на руках. Прорвались на узком фронте, потеряв около трехсот человек. Немцы за ночь и утро перекинули полк пехоты еще восточнее нас и опять закрыли кольцо».

Снабжение окруженных по воздуху отсутствовало, боеприпасы были на исходе, артиллерия – полностью уничтожена. Последний бой 33-й гв. стрелковой дивизии шел с 5.00 до 11.00 10 августа. Утвенко писал Симонову: «Спротивлялись до конца. Я сам пять раз перезарядил маузер. Секли из автоматов. Несколько командиров застрелилось. Было убито до тысячи человек, но жизнь продали дорого». Остатки дивизии рассеялись по балкам и ручьям и мелкими группами пытались пробиться из окружения. В ЖБД 6-й армии указывалось: «К вечеру 10.8 русские скучены на пространстве примерно 6 км в поперечнике. Он оказывает упорнейшее сопротивление, особенно севернее Савинского, и его приходится уничтожать на позициях» [106].

Следует отметить, что воспоминания об этих боях остались у немцев далеко не радужные. В сентябре 1942 г., при планировании новой операции, командование 6-й армии подчеркивало: «Сражения на окружение противника сталкиваются в здешней местности, богатой оврагами, с большими сложностями. Имеется в виду не формирование котла, а его очистка, которая займет много времени и будет сопровождаться значительными потерями. При этом танки удастся использовать в лучшем случае весьма ограниченно. Основную ношу боев придется нести на себе пехоте» [107].

147-я и 229-я стрелковые дивизии начали отход в 21.00 9 августа. Однако на пути отходящих дивизий Вольхина и Сажина немцами уже был выставлен заслон фронтом на запад. Навстречу отходящим колоннам в панике двигались тыловые части 229-й стрелковой дивизии. Они пытались отыскать путь к спасению и отходили на север. Основные силы 147-й стрелковой дивизии вскоре были изолированы в Грачевой балке. Лесов, становившихся спасением окруженных в Белоруссии, под Вязьмой и под Уманью, в излучине Дона не было. Некоторую защиту давали только глубокие овраги.

Решающий бой состоялся 10 августа. Блокированные в балке советские части атаковали, даже захватывали трофеи и пленных. Но общую обстановку это изменить не могло. В балке скапливалось все больше раненых. Всех мучила жажда. Было решено предпринять еще одну попытку пробиться из окружения всем отрядом. Вольхин в своем отчете по боям в окружении писал: «Бойцы и командиры приветствовали это решение и заявили: “Лучше умереть в поле, чем в этой ловушке”». Некоторые орудия выкатили на открытые позиции. Но шансов пробиться через плотный заслон немецкой пехоты уже не было. Части двух дивизий были рассеяны и пробивались на соединение с основными силами 62-й армии мелкими группами. Командир 229-й стрелковой дивизии полковник Ф.Ф. Сажин погиб 10 августа у хутора Пятиизбянский.

Синхронно с уничтожением окруженных соединений была разгромлена прижатая к Дону у взорванной переправы 112-я стрелковая дивизия. В боевом донесении штаба дивизии к 20.00 11 августа сообщалось:

«На 11.8.42 г. в трех стр. полках имеется: старшего и среднего нач. состава 152 чел., младшего нач. состава – 154 чел., рядового состава строевых подразделений 504 чел., тыловиков 180 чел.

В 156 Д[ивизионе] ПТО осталось одно 45-мм орудие и 87 чел. личного состава.

436 а[ртиллерийский] п[олк] имеет 122 мм гаубиц – 10 шт., 76-мм пушек 39 г. – 4, ружей ПТР – 12, винтовок – 692, личного состава – 847 чел. и лошадей – 469» [108].

Несколько лучше, потеряв до 25% состава, сохранились вспомогательные подразделения дивизии. Нелишне будет напомнить, что на 5 августа соединение насчитывало 8107 человек. В бою у

переправы 10 августа погиб командир 112-й стрелковой дивизии полковник Иван Петрович Сологуб, возглавлявший соединение с момента начала его формирования в Сибирском военном округе в декабре 1941 г.

Но немедленной проверки на прочность наспех восстановленной обороны не произошло. Форсировать Дон немцы не спешили. После окружения части 62-й армии на правом берегу Дона в полосе наступления армии Паулюса вновь наступило затишье. Немцы методично перемалывали окруженных. К 23.00 13 августа из окружения вышло только 160 человек батальона связи 229-й дивизии и 27 человек из состава 147-й стрелковой дивизии во главе с командиром генерал-майором Вольхиным. В оперативной сводке № 90 штаба 62-й армии к 18.00 14 августа говорилось: «Новых сведений о положении 33-й гв., 181, 147, 229-й сд не поступило. Отдельные мелкие группы переправлялись на восточный берег р. Дон в полосе 131-й и 112-й сд». Командир 181-й стрелковой дивизии генерал Т.Я. Новиков был взят в плен 15 августа. Он погиб в плену в декабре 1944 г.

Немецкий пулеметчик на берегу Дона. Хорошо видно, что западный берег реки господствует над восточным

15 августа 1942 г. к судьбе окруженных проявило интерес Верховное командование. Директивой Ставки ВГК № 170569 И.В. Сталин указывал: «По донесениям штаба Сталинградского фронта 181, 147 и 229-я сд 62-й армии продолжают вести бои в обстановке окружения в районе Евсеев, Майоровский, Плесистовский. Несмотря на это и на неоднократные указания Ставки, помощи им Сталинградским фронтом до сего времени не оказано. Немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование. Ставка считает делом чести нашего сталинградского командования спасение окруженных частей. У нашего сталинградского командования имеется сейчас достаточно сил и средств, чтобы пробиться к своим

окруженным дивизиям и вывести их.

Ставка приказывает немедленно организовать прорыв фронта противника, пробиться к своим окруженным дивизиям и организованно вывести их.

О принятых мерах донести» [109] .

Эта директива Ставки, к сожалению, безнадежно опоздала. К 15 августа окруженная на западном берегу Дона группировка уже перестала существовать. Плотно обжатые со всех сторон дивизии были уничтожены. Что бы ни говорил Сталин, сил для деблокирования «котла» у Сталинградского фронта не было. 4-я танковая армия могла противопоставить только две стрелковые дивизии. Резервы в лице гвардейских дивизий 1-й гвардейской армии прибыли слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на судьбу окруженных частей 62-й армии.

Дело было не в каком-то особом чувстве товарищества, а в мощных технических средствах, имевшихся у немцев. Любую свою окруженную группировку немцы могли снабжать с помощью многочисленного парка транспортной авиации. И количество, и качество (вес поднимаемого груза) немецких транспортных самолетов существенно превосходили аналогичные показатели советских У-2, чаще всего привлекавшихся для операций по снабжению.

Тем не менее на указания Верховного надо было хоть как-то отреагировать. В 6.00 утра 16 августа из штаба 62-й армии докладывали: «Связи с 33 гв., 181, 147, 229 сд установить не удалось. На вызовы по радио не отвечают, при работе на прием не появляются» [110] . К 18.00 17 августа в оперативной сводке № 96 штаба 62-й армии записано: «Из опроса командиров из состава 33-й гв. сд и 147-й сд установлено, что воздействием противника дивизии расколоты на мелкие группы, которые выходят на восточный берег р. Дон».

В донесении штаба 6-й армии в штаб ГА «Б» результаты сражения описывались следующим образом: «Сражение в котле на Дону западнее Калача завершено. Уничтожена 62-я армия красных и крупные части 1-й танковой армии. Разгромлены 7 стрелковых дивизий, 7 танковых бригад и 2 мотострелковые бригады, еще 2 стрелковые дивизии понесли большие потери. Противник потерял в боях с 7 по 11.8, по имеющимся данным, 30 тысяч пленных, 270 танков и 560 орудий, в том числе противотанковых и зенитных. Потери противника убитыми высоки, число пленных и добычи продолжает расти» [111] .

Сражение действительно еще продолжалось. 11 августа в ЖБД 6-й армии отмечалось: «Очистка отдельных оврагов в этом районе, а также на западном берегу Дона юго-восточнее и восточнее станции Чир еще продолжается» [112] . К 20 августа из состава полка 33-й гв. стрелковой дивизии вышли 418 человек, из состава 147-й стрелковой дивизии – 171 человек, 181-й стрелковой дивизии – 28 человек, 229-й стрелковой дивизии – 278 человек [113] .

В заключение хотелось бы прокомментировать фразу из книги Ганса Дёрра о походе на Сталинград. Подводя итоги сражению, он пишет: «10 августа 6-я армия одержала полную победу, последнюю в сражении на открытой местности. По какой причине она не была использована для немедленного форсирования Дона, автору установить не удалось» [114] . Изучение оперативных документов 6-й армии, возможно недоступных Дёрру в момент написания его книги, позволяет легко ответить на этот вопрос. К началу августа уже произошел отказ от первоначального плана форсирования Дона к северу и югу от Калача. Информирова командование о своих дальнейших планах, штаб Паулюса отмечал: «Следует стремиться к захвату плацдармов западнее Качалинской, по возможности на плечах отступающего противника» [115] . План дальнейших действий также был скорректирован в сравнении с приказом от 20 июля. Теперь предполагалось следующее: «После захвата плацдармов юго-западнее Качалинской XIV и XXIV ак наступают вдоль тянущейся к Сталинграду цепи высот в направлении северного и южного Сталинграда, чтобы установить контакт с 4 ТА в районе станции Воропоново» [116] . Причиной смены планов, очевидно, стал целый ряд факторов: знакомство с местностью, вступление в сражение 4-й танковой армии Гота и другие. В итоге форсировать Дон предполагалось после ликвидации советского плацдарма в районе Сиротинской, о чем пойдет речь далее.

1-я гвардейская армия идет в бой. Возникший вследствие разгрома 62-й армии на правом берегу Дона кризис вынудил советское командование отказаться от первоначального плана ввода в сражение прибывающих резервов. 1-я гвардейская армия, предназначавшаяся Юго-Восточному фронту, теперь должна была пойти в бой на правом берегу Дона. Назначенный командующим 1-й гвардейской армией генерал К.С. Москаленко, успевший прибыть в штаб Юго-Восточного фронта

для знакомства с обстановкой, вернулся принимать войска армии в новом районе сосредоточения. В своих мемуарах Москаленко писал: «Была уже ночь, когда я попрощался с А.И. Еременко и Ф.И. Голиковым, а на рассвете машина умчала меня в район ст. Фролово. Где-то там разместился штаб 1-й гвардейской армии. Невдалеке от этой станции, а также соседней Иловли, как мне было известно, выгружались и войска армии, прибывавшие железнодорожными эшелонами. Невольно подумалось: опять предстоит принять командование и повести в бой армию, которая еще только формируется. Это предчувствие более чем оправдалось» [117] .

Немецкие пехотинцы наблюдают за полем боя, спрятавшись за подбитым танком Т-70

Однако необходимо подчеркнуть, что 1-я гвардейская армия стояла особняком в ряду других резервных армий. Бывший начальник штаба армии впоследствии вспоминал: «В ближайшие дни, как обещал товарищ Сталин, из-под Москвы к нам будет переброшена 1-я гвардейская армия, состоящая из первоклассных дивизий.

Еременко перебрал стопу бумаг на своем столе, вынул одну из них, пробежал глазами и не без гордости сказал:

– В состав 1-й гвардейской армии включены шесть стрелковых дивизий. Все – гвардейские, причем пять из них сформированы из воздушно-десантных корпусов. Численность каждой дивизии достигает 8 тысяч человек. Коммунисты составляют половину личного состава, все остальные, за редким исключением, – комсомольцы. Это замечательное объединение – впервые созданная в наших Вооруженных Силах гвардейская армия...» [118]

Здесь С.П. Иванов (или А.И. Еременко в его пересказе) несколько ошибается. Средняя численность дивизий 1-й гвардейской армии на момент ее прибытия под Сталинград, по донесениям, составляла около 10 тыс. человек. В гвардейских дивизиях новой армии имелось сверхштатное количество пистолетов-пулеметов, но не хватало ручных и станковых пулеметов. Укомплектованность соединений в среднем можно оценить как высокую.

Постигшая 62-ю армию катастрофа также заставила советское Верховное командование пересмотреть свое мнение о возможностях В.Н. Гордова руководить фронтом на стратегически важном направлении. По Директиве Ставки № 170562 от 23.00 9 августа Сталинградский фронт с 6.00 10 августа переходил в подчинение А.И. Еременко. По совместительству Еременко оставался командующим Юго-Восточным фронтом. Свою роль в этом назначении, по-видимому, сыграл успех Юго-Восточного в сдерживании прорыва противника под Абганерово.

Передача командования А.И. Еременко поначалу породила некоторое преобладание интересов Юго-Восточного фронта над интересами Сталинградского фронта. Выразилось это в постановке новым командующим задач 1-й гвардейской армии. Москаленко описал этот эпизод в своих мемуарах следующим образом:

«В этих условиях была, пожалуй, нереальной поставленная еще 8 августа командующим Юго-Восточным фронтом задача в кратчайший срок сосредоточить армию на рубеже р. Червленная в районе Скляров, Гавриловка, Ивановка, совхоз “Горная Поляна”. Это решение было принято с целью уплотнения обороны юго-западных подступов к Сталинграду в связи с прорывом войск 4-й танковой армии противника в районе ст. Тингута. Приказ был отменен, так как там восстановила положение 64-я армия, а в излучине Дона возникла угроза наступления противника в район севернее Сталинграда.

Но и после этого командующий Юго-Восточным фронтом лишь отчасти изменил свое решение. Так, утром 11 августа он подтвердил приказ о сосредоточении 1-й гвардейской армии на ближних подступах к Сталинграду, но теперь уже на рубеже рек Россошка и Червленная в районе Западновка, Бореславский, Гумрак, т.е. фронтом не на юго-запад, а на запад.

Иное решение было принято в тот день Ставкой Верховного Главнокомандования. Ее директива гласила, что войска 1-й гвардейской армии должны сосредоточиться на широком фронте в районе ст. Иловля. Далее указывалось, что ни одна дивизия этой армии не может вводиться в бой без разрешения Ставки» [119].

Таким образом, поначалу план использования 1-й гвардейской армии был лишь слегка откорректирован. Вместо подготовки позиций позади атакованной Готом 64-й армии Юго-Восточного фронта армия поворачивалась фронтом на запад. Тем самым армия Москаленко становилась страховочным поясом фронта на ближних подступах к Сталинграду. Ставку такой вариант не устраивал, и новую армию оттянули к правому флангу советских войск на сталинградском направлении. Сосредоточение дивизий армии Москаленко в районе Иловли позволяло использовать 1-ю гвардейскую армию как на восточном, так и на западном берегу Дона в зависимости от обстановки. Однако искушение нанести контрудар во фланг 6-й армии было слишком велико. По мере прибытия соединения 1-й гвардейской армии начали втягиваться на так называемый Сиротинский плацдарм, занимаемый 4-й танковой армией.

Итоги танкового сражения в большой излучине Дона

Для вермахта сражение в большой излучине Дона на первый взгляд являлось бесспорным успехом. 11 августа 1942 г. Паулюс докладывал в штаб группы армий «Б»: «оборона и наступление западнее Калача с 23.7 принесли 57 тысяч пленных, уничтожено более 1000 танков, уничтожено и захвачено 750 орудий всех типов». Первый вопрос, который возникает при изучении боев на Сталинградском фронте в конце июля и начале августа 1942 г.: куда делись танки?

Выше уже было немало сказано о характере действий танков в этом сражении, когда они вынуждены были атаковать без достаточной артиллерийской и пехотной поддержки. Это, разумеется, сказывалось на потерях. Однако представляет интерес то, чем, собственно, поражались советские танки в этот период, обратившись к данным обер-квартирмейстера 6-й армии о расходе боеприпасов за период с 20 июня по 10 июля 1942 г. Абсолютным лидером являлись, как ни странно, 75-мм выстрелы к танковым пушкам с кумулятивным снарядом Gr.Patr.38 (24-калиберные орудия танков Pz.IV и САУ «Штурмгешюц»), их было израсходовано 7062 штуки. Лето 1942 г. стало для немцев периодом массового использования кумулятивных боеприпасов. Производство обычных калиберных бронебойных снарядов к 75-мм длинноствольным танковым и противотанковым пушкам разворачивалось медленно. Вследствие этого в 1942 г. в целом 67,6% выпуска боеприпасов, предназначенных для поражения бронетехники, к орудиям САУ «Штурмгешюц» составляли кумулятивные снаряды [120].

Следующими по количеству израсходованных 6-й армией с 20 июля по 10 августа 1942 г. были 50-мм бронебойные выстрелы к длинноствольным танковым пушкам и противотанковым пушкам ПАК-38 – 5488 и 5609 соответственно. Подкалиберных снарядов к этим двум типам пушек было израсходовано соответственно 967 и 1354 штук. Еще одним лидером (особенно учитывая количество самих артсистем) были 76,2-мм трофейные орудия: к ним было расстреляно 1135 калиберных и

130 подкалиберных выстрелов. Достаточно низким на этом фоне был настрел боеприпасов к 37-мм орудиям ПАК-35/36 – 3594 калиберных и 1194 подкалиберных выстрела. Новые средства борьбы были в некотором смысле аутсайдерами: 75-мм выстрелов к длинноствольным танковым пушкам 6-я армия расстреляла 1 649 штук, а к 75-мм ПАК-40 – 608 выстрелов. Судя по всему, из ПАК-40 стремились стрелять по танкам, опознаваемым как КВ, как приписывала инструкция. В сравнении с этими величинами немало было выпущено кумулятивных снарядов к 105-мм гаубицам – 766 штук.

По приведенным данным хорошо видно, что у 6-й армии было более чем достаточно средств для поражения многочисленных танков разных типов, от КВ до Т-60 и БТ, вводившихся в бой командованием Сталинградского фронта. Без подавления системы противотанковой обороны артиллерией танковые атаки неизбежно приводили к большим потерям в бронетехнике.

Собственно, одной из проблем лета – осени 1942 г. стала утрата советскими танками той относительной «неуязвимости», которой они обладали в 1941 г. Снаряды новых типов наши танкисты иногда называли «термитными». Теперь немецкая артиллерия уверенно поражала даже тяжелые КВ. В отчете командира 158-й танковой бригады указывалось: «Противник имеет новую противотанковую пушку порядка 57-мм калибра, которая с больших дистанций (1200 метров) легко пробивает броню КВ, а снаряд ее воспламеняет машину» [121]. Речь идет, скорее всего, о кумулятивных боеприпасах к 75-мм танковым и противотанковым пушкам, упоминавшихся выше. 57 мм получилось за счет измерения диаметра пробойны от кумулятивной струи.

Также против советских танкистов играли, казалось бы, второстепенные элементы конструкции танков – приборы наблюдения, промахи проектировщиков. В отчете, написанном по итогам боев под Сталинградом в июле – сентябре 1942 г. командиром 13-го танкового корпуса Т.И. Танасчишиным, указывались следующие недостатки «тридцатьчетверок»:

«5. В ходе боев с очевидностью установлено, что приборы наблюдения танка Т-34 не позволяют вести достаточный обзор в условиях пересеченной местности.

6. Пушка танка Т-34 пробивает броню всех немецких танков на дистанции 1200 метров и ближе. Самоходная же немецкая пушка пробивает броню танка Т-34 на дистанции 2 км. Для того чтобы иметь равноценное оружие, необходимо на часть (каждый десятый) танков монтировать 85-мм противотанковую пушку, равноценную немецкой самоходной. Причем настоятельно необходимо лоб и башню этой машины экранировать, доводя суммарную толщину брони до 250–300 мм и обеспечивая крыши башни и корпуса 100-мм броней» [122].

По большому счету, вопрос был не в общих принципах использования танковых войск, а в их правильном тактическом применении. Быстрая переброска (часто своим ходом) и ввод в бой с марша – это типичная задача механизированного соединения. Сплошь и рядом советские и немецкие танковые дивизии или корпуса вступали в бой по частям, по мере прибытия в район проведения оборонительной операции. Причем это касается не только провальных, но и вполне успешных оборонительных операций. Например, по частям вводилась в бой дивизия СС «Тотенкопф» в ходе блистательного контрудара Манштейна под Харьковом в феврале – марте 1943 г. Проблема обеспечения эффективности использования подвижного соединения для контрудара лежит в плоскости его организационной структуры и тактики использования.

В этом отношении показательны предложения по организационной структуре танковой бригады в отчете заместителя командующего Сталинградским фронтом по автобронетанковым войскам генерал-майора танковых войск Новикова (орфография сохранена):

«На основе опыта проведенных боев считаю необходимым танковую бригаду иметь в следующем составе:

- а) вместо двух батальонов в бригаде иметь три танковых батальона по 20 танков в каждом;
- б) вместо мотострелкового батальона в бригаде иметь легкий мотострелковый полк трехбатальонного состава по 450–500 чел. Активных штыков в том числе по одной роте автоматчиков;
- в) артиллерийский дивизион 122 мм гаубиц в составе трех батарей по 4 орудия;
- г) минометный батальон в составе трех рот по 6 минометов в каждой роте;
- д) противотанковую и зенитную артиллерию в прежнем составе в качестве транспортных средств иметь БАНТАМ или ВИЛЛИС;
- е) разведывательную роту в составе взвод бронетранспортеров или Т-60, взвод пеших

разведчиков, взвод мотоциклистов;

ж) ремонтную роту, тыловые подразделения и штаб[б]брига[ады] оставить в прежнем составе. В управлении бригады иметь начальника артиллерии и двух его помощников» [123] .

Отсутствие артиллерии калибром свыше 76 мм было существенным недостатком советских танковых соединений образца 1942 г. Без 122-мм гаубиц подавление противотанковой обороны противника встречало серьезные затруднения. Создание танковых корпусов весной 1942 г. было большим шагом вперед. Эксперименты с танковыми армиями летом 1942 г. также многое дали для создания советского танкового меча. Но подтянуться до уровня немецких мотомеханизированных соединений пока не удавалось. Описанная Новиковым структура напоминает боевую группу немецкой танковой дивизии, сочетающую танки, мотопехоту и гаубичную артиллерию.

Однако было бы ошибкой оценивать контрудары танковых корпусов как безрезультатные. Армия теряла время и несла ощутимые потери в людях. Потери, понесенные участвовавшими в боях в большой излучине Дона дивизиями 6-й армии, показаны в таблице.

ПОТЕРИ СОЕДИНЕНИЙ 6-й АРМИИ ГА «Б», ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА. 21 ИЮЛЯ – 10 АВГУСТА 1942 г. [124]

	Убитые	Раненые	Пропавшие без вести	Заболевшие	Всего
Упр. 6 армии ³	15	28	0	3 011	3054
Упр. XIV тк	35	100	6	13	154
16 тд	189	818	7	62	1076
3 мд	337	1174	29	241	1781
60 мд	219	912	38	101	1270

	Убитые	Раненые	Пропавшие без вести	Заболевшие	Всего
Упр. VIII АК	43	199	7	44	293
100 лпд	449	1131	201	43	1824
113 пд	313	1058	40	89	1500
305 пд	158	171	17	38	384
376 пд	101	357	47	290	795
384 пд	123	357	36	225	741
Упр. II АК	12	25	0	15	52
297 пд	283	1245	12	66	1606
71 пд	264	1115	18	46	1443
44 пд	212	909	23	95	1239
Упр. XXIV тк	4	31	0	57	92
24 тд	197	1 119	3	224	1543
389 пд (1–10.8)	151	610	18	9	788
76 пд (1–10.8)	53	144	1	88	286
295 пд (1–10.8)	116	290	4	4	414
Всего	3274	11 793	507	4761	20 335

Бросятся в глаза высокие потери армии Паулюса заболевшими, нехарактерные, например, для лета 1941 г. В некоторых соединениях потери заболевшими сопоставимы с боевыми потерями. Однако также хорошо видно, что в наибольшей степени пострадали дивизии, с самого начала сражения вовлеченные в бои в излучине Дона и, по существу, ставшие жертвой ошибок в оценке противника. В ЖБД 6-й армии еще 31 июля отмечалось: «Для дальнейших операций против Сталинграда имеющиеся силы представляются очень слабыми. 297, 44, 113-я пд и 100-я егерская дивизия очень ослаблены потерями» [125]. Все это в ближайшей перспективе создало ситуацию, когда у 6-й армии не оказалось достаточно сил, чтобы сделать последний решающий шаг. В крайне невыгодных условиях, при нехватке артиллерии и органических недостатках танковых соединений резервные армии методично снижали боевые возможности самой сильной армии вермахта на Восточном фронте.

Ликвидация Сиротинского плацдарма

Еще в разгар боев в излучине Дона ОКХ и командование 6-й армии размышляли о плане дальнейших действий. В телефонограмме в ОКХ 7 августа 1942 г. штаб Паулюса вполне однозначно обрисовал свои намерения и побудительные мотивы для нанесения удара именно в районе Сиротинской: «Предварительным условием любого наступления на Сталинград является разгром противника в излучине Дона перед VIII АК, поскольку в противном случае любое наступление будет фланкировано с севера, а крупные собственные силы окажутся связаны. Армия планирует уже во время очистки котла постепенно вывести из боя подвижные соединения и сосредоточить их позади фронта VIII АК».

В отличие от легкомысленного плана наступления на Сталинград от 20 июля, новое немецкое наступление предусматривало удар по сходящимся направлениям. Это были типичные для немецкой школы «асимметричные канны»: «Подвижные соединения должны из района Дальнего Перекопского наступать по гребню высот на Дон западнее и юго-западнее Качалинской, при этом пехота должна прикрывать их фланги. На южном фланге пехотные дивизии должны наступать вдоль Дона на север, чтобы отрезать и уничтожить по возможности крупные силы русских» [126]. Это означало, что XIV танковый корпус нацеливался на срезание фронта советских войск словно серпом, от центра к восточному флангу. Навстречу танкам вдоль Дона наносился удар пехотой.

Над теми войсками, от которых Сталин требовал помощи окруженным частям 62-й армии, нависла смертельная опасность. Упорное сопротивление окруженцев не позволило немцам, как они планировали, вывести из боя XIV корпус еще до ликвидации «котла». Однако это лишь отсрочило удар по советской 4-й танковой армии. Обладая стратегической инициативой, немецкие войска могли последовательным сосредоточением сил обеспечивать себе превосходство на направлении главного удара и громить противника, не обладая общим превосходством в силах. Обороняющиеся советские войска чаще всего не могли угадать направление следующего удара, поскольку вскрыть перегруппировку подвижных соединений было крайне затруднительно.

Следует сказать, что само по себе осознание опасности в советских штабах присутствовало. 4-я танковая армия перешла к обороне и укрепляла рубежи с целью удержания плацдарма на западном берегу р. Дон. Что же могли противопоставить противнику советские войска на Сиротинском плацдарме? Понесшие потери в ходе неуспешных контрударов соединения 4-й танковой армии к тому моменту насчитывали: 18-я стрелковая дивизия – 8724 человека, 184-я стрелковая дивизия – 3950 человек, 192-я стрелковая дивизия – 4965 человек, 205-я стрелковая дивизия – 8374 человека, 321-я стрелковая дивизия – 7544 человека [127]. Никаких танковых корпусов в распоряжении командарма-4 Крюченкина уже не было. Единственным подвижным резервом 4-й танковой армии была 182-я танковая бригада, имевшая 10 Т-34, 6 Т-70 и 20 Т-60. Кроме того, на усиление армии передавались ряд новых стрелковых и артиллерийских частей и соединений. Это были 22-я противотанковая бригада, 39-я и 40-я гвардейские стрелковые дивизии, 343-я стрелковая дивизия (8677 человек [128]). Однако к началу немецкого наступления они еще находились в процессе сосредоточения. Причинами запаздывания сосредоточения были как низкая подвижность стрелковых частей, так и недостаточное количество переправ через Дон.

В итоге на шесть стрелковых дивизий 4-й танковой армии нацелились четыре корпуса армии Паулюса: XIV и XXIV танковые, VIII и XI армейские корпуса. В основном была задействована

пехота (24-я танковая дивизия была передана 4-й танковой армии Гота для удара по Сталинграду с юго-востока).

Усугубляя традиционную для обороняющегося проблему вскрытия планов противника, 13 августа началось запланированное Паулюсом частное наступление XI армейского корпуса на правом фланге 4-й танковой армии. Добившись локального вклинения, немцы дезориентировали советское командование относительно направления главного удара.

Новое немецкое наступление началось ранним утром 15 августа с двухчасовой артиллерийской и авиационной подготовки. Советские пехотинцы на направлении главного удара противника оказали ожесточенное сопротивление, скрывшись в балках во время танковой атаки: они пропустили немецкие танки и атаковали следовавшие за ними части. Танкам пришлось возвращаться для подавления оставшихся очагов сопротивления. Однако чуда не произошло, и в конечном итоге слабый центр обороны 4-й танковой армии был прорван. Немногочисленные танки 182-й танковой бригады, выдвинутые навстречу немецкому наступлению, вскоре были перебиты. Уже в середине первого дня немецкого наступления порядки армии Крюченкина были рассеяны надвое танковым ударом. Усугублялась ситуация ударом на левом фланге армии немецкого XXIV танкового корпуса (76-я и 295-я пд) вдоль Дона. В 17.00 15 августа под нажимом немецкой пехоты начался беспорядочный отход 184-й и 18-й стрелковых дивизий к Трехостровной. К полуночи 60-я моторизованная дивизия вышла к переправе у Сиротинской. 16 августа 16-я танковая дивизия прорвалась к Дону у Ниж. Акатова, а во второй половине дня – к переправе у Трехостровной, лишив отходящие советские части возможности организованно переправиться через реку. Переправу через Дон у Трехостровной удалось частично разрушить, уже когда по ней неслись немецкие бронетранспортеры. Также немцами были занят плацдарм на восточном берегу Дона в районе Акатова, но впоследствии он был эвакуирован.

В сущности, 4-я танковая армия в августе 1942 г. наглядно продемонстрировала, что произошло бы, не окажись в излучине Дона танковых армий в июле месяце. С оперативной точки зрения положение дивизий армии Крюченкина на 15 августа повторяло построение 62-й армии к 23 июля. Перед нами несколько стрелковых дивизий, вытянутых в линию, опирающуюся флангами на Дон. Соответственно, немцы наносят удар и сразу же прорываются к основным переправам. Отрезанные от переправ стрелковые части окружаются или расплющиваются о берег Дона. Стандартного сценария «немцы вколачивают клин, танковые корпуса осыпают его ударами, время тикает» в ходе ликвидации Сиротинского плацдарма не было. События развивались с ужасающей стремительностью.

Быстрый развал обороны 4-й танковой армии сорвал сосредоточение 1-й гвардейской армии. Две ее дивизии попали под удар и понесли большие потери. Так, по состоянию на 18 августа 39-я гв. стрелковая дивизия насчитывала 10 721 человека, а на 20 августа – 4158 человек [129]. 40-я гв. стрелковая дивизия пострадала в меньшей степени: на 25 августа она насчитывала 8319 человек [130]. План использования 1-й гвардейской армии пришлось менять на лету. Командующий армией К.С. Москаленко вспоминал: «Решение командующего фронтом предусматривало ввести в бой утром 16 августа 39-ю, 40-ю гвардейские стрелковые дивизии, а позднее выгрузившуюся 37-ю гвардейскую под командованием генерал-майора В.Г. Жолудева с целью остановить наступление противника и удержать в наших руках плацдарм в малой излучине Дона. В северную часть этой излучины – в район Шохин, Дубовый – было приказано выдвинуть 40-ю, а в южную, на участок Хлебный, Трехостровская, – 37-ю и 39-ю гвардейские дивизии. При этом две последние включались в состав 4-й танковой армии. Потерявшие же с ней связь остатки правобережных 321-й, 205-й и 343-й стрелковых дивизий передавались в 1-ю гвардейскую армию» [131].

Ввод гвардейских дивизий армии К.С. Москаленко позволил избежать полной потери плацдарма в малой излучине Дона. Основные усилия немецкого наступления сосредотачивались на правом фланге, и левофланговый XI армейский корпус особого успеха в добывании отходящих советских дивизий не добился.

От полнокровных дивизий, введенных в бой в составе 4-й танковой армии в начале августа, через три недели боев остались жалкие лохмотья. Самым кровопролитным был период с 15 по 20 августа. На 20 августа в составе 18-й стрелковой дивизии остался 1281 человек, в 184-й стрелковой дивизии – 676 человек, 192-й стрелковой дивизии – 1238 человек, в 321-й стрелковой дивизии – 4356 человек. Вместе с тем не следует думать, что успех на плацдарме в районе

Серафимовича достался немцам легко и непринужденно, что они лишь рассеяли советские части прорывом к переправам. Имел место быстрый силовой разгром 4-й танковой армии превосходящими силами. Об этом красноречиво свидетельствует расход боеприпасов. По данным обер-квартирмейстера VIII армейского корпуса, в период с 15 по 22 августа было израсходовано 8272 выстрела к легкой полевой артиллерии и 4566 выстрела к тяжелой полевой артиллерии [132]. Соответственно в период боев в излучине Дона в начальной фазе сражения, с 18 июля по 4 августа 1942 г., было израсходовано 10 172 выстрела к легкой полевой артиллерии и 2320 выстрелов к тяжелой полевой артиллерии [133]. То есть в ходе разгрома советской 4-й танковой армии VIII корпус стрелял как минимум не меньше, чем в ходе танкового сражения в большой излучине Дона.

Также в процессе разгрома 4-й танковой армии соединения 6-й армии понесли достаточно чувствительные потери (см. таблицу).

**ПОТЕРИ СОЕДИНЕНИЙ 6-й АРМИИ, УЧАСТВОВАВШИХ В ЛИКВИДАЦИИ
СИРОТИНСКОГО ПЛАЦДАРМА 10–20 АВГУСТА 1942 г. [134]**

	убитые	Раненные	Пропавшие без вести	Заболевшие	Всего
Упр. 6 армии ⁴	4	49	–	1005	1058
Упр. XIV тк	7	27	–	6	40
16 тд	91	243	–	24	358

	убитые	Раненные	Пропавшие без вести	Заболевшие	Всего
3 мд	18	76	–	72	166
60 мд	38	140	2	74	254
Упр. VIII АК	–	8	–	3	11
100 лпд	159	722	22	69	972
305 пд	164	540	27	39	770
Упр. XI АК	2	28	–	10	40
376 пд	99	314	28	132	573
384 пд	143	589	9	31	772
Упр. XXIV тк ¹	–	–	–	–	–
389 пд	170	631	42	28	871
76 пд	90	481	11	23	605
295 пд	51	239	3	10	303
Всего	1036	4087	144	1526	6793

Согласно донесению, потери за этот временной отрезок отсутствуют.

Как видно из приведенных здесь и выше данных, потери немецких соединений были существенно ниже советских. Однако для пехоты 6-й армии сражение за Сиротинский плацдарм все равно было достаточно кровопролитным. Причем потери подвижных соединений были невелики, а вот пехотные дивизии понесли ощутимые потери в боях с окруженными и отрезанными от своих частями 4-й танковой армии. Так или иначе, крупный советский плацдарм на правом берегу Дона перестал существовать. 19 августа основной целью 6-й армии стал Сталинград, до которого оставалось всего около 60 км.

Командующий 4-м воздушным флотом Вольфрам фон Рихтгофен несколько позднее, 21 августа 1942 г., пролетая в районе Калача, записал в дневнике: «Необычно много подбитых танков и убитых русских». В устах человека, который вел VIII авиакорпус через бои в Белоруссии в 1941 г., а также через Вяземский «котел» октября 1941 г., эти слова звучали особенно впечатляюще.

Впрочем, следует признать, что открытая местность в большой излучине Дона позволяла видеть поле сражения лучше, чем леса Белоруссии и Подмоскovie.

Армированная оборона I. Абганерово

Немецкое командование постепенно наращивало масштабы ударов по сходящимся направлениям. Вначале это было наступление северной группировки немецкой 6-й армии (XIV танкового и VIII армейского корпусов) на правом фланге 62-й армии. Затем масштаб «канн» был увеличен, и удары были нанесены северной и южной ударными группами армии Паулюса в направлении на Калач. Последним шагом по увеличению масштабов возможного окружения советских войск на дальних подступах к Сталинграду стало привлечение к наступлению 4-й танковой армии Г. Гота. Это позволяло обойти висящий в воздухе южный фланг Сталинградского фронта и ударом на Сталинград охватить не только 62-ю, но и 64-ю армию.

«...не занят никакими частями». 30 июля, в тот день, когда XXXX танковый корпус армии Гота занял плацдарм на реке Маныч, 4-я танковая армия была передана из группы армий «А» в группу армий «Б». В этот день Гальдер записал в дневнике: «На докладе у фюрера слово было дано генералу Йодлю, который высокопарно объявил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом. Поэтому необходима передача сил из группы армий “А” в группу армий “Б”, и это должно произойти как можно дальше к югу от Дона. Таким образом, в совершенно новой сервировке преподносится та самая мысль, которую я высказал фюреру шесть дней тому назад, при форсировании 4-й танковой армией Дона. Но тогда досточтимая компания из ОКВ ничего не поняла».

Поскольку армия Гота оказалась между двумя операционными направлениями – сталинградским и кавказским, ее соединения активно растаскивались между ними. 23 июля XXIV танковый корпус был передан 6-й армии, затем XXXX танковый корпус был переподчинен группе армий «А». Дивизия «Великая Германия» была вообще изъята из состава немецких войск в южном секторе фронта. Вскоре она пошла в бой под Ржевом. После этих мероприятий в 4-й танковой армии остались следующие соединения:

XXXXVIII танковый корпус (14-я танковая и 29-я моторизованная дивизия);

IV армейский корпус (94-я и 371-я пехотные дивизии);

в пути находился 6-й румынский армейский корпус (1-я и 2-я румынские пехотные дивизии).

Всего армия Гота на начальном этапе своего участия в сражении за Сталинград имела в своем составе одну танковую, одну моторизованную, две немецкие и две румынские пехотные дивизии. По боевому составу она была существенно слабее армии Паулюса. Однако действовать 4-й танковой армии предстояло на открытом фланге Сталинградского фронта, и даже небольшие силы могли доставить крупные неприятности.

Прорыв 4-й танковой армии на южный берег Дона фактически отсек 51-ю армию от главных сил Северо-Кавказского фронта. Точно так же как корпуса группы армий «А» и «Б» разделялись между двумя основными операционными направлениями, происходило разделение противостоящих им советских войск. Директивой Ставки ВГК № 170539 «в целях удобства управления» 51-я армия с 12.00 31 июля 1942 г. передавалась в состав Сталинградского фронта. Силы сторон окончательно разделились между Кавказом и Сталинградом. В промежутке между советскими и немецкими армиями на двух этих направлениях осталась только тонкая мембрана завесы в калмыцких степях. Немецким командованием была выделена в состав завесы 16-я моторизованная дивизия.

Нельзя сказать, что кризис на стыке с Северо-Кавказским фронтом был неожиданностью для советского командования. Обход южного фланга вновь выстроенного фронта резервных армий и удар в мягкое подбрюшье оборонявших Сталинград войск был легко прогнозируемым ходом. Еще 16 июля Я.Н. Федоренко шифровкой сообщал А. Василевскому: «Особо опасным районом и ничем пока необеспеченным считаю левый фланг 62 армии и правый фланг С[еверо-]К[авказского]Ф[ронта]» [135]. Федоренко предложил усилить это направление одной стрелковой дивизией и танковой бригадой и просил Василевского дать соответствующие указания командованию фронта.

Однако между осознанием опасности и технической возможностью принять контрмеры лежит пропасть. В переговорах штаба фронта со Ставкой ВГК 28 июля 1942 г. на вопрос «Скажите, кем занят в настоящее время юго-западный фас сталинградского внешнего обвода от ст. Красный Дон до

Райгорода?» на телеграфной ленте был отбит лаконичный ответ: «Юго-Западный фас Сталинградского обвода не занят никакими частями». Курсантские полки к тому моменту были задействованы в большой излучине Дона, а дивизии с Дальнего Востока были еще в пути. В итоге было принято решение выдвигать на обвод 38-ю и 244-ю стрелковые дивизии 2-тысячного состава. Они находились на восстановлении в составе 57-й армии.

Командующий 4-й танковой армией Герман Гот, активный участник всех крупных сражений на Восточном фронте в 1941–1943 гг. Он не написал увлекательных мемуаров и потому остался в тени других немецких военачальников

По мере прибытия дивизий с Дальнего Востока и переформирования танковых бригад предложение Федоренко о создании боевой группы из стрелковой дивизии и танковой бригады получило практическую реализацию. В боевом распоряжении штаба фронта № 00166/оп от 20.10 1 августа 1942 г. для восстановления положения на фронте 51-й армии выделялись 208-я стрелковая дивизия, 6-я гв. танковая бригада, арtpолк и инженерный батальон. Все эти части и соединения перевозились в район Курмоярского по железной дороге. В переговорах по прямому проводу с Василевским на следующий день (2 августа) Гордов сообщал, что планирует выдвигать во втором эшелоне за 208-й стрелковой дивизией в 51-ю армию 126-ю и 422-ю стрелковые дивизии. Таким образом, из десяти прибывающих в состав Сталинградского фронта дивизий три притянул к себе прорыв Гота на котельниковском направлении. Именно здесь развернулись события, которые я бы назвал одним из наиболее страшных эпизодов Сталинградской битвы. Неудачи под Воронежем вызвали цепную реакцию по всей стране. Вновь, как в 1941 г. под Москвой, понадобились дивизии с Дальнего Востока. Одним из таких соединений была вышеупомянутая 208-я стрелковая дивизия. Она была сформирована еще в 1941 г. в Приморском крае, но в тяжелую зиму 1941/42 г. оставалась в составе Дальневосточного фронта. К лету 1942 г. дивизия насчитывала 13 360 человек и была полностью укомплектована всем необходимым имуществом и автотранспортом. Времени на обучение у бойцов и командиров было более чем достаточно. На учениях в июне 1942 г. соединение

получило от комфронта Апанасенко оценку «хорошо». Командовал 208-й дивизией полковник Константин Михайлович Воскобойников, назначенный комдивом в мае 1942 г. Боевого опыта он не имел, ранее командовал полком другой дальневосточной дивизии.

208-я стрелковая дивизия была укомплектована молодыми возрастами, от 25 до 32 лет, 80% русских, 20% других национальностей. Резкие перемены в судьбе этих молодых и полных сил людей наступили с началом операции «Блау» – 12 июля 1942 г., когда по приказу Ставки 208-я дивизия была снята с Дальнего Востока и отправилась под Сталинград. Трудно сказать, с какими чувствами ехали на запад воины-дальневосточники. Однако я, скорее всего, не сильно ошибусь, если предположу, что они хотели быстрее вступить в бой, внести свой вклад в войну, которая шла уже более года на другом конце страны. После долгого путешествия через весь СССР дивизия полковника Воскобойникова 31 июля была в Сталинграде. Здесь в штабе фронта командир дивизии получил задачу: следовать по железной дороге через Котельниково на Цимлянскую.

«По машинам!» Танковые экипажи перед посадкой в танки на площадке СТЗ. Лето 1942 г.

Фактически еще в то время, как полковник Воскобойников был в штабе фронта и получал боевую задачу, эшелоны с дальневосточниками уже двигались по назначенному маршруту. Ранним утром 1 августа 1942 г. два передовых эшелона втягивались на станцию Котельниково. К тому моменту она уже была занята танками Гота. Батальоны были вынуждены под огнем танковых орудий и пулеметов выгружаться из вагонов и принимать бой. Третий эшелон в 8.00 1 августа попал под удар немецкой авиации на разъезде Курмоярский и был уничтожен, не успев вступить в бой. Ехавшие в эшелонах бойцы и командиры явно представляли себе свой первый бой совсем не таким, каким он получился в реальности. Они думали встретить врага в окопах в обороне или атаковать его, оглушенного артиллерией. Но под Котельниково не было ни окопов, ни артиллерии. Были вагоны, выжженная солнцем степь и немецкие танки. Относительно организованно выгрузился только четвертый эшелон 208-й стрелковой дивизии. Он в 8.00 прибыл на станцию Гремячий, следующую за разъездом Курмоярский, на 22 км ближе к Сталинграду. В этом эшелоне следовали штаб дивизии,

саперный батальон, батальон связи. Такой состав хорошо подходил для организации командного пункта соединения, но мало подходил на роль передового отряда. Тем не менее он пешим порядком выступил к Котельниково, несколько раз подвергшись по дороге нескольким ударам с воздуха в отрытой степи. Пятый эшелон также успешно выгрузился в Гремячем. На этом везение дальневосточников закончилось. Прибывший в ночь на 2 августа на станцию Чилеково шестой эшелон 208-й дивизии был задержан комендантом «из-за отсутствия воинской площадки». Промедление оказалось роковым. Уже в 5.00 2 августа последовал удар двух десятков немецких бомбардировщиков, которые разнесли эшелон на куски.

Можно представить себе состояние полковника Воскобойникова, когда он на машине догнал эшелон со своим штабом в Гремячем в 11.00 1 августа. Он сразу отправился к Котельниково, чтобы собрать подчиненные ему части, в одночасье оказавшиеся разметанными по степи немецкими танками и авиацией. В довершение всех бед дальневосточникам пришлось сражаться в условиях нехватки снарядов и патронов. Два эшелона боеприпасов, прибывшие на станцию Гремячий, были разбиты немецкой авиацией. К утру 2 августа разрозненные части 208-й дивизии были отброшены от Котельниково, к утру следующего дня – от разъезда Курмоярского, и только в 3–4 км от Гремячего натиск немецких частей был приостановлен.

Фактически развертывание дивизии на каком-то определенном рубеже было сорвано. Войска с той или иной степенью хаотичности выгружались вдоль железной дороги на Котельниково. В.И. Чуйков вспоминал:

«Возле разъезда Небыковский батальон бойцов 208-й стрелковой дивизии, развернувшись цепью фронтом на юг, рыл окопы. Командир батальона доложил, что, узнав от отходящих с юга о появлении немецких танков в Котельниково, он по своей инициативе решил занять оборону. Где командир полка или дивизии, он не знал, поскольку его батальон только выгрузили. Я одобрил действия этого командира батальона, приказав задерживать отходящих, и обещал дать ему связь от ближайшего штаба, который надеялся найти на станции Чилеков».

Если быть точным, то Небыковский (Небыково) – это населенный пункт рядом с Чилеково. Станции такой на карте железных дорог того времени просто нет. Но не суть важно. Неизвестного комбата трудно в чем-либо упрекнуть: под угрозой прорыва вражеских танков нужно было занимать оборону. Однако в итоге в распоряжении полковника Воскобойникова оказалось меньше половины соединения. Под Гремячим из состава 208-й стрелковой дивизии собрались четыре стрелковых батальона, один артиллерийский дивизион, противотанковый дивизион и батарея полковых пушек. В ночь на 4 августа полковник Воскобойников решил отвести собравшиеся в районе Гремячего части под Чилеково. Однако в сражении с моторизованным противником отход – это очень опасный маневр. Ранним утром 4 августа последовал последний акт драмы. Наступающие вдоль железной дороги немцы сначала атаковали на марше отходящие части, а затем сбили с позиций не успевшие закрепиться под Чилеково подразделения. В бою под Чилеково погибли полковник Воскобойников и комиссар дивизии Малофеев. Сбор оставшихся частей 208-й стрелковой дивизии состоялся уже под Абганерово и у разъезда 74 км. Последний удар по ней нанесли августовские бои. Формально дивизия была расформирована по Приказу НКО СССР № 00248 от 28.11.1942.

Однако свою роль разрозненные подразделения 208-й стрелковой дивизии, принявшие бой прямо в эшелонах, все же сыграли. От наступления строго вдоль железной дороги Гот отказался и предпочел выполнить широкий обходной маневр по степи.

150 км по степи. Но в открытой танкодоступной местности, да еще летом, удерживать противника обороной направлений было невозможно. Сменив направление удара, наступающие немцы прорвали оборонявшую фронт 20–25 км 38-ю стрелковую дивизию (численностью 1685 человек на 25 июля) 57-й армии и преодолели Сталинградский обвод. Это было сделано широким обходным маневром, ставшим своеобразным рекордом не только для 14-й танковой дивизии, но и для всего Восточного фронта. Он описан в истории соединения следующим образом: «3 августа дивизия – впереди снова быстрый К64 [мотоциклетный батальон] – выступила из района Ремонтная в большой марш, приведший ее в непосредственную близость к Сталинграду. Тропический зной в степи без признаков тени и непроницаемая, осязаемо плотная завеса из пыли снова потребовали от людей и моторов предельного напряжения сил. Короткий отдых в полдень, и снова громохание маршевой колонны в степных просторах. К быстро наступившей ночи авангард достиг поставленной цели – через Жутов 2 к мосту у Аксай. Дорога была найдена с трудом, карты

были для ищущих плохой поддержкой. Положиться можно было только на полевой компас. За 15 часов пройдено 150 км, “дневное достижение, до сих пор не наблюдавшееся ни у одного танкового полка в России”, как гордо звучало в дневном донесении 36-го танкового полка. При этом, однако, подошли к концу и запасы горючего. Проникнуть в широкий разрыв вражеского фронта и теперь стоять без движения!» [136]

Однако в конце 150-км пути немецких танкистов ждал неприятный сюрприз: четыре десятка «тридцатьчетверок-сталинградок». Веское слово в сражении с наступающими соединениями Гота сказали танки. Вообще, немцам крупно «повезло» с тем, что им пришлось наступать на город, в котором работал на всю катушку крупный танковый завод. Восстановление танковых частей происходило быстрыми темпами. После тяжелых июльских боев на Дону 6-я гв. танковая бригада была отведена в Сталинград. Технику она получала прямо с завода, а людей – со сталинградского автобронетанкового центра. К 1 августа бригада была доведена до штатного состава. В отличие от многих других бригад на советско-германском фронте она имела однородный состав, 44 танка Т-34, никаких убогих легких танков. Сомнительное приобретение в лице танков Т-70 она получила позднее, в качестве пополнения. В ночь на 3 августа 6-я гв. танковая бригада была погружена в эшелоны и отправлена в район Котельниково – Дубовское. Однако до Котельниково 6-я гв. танковая бригада не добралась. Не доезжая даже до Абганеро, бригада была выгружена на станции Тингута и своим ходом вышла в район станции Абганеро. Здесь же находилась «сибирская» 126-я стрелковая дивизия. Фактически 6-я гв. танковая бригада оказалась у Абганеро тем роялем в кустах, которого так не доставало при отражении первых ударов немцев на других направлениях. Атаковавшего 5 августа станцию Абганеро противника встретил огонь танков с подготовленных позиций. Танкистами было заявлено об 10 подбитых и сгоревших немецких танках. Собственные потери 6-й гв. танковой бригады составили всего один танк, подбитый артогнем.

Встретив ожесточенное сопротивление на подступах к станции Абганеро и испытывая нехватку горючего, XXXXVIII танковый корпус перешел к обороне. Быстрого прорыва к Сталинграду с юга не получилось. Оставалось ждать подтягивания основных сил 4-й танковой армии и взламывать оборону при поддержке пехоты. Затерянный в выжженной солнцем степи разъезд «74 км» не стал еще одной точкой, мелькнувшей мимо пылящих к Сталинграду колонн. Этому разъезду, отмеченному отнюдь не на всех картах, предстояло на несколько дней стать ареной напряженных танковых боев.

К прорыву немецкой 4-й танковой армии через Сталинградский обвод и выходу к Абганеро подоспела Директива Ставки ВГК №170554 о создании нового фронта. «В целях удобства управления» Сталинградский фронт разделялся надвое – Сталинградский и Юго-Восточный. Распределение армий между двумя фронтами было следующим:

«...фронты иметь в составе: Сталинградский – 63, 21, 62 и 4 танковой армии, 28 танк. корпуса; Юго-Восточный фронт – 64 армии (29, 204, 131, 38 и 15 гв. стр. дивизий, 6 гв. танк. бригады), 51 армии (138, 157, 91, 302 и 208 стр. дивизий, 115 кд, 135 и 155 танк. бригад), 1 гвард. армии (37, 38, 39, 40 и 41 гвард. стр. дивизий), 57 армии (35 и 36 гвар. стр. дивизий, 126, 244 и 422 сд), 13 танк. корпуса.

Одновременно в составе 64 и 51 армий передать Юго-Восточному фронту все специальные части обслуживания этих армий, а также все войска (училища, артиллерийские части и части 118 УР), расположенные по южному фасу Сталинградского внешнего обвода.

Половину всей авиации Сталинградского фронта передать в состав Юго-Восточного фронта» [137].

Командующим новым фронтом был назначен генерал-полковник А.И. Еременко, начальником штаба – генерал-майор Г.Ф. Захаров. Фронтовое управление формировалось за счет упраздненного Южного фронта и 1-й танковой армии. Сразу бросается в глаза, что Юго-Восточному фронту предназначалась 1-я гвардейская армия, вынужденно задействованная в большой излучине Дона, когда там случился «котел». Новая армия безнадежно опоздала к занятию позиций на южном фасе Сталинградского обвода. В итоге под управлением Юго-Восточного фронта оказались только 64, 51 и 57-я армии. Еременко в мемуарах сетует на трудности, возникшие вследствие проведения разграничительной линии между фронтами через Сталинград, само по себе разделение войск между двумя фронтами было вполне логичным. Наступление противника на Сталинград развивалось по двум направлениям, и каждому направлению соответствовал свой фронт. Один фронт оборонялся

фронтом на северо-запад, а второй – на юго-запад и юг. Ударов в стык между фронтами немцы не наносили. Одним словом, претензии А.И. Еременко к Верховному командованию и Генштабу выглядят безосновательными.

С позиций сегодняшнего дня парирование прорыва XXXXVIII корпуса у Абганерово выглядит большим успехом и даже удачей. Опоздай 6-я гв. танковая бригада или даже проскочи дальше, к Котельниково, 150-км марш немцев мог обернуться катастрофой. И так они оказались в 30 км от Сталинграда. Но в августе 1942 г. сбивание линии фронта со столь долго строившихся позиций было сочтено крупным проколом. 6 августа И.В. Сталин адресовал командованию Сталинградского фронта раздраженную тираду, облеченную в форму Директивы Ставки № 170556: «Ставка Верховного Главнокомандования возмущена тем, что Вы допустили прорыв танков противника через южный фас Сталинградского обвода, не оказав ему здесь должного сопротивления и категорически требует под Вашу личную ответственность в течение сегодняшнего дня во что бы то ни стало восстановить положение по Сталинградскому обводу, уничтожив прорвавшиеся танки противника или отбросив их на юг» [138]. Восстановить линию фронта по Сталинградскому обводу без 1-й гв. армии было, пожалуй, уже невозможно. Речь могла идти только о стабилизации положения и предотвращении глубокого прорыва немецких войск.

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко и член Военного совета Н.С. Хрущев

Отсутствие опоры на Сталинградский обвод не помешало войскам 64-й армии остановить противника. На новом направлении удара наступающим немцам пришлось столкнуться с куда более гибким, чем укрепленный обвод, средством борьбы – танками. 6-я гв. танковая бригада не осталась одним воином в поле. В то время как 5 августа шел бой за станцию Абганерово, к станции Тингута вышла своим ходом 13-я танковая бригада. Действовавшая в составе Юго-Западного фронта с 1941 г. танковая бригада с середины июля 1942 г. находилась на укомплектовании в районе Сталинграда. Выходившие из цехов танки сразу же попадали в выстроившиеся в очередь на получение техники

части и соединения. 1, 2 и 3 августа бригада получила по 12 танков, которые в те же дни прошли обкатку. Всего 13-я танковая бригада получила 44 Т-34 (шесть рот по семь танков плюс два танка командования) и к 4 августа 1942 г. была готова вновь вступить в бой. Мотострелковый батальон бригады был также укомплектован по штату. В 3.00 ночи 5 августа она выступила в район станции Тингута. В середине дня 5 августа бригада сосредоточилась к юго-востоку от станции. В полдень 6 августа наступающие немецкие части заняли разъезд «74 км», и 13-я танковая бригада сразу же получила приказ атаковать разъезд и отбить его. Встреченная огнем и контратаками, бригада остановилась. Число танков в бригаде за день боя сократилось вдвое: к 7 августа она насчитывала боеготовыми уже только 22 танка. В течение 7 и 8 августа бригада совместно с 38-й стрелковой дивизией (из 57-й армии) подвижной обороной сдерживала продвижение противника к станции Тингута, на север от разъезда «74 км». Попытку ударить от разъезда «74 км» на юг отразили своевременно выдвинувшиеся на новое направление танки 6-й гв. танковой бригады. Еще одним участников боев 6 августа стала 254-я танковая бригада. Из трех сражавшихся у Абганерово бригад она была единственной свежесформированной. Бригада была сформирована в июле 1942 г. и первоначально должна была войти в состав 23-го танкового корпуса 1-й танковой армии, но в итоге была перенацелена в 64-ю армию. Совершив 300-км марш, 254-я танковая бригада растеряла в дороге танки из-за технических неисправностей. В бой бригада вступила с 14 танками. Первая атака 8 танков 254-й танковой бригады на разъезд «74 км» закончилась неудачей, был сожжен один Т-34 и шесть подбито.

Одним из первых шагов советского командования стало объединение действующих в районе Абганерово бригад корпусным управлением. Штабу 13-го танкового корпуса было приказано сосредоточиться в районе станции Тундутово. Теперь он подчинялся 64-й армии. Верный своей привычке руководить боем из передовых подразделений, полковник Танасишин прибыл на место и вступил в командование бригадами уже 4 августа. Штаб корпуса прибыл через два дня, 6 августа. Корпусное управление было использовано командованием как управляющая инстанция, знакомая с практикой использования танковых войск. Все передаваемые 13-му корпусу бригады были новыми для него. Танасишину были подчинены 6-я гвардейская танковая бригада, 13-я и 254-я танковые бригады. Завершенность структуры танкового корпуса была бы достигнута добавлением к трем танковым бригадам мотострелковой бригады. Командованием фронта была обещана 38-я мотострелковая бригада, но она так и не прибыла. В итоге танковые бригады Танасишина по мере сил взаимодействовали с пехотой стрелковых дивизий.

Танки военного времени. Первоначально в состав 13-го танкового корпуса вместо 254-й танковой бригады планировалось включить 6-ю танковую бригаду, обычную, не гвардейскую. Однако она не попала под Абганерово вследствие инцидента, породившего разбирательство на достаточно высоком уровне. Точно так же как ее собратья, 6-я танковая бригада получила танки прямо из сборочного цеха. 4–6 августа ей были переданы 44 только что выпущенных танка Т-34 на Сталинградском танковом заводе. Однако в ходе марша в назначенный район «тридцатьчетверки» начали массово выходить из строя. Двигатели выбрасывали масло из суфлера и выхлопных патрубков, удваивая и утраивая без того высокий расход масла. Одной заправки масла хватало всего на 30–35 км пути. Одновременно наблюдалось срезание шпонок масляного насоса. Бригада оказалась небоеспособной. Из 44 танков на ходу осталось только 11 машин. Позднее, когда бригада была передана в 57-ю армию, попытки использования «ходовых» танков приводили к их выходу из строя. В ходе последовавшего разбирательства была установлена вина завода, и танки были возвращены на СТЗ для ремонта двигателей. Качество изготовления танков на оказавшемся прифронтовым заводе заметно снизилось.

Низкое качество изготовления танков усугублялось спецификой природных условий региона. Исследовавшая танки 6-й бригады комиссия отмечала повышенный износ поршневых колец из-за низкой эффективности воздушного фильтра. Уже через 2–3 часа работы бункеры воздухоочистителей полностью заполнялись пылью. Это была общая проблема для танков с В-2. Воздушные фильтры на танках КВ забивались через 3–4 часа работы. В пыльной степи под Сталинградом это было неудивительно. От тех же проблем страдала техника противника. В истории 14-й танковой дивизии отмечается: «36-й танковый полк должен был платить дань неприятелю, а еще более – разрушавшей поршни пыли».

Производственные проблемы возникали не только с Т-34. Производившиеся далеко от фронта

тяжелые танки КВ также страдали от досадных поломок: «Имели место случаи возникновения трещин в трубках масляной и топливной системы. Этот недостаток в одной из бригад тяжелых танков был устранен только после того, как трубки были подвергнуты отжигу. Нужно предположить, что отжиг трубок на заводе не производился» [139]. Помимо этого, имели место случаи заклинивания башни из-за поломки сепараторов. Шары, на которые опиралась башня, скатывались в одну сторону, и ее заклинивало. Для ремонта пришлось отправлять танки на завод.

Сражение за Абганерово продолжается. Но, несмотря на неприятности с «тридцатьчетверками» 6-й танковой бригады, советскому командованию удалось стянуть на левый фланг 64-й армии достаточно сильный танковый кулак. В связи с этим довольно странно читать в мемуарах А.И. Еременко гневные слова в адрес Г. Дёрра, ссылающегося на слабость немецких танковых сил. Андрей Иванович пишет: «Битому гитлеровскому генералу хочется во что бы то ни стало доказать, что русские-де били их скопом, численным превосходством. Подсчитаем. У нас в этом районе находились 126-я и 38-я дивизии, 13-й корпус (двухбригадного состава, с общим количеством 38 танков), позже были подброшены 204-я дивизия с 254-й бригадой. В 4-й же танковой армии врага были танковый корпус почти полного состава и два армейских корпуса, в составе восьми дивизий каждый» [140]. Однако по документам 13-го танкового корпуса, в нем в период сражения за разъезд «74 км» было 92 танка, но никак не 38. Изначально в бой были введены две свежие бригады (6-я гвардейская и 13-я) численностью по 44 танка каждая. До 40 танков численность 13-го танкового корпуса просела к сражению за Абганерово в середине августа 1942 г. Кроме того, А.И. Еременко «забыл» про прибывшую позднее 133-ю танковую бригаду КВ. Совершенно непонятно, чего здесь стыдиться. Советским командованием были энергично и результативно использованы подвижные резервы.

В течение 7 и 8 августа обе стороны производили накопление сил. Первоначально назначенная на 8 августа атака советских войск на разъезд «74 км» не состоялась, т.к. 204-я стрелковая дивизия задерживалась на марше. Командующий 64-й армией М.С. Шумилов принял решение отложить наступление на 9 августа. К этому моменту (8 августа) в 13-й танковой бригаде было 11 танков Т-34, в 6-й гв. танковой бригаде – 10 танков Т-34, в 254-й танковой бригаде – 6 Т-34 и 4 Т-70. Вынужденная пауза была использована на «размягчение» обороны противника. В частности, первый бронепоезд 28-го дивизиона БЕПО 8 августа обстрелял оборонительные позиции противника.

В 5.00 9 августа 13-й танковый корпус во взаимодействии с 204-й стрелковой дивизией и 133-й танковой бригадой перешел в наступление на разъезд «74 км» и к 14.00 овладел им. Некоторые советские танки часами стояли на одном месте и вели артиллерийскую дуэль с противником. В ходе боя за разъезд «74 км», в отличие от многих других боев на подступах к Сталинграду, удалось организовать взаимодействие артиллерии и танков. В роли передвижной батареи также выступал бронепоезд. Массированный артиллерийский огонь эффективно подавлял противотанковую оборону противника. В результате за день боя 6-я гв. танковая бригада потеряла всего один танк. В немецкой 14-й танковой дивизии, согласно истории соединения, к 10 августа осталось 24 танка. В переговорах с Василевским вечером 9 августа командующий фронтом нарисовал красочную картину сражения: «Летчики, которых я посылал для наблюдения за боем, доложили, что район, где находится Абганерово и прилегающие к ней местности, горит, все объято пожаром. Делаю вывод, что РС наделали там дел...»

Своеобразие боев за Абганерово в этот период состояло в том, что немцы не переносили острие удара, а наносили удар на новом направлении по мере подхода свежих сил. После подтягивания пехоты IV армейского корпуса началось наступление в обход Абганерово с запада. С утра 11 августа 94-я пехотная дивизия, проломив оборону 126-й стрелковой дивизии, пересекла железную дорогу южнее Абганерово, захватила высоты к западу от станции. Тем самым была создана угроза выхода в тыл советской группировке у разъезда «74 км». Для парирования возникшей опасности, охвата и обхода навстречу наступающим немцам была выброшена 6-я гв. танковая бригада. Попытки контратаковать противника успеха не принесли. Три дня бригада пыталась отбить высоту, но безуспешно. Тем временем 13-я и 254-я танковые бригады перешли к обороне. С 11 по 17 августа они боя не вели, совершенствовали свои позиции и получали пополнение.

Первый раунд борьбы за Абганерово был выигран по очкам советскими войсками. На направление наступления армии Гота пришлось снимать соединения из 6-й армии. Дёрр пишет: «Однако здесь, к югу от Сталинграда, стало ясно, что 4-я танковая армия без дополнительно

выделенных в ее распоряжение сил не сможет продвигаться дальше. Поэтому действовавшая в большой излучине Дона 6-я армия 12 августа передала две дивизии (24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии) 4-й танковой армии, перебросив их через только что наведенный временный мост у Потемкинская. Получив эти подкрепления, 4-я танковая армия после перегруппировки продолжала наступление; она перенесла направление главного удара вправо и 17 августа начала наступать, имея задачей выйти на высокий берег Волги в районе Красноармейск» [141]. Прорыв к Волге у Красноармейска означал бы рассечение надвое левого крыла Сталинградского фронта.

«Арматура» обороны. Подбитый Т-34 в капонире. На таких позициях в открытой степи советским танкистам приходилось вести бой сутками, не выходя из боевых машин

Гот атакует. С прибытием дивизий из 6-й армии начался последний этап борьбы за Абганерово. 17 августа в 5.00 4-я танковая армия перешла в наступление. XXXXVIII танковый корпус наступал западнее линии Цаца, Красноармейск; VI и IV румынские армейские корпуса – вдоль линии Абганерово – Тундутово, соответственно западнее и восточнее железной дороги. Удар IV армейского корпуса пришелся в стык 126-й и 204-й стрелковых дивизий, и к 8.00 был захвачен совхоз имени Юркина.

Задача остановить продвижение противника была поставлена 13-му танковому корпусу. Быстрое выдвижение в назначенный район не обошлось без серьезных промахов. 2-й батальон 6-й гв. танковой бригады подошел к совхозу им. Юркина без мер охраны, подставил противнику фланг и сразу же был за это наказан: немецкой ПТО были подбиты сразу 12 танков. Также к станции Абганерово была выдвинута 13-я танковая бригада, прибывшая на место в 17.00 17 августа. Принять участие в боевых действиях 17 июля она уже не успела. Контрнаступление 29-й стрелковой дивизии и 13-й танковой бригады началось 18 августа. Однако вернуть захваченные позиции контратакой советским войскам не удалось.

8 танков Т-34 и рота мотострелков, составлявшие узел сопротивления юго-восточнее станции

Абганерово, были окружены. Окруженные танки 254-й бригады держались более суток. С наблюдательного пункта 13-го танкового корпуса видели, как их бомбили 20 самолетами. Район окружения помечался немцами с помощью ракет. Четыре танка были подбиты и сгорели, оставшиеся четыре по израсходованию боеприпасов были выведены из строя экипажами. Из состава экипажей восьми танков вышли из окружения шесть человек, все из разных машин.

Бой 18 августа проходил довольно своеобразно. Немецкие танки курсировали вдоль своего переднего края и вели огонь с места. Продвижения не имела ни одна из сторон: немцы отразили все контратаки, но и сами не смогли продвинуться вперед.

20 августа немцами было перенесено направление удара. На этот раз жертвой был вновь назначен разъезд «74 км». Сломить сопротивление советских войск и захватить разъезд на этот раз не удалось. Успех был достигнут только 22 августа, когда немцами наконец было нащупано слабое место в обороне (38-я стрелковая дивизия). Широким охватом позиций под Абганерово и разъездом «74 км» наступающим удалось захватить станцию Тингута (ближе к Сталинграду, чем «74 км») и пробиться к Тундотово. Танки вновь сыграли роль «пожарной команды». К станции была сразу же выдвинута 13-я танковая бригада, которая окаймила Тингуту с севера и северо-запада и не позволяла противнику продвигаться дальше. Под Тундотово ту же роль арматуры обороны стрелковых частей выполнила 133-я танковая бригада. Она подпирала 422-ю стрелковую дивизию. Попытка отбить станцию Тингута контрударом утром 23 августа успеха не принесла. Однако дальнейшее продвижение противника было остановлено. В составе 13-го танкового корпуса 24 августа насчитывалось 37 танков. 25 августа Гальдер записывает в дневнике: «Под Сталинградом войска Гота натолкнулись на мощную оборонительную позицию противника».

Немецкие солдаты осматривают оставленный в капонирах танк Т-70. Легкие танки на базе автомобильных агрегатов составляли значительную часть советской бронетехники в боях за Сталинград

«Тяни-толкай» у Абганероно продолжался почти три недели. Сценарий был довольно простой. По мере подхода свежих сил 4-я танковая армия наносила удары на новом направлении и проламывала оборону стрелковых соединений. Однако развить прорыв и устремиться в глубину обороны 64-й армии у немцев не получалось: подтягивались части танковых бригад корпуса Т.И. Танасчишина и запечатывали прорыв. Последующие попытки советских войск восстановить положение и вернуть утраченные позиции (за исключением удачного выпада на разъезд «74 км» 9 августа) были безуспешными. Пехота за танками не шла, а танки в отрыве от пехоты не могли добиться решительного результата. Далее снова следовала смена направления удара противника. В целом же войскам 64-й армии под Абганероно удалось удержать ситуацию под контролем. Танки стали своего рода арматурой, поддерживающей прочность обороны стрелковых соединений. Продвижение противника за три недели «тяги-толкая» у затерянного в степи разъезда было в масштабах маневренного сражения между Доном и Волгой минимальным.

На ближних подступах

Наступление немцев на Сталинград напоминало не мерную поступь, а качание маятника. Синхронности в движении вперед двух ударных группировок в течение августа 1942 г. командованию группы армий «Б» не удавалось. Когда 4-я танковая армия Гота наступала, 6-я армия Паулюса оказывалась остановленной и наоборот. Соответственно, с точки зрения советской, это качание маятника хотя и имело несомненные положительные стороны, но одновременно регулярно вызывало обвал планов на Юго-Восточном фронте вследствие необходимости тушить пожар на Сталинградском фронте и наоборот.

Как отмечается в официальной немецкой истории войны, это в немалой степени объяснялось тем, что VIII авиакорпус (6–7 истребительных групп, 9 бомбардировочных, 3–4 пикировщиков и 3 двухмоторных истребителей) не мог поддерживать наступление сразу двух ударных группировок [142]. Соответственно, VIII авиакорпус поддерживал наступления то 6-й армии, то 4-й танковой армии.

Очередной удар к юго-западу от Сталинграда заставил лихорадочно собирать резервы для стабилизации обстановки под Абганероно. Однако тем временем сгущались тучи над Сталинградским фронтом. Относительное затишье было дремотой удава, переваривающего только что проглоченную жертву. Паулюс готовился наступать на Сталинград. Основным руководящим документом, с которым 6-я армия вступила в очередную фазу сражения за город на Волге, стал оперативный приказ от 19 августа 1942 г. В этом документе командующий армией сформулировал цели и задачи войск для преодоления последнего (как тогда казалось) рубежа сопротивления советских войск.

Уже в самом начале приказа Паулюс предупреждает о возможности контратак с севера во фланг: «Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак. Поэтому войска при продвижении через Дон на Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и сильные контратаки в сторону нашего северного фланга» [143].

Далее командующий 6-й армией демонстрирует осторожный оптимизм в отношении боеспособности советских войск: «Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления». Действительно, «котел» на западном берегу Дона поглотил значительные силы 62-й армии.

По замыслу Паулюса, готовящееся наступление должно было стать последним в сражении за город на Волге. Поэтому 6-й армии была поставлена амбициозная задача: «Овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач – Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера. Для этого армия форсирует Дон между Песковатка и Трехостровская главными силами по обе стороны от Вертячий. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит затем удар главными силами через цепь холмов между р. Россошка и истоками р. Б. Каренная в район непосредственно севернее Сталинграда до Волги. Одновременно часть сил проникает в город с северо-запада и овладевает им» [144].

Согласно плану, разработанному командованием 6-й армии, LI армейским корпусом должен был быть захвачен плацдарм на Дону по обе стороны от Вертячего. После «вскрытия» плацдарма с

него веером расходились VIII армейский корпус, XIV танковый корпус и LI армейский корпус. Соответственно XIV танковый корпус двигался в центре, а два армейских корпуса – справа и слева от него.

Если попытаться кратко сформулировать основную идею Паулюса в двух словах, то это будут «отрезать и сбросить». XIV танковый корпус должен был прорваться к высотам юго-западнее Ерзовки и к Волге. Это означало перехват железнодорожной линии, подходящей к Сталинграду с севера. VIII армейскому корпусу ставилась задача на выдвижение на линию «Татарского вала» и организацию на этом рубеже обороны от контрударов с севера. LI армейский корпус вначале прикрывал южный фланг XIV танкового корпуса, а затем должен был овладеть центральной и южной частями Сталинграда. То есть LI корпус должен был фронтальным ударом сбросить части и соединения 62-й армии в Волгу.

Что интересно, план наступления 6-й армии не предусматривал использования в городе танков: «Частью сил корпуса [XIV танкового. – А.И.] нанести удар с северо-запада, ворваться в северную часть Сталинграда и захватить ее. Танки при этом не использовать». Одновременно в резерв выводилась 22-я танковая дивизия. Она должна была стать резервом за левым флангом 6-й армии, за линией обороны XVII корпуса. Вспомогательный удар наносился на правом фланге, где 71-я пехотная дивизия должна была захватить плацдарм у Калача. В целом занятый в результате боев конца июля и начала августа рубеж Дона по замыслу Паулюса оставался пассивным участком, занимаемым слабыми силами. Причины этого очевидны: с одной стороны, направление, по кратчайшему расстоянию выводящее к Сталинграду, должно было быть лучше укреплено советскими войсками, с другой стороны, опора на господствующий над левым правый берег Дона, обеспечивала защиту от контрударов.

Нельзя сказать, что положение противостоящей 6-й немецкой армии 62-й армии было совсем уж безнадежным. Для восстановления целостности фронта после окружения главных сил на западном берегу Дона в состав 62-й армии передавались 87-я стрелковая дивизия (11 429 человек на 15.8) и 98-я стрелковая дивизия (11 689 человек на 15.8) из резерва Ставки. Первая занимала Сталинградский обвод, вторая – восточный берег р. Дон. Однако такими силами можно было сдерживать противника на вспомогательном направлении. Сдержать главный удар растянутыми вдоль Дона частями было нереально.

Между тем события развивались с ужасающей быстротой. Первоначально начало операции на Дону было назначено немецким командованием на 19 августа, но затем было перенесено на 21 августа. В LI армейском корпусе для форсирования Дона были выделены 76-я и 295-я пехотные дивизии. Немецкие источники описывают захват плацдармов следующим образом:

«Ночь перед наступлением была безоблачной, ветер дул с юго-востока, по Дону расстился легкий туман. Из-за хорошей видимости время наступления было назначено на 3.10 утра.

Не открывая огня, штурмовые отряды армии на ста двенадцати десантных катерах и ста восьми надувных лодках 912-й десантной команды переправились через реку. Спустя час и пятьдесят минут 516-й пехотный полк находился на восточном берегу, 517-му пехотному полку из-за сильного вражеского сопротивления понадобилось для этого четыре часа и двадцать минут.

У 76-й пехотной дивизии дела шли не так гладко: 178-му пехотному полку удалось сравнительно быстро создать плацдарм у населенного пункта Акимовский, как было приказано, но 203-й полк натолкнулся на отчаянное сопротивление. В 16.30 был изготовлен военный (временный) мост у Лучновского [правильнее: Лученский], а 22 августа в 7.30 закончена наводка моста у Акимовского» [145].

Так был образован плацдарм на восточном берегу Дона в 60 км от Сталинграда. В результате форсирования Дона 6-й армией погибли семьдесят четыре и ранены триста пятьдесят один человек. Девятнадцать десантных катеров и двадцать шесть надувных лодок были уничтожены огнем.

Нельзя сказать, что советское командование не оценило опасности, исходящей от только что образованного плацдарма. Командующий 62-й армией А.И. Лопатин сразу же донес командующему фронтом, что наличные силы пехоты недостаточны для уничтожения противника, переправившегося через Дон. Командарм просил разрешения привлечь для выполнения этой задачи 35-ю гв. стрелковую дивизию или снять 87-ю стрелковую дивизию с позиций на Сталинградском обводе. Планировалось с наступлением темноты вывести их на исходный рубеж для контрнаступления, которое предполагалось начать с утра 23 августа. Было решено использовать против плацдарма 87-ю

стрелковую дивизию. В 4.25 22 августа 137-я танковая бригада совместно с частями 1382-го стрелкового полка вошла в соприкосновение с противником на подступах к плацдарму. В результате боя днем 22 августа бригада потеряла 1 КВ и 2 Т-34 сгоревшими и 2 Т-60 сгоревшими и 2 подбитыми. В бригаде осталось 2 КВ и 7 Т-60.

Однако перейти в наступление с целью ликвидации плацдарма советские войска просто не успели. Накопление войск на плацдармах носило взрывной характер – Паулюсу наконец-то пригодились многочисленные мостовые колонны, собранные еще в июле, когда планировалось форсировать Дон у Калача. 22 августа на восточный берег Дона переправились 44, 76, 295, 305, 394 и 389-я пехотные дивизии. В ночь на 23 августа к ним присоединились три дивизии XIV танкового корпуса. Ранним утром все эти соединения веером разошлись с плацдарма. Неудивительно, что оборонявшаяся по периметру плацдарма одна 98-я стрелковая дивизия была развеяна по ветру. Впоследствии относительно нее в донесении от 25 августа было написано: «собрано до 300 человек без матчасти» [146]. На 31 августа из числа бойцов и командиров соединения было собрано 646 человек. 87-я стрелковая дивизия, хотя успела 23 августа попасть под удар на марше, сохранила к 31 августа близкую к первоначальной численность – 9933 человека. В некоторых исследованиях дивизию описывают как разгромленную на марше, однако в действительности она была просто разделена на две группы. Вторая позднее участвовала в боевых действиях в составе 1-й гвардейской армии к северу от Сталинграда.

Танки 16-й танковой дивизии на марше. 23 августа 1942 г.

На острие главного удара наступал XIV танковый корпус. В истории 16-й танковой дивизии этот бросок к Волге стал одним из самых поэтичных эпизодов: «В ночь на воскресенье 23 августа 16-я танковая дивизия в авангарде 14-го танкового корпуса перешла через Дон по 140-метровому мосту. В 4.30 танки боевой группы Зикениуса, словно на полигоне, широким клином с плацдарма прорвали оборону противника. За ними следовали боевые группы Крумпена и фон Ареншторфа. Слева в восточном направлении наступала 3-я, а справа – 60-я пехотная (моторизованная) дивизия. Дивизии при поддержке бронированных штурмовиков “Хеншель-129” прорвали глубоко эшелонированную оборону противника. По старой танковой тактике маршрут наступления был выбран через гряду высот. Не обращая внимания на противника на флангах, в долинах ручьев и в оврагах, 16-я танковая дивизия мчалась на восток. Густыми волнами пикирующие бомбардировщики несли свои бомбы на Сталинград, а на обратном пути пролетали над самыми башнями наступающих

танков с душераздирающим воем сирен. После тяжелого боя 16-я танковая дивизия преодолела Татарский вал и южнее Котлубани перерезала железную дорогу Фролов – Сталинград. Горели поезда. Казалось, что противник совершенно захвачен врасплох. Наступление быстро продвигалось вперед. В полдень командиры танков справа на горизонте увидели красивые очертания города Сталинграда, протянувшегося вдоль Волги на 40 километров. Водонапорные башни, заводские трубы и высокие дома виднелись сквозь дым пожаров. Очень далеко на севере, в пустынной дали, вдруг проступил собор» [147]. Казалось, что город, носящий имя Сталина, в одночасье падет к ногам победителей. Однако в течение событий неожиданно вмешалось «качание маятника» 6-й и 4-й танковой немецкими армиями. Прорывающиеся на Сталинград немцы на полном ходу таранили соединения, предназначавшиеся совсем не им. Первым таким соединением стала 315-я стрелковая дивизия. Она формировалась в Сибирском военном округе весной 1942 г. и с началом лета перешла в состав 8-й резервной армии. 14 августа она перешла в подчинение Сталинградского фронта. Дивизия выдвигалась в район Сталинграда пешим маршем по степи, под ударами авиации противника. Вечером 22 августа, за день до немецкого наступления, 315-я стрелковая дивизия получила приказ к рассвету 24 августа занять оборону на южном фланге Сталинградского оборонительного обвода в районе Бекетовки. Растянувшиеся по степи колонны оказались как раз на пути немецкого наступления. Один стрелковый полк дивизии оказался к югу от вбитого до Волги клина и принял участие в обороне северной окраины Сталинграда. Остальные два полка и основные силы 315-й стрелковой дивизии оказались к северу от направления удара XIV танкового корпуса. Здесь они составили компанию еще нескольким соединениям, предназначавшимся совсем не для борьбы с 6-й армией Паулюса.

«Густыми волнами пикирующие бомбардировщики несли свои бомбы на Сталинград, а на обратном пути пролетали над самыми башнями наступающих танков с душераздирающим воем сирен». Ю-87 над частями 16-й танковой дивизии. 23 августа 1942 г.

Для отражения наступления 4-й танковой армии Гота к югу от Сталинграда Ставкой ВГК планировалось выделить Юго-Восточному фронту не только представителей «царицы полей». В распоряжение Еременко направлялись 2, 4 и 16-й танковые корпуса. Согласно боевому распоряжению штаба фронта № 00369/оп от 22 августа, 2-й и 16-й танковые корпуса должны были выгрузиться в районе Воропоново, Ельшанка (2 ТК) и Гумрак, Воропоново (16 ТК). То есть советское командование планировало «армировать» оборону на юго-западных подступах к

Сталинграду с помощью танковых корпусов. Везли их с севера, по магистрали высокой пропускной способности. Наступление армии Паулюса 23 августа смешало все карты. До назначенных районов они большей частью не добрались. 2-й танковый корпус оказался к югу, а 4-й и 16-й танковые корпуса – к северу от вклинения XIV танкового корпуса. К сожалению, ни один из них не вступил в бой в варианте «рояля в кустах», т.е. прямо на пути прорыва 16-й танковой дивизии к Волге. Под удар в эшелоне на разъезде Конный попал только разведбатальон 2-го танкового корпуса, потерявший 55 человек убитыми и ранеными, в том числе командира и комиссара батальона. Помимо соединений, предназначенных для действий в районе Сталинграда, фронту достался совсем уж неожиданный подарок: четыре стрелковые бригады, следовавшие на Северный Кавказ. Этим бригадам впоследствии суждено было стать одними из главных участников сражения за город на Волге. Однако, если на подступах к Сталинграду волею судеб оказалась целая вязанка разнородных соединений, мешающих его быстрому захвату, с воздуха он был защищен намного слабее. Одновременно с выходом к северной окраине Сталинграда по городу был нанесен мощнейший авиаудар. О массированном воздействии на город было сказано еще в Директиве Гитлера №45 от 23 июля 1942 г.: «Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда» [148].

А.И. Еременко вспоминал: «Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горячей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы. Здания ватной фабрики, расположенные против командного пункта, были объаты пламенем и клубами дыма; многие из них рухнули, изуродованные скелеты других страшно дымились...» [149]

«Штуки» над городом встали. Пикирующие бомбардировщики VIII авиакорпуса над Сталинградом. 23 августа 1942 г. город подвергся жестокой бомбардировке с воздуха

Через горящий город вечером 23 августа шли колонны 2-го танкового корпуса. Уже в 15.20 23 августа командир корпуса А.Г. Кравченко получил приказ заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова на выдвижение в район Гумрака в готовности действовать против прорвавшихся к Волге танков и мотопехоты противника. Уже через 25 минут приказ был доведен до командиров бригад. В 17.00–18.00 бригады выступили на марш. Уже в 20.00 они вышли в указанный Голиковым район и вошли в состав так называемой танковой группы генерала А.Д. Штевнева (заместитель командующего Сталинградским фронтом по автобронетанковым войскам). Численность танкового парка бригад корпуса Кравченко см. в таблице.

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВОГО ПАРКА 2-го ТАНКОВОГО КОРПУСА НА 23 АВГУСТА 1942 г.
[150]

	КВ	Т-34	Т-70	Т-60
26 тбр	–	37	5	23
27 тбр	–	42	5	24
148 тбр	15	–	5	27

2-я мотострелковая бригада корпуса была разорвана надвое, одна часть оказалась отрезана к северу от немецкого прорыва, а другая успела соединиться с главными силами корпуса. 148-я танковая бригада вместе с частью 2-й мотострелковой бригады, остатками атакованного в железнодорожном эшелоне 12-го разведывательного батальона также оказались к северу от вклинения XIV танкового корпуса. Первой реакцией Верховного командования на прорыв немцев к Волге стало распоряжение Сталина, оформленное как Директива Ставки № 170582 от 16.35 23 августа: «Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с прорвавшимся противником не только днем, но и ночью. Используйте во всю артиллерийские и эрсовские силы» [151]. Дымы, ночные бои, авиация были на самом деле слабой надеждой. Если некоторые доклады наверх можно классифицировать как «панические донесения», то определенно существуют и «панические директивы». Директива Ставки № 170582 несомненно относится к их числу.

Однако, как ни странно, во второй половине дня 23 августа непосредственная угроза городу Сталинграду уже миновала. Вечером, в 21.30 берлинского времени, в штаб 6-й армии поступила директива группы армий «Б», в которой задача подчиненных Паулюсу войск формулировалась следующим образом:

«Необходимо безоглядно использовать тяжелое положение ошеломленного противника в Сталинграде и юго-западнее. Для этого я приказываю:

А. 4-я ТА, сконцентрировав все возможные силы, как можно раньше начинает наступление восточнее Карповки на высоты западнее Сталинграда и стремится соединиться там с частями 6-й А. От противника, находящегося вдоль и западнее железнодорожной линии Абганерово – Тингута, армия должна организовать прикрытие лишь необходимым минимумом сил.

Б. 6-я А надежно удерживает линию Ерсовка – Качалинская, частью сил пытается соединиться с 4-й ТА, после чего занимает Сталинград.

В. Уничтожение еще оставшихся западнее Карповки и в районе Калача сил противника является второстепенной задачей, которую можно будет решить слабыми силами после соединения обеих армий» [152].

Как мы видим, в описании задачи армии Паулюса есть формулировка, не допускающая двойного толкования: «частью сил пытается соединиться с 4-й ТА, **после чего** занимает Сталинград» (выделено мной). То есть задачей номер один был не прорыв на улицы города, а соединение с армией Гота.

Таким образом, атакуя противника, войска Сталинградского фронта срывали не штурм города, а разгром главных сил 62-й и 64-й армий на подступах к нему. Если бы немцам удалось «котел» к западу от Сталинграда, город был бы занят уже практически без боя. Рабочие отряды и части дивизии НКВД вряд ли оказали бы вооруженным 210-мм гаубицами и штурмовыми орудиями

соединениям ошутимое сопротивление. Собственно, это в очередной раз показывает преимущества активной стратегии: не зная в точности реального замысла противника, целесообразно контратаковать, наносить ему потери и сковывать его части – это дает положительный эффект даже при ошибочной оценке замысла врага. Если бы советское командование ограничилось построением воспетой в послевоенных трудах «прочной обороны» к северу от Сталинграда, город бы пал уже к сентябрю.

Что же действительно было в распоряжении командования Сталинградского фронта для парирования прорыва XIV танкового корпуса к Волге? Первоначально предназначенными для отражения удара Гота соединениями силы фронта не исчерпывались. На севере Сталинграда находился на переформировании 23-й танковый корпус А.М. Хасина. По иронии судьбы, он был растащен на парирование кризисов на южном фланге фронта. 21 августа, за два дня до начала наступления с плацдарма у Вертячего, из корпуса была изъята 56-я танковая бригада, а 23-го августа – 99-я танковая бригада. Фактически корпус остался с одной 189-й танковой бригадой. 9-я мотострелковая бригада была на переформировании в Челюскине отдельно от корпуса. Немецким наступлением она была попросту отсечена от главных сил корпуса А.М. Хасина. В 189-й танковой бригаде на 23 августа насчитывалось боеготовыми 22 Т-34, 16 Т-70, 5 Т-60. В ремонте находилось еще 4 Т-34, 2 Т-70 и 1 Т-60 [153]. Утром 24 августа три танка бригады прорвались на разъезд Конный, но удержать его в отсутствие пехоты не могли. С 23 августа 23-й танковый корпус вошел в состав танковой группы генерал-лейтенанта Штевнева и должен был обеспечивать атаку 2-го танкового корпуса.

Надиктованная по телефону Сталиным Директива Ставки ВГК №170584 от 4.50 24 августа уже была гораздо спокойнее предыдущего совета запутывать противника дымами. Видимо, Иосифу Виссарионовичу уже доложили, что в районе прорыва немцев «удачно заблудилась» пара танковых корпусов. Верховный рекомендовал командованию фронта и А.М. Василевскому:

«Первое – обязательно и прочно закрыть нашими войсками дыру, через которую прорвался противник к Сталинграду, окружить прорвавшегося противника и истребить его. У вас есть силы для этого, вы это можете и должны сделать.

Второе – на фронте западнее и южнее Сталинграда безусловно удерживать свои позиции, частей с фронта не снимать для ликвидации прорвавшегося противника и безусловно продолжать контратаки и наступление наших войск с целью отбросить противника за пределы внешнего Сталинградского обвода» [154].

Первый пункт директивы Верховного особых вопросов не вызывает. Осторожный оптимизм относительно возможностей удержаться от сползания в пропасть мы видим в разделе «Второе» – предписание удерживать позиции левым крылом 62-й армии к западу от Сталинграда и правым крылом 64-й армии. В сущности, на тот момент основные силы 62-й и 64-й армий были в полуокружении. На севере XIV танковый корпус 6-й армии прорвался к Волге и вышел к северной окраине Сталинграда. На юге 4-я танковая армия стояла в 30 км от южных окраин Сталинграда. При этом фронт 62-й и 64-й армий изгибался дугой, опираясь на Дон и Мышковку. Соединение флангов двух немецких армий в городе или на подступах к нему неминуемо привело бы к окружению советских войск в междуречье Дона и Волги. Однако, пока сохранялась надежда на ликвидацию вклинений противника в построение Сталинградского фронта, отнесение рубежа обороны как можно дальше от города, безусловно, имело смысл.

После того как стало ясно, что захвата Сталинграда в ближайшее время не предвидится, Верховный направил Еременко еще одно послание в форме директивы Ставки. На этот раз это были не ценные советы запутывать противника дымами и не рутинные указания по текущим вопросам, а экскурс в историю. 25 августа в 5.15 утра Сталин пишет:

«Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта» [155].

Сталин, очевидно, имел в виду события октября 1941 г. на Брянском фронте, которым тогда

командовал А.И. Еременко. Упрек в данном случае был несправедливым, а параллель с 1941 г. – надуманной. Немцам удалось образовать разрыв в построении войск Сталинградского фронта за счет оттеснения 4-й танковой армии на север, к берегу Дона. В результате отхода войск «четырёхтанковой армии» на север локтевая связь между ней и 62-й армией была утрачена. Сама 62-я армия только восстанавливала силы после «котла» в излучине Дона. Построить оборону войска Лопатина просто не успевали, не говоря уж о выделении вторых эшелонов.

Впрочем, экскурсии в историю были просто горькой пилюлей, которую следовало молча проглотить Еременко. Проведя исторические параллели и тем самым напомнив о копящемся «компромате», Сталин дал фронту возможность не следовать буквально приказу № 227. Верховный дал указания о смене точки приложения усилий, а также разрешил отвести войска на более удобный рубеж обороны:

«По-моему, следовало бы отвести Лопатина, а также и 64-ю армию на следующий обвод, восточнее Дона. Отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армии. Наступление 1-й гвардейской армии согласно вчерашней директиве, уже не осуществимо в данный момент. Ей надо поставить задачу на оборону и прочно удерживать плацдарм, так же как и 63-й армии» [156].

Начинался новый этап в действиях Сталинградского фронта. Основные усилия теперь сосредотачивались на западном берегу Дона, в междуречье Дона и Волги. Раскритиковав руководство фронта, И.В. Сталин не ограничился словами, а направил для организации контрударов один из лучших оперативных умов Красной армии – начальника Генерального штаба А.М. Василевского. Произошло это как раз 25 августа. Василевский вспоминал: «К вечеру 25 августа я получил указание Верховного Главнокомандующего отправиться в район сосредоточения войск к северу от Сталинграда и взять на себя руководство подготовкой прибывших частей к предстоящему контрудару. Утром 26 августа я приехал в район, где стояли войска 24-й армии и начавшие прибывать войска 66-й армии и дивизии, предназначавшиеся на укомплектование 1-й гвардейской армии» [157].

Ликвидировать прорыв XIV танкового корпуса к Волге предполагалось традиционным методом – ударом по флангам. Для этого были созданы две ударные группы. Первая собиралась к северу от прорыва под командованием заместителя командующего Сталинградским фронтом генерал-майора К.А. Коваленко. В ее состав вошли 4-й и 16-й танковые корпуса, 84, 24 и 315-я стрелковые дивизии. Группа Коваленко получила задачу с утра 25 августа нанести удар в направлении балки Сухая Мечетка. Вторая группа в составе 2-го и 23-го танковых корпусов генерал-лейтенанта А.Д. Штевнева (уже упоминавшаяся выше) нацеливалась через Орловку в общем направлении на Ерзовку. Этим двум группам ставилась задача – совместными действиями окружить и уничтожить группировку противника, прорвавшуюся к Волге в районе севернее Сталинграда.

Опаленный огнем сталинградских пожаров 2-й танковый корпус перешел в наступление уже утром 24 августа. 26-я и 27-я танковые бригады в 7.00 вышли на исходные позиции и начали наступление в северо-восточном направлении. Целью наступления было выйти к Ерзовке и отсечь «голову» немецкого танкового клина, пробившегося к рынку. Первым успехом корпуса А.Г. Кравченко стало овладение Орловкой и высотами вокруг нее. Месяц спустя вокруг них развернутся тяжелые бои во время второго штурма Сталинграда. Захват и удержание этих позиций 2-м танковым корпусом впоследствии существенно усложнит жизнь немецких частей, штурмующих город. Продвинуться дальше высот у Орловки 26-й и 27-й бригадам не удалось. Столкнувшись с усилившейся обороной противника, корпус сменил направление удара. В 17.00 24 августа 26-я танковая бригада была перенацелена на восток и получила приказ занять рынок. К 23.00 приказ был выполнен. Таким образом, первым контрударом 2-й танковый корпус не только предотвратил распространение противника на территорию Сталинграда, но и отбил тактически важные пункты в черте города. Ни о каком прорыве в Сталинград с севера, записанном в приказе Паулюса от 19 августа, не могло быть и речи. Потери корпуса А.Г. Кравченко в первом бою были относительно небольшими: 8 Т-34, 1 Т-70 и 1 Т-60 сгоревшими и 16 Т-34 подбитыми, 28 человек убитыми и 97 человек ранеными.

25 августа 2-й танковый корпус был усилен 56-й танковой бригадой и попытался развить

достигнутый в предыдущий день успех. Однако опомнившиеся от шока немцы организовали сильную противотанковую оборону, и продвижение наступающих частей составило не более 800 метров. А.Г. Кравченко проявил осторожность и уже с полудня приказал закрепляться на достигнутых рубежах. Танки стояли на месте и расстреливали огнем проявлявшие себя огневые точки противника. Потери корпуса составили всего 6 танков. 56-ю танковую бригаду у Кравченко отобрали и вручили вместо нее только что сформированную 99-ю танковую бригаду, имевшую 50 Т-34. Когда зарубежные исследователи, в частности П. Карелл, говорят о неокрашенных «тридцатьчетверках» прямо с завода, речь, скорее всего, идет о 99-й бригаде. Танки 2-го танкового корпуса были выпущены далеко в тылу. Судя по снимкам, это были Т-34 с шестигранной башней-«гайкой» выпуска завода № 183 на Урале.

Атака бригад корпуса А.Г. Кравченко 26 августа также успеха не имела, и части корпуса перешли к обороне. Потери за этот день составили 18 танков Т-34 в 99-й бригаде, 3 Т-34 – в 26-й бригаде и 6 Т-34, 1 Т-70 – в 27-й бригаде. Нельзя не отметить достаточно низкие темпы потерь во 2-м танковом корпусе. Большие потери понесла «пришлая» 99-я бригада. Собственные бригады корпуса Кравченко хорошо держались и сумели не растерять технику в первые же дни пребывания под Сталинградом. 27 августа 2-й танковый корпус получил для закрепления позиций полк 315-й стрелковой дивизии. 28 августа 26-я и 27-я танковые бригады получили в качестве пополнения по 21 танку Т-70. 29 августа по приказу Штевнева 27-я танковая бригада (12 Т-34, 20 Т-70, 15 Т-60) и 2-я мотострелковая бригада в 16.00 атаковали в направлении на северо-запад. Целью наступления был совхоз «Опытное поле». В район северо-восточнее совхоза в предыдущий день (28 августа) вышли части 16-го танкового корпуса. Однако пробиться навстречу группе Коваленко корпуса А.Г. Кравченко 29 августа не удалось. Встреченные сильным противотанковым огнем, танки остановились и вели огонь с места. Потеряв 5 танков, бригады к вечеру отошли в исходное положение. 30–31 августа 2-й танковый корпус оборонял занятые рубежи и постепенно передавал их прибывшей 115-й стрелковой бригаде. 1–2 сентября 1942 г. танковая группа Штевнева была расформирована.

Следующая остановка – Сталинград! Немецкие пехотинцы шагают мимо брошенных городских трамваев

Если с юга профиль вытянутого к Волге «пальца» XIV танкового корпуса формировался группой Штевнева, то северный фас выступа формировал целый «Мюр и Мерилиз» частей и соединений, часть из которых была объединена танковой группой Коваленко. В середине дня 24 августа наступающие немецкие части прошли Ерзовку и, не задерживаясь, проследовали дальше к Волге. Никаких усилий по закреплению Ерзовки предпринято не было. За легкомыслие немцы сразу же были наказаны. Отсеченная от основных сил 23-го танкового корпуса 9-я мотострелковая бригада оказалась в нужное время в нужном месте. В ночь на 25 августа Ерзовка была захвачена мотострелковым батальоном бригады. Подоспевшая к вечеру 25 августа 148-я танковая бригада стала готовиться к удару на юг с захваченных у Ерзовки позиций. Однако за несколько часов до наступления бригада получила приказ о переходе в группу Коваленко, действующую в направлении Спартак – Котлубань. Бригада КВ развернулась и ушла на север в направлении Спартака. Далее удачливый мотострелковый батальон удерживал ее до подхода 64-й стрелковой дивизии. Как знать, если бы 148-я бригада не была снята в группу Коваленко, связь основных сил Сталинградского фронта с 62-й армией была бы восстановлена по берегу Волги, от Ерзовки до рынка (отбитого частями корпуса А.Г. Кравченко). В отличие от 2-го танкового корпуса, 4-й и 16-й танковые корпуса В.А. Мишулина и М.И. Павелкина к моменту прорыва немцев к Волге были еще в пути. Согласно распоряжению Сталинградского фронта от 22 августа, 16-й танковый корпус должен был разгрузиться юго-западнее Сталинграда. Однако в 13.30 23 августа последовал приказ о выгрузке корпуса, не доезжая до назначенных районов. В итоге корпус разгружался из эшелонов, будучи разбросан на протяжении 70 км вдоль идущей на Сталинград железнодорожной магистрали. Часть эшелонов еще не прибыла, и выгрузка продолжалась 24 августа. Наконец 25 августа корпус Павелкина был выдвинут в промежуточный район Фастов, Зотов (к северо-востоку от «вскрытого» немцами плацдарма). Здесь же была получена задача на контрудар. 16-й танковый корпус был выведен из боя в середине августа и до отправки на юг успел пополниться боевой техникой. На 20 августа он насчитывал 6217 человек личного состава, 178 танков (24 КВ, 82 Т-34, 72 Т-60), двенадцать 76-мм орудий, три 45-мм пушки и шесть 37-мм пушек.

По плану командования 16-й танковый корпус должен был наступать строго на юг в направлении на Городище. Последнее тогда еще удерживалось 23-м танковым корпусом со стороны Сталинграда. Соответственно прорыв к Городищу означал перехват коммуникаций прорвавшихся к Волге немецких частей от основных сил 6-й армии. Корпусу Павелкина придавались два полка из состава рассеянной пополам 315-й стрелковой дивизии. Начало наступления было назначено на 5.00 26 августа. С целью обеспечения хотя бы относительной внезапности удара части корпуса выходили в исходные районы в ночь перед наступлением.

Наступление 16-го танкового корпуса началось точно в назначенное время. Однако к 26 августа немцы уже оправались от некоторой растерянности после неожиданной встречи со свалившимися как снег на голову советскими танковыми соединениями. Корпус был встречен сильным огнем, понес потери и продвижения не имел. Потери 16-го танкового корпуса за 26 августа составили:

- 107-я танковая бригада – 12 танков КВ, из них 5 сгорело;
- 109-я танковая бригада – 13 танков Т-34, из них 7 сгорело;
- 164-я танковая бригада – 2 танка пропали без вести.

Удары крупных сил танков заставляли немецких командиров задуматься об отводе вбитого в советскую оборону клина. 26 августа Гальдер записывает в дневнике: «У Сталинграда – весьма напряженное положение из-за атак превосходящих сил противника. Наши дивизии уже не так сильны. Командование слишком нервничает. Виттерсгейм [14-й танковый корпус] хотел убрать назад свой вытянутый к Волге палец. Паулюс помешал этому». Командующий 6-й армией понимал, что, как бы ни было тяжело удерживать «палец», возвращать потерянные позиции будет еще тяжелее. Кроме того, удержание позиций XIV танковым корпусом позволяло постепенно перемалывать советские танковые резервы. Обстановка, однако, была близка к критической. Три дивизии немецкого танкового корпуса зацепились боевыми подразделениями за идущую с запада на восток гряду высот. Занимаемая ими полоса простреливалась на всю глубину. Дёрр пишет: «В результате этих контратак противнику удалось отрезать танковый корпус, который вынужден был в течение ряда дней отбивать атаки, получая снабжение по воздуху и от небольших групп, пробивавшихся к нему ночью под прикрытием танков» [158].

Что интересно, в оперативных сводках о положении противника Генерального штаба

сухопутных сил 2, 4 и 16-й танковые корпуса появляются только 27 августа (т.е. по итогам боев 26 августа). В сводке, подписанной Геленом, довольно точно указаны их состав и местоположение. Хотя, например, из состава 2-го танкового корпуса отмечалась в первой линии 26-я танковая бригада, 27-я и 148-я танковые бригады и 2-я мотострелковая бригада предполагались в армейском резерве. Гальдер 27 августа записал в дневнике: «Под Воронежем, по всей видимости, затишье. Части, которые вели там атаки, появились под Сталинградом».

27 августа к контрудару группы Коваленко присоединился 4-й танковый корпус. Он также выгружался в чистом поле. После выгрузки 24 августа под бомбежкой последовал марш с выходом танков из строя по техническим причинам. В итоге к 4.00 27 августа 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса изготавилась к атаке силами 3 КВ и 15 Т-60. В 4.30, за полчаса до атаки, прибыли 11 отремонтированных КВ. С бригадами корпуса взаимодействовала рокированная с Северо-Западного фронта 84-я стрелковая дивизия генерал-майора П.И. Фоменко. По предложению командира 201-го стрелкового полка 84-й дивизии было сменено направление удара 4-го танкового корпуса. Отрекогносцировав полосу наступления до танкистов, комполка указал на глубокий овраг, мешающий наступлению танков в полосе предстоящего контрудара. Было предложено атаковать восточнее, в направлении на Орловку (отбитую у немцев частями 2-го танкового корпуса). Разумное предложение комполка было принято. Три эшелонами 45-я и 47-я танковые бригады 4-го танкового корпуса перешли в наступление. Однако отсечь вышедшую к Волге 16-ю танковую дивизию не удалось. Прорвавшиеся в глубь обороны противника танки вели бой в изоляции, пока их не уничтожили. Из состава 45-й танковой бригады из боя вышли 5 танков КВ и два танка Т-60 (!). Еще один КВ был подбит, но благополучно эвакуирован. Потери бригады за день боя составили 9 КВ и 13 Т-60.

Подбитый в районе Сталинграда танк Т-60. Хорошо видна пробоина в борту корпуса

16-й танковый корпус 27–29 августа вел бои за Кузьмичи совместно с остатками 315-й стрелковой дивизии. «Наковальней», об которую танковый молот корпуса должен был разбить немецкую оборону, были оборонявшиеся южнее разъезда Конный и в районе Большой Россошки 23-й танковый корпус и полк 87-й стрелковой дивизии. Бригады корпуса встречал шквал огня, немцы постоянно переходили в контратаки, стремясь не потерять ни пяди земли на вытянутом к Волге «наземном мосту». В частности, 28 августа немцы результативно атаковали открывшийся из-за отставания соседа фланг 164-й танковой бригады. В этом бою советская танковая бригада потеряла 14 Т-34 и 5 Т-60. В результате понесенных потерь ударные возможности корпуса Павелкина существенно снизились. В составе бригад 16-го танкового корпуса к вечеру 29 августа

оставались в строю:

107-я танковая бригада – 4 KB, 7 Т-60;

109-я танковая бригада – 6 Т-34, 9 Т-60;

164-я танковая бригада – 13 Т-34, 8 Т-60 [159] .

Последний аккорд контрударов 16-го танкового корпуса прозвучал 31 августа. В наступлении также участвовали 39-я гвардейская стрелковая дивизия (переброшенная из 4 ТА), 315-я стрелковая дивизия, поддержанные 56-м и 94-м гвардейскими минометными полками. Встреченные интенсивным огнем противника стрелковые соединения залегли и продвинулись всего на 300–500 м. Ворвавшиеся в Кузьмичи танки 164-й танковой бригады поддержки пехоты не имели и вынуждены были отойти на исходные позиции. Контрудар группы Коваленко завершился.

Хотя в ходе контрударов танковых групп Штевнева и Коваленко не было достигнуто решительного результата, они сыграли немаловажную роль в сражении за город. Успешно наступавшая 29 августа 4-я танковая армия Гота вышла на позиции, благоприятствующие смыканию «клещей» двух армий на ближних подступах к городу. Командование группы армий «Б» сразу же осознало открывшиеся возможности. В полдень 30 августа Паулюсу по радио был передан приказ, гласивший:

«Ввиду того обстоятельства, что сегодня в 10.00 4-я танковая армия захватила плацдарм в Гавриловке, теперь все зависит от того, сможет ли 6-я армия, несмотря на тяжелые оборонительные бои, которые ей приходится вести, сосредоточить максимально возможные силы для атаки в общем направлении на юг с целью уничтожения вражеских войск к западу от Сталинграда во взаимодействии с 4-й танковой армией. Это решение предполагает совершенное оголение второстепенных участков фронта».

Когда 31 августа в группе армий, кроме того, получили сообщение о глубоком прорыве 24-й танковой дивизии западнее Воропоново, Вейхс 1 сентября послал Паулюсу следующий приказ, в котором формулировались многие детали и который, нет сомнения, служил в качестве напоминания. В его пункте 1 сказано: «Решительный успех, достигнутый 4-й танковой армией 31.8, предоставляет возможность для нанесения сокрушительного поражения противнику южнее и западнее линии Сталинград – Воропоново – Гумрак. Важно, чтобы соединение двух армий осуществилось быстро, с целью последующего захвата центра города».

Однако, несмотря на следовавшие один за другим приказы группы армий «Б», удара подвижных соединений 6-й армии навстречу 4-й танковой армии не последовало. Врезавшись в осиное гнездо танковых корпусов, Паулюс проявил твердость и не разрешил Виттерсгейму отвести XIV корпус назад, но командующий 6-й армией не был авантюристом. Он не считал возможным снимать хотя бы одну дивизию с осыпаемого ударами «наземного моста» во имя образования окружения на восточном берегу Дона. После быстрого прорыва к Волге наступление 6-й армии на Сталинград было фактически остановлено. Дёрр пишет:

«В течение недели дивизии 14-го танкового корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги. 51-й армейский корпус, наступавший через Россошка на Гумрак, частью своих сил отражал контратаки из долины р. Россошка и очень медленно продвигался к городу. В таком же положении находились части 24-го танкового корпуса, продвигавшиеся севернее Карповка (71-я пехотная дивизия). Только 31 августа, когда 4-я танковая армия, наступая с юга, пересекала железнодорожную линию у Басаргино, русские оставили свои позиции на р. Россошка перед фронтом 6-й армии и отошли к городу» [160] .

Только когда пробил час, войска 62-й и 64-й армий беспрепятственно отошли с рубежей Дона и Мышковки в Сталинград. Приказ на отход последовал только 1 сентября 1942 г. При этом карт-бланш на отвод войск был получен непосредственно от Сталина еще 25 августа 1942 г.

Армированная оборона II. Бекетовка

Оставшаяся без обещанных резервов в лице 2-го и 16-го танковых корпусов, оборона Юго-Восточного фронта вскоре подверглась испытанию на прочность. За прорывом к Волге 6-й армии последовал удар 4-й танковой армии к югу от Сталинграда. «Армированная оборона» 13-го танкового корпуса у станции Тундутово заставила немцев вновь сменить направление главного удара. Дёрр пишет: «Командующий армией отдал приказ об отводе с фронта в ночное время по

частям 48-го танкового корпуса и о скрытном сосредоточении его за левым отогнутым назад флангом армии в районе северо-западнее станции Абганерово для нанесения внезапного удара в северном направлении в районе западнее Сталинграда. Это означало отказ от овладения группой высот в районе Красноармейск, отказ от намеченных группой армий "Б" сходящихся ударов по противнику» [161]. Описывая эти события, Дёрр сетует на отказ от продолжения наступления по оси железной дороги в направлении на Красноармейск. Мотивирует он это исключительными свойствами местности: «У Красноармейска возвышающийся на 150 м над уровнем Волги высокий берег отходит от реки и поворачивает дальше на юг, переходя в Ергени. Здесь, если смотреть вниз по течению реки, расположена последняя возвышенность у берега. Она господствует над всем изгибом Волги с островом Сарпинский. Если вообще можно было взломать оборону Сталинграда, то удар следовало наносить именно отсюда» [162].

Но, так или иначе, решение было принято. За две ночи – с 26 на 27 августа и с 27 на 28 августа – IV армейский корпус сменил дивизии XXXXVIII танкового корпуса на высотах юго-восточнее станции Тундутово. Тем временем 13-й танковый корпус укреплял оборону вдоль железной дороги. 28 августа корпус Танасчишина получил на укомплектование 40 танков Т-70, которые были сразу же распределены по бригадам и расставлены по узлам сопротивления. Опиравшаяся на танковые бригады 13-го корпуса оборона 64-й армии была достаточно устойчивой. Однако интеграция танков в систему обороны стрелковых частей обеспечивала прикрытие лишь части полосы обороны 64-й армии.

Последовавший утром 29 августа удар XXXXVIII корпуса на новом направлении был внезапным и сокрушительным. Не подпертая танками оборона 29-й и 126-й стрелковых дивизий затрещала по всем швам. Танки XXXXVIII корпуса через Зеты наступали в обход позиций 64-й армии в направлении на Сталинград. Уже в 6.00 первого дня нового немецкого наступления М.С. Шумилов приказал выдвинуть к Зеты 6-ю гвардейскую и 254-ю танковые бригады. К узлу дорог Зеты, лежавшему на пути немецкого наступления, срочно выдвигались 30 новеньких Т-70. Верный своему правилу руководить боем из самого пекла, в Зеты выехал сам Танасчишин. В 10.00 начался танковый бой за Зеты. Исход противостояния Т-70 и немецких Pz.III и Pz.IV был предсказуем. К 14.00, обойдя Зеты, части XXXXVIII танкового корпуса продолжили продвижение к Сталинграду. Вечером 29 августа Зеты был занят 24-й танковой дивизией. Ввиду глубокого охвата левого фланга 64-й армии, командованием фронта было принято решение на отвод войск. Цементировали и упорядочивали отход танки корпуса Танасчишина. У переправы через р. Червленую до последнего момента стояли три танка 254-й танковой бригады, прикрывавшие проход в минном поле. Несмотря на постоянные удары с воздуха, отход проходил организованно и не превратился в беспорядочное бегство.

Однако сохранить целостность обороны все же не удалось. На плечах отходящих войск немцам удалось прорваться через внутренний обвод Сталинградских укреплений. Навстречу немецкому наступлению 31 августа были вновь брошены танки. Это была 56-я танковая бригада. Здесь имеет смысл остановиться на ее происхождении. В крупном оборонительном сражении всегда находятся части и соединения, которые нарезают замысловатые круги по тылам сражающихся войск. Их перебрасывают с одного участка на другой, и они теряют танки не от огня противника, а от бесконечных форсированных маршей. Кризисы возникают то там, то здесь, и, не доехав до одного района сосредоточения, приходится отправляться в другой. В приграничном сражении июня 1941 г. такие круги нарезал 8-й механизированный корпус. В сражении на ближних подступах к Сталинграду эта роль досталась 56-й танковой бригаде.

Будучи первоначально включена в состав 28-го танкового корпуса, затем 23-го танкового корпуса, бригада после июльских боев переформировывалась в Орловке, к северу от Сталинграда с 19 августа 1942 г. Как и многие другие танковые бригады, танки она получала прямо с СТЗ. Правда, в отличие от 6-й гвардейской, 6-й и 13-й танковой бригад в 56-й бригаде «тридцатьчетверки» были разбавлены легкими танками Т-70. 21 августа бригада была направлена на южные подступы к Сталинграду и передана в состав 57-й армии. Соприкосновения с противником она в этот период не имела.

После прорыва немцев с плацдарма у Вертячего 23 августа бригада перебрасывается на север. Вследствие маршей с севера на юг и обратно танки начали «сыпаться». На 20.00 25 августа бригада имела:

32 танка Т-34, из них на ходу 14;
9 танков Т-70, из них на ходу 7;
1 танк М-3 средний, на ходу [163].

Боевые потери были только от ударов с воздуха. На марше 24 августа были сожжены немецкими самолетами 2 танка Т-34 и 1 Т-34 был подбит.

Бригада переходит в подчинение 2-го танкового корпуса. По приказу командира корпуса командиры частей начинают рекогносцировать маршруты для контрудара во фланг XIV танковому корпусу противника, от Сталинграда на север. Один день бригада участвует в бою в составе танковой группы Штевнева. Однако 26 августа по приказу Еременко бригада разворачивается на 180 градусов и вновь отправляется в 57-ю армию на южные подступы к Сталинграду. Вновь командиры готовят позиции, на этот раз для обороны и контратак. Но 30 августа следует приказ о переходе 56-й танковой бригады в подчинение штаба 64-й армии. Поздним вечером того же дня бригада сосредотачивается на рубеже реки Червленной и вновь готовит оборону. Только в 10.00 утра 31 августа бригада впервые вступает в бой и встречает огнем из засад рвущиеся к Сталинграду части XXXXVIII танкового корпуса.

Противником было оценено упорство оборонявшихся на южных подступах к Сталинграду частей. Историограф 14-й танковой дивизии Грамс пишет: «Ночью дивизия была переброшена через Аксай в новый район сосредоточения. И снова, при сильной артиллерийской поддержке, ранним утром 29 августа началась атака. Танки и «верховые» панцер-гренадеры преодолели позиции окопавшегося неприятеля и с размаху достигли артиллерийских позиций врага. Не принимая во внимание снова ожившего в ее тылу врага, дивизия использовала этот локальный прорыв и пробилась 30 августа к участку Червленная. Там она снова натолкнулась на готового к обороне неприятеля, занявшего господствующие высоты. И опять началась мучительная борьба, в ходе которой дивизия, все дальше и дальше охватывая на запад через Нариман Плантадор и Цыбенко, должна была прогрызаться через врага, вплоть до Песчанка и Трех Курганов. Враг становился все упорнее, его противотанковая оборона все эффективнее» [164].

Немецкий пулеметный расчет на позиции у подбитого танка Т-34 в районе Садовой. Машина, скорее всего, принадлежала 2-му танковому корпусу. Прибывшие под Сталинград корпуса вооружались уже Т-34 с башней-«гайкой» производства завода № 183

2 сентября 56-я танковая бригада была передана в состав 13-го танкового корпуса. 3 сентября по приказу Танасчишина бригада заняла оборону у совхоза Горная Поляна. В составе бригады на тот момент насчитывалось 19 Т-34, 2 Т-70 и 1 М-3 средний (МЗ Ли). До 7 сентября на фронте 64-й армии было относительно спокойно. 13-й танковый корпус вновь был распределен между различными участками обороны на подступах к Бекетовке. На рубеже от Воропоново до Елхи заняли оборону (с севера на юг) 6-я гв. танковая бригада, 39-я танковая бригада, 13-я танковая бригада и 56-я танковая бригада. На этом этапе сражения удача отвернулась от 13-го танкового корпуса. Если в начале августа 6-й гв. танковой бригаде посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте, то месяц спустя она уже не вовремя снялась с позиций. С 23.00 7 сентября бригада была передана из состава 13-го танкового корпуса в 62-ю армию (в 23-й танковый корпус). Позиции 6-й гв. танковой бригады Танасчишин решил занять частью сил 39-й танковой бригады. Однако в 23.00 7 сентября в штаб корпуса поступила информация о том, что на позиции передаваемой в 62-ю армию бригады будет выдвинута 133-я танковая бригада (62-й армии). Соответственно с заполнением позиций убывшей в соседнюю армию бригады не спешили. Между 13-м танковым корпусом и 133-й танковой бригадой остался пусть довольно узкий, но не простреливаемый танками коридор от станции Воропоново до Зеленой Поляны. Прорыв по этому коридору выводил немцев прямо к берегу Волги.

Утром 8 сентября последовал удар 4-й танковой армии Гота от Воропоново на Купоросное. Интенсивность авиационной и артиллерийской подготовки отмечается даже в немецких источниках. Грамс пишет: «После огневой подготовки невиданной до того силы, на рассвете 8 сентября, солнечного осеннего дня, дивизия начала наступление, прорвала вражеские позиции и достигла существенного начального успеха» [165] .

Танк Т-34 производства СТЗ, брошенный в пригороде Сталинграда. Машина содержит все характерные черты поздних «сталинградоков» – приварной кормовой лист башни-«пирожка», квадратный люк доступа к трансмиссии и др.

С рассветом 8 сентября танковый батальон 39-й танковой бригады при подходе к назначенному району обороны был встречен огнем танков противника. С марша, будучи не окопанными, танки бригады сдержать немецкое наступление не смогли. Для восстановления рассыпающейся обороны 8 сентября в 12.00 устным приказом Танасчишина танки 56-й бригады были отправлены на позиции

в районе Горной Поляны. Здесь бригада в свое время готовила оборонительные позиции, и танки встали в свои старые ямы. С рассветом 9 сентября немецкое наступление в направлении Купоросного продолжилось. Офицер Генерального штаба в 13-м танковом корпусе позднее писал: «В этот день сплошная пыль покрывала землю. На подбитые и сожженные танки 56-й танковой бригады были вновь сброшены бомбы, но отдельные машины, закопанные в землю, продолжали вести огонь и удерживали совхоз Горная Поляна, хотя этому не верили даже в штабе армии». 56-я танковая бригада потеряла сгоревшими 7 Т-34 и 1 М-3 средний, подбитыми – 6 Т-34. В бригаде остались 2 Т-34 (один не на ходу) и 5 Т-70 [166]. Также в бою 9 сентября 56-я танковая бригада потеряла своего командира полковника В.В. Лебедева. Относительно его гибели существует несколько версий. Согласно одной из них, к командному пункту бригады прорвались немецкие пехотинцы, расстрелявшие офицеров штаба, согласно другой – полковник Лебедев взял бутылку с горючей смесью и направился в район расположения подбитых танков бригады, где был убит осколком снаряда. Новым командиром бригады стал подполковник И.М. Бабенко, которому было суждено вывести ее в гвардию.

13-й танковый корпус поглотил удар противника и не дал ему возможности прорываться к Бекетовке. Тем самым господствующие над местностью высоты у Бекетовки остались в руках советских войск. К вечеру 10 сентября в корпусе Танасчишина оставалось всего 8 боеготовых танков. Однако бои на южных подступах к Сталинграду постепенно затихали. Части приводили себя в порядок и восстанавливали подбитую технику. На 20 сентября в 13-м танковом корпусе на ходу осталось 23 танка (14 Т-34, 8 Т-70 и 1 Т-60) [167].

В условиях относительной стабильности линии фронта ремонтным службам 13-го танкового корпуса удавалось восстанавливать подбитые танки. За два месяца непрерывных боев в корпус в качестве пополнения прибыло 49 Т-34 и 40 Т-70. За это же время было отремонтировано 174 танка. В среднем в день восстанавливались 3–5 подбитых танков. Это позволяло все время держать танковые бригады в составе 20–25 боеготовых машин.

Выводы по первой части

Если попытаться определить суть первого периода Сталинградской битвы одной фразой, то это будет «дорога ложка к обеду, дорого яичко к Христову дню». Обе стороны сделали свои выводы из опыта летне-осенней кампании 1941 г. и в кампанию 1942 г. вступили с результатами творческого переосмысления этого опыта. Красная армия использовала опыт 1941 г. в формировании накопления резервов: с весны 1942 г. формировались резервные армии и танковые бригады. Соответственно, когда рухнул фронт под Миллерово, он был восстановлен за счет резервных армий, а для контратак использовались свежесформированные бригады. В свою очередь, германская армия ликвидировала отставание в возможностях противотанковых средств, снабдив войска новым эффективным вооружением.

Однако с другой стороны, и Красная армия, и вермахт с завидным упорством прошагали маршем по старым граблям. Германское командование не ожидало появления «из ниоткуда» резервов противника в излучине Дона, советское командование недрогнувшей рукой отправляло в бой неполноценные танковые соединения.

Немалую роль сыграли также субъективные факторы. В схватку в большой излучине Дона обе стороны вступили, располагая весьма туманными представлениями о противнике и его планах. Соответственно, собственные планы действий Сталинградского фронта и 6-й армии уже в самом начале сражения показали свою несостоятельность или, по крайней мере, несоответствие обстановке. Советский план исходил из того, что время еще есть, на Сталинград будет нанесен вспомогательный удар. Перспективной задачей фронта является помощь войскам на Кавказе контрнаступлением во фланг противнику формируемыми танковыми армиями. Штаб Паулюса исходил из предположения, что перед ним остатки разгромленных под Миллерово войск Юго-Западного фронта с вкраплениями резервов и Сталинград готов упасть в руки, как спелый плод.

Ввиду недооценки противника, Паулюс поначалу бросил в наступление на Калач сравнительно немногочисленные силы, подвижные соединения при слабой поддержке пехоты армейских корпусов. Когда же стало понятно, что разворошили улей и колонны снабжения танковых и моторизованных дивизий уничтожаются противником, оставалось только держаться и ждать подхода пехотных

дивизий в большую излучину Дона.

Для командования Сталинградского фронта немецкий танковый удар также стал неприятной неожиданностью, препятствующей нормальному восстановлению недавно рухнувшего фронта за счет резервных армий. В итоге имела место попытка сокрушить прорвавшиеся части противника контрударами танковых и стрелковых соединений, вводимых в бой по мере их поступления в распоряжение комфронта Гордова. Однако чуда не произошло: пришедшие на смену разгромленным армиям войска не обладали достаточным боевым опытом, и, кроме того, они были крайне слабыми в артиллерийском отношении. Полноценное механизированное соединение в составе войск Сталинградского фронта было только одно – 28-й танковый корпус, остальные страдали от низкой укомплектованности мотострелковых подразделений.

Все это вместе не создавало благоприятных предпосылок для разгрома самонадеянно прорвавшихся вперед подвижных соединений противника. Обладавшие сильной артиллерией и мощной воздушной поддержкой (в том числе и в отношении снабжения по воздуху), дивизии XIV корпуса были «крепким орешком», который оказался «не по зубам» резервным соединениям Сталинградского фронта. Кроме того, в большой излучине Дона в полной мере проявили себя реалии лета 1942 г., когда германская армия получила в свое распоряжение эффективные противотанковые средства. Теперь и Т-34, и КВ уверенно поражались противотанковой артиллерией на основных дистанциях боя. Не в упор, а именно на основных дистанциях боя, когда неопытный экипаж мог не распознать вражескую противотанковую пушку. Можно сколько угодно осуждать советское командование за поспешный ввод в бой танковых корпусов 1-й и 4-й танковых армий. Однако альтернативой этому было окружение 62-й армии минимум на неделю раньше, чем это произошло в действительности. Поспешность ввода в бой и органические недостатки танковых корпусов являются, скорее, ответом на вопрос, почему бои на правом берегу Дона не закончились разгромом немцев. Сценарий развития событий без танковых армий со всей ужасающей очевидностью показала ликвидация советского плацдарма в излучине Дона 15–20 августа 1942 г.

Хорошо известны слова Черчилля, сказанные им в палате общин во времена битвы за Британию: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов не было случая, когда столь многие были бы так обязаны столь немногим». В какой-то мере эти слова можно адресовать советским танковым корпусам, осыпавшим контрударами наступавшие на Сталинград немецкие соединения. В составе обычной танковой бригады было всего около тысячи человек, гораздо меньше, чем в стрелковой дивизии. Танки бригад ходили в атаки без пехотной поддержки, огня артиллерии, несли большие потери. Но именно танковые бригады были достаточно подвижным средством в руках командования Сталинградского фронта для оперативного реагирования на возникающие кризисы. Танковую бригаду можно было бросить в 200–300 км марш навстречу прорвавшемуся противнику. Кроме того, не должно складываться впечатление, что удары танков были для немцев вовсе безболезненными. При прорыве через оборону они неизбежно «снимали стружку» с пехотных частей немцев.

Потеря относительной «неуязвимости» и несовершенство организационной структуры приводили к тяжелым потерям бронетехники в ходе контрударов. Парировать возросшую поражаемость советских танков можно было соответствующими тактическими приемами, для которых требовался опыт. Его-то как раз и недоставало новичкам из танковых бригад формирования весны 1942 г. Тем не менее танковые атаки наносили противнику немалые потери и сдерживали его продвижение.

Вместе с тем необходимо признать, что поражение Сталинградского фронта было в значительной степени обусловлено сосредоточением против него значительных сил противника. Поворот на Сталинград немецкой 4-й танковой армии поглотил значительные силы, как стрелковые дивизии, так и танковые бригады. Если бы они остались на месте, то наверняка бы удалось избежать катастрофы 4-й танковой армии на Сиротинском плацдарме. Две армии, в том числе сильнейшая на Восточном фронте 6-я армия, для советских войск под Сталинградом было уже слишком.

Часть вторая Степной Верден

Чаще всего описание сражения непосредственно за Сталинград начинают с 13 сентября. Однако в начале сентября происходили события, непосредственно влиявшие на штурм города.

Оборона Сталинграда – это один из типичных примеров защиты крепости не только силами защитников, но и интенсивным воздействием извне. Поэтому уже в начале сентября развернулись бои как на ближних подступах к городу, так и на фронте к северо-западу от Сталинграда. Более того, облик сражения за город во многом был определен присутствием так называемой «северной группы» войск Сталинградского фронта. Ее присутствие и воздействие диктовало не только распределение сил 6-й армии, но и направления ударов при штурме Сталинграда.

Сражение за семафор. Начало

Символом позиционных сражений Первой мировой войны стала фраза «бои за избушку лесника». В степях под Сталинградом было плохо и с лесами, и с лесниками, и с избушками. В оперативных документах войск, сражавшихся к северу от города, упоминается другой местный ориентир – семафор на железной дороге, идущей от Котлубани в сторону Сталинграда. Удивительно, как этот элемент путевого хозяйства пережил несколько жестоких сражений, не был свален атакующими танками или разнесен на куски снарядами и авиабомбами. Семафор у разъезда «564 км» в гораздо большей степени может претендовать на роль символа Сталинградской битвы, чем дом сержанта Павлова. Хотя бы потому, что он оказывался в центре событий гораздо чаще и упоминался в оперсводках до фронтового уровня включительно. Да и солдат обеих сторон в окрестностях семафора лежит намного больше, чем вокруг любого отдельно взятого дома в Сталинграде.

Ожидания немецкого командования относительно контрударов по флангу вышедшей к городу 6-й армии оправдались еще в августе 1942 г. Однако если в последних числах августа в контрударах участвовали соединения, случайно оказавшиеся под рукой, то в сентябре в бой пошли стратегические резервы. Сталинград вновь потребовал ввода в бой резервных армий.

Однако до сосредоточения соединений резервных армий контрудары наносились дивизиями, прибывшими «россыпью» и объединенными управлением штаба 1-й гвардейской армии. Штаб Москаленко мог быть просто перегруппирован ближе к Сталинграду вместе с частью первоначального (августовского) состава армии. К.С. Москаленко описывает это так: «Ставка решила нанести севернее Сталинграда удар силами 1-й гвардейской армии. Для этого было приказано, прежде всего, перегруппировать часть ее сил (38-ю и 41-ю гвардейские стрелковые дивизии) в район Лозное. Там надлежало включить в состав армии 39-ю гвардейскую, 24, 64, 84, 116 и 315-ю стрелковые дивизии, 4, 7 и 16-й танковые корпуса. После сосредоточения 1-я гвардейская армия должна была наступать в направлении совхоз Котлубань, Самофаловка, Гумрак с целью соединиться с частями 62-й армии. Получив приказ, тотчас же связались с 21-й армией. После того как началась передача ей нашей полосы с частью сил, я выехал в район Лозного. Туда же должен был вскоре передислоцироваться наш штаб, предварительно сосредоточив 38-ю и 41-ю гвардейские дивизии в районе ст. Котлубань» [168]. Названные Москаленко соединения были собраны с бору по сосенке. 24-я стрелковая дивизия была снята с Калининского фронта, 64-я стрелковая дивизия – из 8-й резервной армии Ставки ВГК, 84-я стрелковая дивизия – с Северо-Западного фронта, 116-я стрелковая дивизия – с Западного фронта. Как мы видим, дивизии были аккуратно вычесаны с центрального направления и брошены под Сталинград. К слову сказать, немцы не снимали для использования в боях за Сталинград ни одного соединения с других участков фронта до ноября.

Думаю, в тот момент командование фронта, а то и советское Верховное командование проклинали тот час, когда 1-я гвардейская армия была задействована на левом берегу Дона. Если бы армия К.С. Москаленко была оставлена в резерве в районе Иловли, ее дивизии могли сыграть важную роль в оборонительном сражении в последнюю неделю августа 1942 г. Из-за преждевременного использования крупного резерва немедленное использование 1-й гв. армии против прорвавшегося к Волге XIV танкового корпуса было исключено. Пришлось тратить время на перегруппировку и добавлять в армию Москаленко соединения из резервных армий.

Решение на переброску в район Сталинграда резервов было принято уже 25 августа. В состав Сталинградского фронта начали прибывать войска 24-й армии (пять стрелковых дивизий) и 66-й армии (шесть стрелковых дивизий). Соответственно 24-я армия Д.Т. Козлова была бывшая 9-я резервная армия, а 66-я Р.Я. Малиновского – бывшая 8-я резервная армия. Как мы видим, той и другой армией командовали генералы, ранее командовавшие фронтами. Д.Т. Козлов был снят с

командования Крымским фронтом в мае 1942 г., а Р.Я. Малиновский в июле 1942 г. покинул пост командующего Южным фронтом. Выглядело это как шанс вернуть доверие командования. В район к северо-западу от города к началу сентября начали прибывать стрелковые дивизии, полки артиллерии, «катюш» и танковые бригады. Но до сосредоточения войск резервных армий был нанесен контрудар силами «вычесанных» с центрального участка советско-германского фронта дивизий. Количество танков в танковых корпусах к началу очередного наступления Сталинградского фронта см. в таблице.

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В 4, 7 И 16-М ТАНКОВЫХ КОРПУСАХ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА НА 31 АВГУСТА 1942 г. [169]

	4-й тк			16-й тк			7-й тк ²		
	45 тбр	47 тбр	102 тбр	107 тбр	109 тбр	164 тбр	3 гв. тбр	62 тбр	87 тбр
КВ	4	3	–	10	–	–	33	–	–
Т-34	–	8	5	–	11	28	–	44	30
Т-60	1	9	3	23	19	13	27	20	15
Т-70	–	3	–	–	–	–	–	–	–
Всего	5	23	8	33	30	41	60	64	45

Хорошо видно, что реальную боевую силу составлял 7-й танковый корпус П.А. Ротмистрова. Он был новичком в составе 1-й гвардейской армии. Остальные корпуса в августовских боях потеряли значительное количество техники. Из состава 16-го танкового корпуса была сформирована сводная бригада, насчитывавшая 1 КВ, 10 Т-34 и 15 Т-60. Корпус П.А. Ротмистрова в июле 1942 г. участвовал в неудачном контрударе 5-й танковой армии А.И. Лизюкова под Воронежем. Контрудар закончился неудачей, корпус понес большие потери. К августу корпус постепенно восстановил численность танкового парка. Ядром корпуса была 3-я гв. танковая бригада. Это была 8-я танковая бригада формирования 1941 г., которую ее командир П.А. Ротмистров вывел в гвардию в ходе битвы за Москву. Весной 1942 г. Ротмистров стал командиром формирующегося танкового корпуса, в состав которого вошла его 3-я гвардейская бригада. К тому моменту она получила наименование «тяжелой» и в ней были сосредоточены все танки КВ корпуса. Танки КВ бригады, подобно кораблям, получили собственные имена. Например, танки одной из рот именовались «Смелый», «Сильный», «Славный» и «Суровый». Типичной проблемой советских танковых войск в этот период была комплектность мотопехоты корпусов. 7-я мотострелковая бригада корпуса Ротмистрова была укомплектована только на 30%. Однако выбора у командования не было и резервы вводились в бой в том виде, в котором они были под рукой. Затишье на Брянском фронте позволяло сделать из него донора для осыпаемого ударами Сталинградского фронта. 28–30 августа 1942 г. 7-й танковый корпус выгрузился в районе станции Серебряково и утром 2 сентября после 200-км марша сосредоточился в районе балки Родниковой, к северу от Городища и к востоку от Самофаловки.

Задачей 1-й гвардейской армии было овладеть высотами к северу от Городища, пересечь железную дорогу и соединиться с частями, оборонявшими Сталинград. Контрудар проводился 24-й и 116-й стрелковыми дивизиями при поддержке сводной бригады 16-го танкового корпуса и 7-го танкового корпуса соответственно. В случае выполнения поставленной задачи 7-й танковый корпус должен был наступать на восток, оттесняя противника к Волге. С корпусом и 116-й стрелковой дивизией должны были взаимодействовать 671-й гаубичный артполк РГК (18 152-мм гаубиц-пушек), 1184-й истребительно-противотанковый полк, 23-й и 57-й гвардейские минометные полки и 1140-й отдельный гвардейский минометный дивизион. Танковый корпус Ротмистрова вводился в бой с марша, почти не имея времени на подготовку. Начертание переднего края перешедшего к обороне противника не было установлено. Проблемой были даже карты района боевых действий – не у всех командиров они были. Рекогносцировку успели провести только командиры бригад.

По замыслу командования 7-й танковый корпус должен был ударить в направлении почти строго на юг и по кратчайшему расстоянию соединиться с действовавшими в районе Городища

советскими войсками. К началу наступления бригад Ротмистрова 2-я мотострелковая бригада 23-го танкового корпуса 62-й армии оборонялась к северу от Городища. 189-я танковая бригада 23-го танкового корпуса и 399-я стрелковая дивизия оборонялись фронтом на запад в районе Городища. Тем самым 23-й танковый корпус удерживал позиции, до которых было, можно сказать, рукой подать. Требовалось пройти лишь несколько километров. Однако 23-й танковый корпус находился под постоянным нажимом противника, и перспективы удержания района Городища были туманными. Именно это заставляло спешить с нанесением контрударов.

Горящий Т-60. Район Сталинграда. Так называемые «малые танки» в сентябре 1942 г. все еще составляли значительную часть танкового парка корпусов, участвовавших в «сражении за семафор»

Согласно донесению от 00.15 3 сентября, численность танкового парка XIV танкового корпуса характеризовалась следующими цифрами (см. таблицу).

ЧИСЛЕННОСТЬ БРОНЕТЕХНИКИ XIV РЗК 6-й АРМИИ НА 3 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [170]

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	Командирские	САУ «Мардер»	Всего танков и САУ
16 тд	—	8	45	6	8	—	5	72
60 мд	8	—	20	2	4	1	6	41
3 мд	9	—	17	2	2	—	7	37

Однако, как показали дальнейшие события, самым сильным аргументом немецких войск, оборонявших перешеек между Волгой и Доном, была артиллерия. В составе XIV корпуса в тот момент находились два дивизиона 210-мм гаубиц, дивизион тяжелых гаубиц, полк реактивных минометов и несколько батарей усиления, изъятых из других дивизионов РК. В 5.30 3 сентября,

после 30-минутной артподготовки, 1-я гвардейская армия перешла в наступление силами 24, 84 и 116-й стрелковых дивизий. В первом эшелоне 7-го танкового корпуса двигались 3-я гвардейская и 62-я танковая бригада, а во втором эшелоне – 87-я танковая бригада и мотострелковая бригада. Атака началась без взаимодействующей пехоты. Успеха две бригады первого эшелона не имели, и Ротмистров в 12.00 ввел в бой 87-ю танковую бригаду. Продвижение корпуса было остановлено сильным противотанковым огнем противника. Попытки советских танкистов огнем с места подавлять и уничтожать огневые точки противника успеха не принесли. Мотострелковая бригада в силу малочисленности в бою 3 сентября просто не участвовала. За 3 сентября корпус потерял 5 КВ сгоревшими и 7 подбитыми, 15 Т-34 сгоревшими, 17 Т-34 подбитыми, 6 Т-60 сгоревшими и 3 Т-60 подбитыми [171]. В течение первого дня боевых действий вышли из строя 53 танка, почти треть состава корпуса.

В ЖБД 6-й армии указывалось: «Северный фронт XIV ак подвергался в районе севернее Безродненского повторяющимся мощным атакам русских, которые действовали при поддержке более чем 150 танков. Они были отражены в тяжелых боях с помощью танков 16-й тд и всей артиллерии стоящей фронтом на юг 60-й мд. Наши потери значительны» [172].

Одновременно в ЖБД 6-й армии описываются результаты поездки в войска, в которых прослеживается методика удержания фронта. В частности, Паулюс был недоволен тем, что XIV корпус не помог наступлению на Сталинград своими танками, т.к. «танковые батальоны 60-й мд и других дивизий 14-го тк лишь малой частью сил участвовали в этот день в боях на северном фронте» [173]. То есть, по большому счету, сравнение количества танков сторон в данном случае недостаточно информативно. Опору обороны давала артиллерия. Автор не располагает данными о расходе боеприпасов 3 сентября XIV танковым корпусом, однако расход боеприпасов 6-й армии в целом за 3 сентября составлял 575 тонн [174]. Сравнение с данными о расходе боеприпасов в последующие дни позволяет оценить настрел XIV корпуса примерно в 150 тонн. Этого было более чем достаточно для того, чтобы остановить советскую пехоту, а против танков использовались противотанковые пушки, САУ и танки.

Как удержать «наземный мост»? Командующий 6-й армией генерал Паулюс на командном пункте. Справа – командир 76-й пехотной дивизии генерал Роденбург, слева – начальник оперативного отдела Эльхлепп

Тем не менее попытка установить связь со Сталинградом кавалерийским наскоком не удалась. Что делать? Останавливаться и ждать прибытия главных сил резервных армий? Вечером 3 сентября Сталин посылает Жукову распоряжение, которое можно смело назвать «криком души»: «Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи.

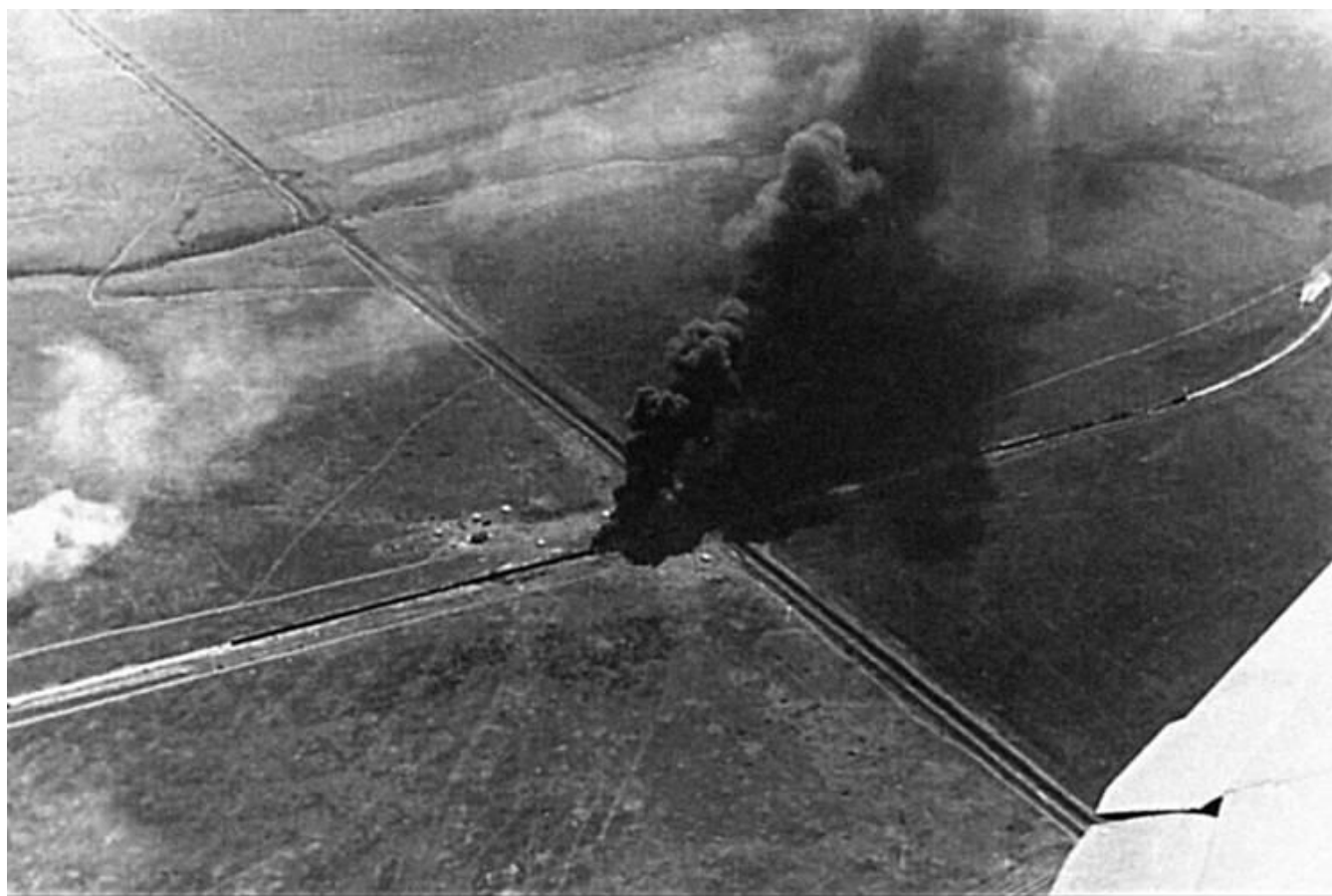
Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало.

Получение и принятые меры сообщить незамедлительно» [175] .

Утром 4 сентября 1-я гв. армия уже была в готовности к новому наступлению. Однако в 6.00 на нее обрушилась контрподготовка противника. Она вообще станет одним из основных приемов оборонявшихся к северу от Сталинграда немецких соединений. Ф. Меллентин приводит слова полковника Генерального штаба Г.Р. Динглера, служившего начальником оперативного отдела в 3-й моторизованной дивизии. Перед нами встает картина классического позиционного сражения с массированным использованием артиллерии:

«Огонь русской артиллерии действительно был очень сильным. Русские не только обстреливали наши передовые позиции, но и вели огонь из дальнобойных орудий по глубоким тылам. Пожалуй, следует хотя бы коротко сказать и об опыте, полученном нами в эти напряженные дни. Вскоре артиллерия заняла первостепенное место в системе нашей обороны. Поскольку потери росли и сила нашей пехоты истощалась, основная тяжесть в отражении русских атак легла на плечи артиллеристов. Без эффективного огня артиллерии было бы невозможно так долго противостоять настойчиво повторяющимся массированным атакам русских. Как правило, мы использовали только сосредоточенный огонь и старались нанести удар по исходным позициям русских до того, как они могли перейти в атаку [т.е. провести контрподготовку – *А.И.*]. Интересно отметить, что русские ни к чему не были так чувствительны, как к артиллерийскому обстрелу» [176] .

Горящий советский эшелон в районе Сталинграда. Подвоз резервов на Сталинградский фронт был затруднен постоянными налетами авиации противника

В 6.30 немецкая контрподготовка была дополнена авиаударом. Налет продолжался в течение полутора часов. Пехота 116-й стрелковой дивизии под сильным огнем противника залегла. Соответственно 7-й танковый корпус лишился пехотной поддержки. Предыдущие неудачи советских контрударов сами по себе создавали почву для создания противником устойчивой обороны. Оставшиеся на поле боя подбитые танки (в том числе танки 4-го танкового корпуса, действовавшего в этом же районе 26–27 августа) были превращены немцами в огневые точки. Броня подбитых танков позволяла оборонявшимся немецким пехотинцам выживать при артобстреле. Затем подбитые танки становились импровизированными ДОТами. Засевшие в них немецкие солдаты обрушивали на наступающих град свинца. Однако, как справедливо отмечает процитированный выше полковник Динглер, основным средством борьбы стала артиллерия. Расход боеприпасов XIV PzK за 4 сентября составлял 180 тонн [177], в том числе 55 210-мм снарядов, 308 – 150-мм sFH18, 325 – 10-см K18 [178]. Противопоставить этому шквалу тяжелых снарядов было, по существу, нечего. На 2 сентября в составе армии К.С. Москаленко были 671-й артполк и дивизион 1158-го артполка РКГ – всего двадцать четыре 152-мм пушки-гаубицы [179], на всем Сталинградском фронте – 59 152-мм орудий [180]. Также значительное воздействие на наступавшие советские части оказывала авиация, в ЖБД 6-й армии указывалось: «На участке XIV тк с 03.30 вражеские атаки в 15 км северо-западнее Городища, против них действуют Люфтваффе с очень хорошим результатом» [181].

В итоге двухдневных боев 7-й танковый корпус потерял 7 KB, 30 Т-34 и 10 Т-60 сожженными, 14 KB, 10 Т-34 и 6 Т-60 подбитыми. Ударные возможности корпуса были практически исчерпаны. 6 сентября 12 танков корпуса были приданы 41-й гвардейской стрелковой дивизии для атаки в прежнем направлении. Однако успеха эти атаки не имели, и советские войска на фронте к северо-востоку от Сталинграда перешли к обороне. Пришел час ремонтных служб корпуса: до следующего наступления шла напряженная работа по восстановлению подбитых танков.

12 сентября Жуков и Маленков докладывали Верховному:

«Москва, тов. Сталину.

1. Ваши обе директивы об ускорении продвижения северной группы получили.

2. Начатое наступление 1, 24 и 66 армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво.

В проводимом наступлении, как об этом мы вам доносили, участвуют все наличные силы и средства.

Соединение со сталинградцами не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском отношении и в отношении авиации. Наша 1 гв. армия, начавшая наступление первой, не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка ПТО, ни ПВО.

Подбитые под Сталинградом танки Т-34. Машина справа относится к новейшей для осени 1942 г. серии с башней-«гайкой», а слева – постепенно сходившей со сцены версии Т-34 с башней-«пирожком»

Обстановка под Сталинградом заставила нас ввести в дело 24 и 66 армии 5.9, не ожидая их полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Стрелковые дивизии вступали в бой прямо с пятидесятикилометрового марша. Такое вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником.

3. Никаких других и не известных Ставке задач мы перед собой не ставим.

Новую операцию мы имеем в виду готовить на 17.9, о чем вам должен был доложить тов. Василевский. Эта операция и сроки ее проведения связаны с подходом новых дивизий, приведением в порядок танковых частей, усилением артиллерией и подвозом боеприпасов.

4. Сегодняшний день наши наступающие части, так же как и в предыдущие дни, продвинулись незначительно и имеют большие потери от огня и авиации противника, но мы не считаем возможным останавливать наступление, так как это развяжет руки противнику для действия против Сталинграда.

Мы считаем обязательным для себя даже в тяжелых условиях продолжать наступление, перемалывать противника, который не меньше нас несет потери, и одновременно будем готовить более организованный и сильный удар.

15. Боем установлено, что против северной группы в первой линии действуют шесть дивизий: три пехотные, две мотодивизии и одна танковая.

Во второй линии против северной группы сосредоточено в резерве не менее двух пехотных дивизий и до 150–200 танков» [182].

Как мы видим, Георгий Константинович указал на объективный результат его ударов – «облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником». Относительно того, что 1-я гв. армия «не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка ПТО, ни ПВО», Жуков немного преувеличивает. Однако в целом с ним нельзя не согласиться – советская ударная группировка существенно уступала противнику в артиллерийском отношении, что неизбежно сказывалось на ходе боевых действий.

Город в осаде

Судьба населения Сталинграда складывалась в августе 1942 г. по одному из худших вариантов. Город стоял на берегу Волги, и любые грузы требовалось тем или иным способом переправлять на левый берег реки. Однако немедленная организация переправ и эвакуация были невозможны. В июле и начале августа руководство страны было озадачено вопросом, что будет кушать население СССР после оккупации противником сельскохозяйственного юга России. Соответственно через Сталинград непрерывным потоком шли перевозки в глубь страны хлеба, перегонялся скот и техника (чтобы сеять и пахать на новом месте). На 4 августа на правом берегу Волги в районе Дубовки скопилось 50 тыс. голов скота, 18 МТС с машинами и 500 тракторов, в районе Горного Балыклея – 25 тыс. голов скота, 10 МТС с сельскохозяйственными машинами и 350 тракторов, в районе Каменного Яра – 60 тыс. голов скота, 14 МТС с машинами и 400 тракторов, в районе Камышина на подходе было 60 тыс. голов скота, 11 МТС и 400 тракторов. В ближайшие дни ожидалось к переправе около 1 400 тыс. голов скота. Задача эвакуации стратегически важных запасов была в значительной степени решена. На переправах через Волгу на участке Астрахань – Камышин в навигацию 1942 г. было перевезено: скота – 1 560,6 тыс. голов, в том числе крупного – 338 тыс. голов, повозок – 6,7 тыс. штук, тракторов – 996. Эвакуация населения Сталинграда в августе велась низкими темпами – видимо, советское руководство считало себя в состоянии удержать ситуацию под контролем. К 23 августа из всего населения 400-тысячного города было эвакуировано около 100 тыс. человек. Основная масса жителей Сталинграда оставалась в городе. 24 августа Городской комитет обороны принял постановление об эвакуации женщин, детей и раненых на левый берег Волги, но время уже было безнадежно упущено.

Переправа людей на левый берег Волги производилась судами Сталинградского речного флота и Волжской военной флотилии. 23–24 августа, после того как все причалы были уничтожены ударами с воздуха, сталинградские речники организовали переправу катерами и баркасами. Этот

этап эвакуации проходил под ударами с воздуха и даже артиллерийским огнем противника. Санитарный пароход «Бородино» с 700 ранеными был расстрелян прямой наводкой в районе Рынка и затонул, спаслось всего лишь около 300 человек. Такая же участь постигла и пароход «Иосиф Сталин» с эвакуируемыми жителями. Из находившихся на корабле 1200 человек спаслось вплавь всего около 150 человек.

В какой-то мере время на эвакуацию было выиграно за счет контрударов танковых корпусов в конце августа и начале сентября. От момента выхода противника к Волге до выхода собственно на улицы города прошло почти три недели. Первые дни сентября роль бронированной «арматуры» для постепенно отходивших к Сталинграду соединений 62-й армии взял на себя 2-й танковый корпус. 1–2 сентября корпус А.Г. Кравченко оборонялся в северной части города, препятствуя прорыву к заводам 16-й танковой дивизии немцев. Группа Штевнева была расформирована, и корпус постепенно сдавал позиции прибывающим в Сталинград стрелковым бригадам.

Спокойная жизнь для частей 2-го танкового корпуса продолжалась недолго. С утра 3 сентября противник прорвал фронт обороны 62-й армии в 18 км от Сталинграда у Питомника. К 12.00 немцы были уже в Таловой, в нескольких километрах от города. В тот же час Лопатин поставил Кравченко задачу совместно с частями 87-й стрелковой дивизии контратаковать в направлении «Опытная станция». Что интересно, командующий 62-й армией ставил задачу с некоторым «упреждением» – немцы еще не дошли до Опытной станции, но скорее всего уже были бы на этом рубеже к моменту перегруппировки танкового корпуса. В 14.30 27-я танковая бригада выступила на марш и к 15.40 была в районе Сталинградского, к северу от Опытной станции. На тот момент в составе бригады было 9 Т-34, 7 Т-70 и 15 Т-60. В 17.00 вслед за 27-й бригадой выступила 99-я танковая бригада (23 Т-34, 7 Т-70, 1 Т-60). Контрудар был назначен на 5.00 следующего дня. В окончательном варианте корпус А.Г. Кравченко должен был действовать совместно с остатками 87, 98 и 112-й стрелковых дивизий.

Контрнаступление началось в 8.00 4 сентября, и события дня развивались как «тяни-толкай» – танки корпуса Кравченко пробивались к Гумраку, но во второй половине дня были вынуждены отойти на исходные позиции. В 27-й бригаде осталось 1 Т-34, 1 Т-70 и 13 Т-60. 5 сентября Гумрак удерживался остатками 112-й стрелковой дивизии (285 активных штыков), 27-й танковой бригадой (11 Т-60) и разведывательным батальоном (2 броневика, 4 бронетранспортера) 2-го танкового корпуса. Южнее Гумрака держалась 99-я танковая бригада (16 Т-34, 4 Т-70), «армировавшая» остатки 87-й и 98-й стрелковых дивизий. Советскому командованию пока удавалось удерживать противника от прорыва на улицы Сталинграда.

6 сентября последовал прорыв на участке севернее того, который занимал 2-й танковый корпус. А.И. Еременко описывает события следующим образом: «...6 сентября произошел случай, вероятность которого даже трудно было себе представить. Во исполнение решения Ставки Верховного Главнокомандования мной был издан приказ “Ни шагу назад!”, который был нарушен генералом Лопатиным – он самолично отвел 28-й танковый корпус (корпус бы, по сути дела, без танков, а усилен противотанковым батальоном) на 3 км на новые позиции без давления со стороны противника, чем тот сразу воспользовался и на наших плечах продвинулся вперед. Отвод с подготовленных в течение 12 дней позиций поставил наши войска в невыгодное положение. Наше оперативное положение серьезно ухудшилось, так как ранее, находясь в районе разъездов Конный и Древний Вал, войска занимали выгодное положение, создавая угрозу флангам противника, прорвавшимся в район Латашанка, Рынок. Удерживая этот район, мы были близки к тому, чтобы в ближайшем будущем соединиться с войсками Сталинградского фронта, действовавшими с севера» [183].

Здесь требуются некоторые уточнения. Был отведен с позиций на северном фланге 62-й армии не 28-й, а 23-й танковый корпус. Корпусом он назывался на тот момент достаточно условно: в его составе была только 189-я танковая бригада с 8 Т-34, 5 Т-70 и 2 Т-60. Отход был произведен в ночь на 6 сентября согласно распоряжению № 122 штаба 62-й армии. Отход лишь несколько сокращал занимаемый на подступах к разъезду Конный фронт. Выдвинутые вперед позиции сами просились на срезание ударами по сходящимся направлениям. Судя по всему, А.И. Лопатин получил известие о провале наступления северной группы фронта и принял решение отводить войска с позиций, к которым прорывалась с севера 1-я гвардейская армия. Их удержание в отсутствие перспективы результативного деблокирующего удара грозило уничтожением 23-го танкового корпуса и остатков

399-й стрелковой дивизии.

Удар противника по отошедшим на новые позиции войскам не заставил себя ждать. С 8.00 утра 6 сентября начал наступление от разъезда Конный на юго-восток и от Гумрака в тыл 23-му танковому корпусу. Прорвавшись на стыке 189-й танковой бригады и 399-й стрелковой дивизии, немцы смяли правый фланг 399-й стрелковой дивизии и сбили советские части с занимаемых позиций. Очередной удар неожиданно последовал с тыла. Посланные командующим 62-й армией на выручку 23-му танковому корпусу танки 99-й танковой бригады обстреляли по ошибке свои танки, сожгли 1 танк и подбили 4 танка. Однако один из основополагающих принципов обороны – это восстановление утраченных позиций контрударами. К 14.00 189-я танковая бригада получила с завода 6 танков, в 14.20 контратаковала, но, не имея поддержки пехоты, удержать утраченную утром высоту 146,2 не смогла. Еще одна атака высоты 146,2 после залпа РС в 18.00 также успеха не принесла. На следующий день 23-й танковый корпус и 399-я танковая бригада были отеснены на рубеж древнего вала у Городища. В 189-й танковой бригаде осталось к тому моменту всего 2 Т-34. Несомненно, что, если бы Лопатин не приказал отходить на новые позиции, это бы в лучшем случае оттянуло отход к Городищу на сутки. В худшем случае оборонявшиеся у разъезда Конный части были бы окружены и немцы прорвались бы прямо к заводу «Баррикады». Подготовленность позиций тут играла не самую важную роль: с тем же успехом немцы прорвались у Гумрака, где никакого отвода войск не было. 112-я стрелковая дивизия не смогла удержать Гумрак, и в 12.00 6 сентября он был оставлен.

Однако неблагоприятное развитие событий в любом случае вызывает негативную реакцию и смену командующих. Так, в третий раз было сменено командование 62-й армии. На должность командующего армией был назначен В.И. Чуйков. Как мы помним, в июле 1942 г. он вызывал сомнения у высшего руководства. Относительно успешное ведение оборонительного сражения 64-й армией (в которой В.И. Чуйков был заместителем командующего) заставило отбросить прочь сомнения в компетентности долго остававшегося вдали от фронта генерала.

К 7 сентября все танки обеих бригад 2-го танкового корпуса вышли из строя. Командир 27-й танковой бригады был ранен, а командир 99-й танковой бригады – убит. 8 сентября 2-й танковый корпус был выведен на левый берег Волги. 11 сентября ему были подчинены 135, 137, 155, 254, 169 и 99-я танковые бригады и поставлена задача обороны восточного берега Волги на фронте 84 км. Неходовые танки 27-й и 99-й танковых бригад были переданы 23-му танковому корпусу. Как это уже неоднократно случалось, после потери «армировавших» оборону танков ее крушение было уже делом времени.

Первый штурм города. 13–26 сентября 1942 г.

Несмотря на столкновение с советскими резервами после прорыва XIV танкового корпуса к Волге, немецкое командование поначалу весьма оптимистично оценивало перспективы штурма Сталинграда. Поздно вечером 11 сентября 1942 г. командующий группой армий «Б» Вейхс докладывал обстановку на фронте его армий фюреру. По итогам этого совещания Гальдер записывает в дневнике плановый расчет времени на захват города: «Штурм городской части Сталинграда – 14 или 15.9 при хорошей подготовке. Расчет времени: для штурма Сталинграда – 10 дней. Потом перегруппировка – 14 дней. Окончание – самое раннее к 1.10».

Рано утром 12 сентября командующий 6-й армией Фридрих Паулюс вылетел из Голубинки в Старобельск, где он пересел в самолет командующего группой армий «Б» фон Вейхса. Около полудня они прибыли на аэродром в Виннице. Примерно в 12.30 Вейхс и Паулюс прибыли машиной в Ставку Гитлера. Тотчас по прибытии генералов провели в комнату совещаний, где заслушивался ежедневный доклад о положении на фронтах. На совещании присутствовали: Гитлер, Кейтель, Йодль, начальник штаба Сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, начальник оперативного отдела ОКХ генерал-майор Хойзингер и генерал-квартирмейстер ОКХ генерал-лейтенант Вагнер. Это было одно из самых важных совещаний, определивших не только ближайшие задачи армии Паулюса, но и планы вермахта в районе Сталинграда в целом.

Вейхс и Паулюс доложили обстановку в полосе группы армий «Б» и 6-й армии соответственно. Командующий 6-й армией описал положение подчиненных ему войск с точностью до положения каждой дивизии. Гитлер выслушал оба доклада без каких-либо существенных реплик и затем

спросил у Паулюса: «Когда вы будете держать в своих руках город и берег Волги в пределах города? Для меня очень важно, чтобы это произошло скоро». Командующий 6-й армией от определенного ответа уклонился, сославшись на усталость войск. Его ответом было:

«Ввиду только что доложенного состояния наших войск, измученных боями, а также русского сопротивления я не могу назвать окончательный срок. Напротив, я должен просить подкрепления тремя боеспособными дивизиями». Таким образом, Паулюс не поддержал оптимистичный расчет Гальдера о захвате Сталинграда за десять дней.

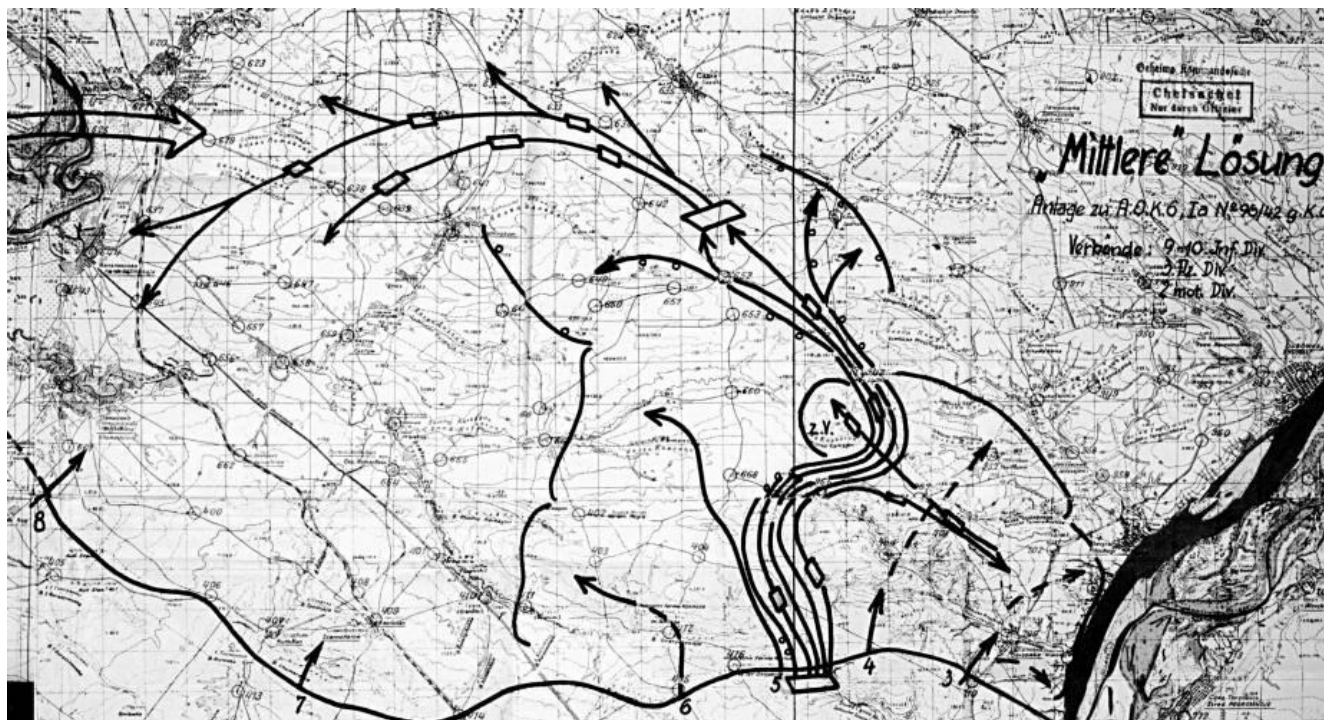
Гитлер согласился, что этот вопрос надо изучить. Решение с ходу предложил Гальдер. Он констатировал, что в распоряжении Верховного командования нет ни свежих сил, ни возможности своевременно их перебросить под Сталинград. По мнению Гальдера, оставался только один выход: передать в распоряжение 6-й армии соединения 4-й танковой армии, стоявшей южнее Сталинграда. Решение этого вопроса начальник штаба Сухопутных войск делегировал командованию группы армий «Б».

Обычно совещание в Виннице связывают с планированием штурма Сталинграда. Однако помимо этого обсуждались планы сокрушения советской группировки в полосе между Доном и Волгой, к северу от Сталинграда (1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии). Гитлеру были предложены два варианта операции, определенные как «большое решение» и «среднее решение». Соответственно, «большое решение» нацеливалось на то, что «основная масса русских сил между Волгой и Доном будет разбита или уничтожена» [184]. Суть «среднего решения» состояла в «прорыве подвижными соединениями из района западнее Ерзовки к высотам восточнее Прудки, откуда можно будет южнее Тишанки повернуть на запад и продвинуться к Дону» [185]. Это решение означало обход советской ударной группировки «сражения за семафор» с левого фланга с последующим ее окружением. Учитывая, что собранные в резервных армиях танки постепенно выбивались, такой удар мог иметь самые тяжелые последствия – в определенный момент под рукой у командования Сталинградского фронта могло не найтись достаточного количества боеспособных танковых бригад для противодействия окружению.

На совещании в Виннице Гитлер выбрал вариант № 2, т.е. «среднее решение». Для него по плану Паулюса требовалось 3 танковых, 2 моторизованных, 9–10 пехотных дивизий в междуречье Дона и Волги севернее Царицы. Предполагалось осуществить окружение за 2–4 дня, очистку образовавшегося «котла» – 10–12 дней. Собственно, именно выявившиеся в ходе боев в излучине Дона трудности с ликвидацией окруженных советских частей заставили отказаться от «большого решения». Однако одновременно признавалось, что высвобождение достаточных для контрнаступления сил возможно только после захвата Сталинграда. В связи с этим между защитниками города и советской группировкой у семафора образовалась незримая связь. Пока продолжались наступления у семафора, Сталинград штурмовали худшие дивизии 6-й армии. Пока держался Сталинград – откладывалось «среднее решение».

Одновременно с одобрением «среднего решения» Гитлер принял решение, имевшее далеко идущие последствия: отказ от ликвидации советского плацдарма под Серафимовичем. Тем самым была заложена мина замедленного действия, с грохотом взорвавшаяся в ноябре 1942 г., когда с этих плацдармов началось советское контрнаступление. В ЖБД 6-й армии по этому поводу имеется следующая запись от 13 сентября 1942 г.: «Командующий вернулся с доклада фюреру. Фюрер выбрал решение № 2. Армии предстоит отказаться от полной очистки южного берега Дона на левом фланге в полосе XVII ак и как можно скорее сконцентрировать там силы для наступления на север в междуречье Волги и Дона» [186]. Нельзя не отметить оборот «как можно скорее».

По решению командования группы армий «Б» стартовым условием для начала наступательной операции было очищение Сталинграда от советских войск. В приказе группы армий от 15 сентября указывалось: «После захвата Сталинграда армия как можно раньше и как можно более крупными силами должна атаковать в междуречье Волги и Дона в северном направлении с целью разбить находящиеся на северном фронте XIV тк и VIII ак силы противника, по возможности уничтожить их и занять зимнюю позицию по линии Ерзовка – Варломов – станция Панышино – Панышино».

«Среднее решение» – копия немецкой карты с решением на наступление к северу от Сталинграда

В случае быстрого развала обороны города 1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии могли повторить судьбу Крымского фронта. По иронии судьбы, это могло бы произойти после взлома обороны на левом фланге 24-й армии Д.Т. Козлова, бывшего командующего Крымским фронтом. Сражение под Сталинградом могло обернуться для Красной армии страшной катастрофой. Первым практическим результатом совещания в Виннице было предоставление трех дивизий 4-й танковой армии в распоряжение 6-й армии при одновременном удлинении фронта 6-й армии на юг настолько, что теперь весь Сталинград вплоть до южных подступов к городу находился в полосе армии Паулюса. В ходе своего наступления на восток 6-я армия постепенно выстраивала свои корпуса фронтом на северо-восток примерно по линии течения Дона. На этот фронт были последовательно поставлены XVII, XI армейские корпуса. Последний занимал позиции в излучине Дона против нескольких плацдармов советской 4-й армии. После прорыва к Волге фронтом на северо-восток и север встали XIV танковый и VIII армейский корпуса. Соответственно в распоряжении Паулюса для штурма города остался LI армейский корпус. Передача ему части сил армии Гота была настоятельной необходимостью. Оценивая ситуацию в целом, нужно сказать, что штурмовала Сталинград уже не та армия, которая сокрушала оборону 62-й армии в излучине Дона. И дело было не только и не столько в потерях. К штурму города немецкое командование могло привлечь лишь часть сил армии Паулюса, причем, прямо скажем, не лучшую и не большую.

В некоторой степени слабость соединений LI корпуса компенсировалась качественным усилением. Во-первых, корпусу Зейдлица придавалось сразу два дивизиона штурмовых орудий (см. таблицу).

СОСТОЯНИЕ БРОНЕТЕХНИКИ LI КОРПУСА НА 5.00 13 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [187]

Дивизион штурмовых орудий	Боеготовы		В ремонте	
	StuGIII kurz	StuGIII lang	StuGIII kurz	StuGIII lang
244	3	3	9	6
245	9	8	2	2

Ранее сразу два дивизиона получал корпус на важнейшем направлении, например VIII корпус в ходе обороны фланга ударной группировки в излучине Дона. Однако действительно серьезное усиление LI корпуса последовало в артиллерийском отношении. Ему были приданы два дивизиона

210-мм гаубиц, дивизион 10-см пушек K18 и три дивизиона 150-мм полевых гаубиц sFH18 [188] . Относительная слабость наступающих была в некоторой степени компенсирована слабостью обороняющихся. Обороняли город тоже отнюдь не свежие соединения из резерва Ставки. Защитниками города к началу штурма были соединения 62-й армии, отсеченные от основных сил Сталинградского фронта ударом 23 августа и отведенные в начале сентября с фронта по Дону.

Назначенный 12 сентября 1942 г. командующим 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков в своих мемуарах описывает состояние вверенных ему соединений следующим образом: «Количество дивизий и бригад, входивших в состав 62-й армии, не дает правильного и полного представления о численном составе и силе ее войск. Например, одна танковая бригада утром 14 сентября имела только один танк, две другие танковые бригады оказались вовсе без танков и вскоре были переправлены на левый берег на формирование. Сводный отряд из разных бригад и дивизий вечером 14 сентября имел в своем составе около двухсот штыков, то есть меньше одного штатного батальона; численность соседней с ним 244-й стрелковой дивизии не превышала 1500 человек, а штыков в дивизии было не больше одного штатного батальона; 42-я стрелковая бригада имела 666 человек, а штыков – не более двухсот; 35-я гвардейская дивизия полковника В.П. Дубянского на левом фланге – не более 250 штыков. Другие соединения и части были такого же состава. Танковый корпус под командованием генерала А.Ф. Попова в своих бригадах имел 40–50 танков, из которых процентов 30 были подбитые, использовались как огневые точки. Лишь одна дивизия полковника А.А. Сараева да три отдельные стрелковые бригады были укомплектованы более или менее нормально» [189] . Эта оценка впоследствии была повторена в официальной советской историографии. А.М. Самсонов, процитировав Чуйкова, пишет: «В дивизиях и бригадах насчитывалось по 200–300 человек». Если бы в дивизиях действительно оставалось по 200–300 человек, Сталинград бы пал до 12 сентября. И Чуйков, и Самсонов преувеличивают или, скажем мягче, торопят события. 42-я стрелковая бригада, поспешно записанная Чуйковым в дышащую на ладан блеклую тень, насчитывала на 10 сентября 5032 человека. 244-я стрелковая дивизия насчитывала на 10 сентября 3685 человек, а на 15 сентября – 3497 человек. О каком “сводном отряде из разных бригад и дивизий” пишет Чуйков – не ясно, т.к. численность бригад и дивизий 62-й армии по отдельности составляла больше 200 штыков. Дивизия полковника Сараева, т.е. 10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, была вообще гигантом, насчитывавшим на 13 сентября почти 9 тыс. человек. Развернутые данные по численности соединений 62-й армии перед штурмом см. в таблице.

ЧИСЛЕННОСТЬ СТРЕЛКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ 62-й АРМИИ НА 11 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

	Людей	Лошадей	Винтовок	ППШ	Ручных	Станковых	Минометов	Орудий	ПТР
33 гв. сд	864	60	189	92	4	—	21		11
35 гв. сд	454	—	271	115	2	1	—	6	28
87 сд	1819	315	509	40	1	—	13		—
98 сд	465	20	219	20	2	—	—		1
112 сд	2297	638	1181	117	5	6	11		—
131 сд	2540	443	1918	215	4	3	11		14
196 сд	1004	107	605	162	3	—	3	1	6
229 сд	192	48	73	14		—	—		—
244 сд	3685	860	989	141	14	5	115	29	130
315 сд	2873	333	1797	260	15	10	6	23	126
399 сд	565	18	—						
10 сд НКВД*	8615	406	7069	1080	129	38	102	12	63
10 сбр	1912	280	1148	18	11	34	26		24
115 сбр	4868	308	2625	113	100	40	93	30	69
149 сбр**	4125	630	3472	590	115	29	51	23	78
124 сбр	3607	620	2438	341	84	22	56	25	68
42 сбр	5032	336							
9 мсбр***	1073	—	630	82	39	6	13	2	13
38 мсбр	2370	71	1671		119	6	45	21	48

* — по донесению дивизии, ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 8, л. 3

** — по данным на 5 сентября 1942 г.

*** — по отчету бригады на 1 сентября 1942 г.

Хорошо видно, что среди соединений 62-й армии немало дивизий, лишь условно носящих это наименование. Наибольшую численность к началу штурма города имели не доехавшие до Кавказа стрелковые бригады и дивизия войск НКВД. Следует отметить, что при близкой численности стрелковая бригада и побитая стрелковая дивизия имеют разную боевую ценность. В потрепанной стрелковой дивизии значительно больше людей приходится на тыловые подразделения, не участвующие в бою. Остатки некоторых дивизий вскоре были выведены на левый берег Волги на переформирование. Дивизия НКВД была относительно равномерно размазана по всему городу. Наиболее боеспособные 115, 124 и 149-я стрелковые бригады концентрировались в северной части Сталинграда, образуя обширный выступ к северо-западу от заводов СТЗ, «Красный Октябрь» и «Баррикады». Здесь оборона проходила не по городским кварталам, а в чистом поле. Здесь же были остатки 315-й и 196-й стрелковых дивизий. Стремление удерживать позиции в северной части города было вызвано ожиданием контрудара Сталинградского фронта из района Котлубани. Обстановка требовала не только прочной обороны. Не исключался удар навстречу деблокирующей группировке. Наиболее слабой была оборона южной части Сталинграда, района элеватора. В этот район отошли ослабленные 35-я гвардейская и 131-я стрелковая дивизии. К западу от центральной части города оборонялась достаточно сильная 42-я стрелковая бригада, но ее соседями справа и слева были потрепанные 112-я и 244-я стрелковые дивизии. Вопрос с численностью танкового парка частей и соединений требует некоторого уточнения. Данные по численности танков в защищавших Сталинград частях незадолго до штурма см. в таблице.

**БОЕВОЙ И ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ АВТОБРОНЕТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ ЮВФ
В СТАЛИНГРАДЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА 10 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [190]**

	Личный состав		Автомашинны			Танки		
	По штату	По списку	Легковые	Грузовые	Специал.	Тяжелые	Средние	Легкие + малые
133 тбр	1107	1117	4	92	42	22	–	
23 тк	7592	5494	12	331	53		38	10+0
27 тбр*	1181	768	2	71	19		13	23+9

* – придана 23 тк 12 сентября 1942 г.

Так как бои шли непрерывно (о штурме можно было говорить как о резком всплеске активности противника), то к 13–14 сентября число боеспособных танков у защитников уменьшилось. Так, при передаче 27-й танковой бригады в состав 23-го танкового корпуса 12 сентября 1942 г. в ее составе было ходовых 4 Т-34, 2 Т-70, 1 Т-60, неходовых – 6 Т-34, 7 Т-70 и 6 Т-60. В целом оценку В.И. Чуйкова можно признать близкой к истине. В первый день штурма к танкам в 62-й армии прибавилась 133-я танковая бригада в составе двух десятков КВ, ранее оборонявшая юго-восточные подступы к городу. Чуйков также обоснованно ставит вопрос о неходовых танках, использовавшихся как неподвижные огневые точки. Так как они использовались в системе обороны, эвакуация и ремонт этих машин были затруднены. При смещении линии фронта они попросту терялись или уничтожались своими экипажами. Так, 18 неходовых танков 26-й танковой бригады были оставлены в районе Садовой. Неходовые танки 27-й танковой бригады были вкопаны к югу от Городища в системе обороны 23-го танкового корпуса и 112-й стрелковой дивизии. Первый штурм Сталинграда начался в 4.45 берлинского времени 13 сентября. Главный удар наносился LI армейским корпусом 6-й армии в составе 71, 295 и 389-й пехотных дивизий. Иногда в число наступающих включают 76-ю пехотную дивизию, но это явная ошибка – это соединение входило в состав VIII корпуса и оборонялось фронтом на север на «наземном мосту». Удар немцев был нацелен непосредственно в центр Сталинграда.

Как указывалось в ЖБД 6-й армии, в первый день наступление развивалось по плану: «Западнее Сталинграда LI АК прорвался в глубину русской линии обороны и, преодолев упорное сопротивление врага, располагавшего особенно мощной артиллерией, занял господствующие высоты чуть северо-западнее центра города и находящиеся там казармы. Тем самым корпус достиг поставленной на день цели» [191]. Благоприятное для немцев развитие событий в немалой степени объясняется мощной артиллерийской поддержкой: за 13 сентября 6-я армия в целом расстреляла 760 тонн боеприпасов, что было своего рода рекордом едва ли не за весь предшествующий период.

На следующий день немецкое наступление упредило советский контрудар локального значения. Чуйков пишет: «Мы решили прежде всего защищать переправы от артиллерийского огня противника. Для этого надо было на правом и левом флангах перейти к жесткой обороне, а в центре частными атаками занять разъезд Разгуляевка и идущую от него на юго-запад железную дорогу до крутого поворота на Гумрак. Это позволило бы выпрямить фронт в центре и, опираясь на железнодорожную насыпь как на противотанковую преграду, в дальнейшем занять Городище и Александровку. Для выполнения этой задачи предназначался танковый корпус, усиленный пехотными частями, при поддержке основной массой артиллерии армии. 13 сентября – перегруппироваться, 14-го – атаковать, но противник опередил нас» [192].

Подготовка выпада в сторону противника стала косвенной причиной быстрого развала обороны. Для сбора сил для контрудара какие-то участки советскому командованию пришлось ослабить. Непосредственно на пути немецкой ударной группировки находилась многострадальная 112-я стрелковая дивизия, одна из самых слабых в 62-й армии. На 9 сентября ее 385-й стрелковый полк насчитывал 136 человек, 416-й полк – 135 человек, 524-й полк – 46 человек, 436-й артиллерийский полк – одну 122-мм гаубицу и одну 76-мм пушку обр. 1939 г. Немецкая разведка

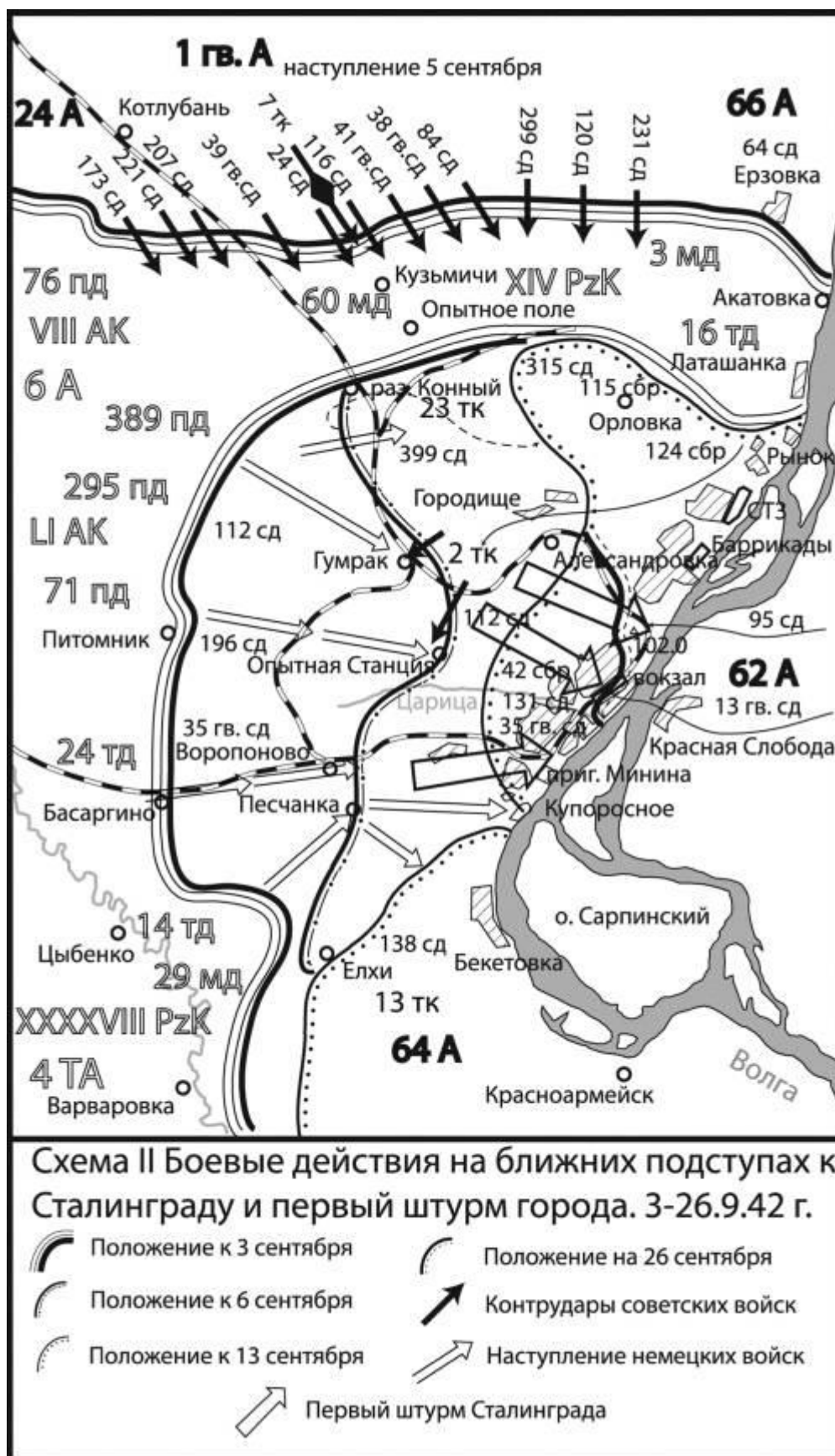
работала неплохо, и выбор участка прорыва нельзя назвать случайным. Вкопанные в системе обороны неходовые танки были слабой защитой. В журнале боевых действий 6-й армии указывалось: «При энергичном взаимодействии были уничтожены гнезда сопротивления с танками в них, находившихся на краю города и по ходу продвижения. В итоге вокзал был достигнут». Традиционно «пожарной командой» советской обороны стали танки. По приказу Чуйкова батальон танков КВ (11 машин) из 133-й танковой бригады был снят с южных подступов к городу и выдвинут к вокзалу. При подходе танков к вокзалу из-под моста железнодорожной насыпи показались танки противника (по донесению бригады, скорее всего САУ StuGIII). КВ с ходу подбили три машины и попытались развить успех и атаковали противника к западу от насыпи. Однако там танкистов встретил плотный огонь и бронетехника, идентифицированная как «тяжелые танки». Скорее всего, речь идет о САУ «Штурмгешюц» 244-го батальона штурмовых орудий, поддерживавших наступление 71-й пехотной дивизии. Потеряв один танк подбитым и один сгоревшим, КВ отступили назад. Отойдя к остаткам сгоревших зданий, КВ замаскировались и подготовились отбивать атаку противника.

Подбитый танк КВ из 133-й танковой бригады на улицах Сталинграда. Даже в уличных боях оборону советских войск скрепляли танки

Наступавшая в центре ударной группировки LI армейского корпуса 295-я пехотная дивизия также успешно пробилась к Волге и Мамаеву кургану. 518-й и 516-й пехотные полки, не встречая серьезного сопротивления, к 12.15 достигли железной дороги севернее вокзала. 518-й пехотный полк, продвигаясь далее на восток, к 15.00 достиг Волги, а 516-й пехотный полк достиг юго-западного склона Мамаева кургана. Наименее успешно продвигалась 389-я пехотная дивизия,

встретившая сопротивление опиравшихся на железнодорожную насыпь частей 23-го танкового корпуса.

Резюмируя события 14 сентября, можно сказать, что в первый день штурма немцам удалось найти слабое место в обороне 62-й армии и одним прыжком прорваться к центру города. Также традиционно сильной была поддержка артиллерии – за 14 сентября 6-я армия расстреляла 570 тонн боеприпасов. В дневном донесении 6-й армии отмечалось: «Враг явно был застигнут врасплох, т.к.

помимо многочисленных грузовиков, в качестве трофеев также были захвачены сотни тягачей на стоянках». Судя по всему, это была готовая продукция Сталинградского тракторного завода, тягачи СТЗ-5, которые просто не успели отправить из-за прерывания железнодорожного сообщения с центром страны. Успех LI корпуса даже несколько затмил достижения второй ударной группировки немцев. Еще один удар по защищавшим Сталинград войскам нанес XXXXVIII танковый корпус, перенесший острие наступления в полосу 62-й армии. 94-я пехотная и 24-я танковая дивизии атаковали пригород Минина. Оказавшиеся между двумя немецкими клиньями 10-я и 42-я стрелковые бригады и 244-я стрелковая дивизия в первый день штурма удержали занимаемые позиции.

На второй день штурма, 15 сентября, обороняющиеся потеряли еще несколько ключевых пунктов. Немецкая 295-я пехотная дивизия двумя своими полками около 12.00 заняла высоту 102,0 (Мамаев курган). Также в результате наступления XXXXVIII танкового корпуса было занято Купоросное. 62-я армия была разъединена с 64-й армией.

Восстановить положение можно было за счет ввода в бой резервов. Первым таким резервом стала 13-я гв. стрелковая дивизия. Она относилась к числу соединений, которые были выведены в резерв и восстанавливались после боев под Харьковом и Миллерово. Еще 25 июля 1942 г. дивизия насчитывала всего 1235 человек. Однако соединение постепенно возвращалось к жизни. К началу сентября в составе дивизии было почти 10 тыс. человек. Приказ на переброску в Сталинград штаб дивизии получил еще до штурма, 9 сентября 1942 г. В ночь на 11 сентября дивизия совершила марш по заволжской степи на автомашинах из района Камышина в район Средней Ахтубы, на левом берегу Волги к востоку от Сталинграда. В боевом распоряжении № 72 14 сентября 1942 г. командующий 62-й армией приказал: «К 3.00 15.9.42 13-ю гв. сд переправить в г. Сталинград».

Гвардейцы прибыли к переправам в разгар боев. Командир дивизии А.И. Родимцев вспоминал: «Потемневшая и вспененная, билась у ног волжская вода. Стоя на берегу, я в бинокль рассматривал тяжело израненный, разрушенный и пылающий город. Слабый ветер медленно поднимал в небо багровые языки пламени и черные клубы дыма, которые уносились ввысь, тянулись далеко над Волгой. Трудно было рассмотреть, что творится на том берегу. Лишь вырисовывались разбитые коробки зданий, заваленные обломками кирпича, бревнами и железом улицы да срезанные и закопченные верхушки деревьев» [193] .

Чуйков пишет о состоянии вновь прибывшей дивизии следующее: « *Генерал-майор Родимцев доложил мне, что дивизия укомплектована хорошо, в ней около 10 тысяч человек. Но с оружием и боеприпасами плохо. Более тысячи бойцов не имеют винтовок. Военный совет фронта поручил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Голикову обеспечить дивизию недостающим оружием не позже вечера 14 сентября, доставив его в район Красной Слободы. Но гарантии в том, что оно прибывает вовремя, не было. Я тут же приказал своему заместителю по тылу генералу Лобову, находившемуся на левом берегу Волги, мобилизовать всех своих работников, чтобы они собрали оружие в частях тыла армии и передали его в распоряжение гвардейцев* » [194] .

Сравнение слов Чуйкова с документами заставляет крепко задуматься. Согласно донесению о боевом составе 13-й гв. стрелковой дивизии, на 13 сентября 1942 г. соединение насчитывало 9603 человека. На это количество бойцов и командиров имелось 7745 винтовок, 170 ППД и ППШ 30 ручных пулеметов и 16 станковых пулеметов [195] . Разница между числом людей и количеством личного оружия действительно составляла больше 1000 единиц. Но наименее укомплектованными оказываются вспомогательные подразделения. Так, в 11-й гв. автороте подвоза на 132 человека приходилось 59 винтовок. В полевой хлебопекарне на 69 человек было 27 винтовок. В стрелковых полках дивизии Родимцева, численностью около 2000 человек, было примерно по 1800 винтовок, т.е. 90% бойцов и командиров имели винтовки или автоматы. Понятно, что винтовки не требуются командирам подразделений (вооруженным пистолетами или револьверами). Могут обойтись без винтовок расчеты артиллерийских орудий и тыловики, например водители автомашин и коноводы. Тем более нет никакой проблемы в отсутствии винтовок у части бойцов-артиллеристов, минометчиков или служб снабжения. В 13-й гв. стрелковой дивизии даже в артполку было 728 винтовок на 926 человек личного состава. Одним словом, дивизия Родимцева была неплохо укомплектована по меркам середины и даже конца войны.

Соединения 62-й армии, сражающиеся в Сталинграде, были укомплектованы винтовками не

лучше, а некоторые и несколько хуже 13-й гв. стрелковой дивизии. На этом фоне выглядит довольно странной Чуйкова забота об оружии, отсутствующем у хлебопек дивизии Родимцева. Потом на почве легкомысленных рассказов о нехватке вооружения появляются фильмы, подобные «Враг у ворот», в которых бойцов бросают в бой в Сталинграде вовсе безоружными.

Однако рассказ Чуйкова все же имеет под собой некоторые основания. В худшую сторону от других соединений 13-я гв. стрелковая дивизия отличалась низкой комплектностью автоматическим оружием. По штату советской стрелковой дивизии того периода полагалось 114 станковых, 9 зенитных и 349 ручных пулеметов, 655 пистолетов-пулеметов. В 13-й гв. стрелковой дивизии было 14% от штатного количества станковых пулеметов, 9% – от количества ручных пулеметов, 26% – от числа пистолетов-пулеметов. Зенитных пулеметов в дивизии Родимцева не было вовсе. Соединения резервных армий, встретившие войска Паулюса в излучине Дона в июле, были укомплектованы гораздо лучше. Они имели по 200 ручных пулеметов и 80 станковых пулеметов.

Именно здесь мы находим косвенное подтверждение словам командующего 62-й армией. По донесению о боевом и численном составе на 15 сентября 13-я гв. стрелковая дивизия насчитывала 8009 человек, 5616 винтовок, 36 станковых пулеметов, 325 ручных пулеметов и 720 ППД и ППШ [196]. Решение Чуйкова оказывается перед нами как на ладони. За счет внутренних резервов армии соединение было укомплектовано близко к штатам не винтовками, а автоматическим оружием. В городском бою плотность огня играет важную роль, и пистолеты-пулеметы вместе с ручными пулеметами становятся, как никогда, востребованы. Также дивизия Родимцева была укомплектована противотанковыми ружьями: 13 сентября их было 89 штук, а 15 сентября стало 229 штук. Как мы видим, командующий 62-й армией внимательно отнесся к переданному ему соединению и постарался в максимальной степени приспособить его к уличным боям в Сталинграде.

Участков, где возникли прорывы и кризисы, было слишком много, чтобы их можно было закрыть одной дивизией. В первый день (15 сентября) части А.И. Родимцева ввели в бой за вокзал и так называемые дома специалистов. В район вокзала прорвался один из батальонов дивизии и занял круговую оборону. Позднее Родимцев писал о его судьбе: «В один из пасмурных октябрьских дней на левый берег Волги выбрался израненный человек с заросшим щетиной лицом. Ему удалось чудом пробраться через линию фронта из района вокзала. Он сообщил, что первого стрелкового батальона больше не существует. Все его бойцы и командиры в неравных боях пали смертью храбрых» [197].

На следующий день, 16 сентября, часть сил дивизии Родимцева было решено использовать для контратаки в районе Мамаева кургана. Первые советские контратаки, нацеленные на то, чтобы вернуть курган (известный также как высота 102,0), были достаточно слабыми: в них участвовали остатки 112-й стрелковой дивизии и один полк 13-й гв. стрелковой дивизии.

В атаку! Контратаки прибывающих в Сталинград стрелковых частей стали одним из основных средств удержания города

Однако в непрерывных трехдневных тяжелых боях 13-я гв. стрелковая дивизия понесла большие потери. Уже 17 сентября В.И. Чуйков докладывал командующему фронтом, что имевшиеся резервы исчерпаны и необходимо срочное усиление состава армии новыми частями. Только так, по мнению командующего 62-й армией, можно было предотвратить полное истощение дивизии А.И. Родимцева. Следует отметить, что немцы испытывали те же проблемы, в дневном донесении 6-й армии указывалось: «Боеспособность LI АК, особенно в последние 5 дней, значительно снизилась. Потери с 13 по 15.9 составляют 61 офицер и 1492 нижних чина». Если обстановка в центре города несколько улучшилась с вводом свежей дивизии, то кризис в районе элеватора требовал срочного противодействия. В ночь на 18 сентября в Сталинград прибыла 92-я стрелковая бригада, немедленно переброшенная в южную часть города. Бригада была сформирована из моряков Северного и Балтийского флотов и ранее действовала на Волховском фронте. Следующим введенным в бой резервом стала 137-я танковая бригада. До этого она занимала оборону на левом берегу Волги в числе других танковых частей, выведенных из боя и объединенных штабом 2-го танкового корпуса. В 2.00 17 сентября было получено предписание на переправу бригады через Волгу в Сталинград. Фактически в 137-ю бригаду было сведено несколько бригад, обретавшихся на левом берегу Волги. Она получила по 120 человек «безлошадных» танкистов и мотострелков в качестве пополнения от 39, 169 и 254-й танковых бригад. Уже в 20.00 того же дня части бригады сосредоточились у переправы. К 5.00 18 сентября переправа на баржах была закончена. Всего переправилось 764 человека. Бригада сосредоточилась в районе завода «Красный Октябрь» и к 7.00 18 сентября заняла оборону. Фактически бригада с первых часов своего пребывания в Сталинграде действовала в пешем строю как стрелковая часть.

До вступления в бой свежих соединений 39-й гвардейский стрелковый полк дивизии Родимцева и остатки 112-й стрелковой дивизии продолжали атаки на Мамаев курган. Основным эффектом от их действий было прекращение продвижения противника. В дневном донесении LI корпуса было записано: «295-я пехотная дивизия отражала многочисленные атаки врага у Волги. Очистку части города у Волги вынуждены были приостановить из-за сильного сопротивления врага и выхода из строя двух штурмовых орудий».

Постепенным подливанием немногочисленных резервов переломить ситуацию в свою пользу было невозможно. Это было все равно что тушить пожар ведрами, таская воду вручную. К тому моменту у командования фронта созрело решение нанести мощный контрудар во фланг группировки противника, вклинившейся к вокзалу и Мамаеву кургану. 18 сентября в 18.00 последовал приказ штаба фронта №122, в котором В.И. Чуйкову была поставлена следующая задача:

«Командарму 62, создав ударную группу в районе Мамаев Курган не менее трех сд и одной тбр, нанести удар [в] направлении с.з. окраина Сталинград с задачей: уничтожить противника в этом районе. Задача дня: уничтожить противника в гор. Сталинград, прочно обеспечивая за собой рубеж – Рынок, Орловка, выс. 138,0, 98,9, сев.-зап. и зап. окр. Гор. Сталинград» [198] .

Танк Pz.III 14-й танковой дивизии у сталинградского элеватора (высокое здание на заднем плане)

Для проведения запланированной операции в состав 62-й армии с 18.00 18 сентября передавалась свежая 95-я стрелковая дивизия. В ночь на 19 сентября дивизия переправлялась через Волгу, чтобы к 5.00 сосредоточиться в районе Красный Октябрь. Первоначально дивизия предназначалась для группировки к северу от города, но была переадресована в 62-ю армию. Уже с первых дней сражения за город северная группировка и 62-я армия были тесно связаны. Северная группировка стала главным источником резервов для парирования кризисов в обороне города. Что интересно, во вводной части приказа А.И. Еременко излагалась довольно любопытная мотивировка необходимости контрудара: «Под ударами соединений Сталинградского фронта, перешедших в общее наступление на юг, противник несет большие потери на рубеже Кузьмичи, б. Сухая Мечетка, Акатовка. С целью противодействия нашей северной группировки противник снимает ряд частей и соединений из района Сталинград, Воропоново и перебрасывает их через Гумрак на север» [199] .

Таким образом, адресованный Чуйкову приказ Еременко не был изолированным шагом в рамках узкой задачи преодоления кризиса в обороне города. Он носил характер хода в командной игре совместно с 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армиями. С одной стороны, 62-я армия должна была ударить по ослабленной снятием резервов (по мнению разведчиков фронта) группировке противника. С другой стороны, она должна была сильным контрударом предотвратить переброску

резервов из Сталинграда против наступления северной группировки. К сожалению, с наступлением северной группировки к моменту получения Чуйковым приказа Еременко все уже было покончено. Об этом будет рассказано ниже. Перераспределения сил 6-й армии между «наземным мостом» и войсками в Сталинграде также не было. Напротив, в центр города Паулюс выдвигал полученную от Гота 24-ю танковую дивизию для того, чтобы усилить изрядно потрепанные соединения LI армейского корпуса. Но, к счастью, и у Чуйкова, и у Еременко хватило ума не бросать резервы для удара навстречу северной группировке. Более того, 241-й полк 95-й дивизии был благоразумно оставлен в резерве 62-й армии. В целом можно констатировать, что приказ №122 в значительной степени учитывал интересы обороны Сталинграда. Воплощение в жизнь основных его положений, несомненно, облегчило бы жизнь защитников города.

Через несколько часов после получения приказа Еременко командарм-62 оттранслировал его вниз, детализировав наряд сил на выполнение поставленной задачи. Выпущенный штабом фронта в 23.50 18 сентября приказ № 151 определил действия войск армии на несколько последующих дней. Общим замыслом Чуйкова было «ударом из района выс. 102 в общем направлении вокзал отрезать и уничтожить противника, проникшего в центральную часть города». Командующим 62-й армией были спланированы «канны» – удар по сходящимся направлениям по флангам прорвавшегося в центральную часть города противника. В северную ударную группировку включались 95-я стрелковая дивизия, полк 13-й гв. стрелковой дивизии, 137-я танковая бригада. Навстречу ей должна была наносить удар южная ударная группировка в составе 42-й стрелковой бригады с остатками 244-й стрелковой дивизии. Чуйков, недавно назначенный командующим 62-й армией, был полон оптимизма и желания добиться решительного результата уже в первые дни своего пребывания на посту командарма.

«Одной танковой бригадой», упомянутой в приказе командующего фронтом, стала 137-я танковая бригада. Она получила приказ на контрудар в районе Мамаева кургана. «Танковой» ее можно было называть очень условно – в ее составе насчитывалось всего 10 танков Т-60. Начало наступления было назначено на 12.00 19 сентября. Одновременно с подготовкой контрудара и прибытием свежих сил 62-я армия избавлялась от небоеспособных, но подвергавшихся опасности уничтожения частей: остатки 87-й и 315-й стрелковых дивизий выводились на левый берег Волги.

Наступление на плотно построившегося противника, ударную «свинью» немцев могло бы быть успешным при наличии танков. Если бы спланированный Чуйковым контрудар поддерживался хотя бы одной танковой бригадой, то у него были бы некие шансы на успех. Без танков контрнаступление силами даже комплектной дивизии могло не оправдать ожиданий.

95-я стрелковая дивизия вводилась в бой после 40-км форсированного марша от станции Заплавное (к востоку от Сталинграда). К 5.00 19 сентября 90-й и 161-й стрелковые полки дивизии переправились через Волгу. Артиллерийский полк и тылы отстали. В 12.00 19 сентября оба переправившихся атаковали противника, вышли на гребень Мамаева кургана (высоту 102,0), но далее залегли под сильным артиллерийско-минометным огнем противника. Однако результат был налицо – к концу дня Мамаев курган оставался в руках советских войск. Неплохо также наступал мотострелковый батальон 137-й танковой бригады. Понеся небольшие потери, он продвинулся довольно глубоко в немецкую оборону. Однако один батальон не мог полностью изменить ход битвы. Танковые батальоны 137-й бригады, действовавшие в пешем строю, из-за недостаточной подготовленности и отсутствия слаженности действий, не используя пехотную тактику, понесли большие потери и продвижения практически не имели.

На следующий день, 20 сентября, контрнаступление было продолжено. К 95-й стрелковой дивизии присоединился ее 241-й стрелковый полк, однако артиллерия пока запаздывала (артполк прибыл только в ночь на 22 сентября). Решительного результата добиться не удалось. Дивизия Горишного продвинулась только на южные скаты Мамаева кургана. Как это часто бывает в позиционных сражениях, казалось, что еще немного, и оборона противника затрещит по швам и развалится. В распоряжение Чуйкова передавалась 284-я стрелковая дивизия полковника Н.Ф. Батюка. Однако одновременно было принято решение об усилении позиций у Мамаева кургана командованием 6-й армии. Между 389-й и 295-й пехотными дивизиями вводилась 24-я танковая дивизия. Решение это было мотивировано стремлением сосредоточить усилия 295-й пехотной дивизии на наступлении на восток, в направлении Волги.

21 сентября 95-я стрелковая дивизия, 137-я танковая бригада и 39-й гв. стрелковый полк

продолжили наступление. Однако противник существенно усилился. В отражении этого наступления приняла участие вновь прибывшая в район Мамаева кургана 24-я танковая дивизия. То есть вновь прибывшим резервам предстояло таранить значительно укрепившуюся оборону противника. Главной же неприятностью этого дня стал прорыв немцев к центральной пристани. Два батальона 39-го гв. стрелкового полка были выдвинуты в район пристани. Однако отбить центральную пристань и восстановить положение не удалось. 95-я стрелковая дивизия была остановлена противником на рубеже оврага Долгий. Дивизия наступала от Мамаева кургана на городские кварталы, перед которыми лежал глубокий овраг, и успеха не имела. Окончательно ситуация стала бесперспективной с подходом 100-й егерской дивизии немцев, существенно усилившей оборонявшуюся группировку немцев в центре города.

О том, каким был Сталинград в этот момент, повествует написанный 25 сентября отчет прикомандированного к 6-й армии офицера связи ОКХ. Он писал: «Весь город очень сильно разрушен, лишь в предместьях дома частью еще пригодны для жилья. Высокие дома все выгорели, подвалы еще пригодны к использованию. Улицы, ведущие с запада на востока, частью простреливаются артиллерией с восточного берега, улицы с севера на юг под огнем пехоты из еще занятых противником частей города. Во многих местах пожары, нефтяные резервуары выгорели, но кое-где продолжают гореть» [200] .

На 25 сентября 1942 г. численность личного состава соединений 62-й армии составляла [201] :

13-я гв. стрелковая дивизия – 6906 человек
95-я стрелковая дивизия – 5455 человек
112-я стрелковая дивизия – 2557 человек
193-я стрелковая дивизия – 10 273 человека
284-я стрелковая дивизия – 7648 человек
10-я стрелковая бригада – 191 человек
42-я стрелковая бригада – 1049 человек
92-я стрелковая бригада – 2562 человека
115-я стрелковая бригада – 4023 человека
124-я стрелковая бригада – 4218 человек
149-я стрелковая бригада – 3119 человек
2-я мотострелковая бригада – 883 человека
20-я мотострелковая бригада – 418 человек
9-я мотострелковая бригада – 705 человек
38-я мотострелковая бригада – 1119 человек

Типичный сталинградский пейзаж

Введенные в сражение в начале штурма свежие 13-я гвардейская и 95-я стрелковые дивизии к 25 сентября оказались изрядно потрепанными, хотя и не утратившими боеспособность. В многочисленных атаках на Мамаев курган и городские кварталы 95-я стрелковая дивизия понесла большие потери. Согласно отчету штаба соединения, с 19 по 25 сентября части дивизии потеряли убитыми и ранеными 5186 человек [202]. Однако в руках Чуйкова еще оставалась 284-я стрелковая дивизия, находившаяся в хорошей форме и способная заметно повлиять на обстановку. Еще более сильным аргументом была свежая 193-я стрелковая дивизия. Немецкие дивизии, участвовавшие в штурме города, также понесли большие потери. Упомянутый выше офицер связи ОКХ в 6-й армии, 23 сентября 1942 г. посетивший войска Сталинграде (295-я пд, 71-я пд, 194-й пп, объединенные 1-й и 2-й батальоны 194-го пп, передовые роты), писал:

«Обе дивизии, 71-я и 295-я пд, очень хорошие, однако в исключительной степени ослаблены потерями, особенно пехота. Потери высоки даже в период затишья, боеспособность падает со дня на день. Численность стрелковых рот в настоящее время в среднем 10–15 солдат. Особенно высоки потери в офицерах, большая нехватка унтер-офицеров и опытных бойцов. Пополнение в плане опыта, обучения и выдержки пока еще во многих отношениях не на высоте. Если командир группы погибает, солдаты во многих случаях бегут назад, и только личное вмешательство офицеров возвращает их на передовую. Без штурмовых орудий эти обескровленные части, несмотря на самопожертвование отдельных солдат, лишь с трудом смогут продвинуться вперед. Солдаты ставят в вину командованию отсутствие штурмовых орудий в достаточном количестве. Душой сражения являются полковые командиры, которые лично ведут в бой свои полки – на деле это уже практически усиленные роты численностью 150–180 человек. Командиры батальонов во многих отношениях не отвечают требованиям. Из-за постоянных уличных боев, превышающих их возможности, солдаты очень устали и отупели» [203].

Если от качественных оценок перейти к количественным, то потери соединений, так или иначе задействованных в штурме Сталинграда, характеризовались следующими цифрами (см. таблицу).

ПОТЕРИ СОЕДИНЕНИЙ 6-й АРМИИ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ПЕРВОМ ШТУРМЕ СТАЛИНГРАДА 11–20 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [204]

	уби- тые	Ране- ные	Пропав- шие без вести	Забо- левшие	Всего
Упр. ЦАК	2	6	–	–	8
295 пд	233	864	30	3	1130
100 лпд	5	45	–	22	72
71 пд	188	763	20	10	981
389 пд	155	566	12	5	738
Упр. XXXXVIII тк	–	9	–	51	60
24 тд	116	488	4	217	825
14 тд	175	548	19	208	950
29 мд	194	626	118	175	1113
Всего	1068	3915	203	691	5869

Хорошо видно, что наибольшие потери понесли наступавшие на центр города 71-я и 295-я пехотные дивизии, что подтверждает их оценку, данную выше офицером связи ОКХ. На состоянии немецких войск в Сталинграде все большее влияние оказывали понесенные потери, как в самом городе, так и в процессе наступления на него. Резервные дивизии, «дальневосточники» раз за разом снимали с немецких соединений стружку, и к сентябрю 1942 г. количество перешло в качество.

26 сентября стал первым днем, когда 62-я армия не наступала. Вечером Чуйков вновь ставит 95-й, 284-й, 13-й гвардейской стрелковым дивизиям и 137-й танковой бригаде наступательные задачи. Скорее всего, это было связано с прибытием новой дивизии. У противника на этот счет были свои планы: на 27 сентября был назначен новый штурм города.

Сражение за семафор II. Контрудар 18–19 сентября

Высказывание Гитлера относительно неспособности Красной армии к «ответным действиям стратегического характера» от 12 сентября было верно, но лишь отчасти. Находившиеся на переформировании стрелковые дивизии и танковые корпуса могли пойти в бой в лучшем случае в октябре. Однако очередное наступление экс-резервных армий под Сталинградом состоялось уже в середине сентября 1942 г.

В своих мемуарах Жуков пишет о состоявшемся 12 сентября совещании в Кремле по Сталинградскому фронту, на котором присутствовал А.М. Василевский. Однако в записях в журнале посещений Сталина отсутствует отметка о каком-либо совещании с участием Жукова и Василевского 12 или даже 13 сентября. Первый раз за сентябрь их фамилии появляются в журнале только 27 сентября. Соответственно разговоры об «ином решении» следует отнести к концу сентября. В начале сентября «иного решения» проблемы не было даже в проекте. Решение проблемы советское командование на тот момент искало в плоскости улучшения качества подготовки очередного наступления.

В процитированном выше докладе Жукова Сталину от 12 сентября указывалась дата нового наступления: «Новую операцию мы имеем в виду готовить на 17.9». Довольно долгая пауза была вызвана ожиданием прибытия новых соединений. На 12 сентября из состава четырех новых стрелковых дивизий прибыло по 5–6 эшелонов из 14–15 общего количества. 95-я стрелковая дивизия на 11 сентября вообще не грузилась и была еще в Можайске.

Изменения претерпел не только наряд сил для контрудара. После неудачи в наступлении в начале сентября было принято решение перенести направление главного удара. Чтобы обойти уплотнившийся участок фронта, 1-я гвардейская армия была перегруппирована к западу от железной дороги, идущей через Котлубань на Гумрак. С одной стороны, задача армии К.С. Москаленко усложнялась – требовалось пройти большее расстояние для соединения с войсками 62-й армии в Сталинграде. С другой стороны, была надежда на обход так и не пробитого в начале сентября фронта противника.

Смена направления главного удара сопровождалась перераспределением сил между армиями. 1-я гвардейская армия передавала часть соединений своим соседям. 39-я гвардейская, 84, 87 и 24-я стрелковые дивизии передавались 24-й армии, 41-я гвардейская стрелковая дивизия – 66-й армии. На новом направлении наступления армии К.С. Москаленко передавались уже находившиеся в назначенной полосе 173, 207, 221, 292 и 308-я стрелковые дивизии. Они входили ранее в состав 24-й армии. Повысить ударные возможности 1-й гв. армии должны были прибывающие по железной дороге 258, 292, 260, 273 и 316-я стрелковые дивизии. Это были свежие соединения высокой комплектности (см. таблицу). Как мы видим, Сталин и Ставка не только теребили Жукова относительно необходимости нанесения контрудара. Для решения поставленных задач Верховное командование изыскивало и направляло на Сталинградский фронт боеспособные резервы. Из перечисленных соединений 260, 258 и 273-я стрелковые дивизии были изъяты из состава Воронежского фронта. Сталин Директивой Ставки ВГК № 170601 от 7 сентября приказал «операцию Воронежского фронта временно отложить» и увел из подчинения Н.Ф. Ватутина четыре полнокровные дивизии. Четвертое соединение, 233-я стрелковая дивизия (13 028 человек на 15.9), было передано соседней, 24-й армии Сталинградского фронта.

Новые игроки позволяли заново собрать таран для взлома вражеской обороны. Потрепанные 221-я и 207-я стрелковые дивизии (переданные из 24-й армии) выводились из первой линии во вторую. Также на новом направлении должны были действовать 4, 7 и 16-й танковые корпуса, 3, 12 и 148-я танковые бригады. В противоположность наступлению начала сентября 1-я гв. армия получила мощный артиллерийский кулак, 10 артполков усиления. Наиболее существенной прибавкой были гаубичные и пушечные полки. Армия получила двадцать четыре 122-мм пушки, сорок 122-мм гаубиц и шестьдесят шесть 152-мм пушек-гаубиц. Это уже было серьезное усиление, большой шаг вперед в сравнении со всем тем, что делалось ранее. Также армия получала восемь гвардейских минометных полков и три дивизиона, т.е. около сотни боевых машин реактивной артиллерии М-8 и М-13 (преимущественно М-13). С воздуха 1-ю гв. армию прикрывали шесть артполков ПВО (по двенадцать 37-мм пушек в каждом).

ЧИСЛЕННОСТЬ СРЕЛКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ 1-й ГВ. АРМИИ НА 15 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

	Людей	Винтовок	Станковых	Ручных	ППШ	Минометов	Орудий	ПТО	ПТР
173 сд	7194	6179	53	166	679	188	44	30	198
207 сд	4789	3882	29	57	583	95	37	20	145
221 сд	5724	6341	56	142	653	230	41	28	215
258 сд	13429	9174	85	225	746	222	44	30	277
260 сд	13303	8913	80	207	649	207	44	30	269
273 сд	12770	9001	81	200	739	222	44	30	279
308 сд	8671	8408	56	195	713	260	44	30	275
316 сд	10495	6820	46	188	858	180	44	30	239
292 сд	9970	6212	81	210	911	188	44	30	228

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 36

После неудачи с контрударами конца августа и начала сентября Сталин 9 сентября писал Жукову: «Восстановление 4-го и 16-го танковых корпусов считаю нецелесообразным. Командиры танковых корпусов Павелкин и Мишулин не соответствуют своему назначению». Фактически два корпуса должны были быть расформированы в наказание за неудачу. Танковые бригады корпусов предполагалось использовать «россыпью». Однако Жукову удалось уговорить Верховного сохранить корпуса, и уже 11 сентября Ставкой утверждается предложение Георгия Константиновича об их восстановлении. Командиры корпусов были сменены. Вместо М.И. Павелкина командиром 16-го корпуса был назначен А.Г. Маслов. Вместо В.А. Мишулина командиром 4-го танкового корпуса стал хорошо себя показавший на должности командира 2-го танкового корпуса А.Г. Кравченко. Сменив гнев на милость, Сталин направил на пополнение танковых корпусов армии К.С. Москаленко 94 танка Т-34. Скорее всего, это уже были «тридцатьчетверки» новой серии с относительно просторными башнями-«гайками». 7-й танковый корпус П.А. Ротмистрова расформировывать не собирались, он даже сохранил своего командира. Общее число танков в частях и соединениях 1-й гвардейской армии показано в таблице.

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В ЧАСТЯХ, СОЕДИНЕНИЯХ 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ К 18 СЕНТЯБРЯ 1942 г.

	КВ	Т-34	Т-70	Т-60	Итого
4 ТК	11	38	—	31	80
7 ТК	12	36	—	45	93
16 ТК	11	22	—	37	70
148 тбр	8	2	—	14	24
12 тбр	—	22	13	—	35
3 тбр	—	23	15	—	38
Всего	42	143	28	127	340

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, л. 13

Советская историография изрядно набила оскомину жалобами на долю «легких и устаревших» танков. Однако здесь нельзя не обратить внимание на соотношение типов танков в ударной группировке Сталинградского фронта. 46% численности танкового парка составляли легкие танки

Т-60 и Т-70, с преобладанием Т-60. Ценность Т-60 в поединках с Pz.III и Pz.IV образца сентября 1942 г. была ничтожной. Кроме того, в запыленном воздухе отказывало и без того слабое вооружение Т-60. В отчете о боевых действиях 45-й танковой бригады 4-го танкового корпуса отмечается: «20-мм пушка ШВАК на танках Т-60 в большинстве случаев в бою не используется, так как после нескольких выстрелов выходит из строя» [205]. То есть танк Т-60 фактически становился пулеметной «самкой», причем оснащенным всего одним пулеметом с дисковым питанием. В такой конфигурации танк мог рассчитывать на успех разве что на полях Первой мировой в 1916–1918 гг. 1-я гвардейская армия строилась для наступления в три эшелона. В первом эшелоне было пять стрелковых дивизий, три танковые бригады и танковый корпус (7 ТК). Во втором эшелоне было три стрелковых дивизии и танковый корпус (4 ТК). Наконец, в третьем эшелоне (в резерве командующего армией) была одна стрелковая дивизия и один танковый корпус (16 ТК).

Перенос направления удара не означал пассивности остальных армий к северу и северо-западу от Сталинграда. 24-я армия должна была наступать смежным с 1-й гв. армией флангом. Армия усиливалась 233-й и 49-й стрелковой дивизией, 246-й и 69-й танковыми бригадами. Последние были ее ахиллесовой пятой – бригады были достаточно слабые. 246-я танковая бригада насчитывала на 12 сентября 6 Т-34 и 7 Т-70, 69-я танковая бригада на ту же дату – 4 Т-34 и 1 Т-70. Артиллерийский кулак армии Д.Т. Козлова был поскромнее, чем у К.С. Москаленко. Наступление 24-й армии должны были поддерживать шесть артполков усиления (30 152-мм пушек-гаубиц), четыре гвардейских минометных полка (около полусотни М-8 и М-13). Зенитные средства 24-й армии усиливались двумя артполками ПВО (по двенадцать 37-мм пушек каждый). С воздуха наступление Сталинградского фронта поддерживали 118 истребителей, 84 штурмовика и 21 бомбардировщик 16-й воздушной армии.

К сожалению, сохранилось не так много документов, показывающих механизм принятия решений. Поэтому довольно трудно идентифицировать авторство тех или иных решений. Однако в сентябре довольно четко просматривается последовательная накачка Сталинградского фронта тяжелой артиллерией. Процесс этот пошел с прибытием на фронт Г. К. Жукова, ранее в излучине Дона такого не наблюдалось. Это позволяет связать эту накачку тяжелыми орудиями ударных группировок как жуковское решение, безусловно правильное и отвечающее обстановке.

15 сентября состоялся инструктаж командиров соединений, проводившийся командующим 1-й гв. армией К.С. Москаленко. На совещании также присутствовал Г.К. Жуков. Он не был пассивным слушателем, на этом совещании совместно с Москаленко и Маленковым Жуков давал командирам дивизий советы по проведению грядущего наступления.

В период подготовки операции в штабе 1-й гв. армии был построен макет местности в полосе предстоящего наступления. На этом макете командарм Москаленко ставил задачи командирам стрелковых дивизий и танковых корпусов утром 16 сентября. На этом мероприятии также присутствовал Г.К. Жуков.

О том, как проходило это совещание и что говорил Георгий Константинович, мы можем прочитать в мемуарах П.А. Ротмистрова:

«Заместитель Верховного Главнокомандующего сказал, что войска 1-й гвардейской армии сражались героически, но они могли бы действовать более успешно при условии наилучшей организации боя и взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией, а также в звене дивизия – полк – батальон.

– Мы воюем второй год, – продолжал Георгий Константинович, – и пора бы уже научиться воевать грамотно. Еще Суворов говорил, что разведка – глаза и уши армии. А именно разведка у вас работает неудовлетворительно. Поэтому вы наступаете вслепую, не зная противостоящего противника, системы его обороны, пулеметно-артиллерийского, и прежде всего противотанкового, огня. Ссылка на недостаток времени для организации разведки неосновательна. Разведку всех видов вы обязаны вести непрерывно, круглосуточно, на марше и при выходе в районы сосредоточения. – Жуков повысил голос: – Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом “Вперед, на врага!”. Немцев на “ура” не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну и вместе с тем должны сделать все возможное, чтобы выполнить приказ Ставки – разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, и оказать помощь Сталинграду... – Г. К. Жуков тяжело опустился на стул рядом с командармом, что-то тихо сказал ему и, вновь поднявшись, объявил: – Начало операции переносится

на сутки, чтобы вы смогли тщательно подготовиться к ней» [206] .

Нет сомнений, что решение отложить наступление дорого далось Жукову. Не далее как 12 сентября он обещал Сталину, что операция начнется 17 сентября. Обстановка в самом Сталинграде настоятельно требовала немедленных и решительных действий. Верховное командование выделило Сталинградскому фронту целый пакет свежих соединений численностью более 10 тыс. человек каждое. Соответственно ожидалось радикальное изменение обстановки за счет их ввода в сражение. Сталинградское направление и так было изрядной головной болью для Москвы. Сталинград словно пылесос поглощал танковые корпуса, свежие стрелковые соединения из резерва, с других фронтов и с Дальнего Востока без видимого эффекта.

О том, как было использовано выбитое у Ставки время, повествует, в частности, отчет 7-го танкового корпуса. 16 сентября в полосе наступления была проведена только рекогносцировка командира корпуса с командирами бригад, а затем батальонов. Утром 17 сентября командиры танковых батальонов провели рекогносцировку полосы наступления с командирами рот, взводов и даже танков. Также было уделено время организации взаимодействия танков и пехоты. На каждый танковый батальон корпуса П.А. Ротмистрова было выделено в качестве десантников по одной танковой роте от стрелковых дивизий. Выбитые Жуковым сутки были использованы для тренировок танковых десантов:

«В течение ночи с 17 на 18.9.42 с выделенными ротами было проведено практическое занятие на танках с отработкой вопросов:

- а) Как сидеть и как держаться на танках.
- б) Что нельзя закрывать на танке.
- в) Как вести огонь с танка.
- г) Как спрыгивать с танка на ходу.
- д) Как производить посадку на танк» [207] .

Истребитель танков 7,5-ст Sfl .38 в районе Сталинграда. Машина, скорее всего, принадлежала 16-й танковой дивизии

Тщательная подготовка наступления отнюдь не была излишеством. Противник у 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий был сильный и опытный. На позиции, которую немцы называли «наземным мостом» в междуречье Дона и Волги, оборонялись XIV танковый корпус (16-я танковая, 3-я и 60-я моторизованные дивизии) и VIII армейский корпус (76-я и 305-я пехотные дивизии). Против 308-й и 316-й стрелковых дивизий оборонялась 60-я моторизованная дивизия, а против правого фланга 1-й гвардейской армии – 76-я пехотная дивизия. К новому сражению готовились не только советские войска, но и противник. Согласно донесению от 22.45 17 сентября, численность танкового парка XIV танкового корпуса характеризовалась следующими цифрами (см. таблицу).

ЧИСЛЕННОСТЬ БРОНЕТЕХНИКИ XIV PZK НА 17 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [208]

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	САУ «Мардер»	Всего танков и САУ
16 тд	–	8	50	2	10	6	76
60 мд	7	–	15 ²	1	4	9	36
3 мд	5	–	27	4	7	5	48

С целью повышения оборонительных возможностей незадолго до начала очередного советского наступления VIII армейскому корпусу передали 177-й дивизион штурмовых орудий (10 StuGIII lang и 4 StuGIII kurz боеготовыми на 16 сентября [209] 3). Кроме того, именно здесь, на обороне «наземного моста», немцами были задействованы самые мощные на Восточном фронте истребители танков 521-го батальона. Они также были подчинены VIII армейскому корпусу. Помимо танков, соединения XIV танкового и VIII армейского корпусов обладали сильной пехотой. В 16-й танковой дивизии было пять батальонов пехоты средней численности [210] 4, шесть легких и две тяжелых гаубичных батареи. Под стать 16-й танковой дивизии были другие соединения, оборонявшие «наземный мост». В 3-й моторизованной дивизии было 5 батальонов средней численности, в 60-й моторизованной дивизии – 7 батальонов средней численности. В 76-й и 305-й пехотных дивизиях было по 9 батальонов средней численности. Такое количество пехоты было рекордным показателем среди соединений 6-й армии на подступах к Сталинграду. Так, в дивизиях LI армейского корпуса было от 6 до 8 батальонов, причем в 8-батальонной дивизии (71-я пд) все они 14 сентября были в состоянии schwach, т.е. слабые. Вообще к сентябрю 1942 г. 9-батальонная пехотная дивизия на Восточном фронте была уже относительно редкой птицей. Вследствие потерь все больше соединений переходили на 6-батальонную организацию, т.е. три полка по два батальона. Осенью 1943 г. эта практика была закреплена в штате. Но в сентябре 1942 г. на «наземный мост» Паулюс поставил 9-батальонные дивизии-«динозавры», близкие родственники тех «тиранозавров», что поглотили советские механизированные корпуса летом 1941 г.

Подбитый танк Pz.III 60-й моторизованной дивизии. Сентябрь 1942 г.

Печатью исключительности были отмечены и другие соединения вермахта, стоявшие на защите «наземного моста». Несмотря на то что по штату моторизованные дивизии вермахта были слабее пехотных, 60-я моторизованная дивизия с ее 7 батальонами средней численности крыла многие пехотные дивизии 6-й армии. Например, 389-я пехотная дивизия LI армейского корпуса имела всего 6 батальонов, из которых два были в состоянии «слабый» (schwach). Так же как и в случае с танками в 16-й танковой дивизии, 60-я моторизованная дивизия превышала штат. Штаб Паулюса сделал вполне однозначный выбор в распределении сил: лучшие соединения встали на защиту «наземного моста», а худшие – отправились штурмовать Сталинград.

Мотопехота 60-й моторизованной дивизии в перерыве между боями. Это соединение стало одним из главных участников «сражения за семафор»

Батарея 210-мм гаубиц на позиции. Изрезанная оврагами-балками местность способствовала удобному расположению даже таких тяжелых орудий

Однако для штурма города Сталинграда требовалась артиллерия, и Паулюс вынужден был изъять из состава XIV танкового корпуса два дивизиона 210-мм гаубиц, которые у него были в начале «сражения за семафор». Корпусу остались подчинены 10-см пушки и 150-мм гаубицы. Достаточно сильная артиллерия на тот момент была в распоряжении VIII армейского корпуса – дивизион 210-мм гаубиц и два дивизиона 10-см пушек (без одной батареи). Ударная группировка Сталинградского фронта, которой предстояло сломить сопротивление стоявшего фронтом на север «наземного моста», по своей численности была вполне соразмерна поставленной задаче. Только в составе 1-й гв. армии насчитывалось 123 882 человека. Наносившая удар смежным с 1-й гв. армией флангом 24-я армия насчитывала на 10 сентября 54 500 человек. Для понимания действительной роли сражения в степи между Доном и Волгой достаточно сравнить эти цифры с численностью 62-й армии в самом Сталинграде. На 13 сентября 1942 г. 62-я армия насчитывала 54 000 человек, более чем в два раза меньше, чем 1-я гв. армия, и более чем в три раза меньше, чем 1-я гв. армия и 24-я армия. Наступление Сталинградского фронта было обильно поддержано техникой. В составе 1-й гв. армии было 611 орудий и 1956 минометов. Соответственно на направлении главного удара армии на один километр фронта приходилось 71 орудие, 194 миномета.

В 5.30 18 сентября началась артиллерийская подготовка, в 5.45 ударили «катюши», а в 6.00 над полем сражения появились штурмовики. В 7.00 артиллерия перенесла огонь в глубину, а танки и пехота двинулись в атаку. Слева от 1-й гв. армии в 6.30 перешла в наступление своим правым флангом 24-я армия.

Сказать, что на направлении главного удара фронта, в полосе 1-й гв. армии, события развивались драматично, – значит не сказать ничего. Здесь наступали 308-я и 316-я стрелковые дивизии при поддержке 7-го танкового корпуса П.А. Ротмистрова. 62-я танковая бригада наступала совместно с 308-й стрелковой дивизией, 87-я танковая бригада – с 316-й стрелковой дивизией. 3-я гв. тяжелая танковая бригада составляла второй эшелон корпуса.

В первые часы наступления корпусу Ротмистрова удалось пробиться довольно глубоко в оборону противника. За счет ввода в бой из резерва 3-й гв. танковой бригады 7-м танковым корпусом совместно с пехотой была занята господствующая над местностью высота 154,2. Однако, перевалив за цепочку высот в районе высоты 154,2, бригады корпуса П.А. Ротмистрова оторвались от пехоты и артиллерии. Пехота была прижата к земле огнем противника и авиаударами. Что было гораздо хуже, успех пока ограничивался вклиниванием в немецкую оборону танкового корпуса и двух стрелковых дивизий.

Наступавшие справа 292-я стрелковая дивизия и 12-я танковая бригада продвижения не имели. Как указывалось в отчете 12-й танковой бригады, «по достижении танками балки Воронья боевые порядки бригады подверглись сильному арт. огню и бомбардировке авиации противника, в результате чего части 292-й сд были вынуждены залечь, а артиллерия, вследствие порыва связи и воздействия авиации по огневым позициям, сократила до минимума темп огня, и танки были вынуждены вести бой изолированно от пехоты без поддержки артиллерии, неся большие потери».

Командир танка Т-70 12-й танковой бригады лейтенант Б.В. Немов вспоминал: «Грохот артиллерии, взрывы снарядов или авиабомб со всех сторон. Треск ружейно-пулеметного огня. Многие черные столбы дыма, поднимающиеся к небу. Это горели наши танки. Дымы эти были и очень далеко, и неподалеку. Метрах в 300 горел Т-34 огромным костром. В небе было множество самолетов, и наших, и немецких. Шли воздушные бои, и за день несколько самолетов упали на землю».

Правофланговые 173-я и 258-я стрелковые дивизии 1-й гвардейской армии также не смогли преодолеть цепочку высот к югу от Котлубани. Наступавшая слева 233-я стрелковая дивизия 24-й армии продвинулась незначительно. Узкий фронт прорыва ограничивал пространство для маневра и подставлял наступающие части под огонь с флангов. В связи с этим позволю себе процитировать ЖБД 6-й армии, в которой уже в 8.30 утра обстановка была обрисована следующим образом: «...ожидавшееся вражеское наступление с целью облегчить положение Сталинграда из района по обе стороны станции Котлубань началось после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Оно привело к довольно глубокому, но узкому прорыву танков и пехоты на границе между XIV тк и VIII ак. Контрмеры XIV ак, VIII ак и частей 389-й пд LI ак принимаются, в бой брошены все имеющиеся силы 8-го авиакорпуса» [211]. В скобках отметим, что к отражению советского наступления была привлечена дивизия из состава штурмующего Сталинград корпуса.

В атаку по степи! Район Сталинграда. Август – сентябрь 1942 г. Одной из главных претензий к советской пехоте того периода было недостаточное использование своего стрелкового оружия

Главной задачей наступающего было развить первоначальный успех, потрясти оборону противника на всю глубину. Также успех можно было развить в сторону флангов, облегчая продвижение вперед застрывшим соседям. Поначалу все эти задачи легли на плечи танкистов 7-го танкового корпуса. 62-я танковая бригада стала расширять прорыв ударом на юго-запад в

направлении на хутор Бородин. К началу наступления в бригаде было 13 Т-34 и 18 Т-60. Соответственно из числа танков Т-34, участвовавших в атаке, шесть машин были потеряны в бою за высоту 154,2, а остальные прорвались в хутор Бородин. Отставание пехоты не позволило закрепить первоначальный успех. Прорвавшиеся в хутор машины были контратакованы противником и сожжены. Только некоторые члены экипажей вернулись обратно. В итоге потери 62-й танковой бригады за день составили 11 Т-34 и 14 Т-60 сожженными, 2 Т-34 и 1 Т-60 подбитыми. Глубже всех пробилась 87-я танковая бригада корпуса Ротмистрова. К полудню, когда была занята высота 154,2, бригада заняла разъезд «564». Не останавливаясь, танки бригады пошли дальше вдоль железной дороги. Следующим препятствием стал глубокий овраг, ограничивший маршрут продвижения дефиле у железной дороги в направлении разъезда Конный. Стоять и размышлять было некогда – справа через овраг из хутора Новая Надежда били противотанковые пушки. Единственной дверцей в глубину обороны противника казался разъезд Конный (тот самый, что пытался отбить 23-й танковый корпус). В нее незамедлительно «постучались». Ответ был недружелюбным – 8 танков первого батальона 87-й танковой бригады, дошедшие до разъезда, были сразу же контратакованы 20 танками противника, подошедшими от Сталинграда, и все сожжены. Другой батальон был атакован во фланг из-за железнодорожного полотна. В бой пошли танковые резервы немцев, накопленные Паулюсом для защиты «наземного моста». Последней участвовала в бою «тяжелая бригада» корпуса Ротмистрова. 3-я гв. танковая бригада начала бой с 15 KV и 10 Т-60. В 7.30 она была введена на стыке между 62-й и 87-й бригадами и приняла участие в захвате высоты 154,2. При небольшой глубине обороны вклинение советских танков до разъезда Конный создало кризис в обороне «наземного моста». В дневном донесении 6-й армии за 18 сентября мы находим драматичное описание ситуации в XIV танковом корпусе: «В 6:00 врагу удалось вклиниться на участке северного фронта 60-й моторизованной дивизии с обеих сторон пункта 414 в сторону юга, где он затем проник в район пункта 427 и западнее него, где расположены командный пункт дивизии, главный перевязочный пункт и большинство тылов. Во взаимодействии личного состава штаба дивизии и батальона связи атака вражеской пехоты была остановлена. В этом бою у взятых в плен большевиков было обнаружено большое количество немецких предметов обихода и немецкое оружие» [212]. Указанный немцами пункт 427 – это хутор Новая Надежда, к которому с севера прорывались танки 87-й танковой бригады.

Немцам также пришлось задействовать для обороны северного фланга не только части 389-й пехотной дивизии, но и другие подразделения, занятые на штурме Сталинграда. Согласно записи в журнале боевых действий 6-й армии, резервы расположили в тылу атакованных позиций XIV танкового и VIII армейского корпусов: «Группы Штиотта и Майер. Обеими боевыми группами во взаимодействии с подразделениями обеспечения 295-й пехотной дивизии была занята опорная позиция на линии овраг северо-восточнее пункта 427 – автодорога юго-западнее от него вплоть до оврага Безымянка – Большая Россошка». Полковник Макс Штиотта был командующим инженерными войсками 6-й армии. В его боевую группу были включены саперный батальон, дорожно-строительный батальон, дивизион тяжелых гаубиц, батарея мортир, дивизион зениток и мелкие части.

Однако последнее слово в сражении 18 сентября еще не было сказано. В распоряжении советского командования еще оставались силы, которые предполагалось использовать как эшелон развития успеха. В 10.30 начальник штаба 1-й гвардейской армии приказывает 4-му танковому корпусу приступить к выполнению задачи. Корпус должен был совместно с 207-й и 221-й стрелковыми дивизиями (4789 и 5724 человека на 15.09 соответственно) пройти через боевые порядки первого эшелона армии и атаковать в направлении Гумрака. Формально 4-й танковый корпус вводился в прорыв шириной 4 км, пробитый 308-й и 316-й стрелковыми дивизиями. Уже в 12.00 45-я и 102-я танковые бригады корпуса подошли к захваченным первым эшелоном позициям. Выдвижение проходило под ударами с воздуха. Танки не пострадали, но бомбами была разбита часть автомашин, в том числе штабная машина мотострелкового батальона.

Но главные испытания ждали танкистов впереди. Как указывалось в донесении штаба 6-й армии в ОКХ: «Противнику удалось прорваться на фронте в 1–2 км по обе стороны остановочного пункта 564-й км, он вышел к Надежде. [...] Основная масса танков XIV тк подходит с востока и юго-востока, истребители танков и штурмовые орудия VIII ак с запада» [213]. Как следует из более поздних записей, к месту прорыва резервы прибыли как раз около полудня.

Вскоре наступающая советская пехота была прижата к земле. 45-я танковая бригада остановилась и без пехоты вперед не пошла, вытянувшись в колонну вдоль железной дороги. 102-я танковая бригада двинулась в глубину обороны противника. Несмотря на захват господствующей высоты, достижения утреннего наступления ограничивались достаточно узким пространством к западу от железной дороги на Сталинград. Узость пробитого коридора позволяла простреливать его на всю глубину. Справа и слева в машины 102-й танковой бригады полетели бронебойные снаряды. Первым ударом стали выстрелы с правого фланга, со стороны оставшейся в руках немцев высоты 123,6. Были сразу же подожжены 4 танка. Четыре запылавших танка, огонь противотанковых пушек вызвали некоторое замешательство танкистов, но оно было преодолено, и танки пошли вперед, выходя из секторов обстрела орудий противника. Следующей неприятностью стал огонь слева, со стороны железной дороги. Шесть немецких танков стояли в засаде за сожженным эшелоном и били из-за обгорелых вагонов. Еще 5 танков 102-й танковой бригады вышли из строя. Препятствиями для прорыва дальше на юг стали хутор Бородкин и прикрытый противотанковыми пушками овраг. То есть бригада встретила те же препятствия, что и танки 7-го танкового корпуса несколькими часами ранее. В Бородкине было потеряно еще два танка, уничтожены три противотанковых пушки и захвачены две штабных машины. Продефилировать мимо противотанковых пушек у оврага не удалось, все вышедшие к нему танки были перебиты. Здесь следует сказать, что из 28 Т-34, 6 Т-70 и 6 Т-60, имевшихся в 102-й танковой бригаде к началу наступления, в бою участвовало 20 Т-34, 3 Т-70 и 4 Т-60. Остальные вышли из строя вследствие технических неисправностей. Поэтому каждый подбитый танк (особенно Т-34) был существенной потерей.

Однако, с точки зрения немцев, кризис еще не был преодолен. Оставление в руках советских войск господствующей высоты означало крах обороны в ближайшие дни. Была бы подтянута артиллерия, и просматриваемая с высоты оборона подверглась бы жестокому обстрелу всеми калибрами. Требовалось немедленно восстановить положение. В 17.00 началась контратака со стороны хутора Бородкин. Танки 102-й танковой бригады уже были все выбиты, и оказать сопротивление противнику она уже не смогла.

Оборона с большим трудом захваченной высоты могла опереться на вторые эшелоны танковых корпусов. Во второй половине дня 3-я гв. тяжелая бригада отбивала атаки на высоту 154,2. Постепенно ее силы таяли. Потери 3-й гв. танковой бригады за день составили 7 КВ и 3 Т-60 сожженными, 7 КВ и 3 Т-60 подбитыми. К вечеру высота 154,2 была отбита противником. Попытки отбросить советские части на исходные позиции успеха не имели – их отразили 45-я и 121-я танковые бригады 4-го танкового корпуса. Обе бригады не переходили через рубеж высот и не подвергались убийственному огню на их южных скатах. Было бы, возможно, лучше, если бы они поддерживали своих товарищей в боях за Бородкин и Конный. Но вместо этого была дуэль с места у подножия утраченной высоты.

Последствия одного дня боя были поистине разрушительными для танковых соединений 1-й гв. армии. Танки 7-го танкового корпуса были практически выкошены. В 102-й танковой бригаде 4-го танкового корпуса из 20 участвовавших в бою Т-34 сгорели 14, 2 пропали без вести, 2 были подбиты, из 3 Т-70 сгорел 1, Т-60 были сожжены все.

Офицер Генерального штаба при 7-м танковом корпусе майор Матусевич писал: «Можно безошибочно констатировать, что указанное наступление было сорвано авиацией пр[отивни]ка» [214]. 16-я воздушная армия 18 сентября произвела всего 363 самолето-вылетов. Немецкие ВВС в тот же день, по данным советских постов ВНОС, – около 2 тыс. самолето-вылетов. В ЖБД 6-й армии действительно отмечается высокая интенсивность использования ВВС: «8-й авиакорпус направил все свои силы на эффективные безостановочные действия против вклинившегося противника в междуречье Волги и Дона. 875 наших самолетов сбросили 395 тонн бомб всех калибров» [215]. Помимо авиации, немалый вклад внесла немецкая артиллерия. Данные о расходе боеприпасов XIV танковым корпусом, к сожалению, неполные (нет расхода 60-й мд, без нее за корпусом числится всего 40 тонн), однако известно, что VIII АК за 18 сентября расстрелял 170 тонн боеприпасов, в том числе 254 210 мм, 518 10-см K18 и 247 150-мм sFH18 выстрелов [216].

«Можно безошибочно констатировать, что указанное наступление было сорвано авиацией противника». Командир XIV танкового корпуса Г.-В.Хубе и командир VIII авиакорпуса В. фон Рихтгофен на командном пункте

Тяжелые авиабомбы – страшное оружие бомбардировщиков VIII авиакорпуса в условиях открытых пространств в районе Сталинграда

Избежать смертоносных ударов с воздуха и огня тяжелой артиллерии можно было бы при максимальном сближении с противником. Залегшая на безопасном удалении от немецких позиций пехота становилась «сидячей уткой» для авиации и артиллерии противника. Прорывавшиеся в глубину обороны без пехоты танковые бригады были контратакованы танками противника и сожжены. Самым неприятным было то, что потери не искупались даже удержанием в своих руках начального успеха. Одним из важнейших тактических навыков в наступлении было закрепление захваченных в ходе наступления позиций. В отчете по боевым действиям 1-й гв. армии мы находим такие строки: «18.9 316 сд и 7 ТК после прорыва обороны немцев овладели господствующей высотой

154,2 в полосе наступления армии, но не закрепили ее за собой: не подтянули резервы, огневые средства и не организовали закрепительных отрядов, что дало возможность противнику контратакой вернуть себе эту высоту во второй половине 18.9» [217].

Следует отметить, что опыт закрепления захваченных позиций у Красной армии уже имелся. В присланной Жуковым памятке этот момент оговаривается особо: «Для закрепления захваченных опорных пунктов в каждой армии были выделены отряды закрепления в составе роты сапер со средствами заграждений и пехотой от роты до батальона и по 2–3 отремонтированных трофейных танка» [218]. По такому же принципу действовали немецкие штурмовые группы Первой мировой войны. Они также несли с собой в наступление колючую проволоку и после захвата траншей наскоро строили заграждения на подступах к свежезанятым окопам противника, в которых еще не остыли убитые защитники.

Инцидент с потерей высоты 154,2 заставил Жукова еще раз обратить внимание на практику закрепления захваченных рубежей. В адрес командующего Сталинградским фронтом, командующих армиями, командиров дивизий, корпусов и бригад был направлен приказ за подписями Жукова и Маленкова:

«В результате непринятия мер по закреплению, вечером 18.9 высота 154,2 была сдана противнику. Это не первый случай, когда части Сталинградского фронта с большими жертвами овладевают тактически выгодными пунктами, но потом не закрепляют за собой захваченного объекта, не организуют на нем хорошей системы артиллерийского огня, не готовят танки и не организуют управления, в результате чего дают возможность противнику вновь выбивать наши части из захваченных пунктов. Считаю, что такое отношение командиров к своим обязанностям по закреплению [захваченных] у противника объектов и рубежей равносильно преступлению» [219].

На следующий день, 19 сентября, 1-я гв. армия попыталась возобновить наступление. Танки поддерживали атаку огнем с места. Накал борьбы существенно снизился. В немецком дневном донесении эти атаки против частей, оборонявших «наземный мост», оценивались как «несколько бессвязных сильных ударов разведки». Основной причиной резкого снижения ударных возможностей северной ударной группировки Сталинградского фронта стало выбивание танков. Расход боеприпасов XIV PzK и VIII АК заметно снизился, но все равно оставался на достаточно высокой отметке: за 19 сентября первый расстрелял 200 тонн, второй – 161 тонну [220].

Безжалостное прореживание легких танков в наступлении 1-й гвардейской армии 18–19 сентября было предсказуемым. В 148-й танковой бригаде после одного дня боя 18 сентября от 8 KB, 2 Т-34 и 14 Т-60 осталось 3 KB и 5 Т-60. В 3-й танковой бригаде от 23 Т-34 и 15 Т-70 осталось 18 Т-34 и 4 Т-70. Число танков в танковых бригадах и корпусах 1-й гвардейской армии после очередной попытки пробиться на соединение с 62-й армией показано в таблице.

СОСТОЯНИЕ ТАНКОВОГО ПАРКА ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ 1-й ГВ. АРМИИ К 18.00 20 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [221]

	KB	Т-34	Т-70	Т-60	Другие	Итого
16 ТК	13	37	–	36	–	86
7 ТК	3/3*	32**/10	0/2	8/28	–	43/40
4 ТК	6/17	14/47	11/1	10/11	0/2+1***	41/79
148 тбр	1/7	0/2	–	4/13	–	5/22
3 тбр	–	2/4	2/2	–	–	4/6
12 тбр****	–	2	2	–	–	4
Всего	23/27	87/63	15/5	58/52	0/3	183/150

* – в числителе боеготовых, в знаменателе – в ремонте.

** – корпусом было получено 21 Т-34 в качестве пополнения.

*** – 2 БТ-5 и 1 МкIII.

**** – по состоянию на 21 сентября.

Таким образом, от 340 танков, которые имелись к началу наступления, к 20–21 сентября осталось 183 боеготовых танка с учетом пополнения. Еще некоторое количество боевых машин

могло быть отремонтировано. В отличие от маневренных сражений, в позиционных боях ремонтный фонд чаще всего не терялся, и вытщенные с поля боя танки могли быть восстановлены. Изматывающие позиционные сражения сказывались не только на танковом парке. Потери личного состава трех армий Сталинградского фронта также были довольно высокими (см. таблицу).

**ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА НАНОСИВШИХ КОНТРУДАР АРМИЙ
СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 1 ПО 20 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [222]**

Армия	Убито	Ране- но	Пропало без вести	По др. при- чинам	Итого
1 гв. армия	7726	26 617	1267	196	35 806
24 армия	5747	20 061	6629	67	32 504
66 армия	3237	13 125	3798	245	20 405
Всего	16 710	59 803	11 694	508	88 715

Вместе с тем нельзя не отметить, что позиционные сражения, несмотря на всю их напряженность и кровавость, не идут ни в какое сравнение с катастрофами маневренных боев. В маневренной фазе сражения от резких телодвижений немецких танковых и армейских корпусов от свежей стрелковой дивизии могли за неделю остаться жалкие ошметки в 700–1500 человек. Хотя темпы снижения численности соединений все равно впечатляют. На 15 сентября 1942 г. 308-я стрелковая дивизия насчитывала 8671 человека, 316-я стрелковая дивизия – 10 495 человек. Нанесенный в период 18–19 сентября контрудар сразу же вывел оба соединения из числа удовлетворительно укомплектованных. Соответственно на 20 сентября 1942 г. в составе 308-й стрелковой дивизии насчитывалось 4467 человек, а в составе 316-й стрелковой дивизии – 4941 человек. Однако выгорания дотла, как это было с 62-й и 4-й танковыми армиями в излучине Дона, все же не было. Кроме того, значительная доля потерь в позиционных боях падала не на пропавших без вести, а на раненых, эвакуируемых в тыл. После неудачного наступления 18–19 сентября И.В. Сталин директивой Ставки ВГК № 170619 рекомендует Г.К. Жукову перенести направление удара:

«Мне кажется, что Вам следовало бы главный удар перенести с направления Кузьмичи на район между высотами 130,7–128,9 в шести-восьми километрах северо-восточнее Кузьмичи. Это дало бы вам возможность соединиться со сталинградцами, окружить группу противника на западном берегу Волги и освободить 66 армию для активных действий в сторону Сталинграда. Для этого можно было бы усилить правый фланг Малиновского тремя дивизиями, тремя танковыми бригадами за счет 1 гвардейской и 24 армий, а в районах действий 24 и 1 гвардейской армий перейти на активную оборону. Чтобы оборона на фронте этих армий была прочная, следовало бы взять сюда 2–3 резервные дивизии от 63 и 21 армий. Это тем более возможно, что противник с района 63 и 21 армий уже снял часть своих войск и перебросил под Сталинград, оставив там ниточку из румынских и итальянских частей, не способных на активные операции. Быстрое соединение северной группы со сталинградскими войсками является условием, без которого вся ваша операция может стать безуспешной».

В середине сентября острие удара смещалось на запад. Теперь И.В. Сталиным было предложено перенести его на восток. Сказано – сделано. 7-й танковый корпус был сосредоточен в полосе 66-й армии Р.Я. Малиновского. Теперь ему предстояло действовать во взаимодействии с 64-й и 99-й стрелковыми дивизиями (7148 человек и 8531 человек на 20.09 соответственно) в двухбригадном составе. Сводная 87-я танковая бригада корпуса насчитывала 24 Т-34 и 15 Т-60, а приданная 58-я танковая бригада – еще 43 машины.

Вопросы взаимодействия с пехотой и артиллерией были отработаны самым тщательным образом. Командир 99-й стрелковой дивизии на каждый танковый батальон выделил в качестве танкового десанта две стрелковые роты. Помимо смещения направления удара было решено начинать наступление за 1,5 часа до наступления темноты. В 18.00 24 сентября после 30-минутной артподготовки наступление началось. Две бригады 7-го танкового корпуса двинулись в атаку и вскоре прорвали передний край обороны противника. Пехота под воздействием артиллерийского и минометного огня немцев снизила темп наступления и далеко отстала от танков. Танковые десанты

спешили при подходе к переднему краю противника, и связь с ними была потеряна. Несмотря на наступление темноты, препятствующей действиям смертоносной авиации немцев, пехота за танками не пошла. Отдельные танки, прорвавшиеся в глубину обороны, были сожжены. Несколько танков потеряли ориентировку в темноте и вышли в Акатовку, где захватили штабную машину и возвратились на исходные позиции.

С утра 25 сентября наступление было возобновлено, но успеха не имело. Впрочем, контратаки немцев с целью восстановить положение также были отражены. За два дня из 89 танков корпуса Ротмистрова, участвовавших в бою, вышло из строя 75 танков, в том числе 29 танков были потеряны безвозвратно. Танки, являвшиеся основной ударной силой контрударов, были выбиты, и наступательный порыв иссяк.

Несмотря на указания Верховного и нанесение по ним удара в полосе 66-й армии, крупное наступление было предпринято со смещением оси главного удара на запад. Г.К. Жуков и А.И. Еременко не следовали буквально советам Верховного, поскольку имели свое мнение относительно перспективных направлений. К ситуации очень точно подходит известная поговорка «А Васька слушает, да ест». К операции привлекались войска 1-й гвардейской и 24-й армий. Если быть точным, то наступление в полосе этих армий не останавливалось с 18–19 сентября. В частности, ночь на 21 сентября была использована для атаки под покровом темноты. Поскольку танковые части армий понесли большие потери в танках, на фронт была подтянута находившаяся после июльских боев на формировании 91-я танковая бригада.

В 1-й гвардейской армии к новому наступлению привлекались 173, 273 и 258-я стрелковые дивизии, отдельные танковые бригады, 16-й танковый корпус. Последний предполагалось вводить в прорыв после взлома обороны пехотой. В составе корпуса на 22 сентября насчитывалось 4519 человек личного состава и 87 танков (14 KB, 42 Т-34, 31 Т-60) [223]. Помимо эшелона развития успеха, каждая из участвующих в наступлении дивизий поддерживалась одной танковой бригадой из числа имевшихся «россыпью». Это были соответственно 148, 3 и 12-я танковые бригады. Стрелковые соединения 1-й гвардейской и 24-й армий были уже изрядно потрепаны. Надежду на успех предприятия давала уверенность, что немецкие части также понесли большие потери под ударами танков и артиллерии в предыдущих контрударах. Однако группировка противника также претерпела изменения. Из состава штурмующих Сталинград войск была изъята 100-я егерская дивизия и введена в состав VIII армейского корпуса. В ее составе было четыре полнокровных немецких батальона и один полнокровный хорватский.

Дальнейшее развитие событий было вполне типичным для контрударов Сталинградского фронта. 16-й танковый корпус был введен во второй половине дня 23 сентября, но не в прорыв, а в бой. Пехота продвигалась медленно, и фронт прорван не был. Противником была потеряна первая гряда высот (108,4, 107,2), но рубежом упорного сопротивления стала вторая, немного выше, высоты 130,1 и 130,4. Весь день 24 сентября шел бой за высоту 130,4. Танки прорывались вперед, уничтожали огнем и гусеницами узлы сопротивления противника. Однако пехота прижималась к земле огнем и продвигалась крайне медленно. Как было позднее сказано в отчете командования 16-го танкового корпуса, «взаимодействующие части 273 СД, ожидая полного уничтожения танками противника в районе выс[от], вперед не продвигались и танкового успеха не закрепляли» [224]. Между тем танковый парк корпуса постепенно таял. За 24 сентября 16-й танковый корпус потерял 11 KB и 28 Т-34, а к исходу 25 сентября в строю осталось всего 3 Т-34 и 11 Т-60.

За грядой высот немцы держались зубами, прежде всего потому, что местность обеспечивала им выгодные оборонительные позиции. Уже цитировавшийся выше полковник Динглер в пересказе Меллентина так описывает немецкую тактику: «Мы пришли также к выводу, что нецелесообразно оборудовать позиции на передних скатах, поскольку их нельзя было оборонять от танковых атак. Не следует забывать, что основу нашей противотанковой обороны составляли танки, и мы сосредоточивали все танки в низинах непосредственно у переднего края. С этих позиций они легко могли поражать русские танки, как только те достигали гребня высоты. В то же время наши танки были в состоянии оказать поддержку пехоте, обороняющейся на обратных скатах, при отражении танковых атак русских. Эффективность нашей тактики доказывается тем фактом, что за два месяца боев наша дивизия вывела из строя свыше 200 русских танков» [225]. Соответственно оказывавшиеся на южных скатах высот танки советских бригад и корпусов поражались

занимавшими позиции у основания высот немецкими танками.

Истребитель танков 12,8-см Sfl . K-40 со 128-мм орудием в районе Сталинграда

Боям к северо-западу от Сталинграда посвящена последняя пространная запись от 24 сентября 1942 г. в дневнике Франца Гальдера: «6-я армия: В Сталинграде, в черте города, ведутся местные уличные бои, сопровождаемые сильным артиллерийским огнем. Сегодня русские снова предприняли усиленные атаки пехотой и танками наших позиций на северном участке фронта 14-го танкового и на участке 8-го армейского корпусов. Временные вклинения противника у Татарского вала и к западу от железной дороги удалось ликвидировать в ходе упорных боев. Противник продолжает оказывать неослабное давление на западное крыло 14-го танкового корпуса, ведя интенсивный изматывающий залповый артиллерийский огонь из орудий всех калибров. На участке 8-го армейского корпуса 76-я дивизия с рассветом втянута в тяжелый оборонительный бой с превосходящими силами противника, поддерживаемыми многочисленными танками. Пока еще не атакованная 305-я пехотная дивизия удлиняет свой фронт обороны на юго-восток. Подразделения русских, прорвавшихся почти до района полковых командных пунктов, либо остановлены, либо отброшены назад. 17.00 – наступление русских при весьма напряженном положении с танками на нашей стороне. С боеприпасами крайне трудно» [226].

В течение 25, 26 и 27 сентября части 1-й гвардейской армии ежедневно вели наступательные действия, неоднократно предпринимали ночные атаки, но сломить сопротивление противника не смогли. За эти дни боев дивизии армии К.С. Москаленко смогли продвинуться всего на 300–800 м. Потери в контрударах 20–26 сентября были ниже, чем в первые две декады сентября (см. таблицу).

ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА НАНОСИВШИХ КОНТРУДАР АРМИЙ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 20 ПО 26 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [227]

Армия	Убито	Ранено	Пропало без вести	По др. причинам	Итого
1 гв. армия	2009	7097	1320	186	10 612
24 армия	1181	4700	405	19	6305
66 армия	432	1273	99	17	1821
Всего	3622	13 070	1824	222	18 738

Хорошо видно, что основную тяжесть контрудара-продолжения вынесла на себе 1-я гв. армия К.С. Москаленко. Действовавшая на вспомогательном направлении 66-я армия понесла незначительные потери. Не следует думать, что противнику успех в обороне достался легко. На 28 сентября в составе 76-й пехотной дивизии было девять батальонов, из них два в средней численности, а семь – слабые (schwach). Битву она начинала двумя неделями ранее с девятью батальонами средней численности. 60-я моторизованная дивизия на 28 сентября насчитывала 7 мотопехотных батальонов, из них 4 в средней численности, 2 слабых и один «истощенный» (abgekaempft). Саперный батальон соединения также проходил как «истощенный». Сражение 60-я моторизованная дивизия начинала со всеми мотопехотными батальонами в средней численности. То есть состояние дивизий радикально изменилось в худшую сторону.

Позиционное сражение к северу от Сталинграда постепенно затихало, но одна из последних вспышек активности все же заслуживает того, чтобы ее осветить. Вечером 27 сентября в адрес командующего 24-й армией Д.Т. Козлова была направлена бумага с грифом «особой важности», подписанная А.И. Еременко. Командующий фронтом приказывал провести перегруппировку, принять войска от 66-й армии и 30 сентября перейти в наступление на Орловку [228]. Приказ этот был, очевидно, связан с началом очередного штурма Сталинграда немцами. Для нового наступления 24-й армии передавались две свежие танковые бригады: 241-я (23 МЗ «Ли» и 25 МЗ «Стюарт») и 167-я (29 МкШ «Валентайн» и 21 Т-70) [229].

По указанию командования фронта штаб 24-й армии разработал наступательную операцию ограниченных масштабов. Предполагалось нанести удар левым флангом армии с целью «в течение двух дней прогрызть фронт пр-ка и на третий день соединиться с войсками Юго-Восточного фронта, обороняющими Сталинград» [230]. Три стрелковые дивизии и две танковые бригады составляли эшелон прорыва. Танки двух приданных бригад планировалось использовать для непосредственной поддержки пехоты 343-й и 116-й стрелковых дивизий (6540 и 4950 человек на 29 сентября 1942 г. соответственно [231]). Начало наступления было назначено на 4.00 30 сентября.

Развитие событий с началом наступления было в целом достаточно типичным для этого направления. Под шквальным огнем пехота от танков отстала и продвижения не имела. Танковый десант спешил. Это неудивительно: расход боеприпасов XIV корпусом за 30 сентября был сравним с самыми напряженными днями «сражения за семафор» и составил 198 тонн [232]. Быстро вырвавшись вперед, танки скрылись за гребнем высот и вышли из поля зрения. Радиосвязь с бригадами поддерживалась до 11.30 30 сентября. Последующие попытки восстановить связь с прорвавшимися в глубину обороны танками продолжались до конца следующего дня, но никаких результатов не дали. С поля боя вернулось по два танка в бригаде, и по одной машине бригады эвакуировали. Судьба остальных машин тогда осталась неизвестной. Немецкие документы позволяют пролить свет на судьбу полученных по ленд-лизу и в одночасье исчезнувших «Ли», «Стюартов» и «Валентайнов». В ЖБД 6-й армии отмечалось, что наступление было отбито силами 3-й моторизованной дивизии, 60 советских танков оказалось подбито уже за линией обороны соединения. Согласно донесению XIV корпуса, за 30 сентября всего было уничтожено 24 советских и 100 несоветских танков, распределявшихся по типам следующим образом: 2 Т-34, 3 Т-60, 19 Т-70, 8 МЗ «Генерал Ли», 47 МЗ «Стюарт» и 24 «Валентайна» [233]. Немцы отмечали англоязычные таблички и сопроводительные документы в танках. В 3-й моторизованной дивизии на 29 сентября насчитывалось 6 Pz.II, 10 Pz.IIIlang, 4 Pz.IVkurz, 4 Pz.IVlang [234]. К вечеру 30 сентября дивизия недосчиталась всего 1 Pz.II, 1 Pz.IIIlang и 1 Pz.IVlang [235].

В дневном донесении 6-й армии за 27 сентября бои на «наземном мосту» оценивались как тяжелые: «В VIII армейском корпусе южнее Котлубани 76-я пд отбила в ходе тяжелых боев 4 вражеские пехотно-танковые атаки, проводившихся с промежутком в 1–2 часа. Во время одной из очередных атак русским удалось вклиниться в позиции балки Б. Тонкая». Целый день 28 сентября шел ожесточенный бой, в котором все атаки советских войск были отражены противником. Об интенсивности боевых действий красноречиво свидетельствуют потери. С 26 по 30 сентября все армии Сталинградского фронта потеряли 3767 человек убитыми, 10 217 ранеными, 878 пропавшими без вести и 1311 по другим причинам, а всего 16 174 человека [236].

В абсолютных цифрах потери противника характеризовались следующими цифрами (см. таблицу).

Эти данные не включают потери отрядов, так или иначе использовавшихся в борьбе за

«наземный мост» (например, частей 389-й пехотной дивизии). Подсчет потерь по таким эпизодам крайне затруднен. Однако вряд ли эти данные кардинально изменяют общую картину.

ПОТЕРИ СОЕДИНЕНИЙ 6-й АРМИИ, УЧАСТВОВАВШИХ В ОБОРОНЕ «НАЗЕМНОГО МОСТА» 1–30 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [237]

	Убитые	Раненые	Пропавшие без вести	Заболевшие	Всего
Упр. XIV тк	54	100	1	0	155
16 тд	481	1513	88	69	2151
3 мд	395	1217	35	300	1947
60 мд	600	1879	42	295	2816
Упр. VIII АК	34	128	1	53	216
76 пд	419	2435	44	72	2970
Всего	1983	7272	211	789	10255

Сравнение приведенных данных с советскими потерями на этом участке фронта (см. выше) производит, конечно, угнетающее впечатление. Соотношение безвозвратных потерь сторон в «сражении за семафор» составляет 1:15. Следует подчеркнуть, что сравнение людских потерь само по себе не является показателем качеств солдат сторон. Самым страшным врагом солдат и офицеров резервных армий были немецкие артиллеристы, обрушивавшие шквал огня на боевые порядки наступающих соединений. К северу от Сталинграда ситуация была гораздо хуже, чем под Ржевом – на Западном фронте наступающие части хотя бы поддерживались артиллерией до 305-мм калибра включительно.

Легкий танк МЗл «Стюарт» 241-й танковой бригады. 30 сентября 1942 г. эта бригада за один день исчезла в пламени сражения к северо-востоку от Сталинграда

Г.К. Жуков в своих воспоминаниях довольно точно определил причины неудач советских наступлений (помимо общих для Красной армии 1942 г. проблем): «Заняв ряд командных высот, он [противник. – А.И.] имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и может во всех направлениях маневрировать огнем. Кроме того, у противника есть возможность вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи – Акатовка – совхоз “Опытное поле”. При этих условиях 24-я, 1-я гвардейская и 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут» [238]. Действительно, фронт обороны «наземного моста» был сравнительно узок, а 6-я армия располагала большим количеством мощных и дальнобойных орудий (10-см K18, 21-см Moerser 18),

способных поражать огнем практически любой угрожаемый участок. Артиллерия оставалась «богом войны» и решала судьбы сражений.

Цепочка контрударов к северу от Сталинграда, проводившихся с конца августа 1942 г., несмотря на крупные силы, в них задействованные, осталась недостаточно освещенной в отечественной историографии. Командующий фронтом А.И. Еременко предпочел вообще дистанцироваться от проведения контрударов, ссылаясь на занятость обороной города. В своих мемуарах он пишет: «Я же не мог уделять достаточного внимания этому фронту, поскольку всецело был занят на главном направлении – на Юго-Восточном фронте, который непосредственно оборонял Сталинград» [239]. Одновременно он с резкой критикой обрушился на своих заместителей, отвечавших за фронт к северу от города. Главный объект критики, В.Н. Гордов, к тому моменту был мертв и ничего в свою защиту сказать не мог. Вина за неуспех наступлений была также широким жестом возложена на Жукова: «В сентябре на Сталинградский фронт приехал генерал армии товарищ Жуков как представитель Ставки. Он участвовал в организации вышеуказанных контрударов и, несомненно, причастен к связанным с ними ошибкам. Ни в Сталинграде, ни в штабе Юго-Восточного фронта он не был, а проехал прямо в штаб Сталинградского фронта, находящегося в 40 км севернее от города. Приезд Жукова нас несколько обнадежил. Мы рассчитывали, что с его помощью Сталинградский фронт сможет реализовать выгодное положение своих войск по отношению к противнику и окажет более действенную помощь Юго-Восточному фронту, противостоявшему основному напору врага в самом городе и на его южном фланге. Однако наши надежды во многом не оправдались. Попытки Сталинградского фронта ликвидировать вражеский прорыв после приезда Жукова, так же как и до него, остались безуспешными» [240]. Однако сохранившиеся в архивах планы наступательных операций содержат автографы Еременко и его подпись. Так, например, вышеупомянутый план наступления 24-й армии от 27 сентября подписан А.И. Еременко и заместителем начальника штаба Сталинградского фронта генерал-майором И.Н. Рухле. Соответственно, например, Военный совет 24-й армии составлял план контрнаступления с ремаркой в разделе «Решение» – «в основном указанные фронтом». Так что Андрей Иванович разделяет ответственность за контрудары 1-й гв., 24-й и 66-й армий с Г.К. Жуковым, В.Н. Гордовым, К.С. Москаленко, Д.Т. Козловым и Р.Я. Малиновским. Контрудары – это такая же неотъемлемая часть Сталинградской битвы, как бои в городе. Их забвение, по меньшей мере, несправедливость по отношению к тем, кто в этих контрнаступлениях участвовал. По сути своей контрнаступления Сталинградского фронта не отличались от боев в самом Сталинграде. Чуйков точно так же бросал в бой прибывающие резервы, стремясь отбить Мамаев курган и центральную часть города. При минимальной поддержке танков успехи контрударов 95-й и 284-й стрелковых дивизий были едва ли не ниже, чем 1-й гвардейской армии. Разница была только в масштабах контрударов, т.е. в количестве задействованных соединений.

Однако деятельность Еременко и Гордова в качестве руководителей Сталинградского фронта явно не удовлетворяла Верховное командование. Перестановки в управлении войсками на Сталинградском направлении шли практически постоянно с того момента, как с командования сняли такого титана, как С.К. Тимошенко. 28 сентября последовал приказ Ставки ВГК № 994209, в котором не только были изменены наименования двух действующих фронтов, но и сменены их руководители:

«В связи с усложнившейся обстановкой под Сталинградом, большой протяженностью фронтов и с возросшим количеством армий в них, а также в целях удобства управления, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта с непосредственным подчинением каждого из них Ставке Верховного Главнокомандования – из состава Сталинградского фронта – Донской фронт, включив в него 63, 21, 4 танковую, 1 гвардейскую, 24 и 66 армии и из состава Юго-Восточного фронта – Сталинградский фронт, включив в него 62, 64, 57, 51 и 28 армии.

2. Назначить командующим Сталинградским фронтом генерал-полковника тов. Еременко А.И.

3. Назначить командующим Донским фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского К.К., освободив его от должности командующего Брянским фронтом» [241].

Подбитый танк МЗс «Генерал Ли». Донской фронт, октябрь 1942 г.

Де-факто Ставка четко разделяла между двумя военачальниками-«зубрами» войска, ранее находившиеся под управлением А.И. Еременко. Состав армий новые фронты наследовали от своих предшественников – Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Заместитель командующего фронтом В.Н. Гордов и начальник оперативного отдела И.Н. Рухле были сняты с должностей и зачислены в распоряжение Народного комиссара обороны. Начальник штаба фронта К.А. Коваленко был повышен в должности до заместителя командующего. К.К. Рокоссовский пришел на должность командующего Донским фронтом со своим начальником штаба М.С. Малининым.

Второй штурм города. 27 сентября – 7 октября

Наиболее сильным игроком в уличных боях за Сталинград с немецкой стороны были соединения, переданные Паулюсу из армии Гота. Единственный оставшийся свободным после занятия обороны на фронте по Дону и «наземном мосту» и потому задействованный в штурме LI армейский корпус 6-й армии находился в плачевном состоянии. Согласно донесению от 26 сентября, в 71-й пехотной дивизии было 7 батальонов, из них четыре слабых и три «выдохшихся» (abgekaempft), в 295-й пехотной дивизии – 7 батальонов, два средней численности, четыре слабых и один выдохшийся, в 389-й пехотной дивизии – 6 пехотных батальонов, два средней численности и четыре слабых. Штурмовать этими дивизиями город при постоянном усилении защитников было безумием. Они были пригодны только для обороны. Состояние дивизий XXXXVIII танкового корпуса на тот момент было намного лучше. 94-я пехотная дивизия имела в своем составе 7 батальонов, все в средней численности, 24-я танковая дивизия – 5 батальонов, все в хорошей форме, 29-я моторизованная дивизия – 7 батальонов, все в средней численности.

Немецкая пехота в готовности к атаке в районе СТЗ. На заднем плане видна САУ Штурмгеиоц

К 27 сентября LI корпус располагал в качестве средств усиления двумя дивизионами 210-мм гаубиц, двумя дивизионами 105-мм пушек, тремя дивизионами 150-мм гаубиц, 244-м и 245-м дивизионами штурмовых орудий [242]. Состояние последних показано в таблице.

СОСТОЯНИЕ БРОНЕТЕХНИКИ LI КОРПУСА НА 26 СЕНТЯБРЯ 1942 г. [243]

Дивизион штурмовых орудий	Боеготовы		В ремонте	
	StuGIII kurz	StuGIII lang	StugIII kurz	StuGIII lang
244	11	9	1	0
245	6	8	7	2

План нового штурма города был подготовлен немецким командованием еще 19 сентября. В сокрушении выступа у Орловки должны были принять участие 24-я танковая дивизия, 295, 389 и 94-я пехотные дивизии и части XIV танкового корпуса. В итоге к новому наступлению привлекли 24-ю танковую дивизию и 100-ю егерскую дивизию (пять сильных батальонов, в том числе один хорватский) из XI армейского корпуса. Последняя попала на улицы Сталинграда транзитом через оборонительное сражение «наземного моста». Ввод в бой этой дивизии был знаковым событием. Тем самым было положено начало изъятию дивизий для штурма города с фронта на Дону. Мы завершили повествование об обороне Сталинграда на том моменте, когда Чуйков вечером 26 сентября отдал очередной приказ о наступлении. Утром 27 сентября противники встали друг перед другом в готовности к наступлению. Переход инициативы из рук в руки был стремительным и сопровождался тяжелыми для 62-й армии последствиями. Согласно отданным накануне вечером распоряжениям командования, в 5.00 началась артиллерийская подготовка, к которой привлекалась артиллерия соединений 23-го танкового корпуса. В 6.00 в наступление пошли части 137-й танковой бригады и 269-го стрелкового полка НКВД. Однако в тот же час началась немецкая артиллерийская подготовка по переднему краю. Одновременно немецкая авиация обрушилась на артиллерийские позиции.

В 8.00 перешли в атаку танки 24-й танковой дивизии. Позднее в дневном донесении LI корпуса действия советских войск описывались так: «Русские упорно защищались из хорошо оборудованных позиций при поддержке мощной артиллерии всех калибров».

Немецкий танк Pz.IV из состава 14-й танковой дивизии в ходе уличных боев за Сталинград

Главный удар пришелся по позициям 9-й и 38-й стрелковых бригад. Вскоре немецкие танки прорвали оборону 38-й мотострелковой бригады. Проложив себе путь через позиции мотострелков, часть танков повернула на юг и вышла с фланга и тыла на позиции минометов и ПТО 9-й мотострелковой бригады. Стремительно атакованные минометные позиции были быстро раздавлены. Оставшаяся без минометов и противотанковых средств оборона бригады затем была добита фронтальным ударом. Передовые роты 9-й мотострелковой бригады были отрезаны, и из их числа никто не вернулся. Остатки бригады отошли к силикатному заводу. Взломав оборону, немецкие танки с мотопехотой также вышли в тыл оборонявшейся севернее 189-й танковой бригады. Под угрозой полного уничтожения бригада отошла к поселкам Красный Октябрь и Баррикады. Положение было спасено вводом в бой танков. 189-я танковая бригада, получив 5 Т-34 из резерва Чуйкова, и 6-я гв. танковая бригада – 7 Т-34, – в 14.30 контратаковали прорывающегося к поселку Красный Октябрь противника. Но это было только временное решение. На контратаках танками можно было продержаться в лучшем случае день или два.

В ЖБД 6-й армии первый день второго штурма Сталинграда был описан достаточно бодро: «Южный фланг армии 27.9 начал наступление на северную часть Сталинграда. Преодолевая упорное сопротивление, он достиг поставленных на день целей. Западный край большой железнодорожной петли, господствующая высота 107,5, кварталы к северо-востоку от нее и овраг северо-западнее “Красного Октября” были заняты, наши части на широком фронте вышли к железной дороге юго-восточнее Городища». Объясняется этот успех достаточно просто: немцы прокладывали себе дорогу ураганным огнем артиллерии. Расход боеприпасов LI АК за 27 сентября составлял внушительную величину 444 тонны, в том числе 346 выстрелов 210-мм гаубиц и 2044 выстрела к 150-мм полевым гаубицам [244] .

Может возникнуть логичный вопрос: что могли противопоставить этому урагану огня защитники Сталинграда? Практически общеизвестно, что части 62-й и 64-й армий, сражавшиеся на улицах города, поддерживали артиллерийские батареи с левого берега Волги. В своих

воспоминаниях Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, описывая свой визит под Сталинград в сентябре 1942 г., пишет: «То и дело раздавался характерный свист тяжелых снарядов. Это была по врагу знаменитая Заволжская артиллерийская группа. Артиллерия большой и особой мощности была своевременно выведена за Волгу» [245]. Далее, чтобы не оставить сомнения относительно «большой и особой мощности», он пишет о наличии в этой группе орудий калибром 203–280 мм.

Однако слова Воронова, к сожалению, не подтверждаются документами. Так, по состоянию на 1 октября 1942 г. в составе фронтовой артиллерийской группы числятся 7 пушечных артполков, вооруженных шестью 107-мм пушками, восемнадцатью 122-мм гаубицами, десятью 122-мм пушками (122-мм А-19 обр. 1931 г.) и тридцатью девятью 152-мм орудиями (точно тип не указан, скорее всего 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20) [246]. Полк большой мощности с десятью 203-мм гаубицами появляется только в донесениях от 20–25 октября 1942 г. [247]. По состоянию на 1–5 декабря 1942 г. в подчинении фронта числится все тот же один-единственный полк, правда, уже с тринадцатью 203-мм орудиями [248]. По данным ГАУ КА, за все второе полугодие 1942 г. расход 203-мм выстрелов Сталинградским фронтом составил 1,8 тыс. выстрелов [249]. Другие фронты на сталинградском направлении боеприпасов этого типа не расходовали. В свою очередь немецкая 6-я армия только за период с 1 по 20 сентября (начало штурма Сталинграда и боев в районе Котлубани) израсходовала 4318 210-мм выстрелов [250]. Комментарии, как говорить, излишни. В описываемый период LI корпус стабильно расстреливал по две-три сотни 210-мм выстрелов в день. Для немцев 1800 выстрелов было недельным расходом.

Соответственно можно с высокой степенью уверенности утверждать, что сказанное Н.Н. Вороновым является идеализированным представлением о фронтовой артиллерийской группе. «Как должно было быть», а не «как было». Причины этого лежат, скорее всего, в плоскости снарядного производства. 203-мм орудия в Красной армии питались боеприпасами «с колес», т.е. производство едва поспевало за расходом. То есть орудия большой и особой мощности были, однако имелись серьезные проблемы с их обеспечением боеприпасами. Применение 203-мм гаубиц ограничивалось Западным и Волховским фронтами.

Артиллерийским молотом немцы медленно, но верно прокладывали себе дорогу по улицам города. Если обвал на фронте мотострелковых бригад 23-го танкового корпуса под ударом свежих сил и тяжелой артиллерии немцев был вполне ожидаемым, то сокрушение одного из узлов сопротивления в самом городе было вызвано потерей самообладания командованием 92-й стрелковой бригады. Документы НКВД повествуют об этом эпизоде:

«26 сентября 1942 года, в период наступления немецко-фашистских войск на участке 92-й отд. стрелковой бригады, командир бригады подполковник Тарасов и военком бригады ст. батальонный комиссар Андреев не организовали обороны, а, проявив трусость, без приказа командования армии перевели КП бригады с правого берега Волги на остров.

Таким образом, Тарасов и Андреев самоустранились от руководства боев, в результате части бригады самовольно отошли с занимаемых рубежей.

На допросе, будучи арестованным, Тарасов показал: «Признаю себя виновным в том, что в напряженной боевой обстановке самовольно, без приказа штаба армии, оставил бригаду и переехал на остров»».

В дневном донесении LI корпуса последствия действий Тарасова и Андреева были отражены следующим образом: «В Сталинграде в ранние утренние часы южнее устья Царицы в течение отдельных ожесточенных схваток были уничтожены последние гнезда сопротивления русских. С этим весь берег Волги от границы армии и до 2 км северо-восточнее устья Царицы надежно находится в наших руках». Военным трибуналом Тарасов и Андреев были приговорены к расстрелу.

Утешала только стабильность фронта на тех участках, где находилась ударная группировка 62-й армии. Наступление 100-й егерской дивизии в районе Мамаева кургана не принесло немцам ощутимым успехов. Впрочем, у командующего 62-й армией на тот момент уже был действительно серьезный аргумент против наступления противника. Козырем Чуйкова являлась 193-я стрелковая дивизия, двумя полками переправившаяся на правый берег Волги. Дивизии было приказано занять оборону с передним краем по западной окраине города. Так удалось избежать развала обороны, хотя 24-я танковая дивизия медленно, но верно продвигалась вперед. В ЖБД 6-й армии отмечалось: «Наступление армии на северную часть Сталинграда и сегодня добилось успехов, несмотря на упорное сопротивление врага. Район “Баррикады” наполовину занят, северо-западнее мы вышли с

юга к ручью Городище» [251] . Расход боеприпасов LI АК за 28 сентября составил меньшую, чем в предыдущий день, но все равно внушительную величину в 331 тонну, в том числе 270 выстрелов 210-мм и 1328 выстрелов к 150-мм тяжелой полевой гаубице [252] . Немцы по-прежнему прокладывали себе путь по развалинам Сталинграда ураганным огнем.

Нельзя не отметить, что 28 сентября произошел перелом в стратегии ведения обороны города со стороны В.И. Чуйкова. Это вообще был важный день в Сталинградской битве. Именно 28 сентября произошло разделение на Донской и Сталинградский фронты. Теперь наступательные задачи отходили к К.К. Рокоссовскому. Естественным образом оборонительные задачи остались в руках А.И. Еременко. От энергичного вбрасывания в бой резервов с постановкой им задач на достижение решительного результата В.И. Чуйков перешел к стратегии упорного сопротивления. Теперь командарм ставил войскам преимущественно оборонительные задачи. Перегруппировка войск внутри 62-й армии также преследовала цель упрочнения обороны. Выведенные с левого фланга 92-я и 42-я стрелковые бригады в ночь на 29 сентября сосредотачивались в районе Мамаева кургана для обеспечения стыка между 284-й и 95-й стрелковыми дивизиями. Очень ограниченные, даже осторожные наступательные задачи получила только дивизия Родимцева: «Удерживая занимаемый район в центральной части города, действиями мелких штурмовых и блокирующих групп – последовательно уничтожать противника в захваченных им зданиях, продолжая освобождать новые кварталы». На тот момент в 13-й гв. стрелковой дивизии было 6888 человек, из них на правом берегу Волги – 3973 человека. То есть артиллерия и тылы находились на левом берегу.

Но сам по себе переход к обороне не гарантировал спокойной жизни. 29 сентября немцы обрушились на стрелковые бригады, оборонявшиеся в районе Орловки. Этот участок фронта длительное время оставался пассивным. Объектом атаки стала 115-я стрелковая бригада полковника Андрусенко. После боев на Западном фронте 14 августа 1942 г. она была выведена из состава 16-й армии и отправлена в Астрахань. Однако до Астрахани она не доехала, разгрузилась 25 августа на станции Ленинск (к востоку от Сталинграда), а затем пешим маршем переброшена в Сталинград. Бригада Андрусенко прибыла на фронт в некомплекте (не хватало 1671 человека), и последующие стычки не улучшили ее состояния. Единственным преимуществом было долгое нахождение в обороне на одних и тех же позициях и возможность их всесторонне подготовить.

В штабе командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова (второй слева). Слева от него с карандашом в руке начальник штаба армии генерал-майор Н.И. Крылов. За столом сидит член Военного совета армии генерал-лейтенант К.А. Гуров. Справа командир 13-й гвардейской

стрелковой дивизии генерал-майор А.И. Родимцев. В жизни Родимцев и Чуйков друг друга терпеть не могли, но на постановочном фото выглядят дружелюбными

До вечера 28 сентября противник особой активности не проявлял. Однако в 20.00 началась авиационная подготовка, невиданная по своей продолжительности. До 6.00 утра на район Орловки сыпались бомбы. Всего в течение ночи, по приблизительному подсчету обороняющихся, на них было сброшено около 1700 бомб. В 8.00 29 сентября немецкие войска перешли в наступление сразу на двух направлениях. LI корпус атаковал в направлении Орловки с юго-запада, XIV танковый корпус – с северо-востока. В наступлении были задействованы части 16-й танковой дивизии, доселе оборонявшиеся фронтом на север и участия в штурме Сталинграда не принимавшие. История дивизии свидетельствует, что не все шло гладко и по плану: «29 сентября раздался вой небельверферов; Ю-87 непрерывно пикировали на Орловку, артиллерийские снаряды обрушились на вражескую крепость. Затем две роты впервые введенного в бой 651-го саперного батальона и 8 рота 79-го полка двинулись вперед. Однако русские были все еще на месте, держались и к полудню отбили атаку» [253] .

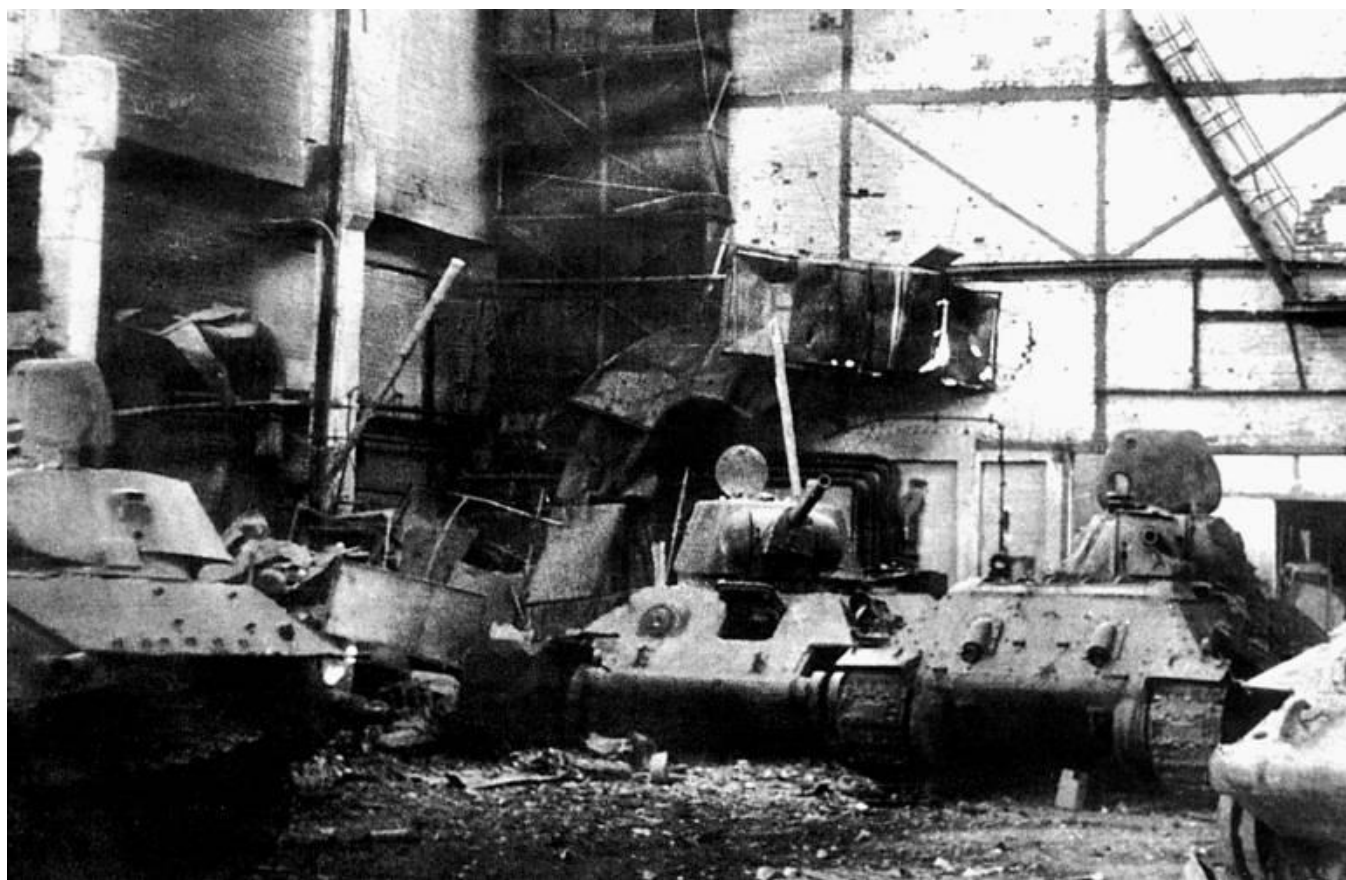
Однако если наступление 16-й танковой дивизии удалось приостановить, то части LI армейского корпуса пробились к Орловке с юго-запада. 1-й батальон 115-й стрелковой бригады и 2-я мотострелковая бригада понесли большие потери. В результате наступления днем 30 сентября были практически окружены 3-й батальон 115-й бригады и сводный батальон 2-й мотострелковой бригады. Расстояние между остриями ударных клиньев противника составляло всего около 1600 м. Но соединиться им не удавалось. История 16-й танковой дивизии сообщает некоторые подробности сражения: «30 сентября еще раз: Штуки! Клубы коричневого дыма поднимаются ввысь; сквозь дым солдаты снова идут вперед и одерживают победу над все еще упорно обороняющимся неприятелем; они берут Орловку и очищают ее. Попытка 651-го и 194-го саперных батальонов, тут же, посредством атаки на юго-восток через высоту 85,1, установить связь с наступающими оттуда немецкими частями, потерпела неудачу уже через 100 метров» [254] .

30 сентября участие в боях за Сталинград 27, 137, 189-й танковых бригад, 9-й и 38-й мотострелковых бригад закончилось. На их позиции выходили 42-я и 92-я стрелковые бригады. Соответственно 6-й гв. танковой бригаде были переданы «активные штыки», сохранившие матчасть артиллеристы и минометчики выводившихся из боя частей. Управления, «безлошадные» артиллеристы и тылы бригад переправились на левый берег Волги. Также был переправлен на левый берег Волги штаб 23-го танкового корпуса. Аккумулировавшая остатки матчасти и оставшиеся в строю «активные штыки» корпуса 6-я гв. танковая бригада перешла в прямое подчинение командарма-62.

В итоге сбора остатков бригад 23-го танкового корпуса в составе 6-й гв. танковой бригады к исходу 30 сентября было в строю 14 ходовых Т-34, 5 неходовых Т-34, 1 Т-70, 6 Т-60, 268 «активных штыков», одна противотанковая пушка, четыре 76-мм пушки, шесть 120-мм минометов, десять 82-мм минометов.

Ввод противником новых сил и изменение направления удара заставили командование Сталинградского фронта принять соответствующие контрмеры. Источником резервов стал позиционный фронт у «наземного моста». С него были сняты 39-я гв. стрелковая дивизия генерал-майора С. С. Гурьева и 308-я стрелковая дивизия полковника Л. Н. Гуртьева. Первая была изъята из 24-й армии, а вторая – из 1-й гвардейской армии. 39-я гв. стрелковая дивизия была из числа соединений, переформированных из воздушно-десантных корпусов. Она была одним из первых прибывших под Сталинград соединений 1-й гвардейской армии и участвовала в боевых действиях с августа 1941 г. Состояние двух дивизий к моменту вывода из позиционной «мясорубки» было далеко не блестящим. Однако в отличие от маневренных сражений, из которых дивизии выходили неорганизованной толпой без тяжелого оружия, в позиционных боях сохранность оружия была хорошей. На 25 сентября 1942 г. 39-я гв. стрелковая дивизия насчитывала 4082 человека, 2978 винтовок, 695 ППШ, 24 ручных, 12 станковых и 2 зенитных пулемета, 114 ПТР, 69, 13 полевых и 7 противотанковых орудий, 308-я стрелковая дивизия – 4248 человек, 5513 винтовок, 476 ППШ, 106 ручных и 33 станковых пулемета, 119 ПТР, 45 полевых и 20 противотанковых орудий. Как мы видим, в дивизии Гуртьева был даже некоторый избыток вооружения. Пополнения дивизии не

получили (по крайней мере, по изменению их численности в донесениях это не заметно). На 1 октября в 39-й гв. стрелковой дивизии было 3745 человек, в 308-й стрелковой дивизии – 4055 человек.

Брошенные танки Т-34 в цеху СТЗ. Перед нами не только танки, произведенные на СТЗ, но и Т-34 с «гайкой», произведенный на Урале. Он попал в Сталинград, скорее всего, вместе со 2-м танковым корпусом

Конечно, пополнение соединениями с такой низкой комплектностью не было большим подарком. Некоторые стрелковые бригады армии В.И. Чуйкова были более многочисленными (см. ниже). Но «смотреть в зубы» подарку командования фронта было по меньшей мере глупо. Были в составе ударной группировки Донского фронта к северу от Сталинграда и более, и менее многочисленные соединения. В целом две дивизии были неплохой прибавкой для боевого состава 62-й армии. Численность соединений 62-й армии на 1 октября 1942 г. [255]

13-я гв. стрелковая дивизия – 6076 чел.

39-я гв. стрелковая дивизия – 3745 чел.

95-я стрелковая дивизия – 2616 чел.

112-я стрелковая дивизия – 2551 чел.

193-я стрелковая дивизия – 4154 чел.

284-я стрелковая дивизия – 2089 чел.

308-я стрелковая дивизия – 4055 чел.

42-я стрелковая бригада – 1151 чел.

92-я стрелковая бригада – 92 чел.

124-я стрелковая бригада – 4154 чел.

149-я стрелковая бригада – 3138 чел.

2-я мотострелковая бригада – 1312 чел.

115-я стрелковая бригада – 3464 чел.

6-я танковая бригада – 913 чел.

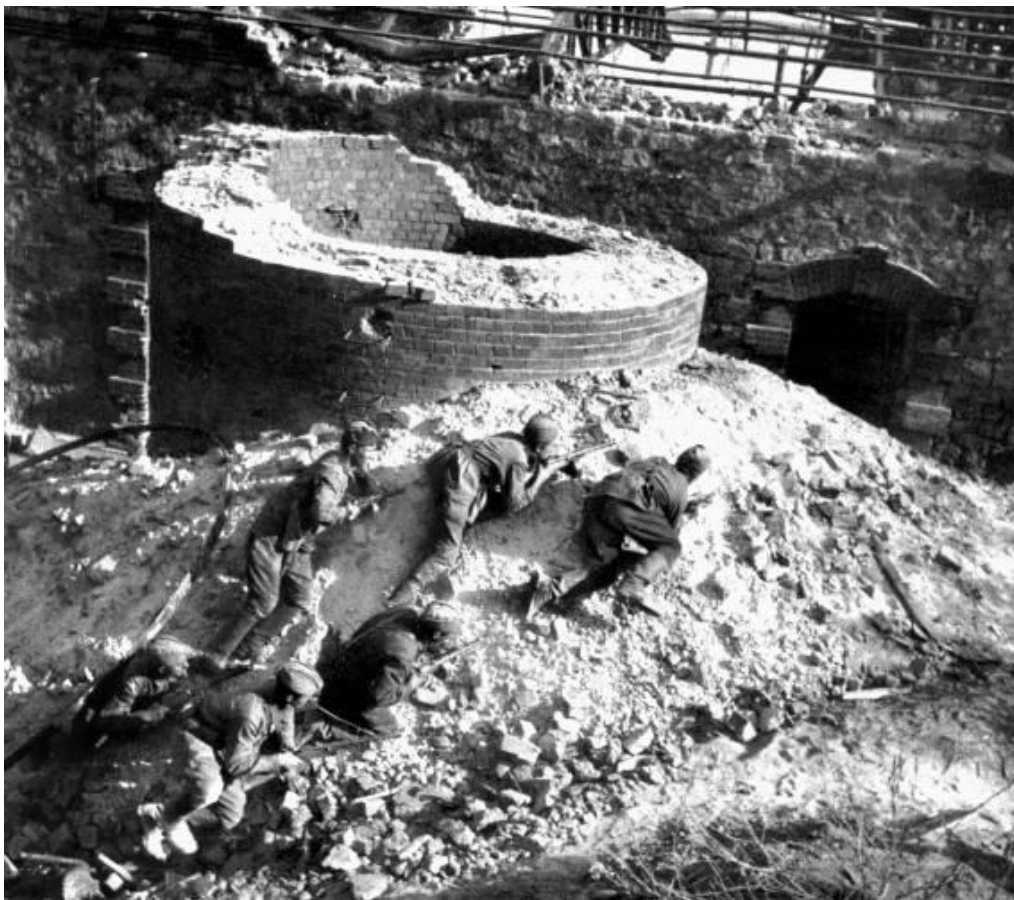
282-я стрелковый полк (НКВД) – 1088 чел.

В течение ночи на 1 октября 39-я гв. стрелковая дивизия полностью переправилась на западный берег Волги и заняла оборону во втором эшелоне. Одновременно 308-я стрелковая дивизия частью сил (351-й стрелковый полк) переправилась на западный берег Волги. На подходе к Волге были другие два стрелковых полка соединения и артиллерийский полк.

Переброской одной дивизии дело не ограничилось. Вновь донором для Сталинграда стала бывшая ударная группировка к северу от города. На этот раз из нее была изъята 37-я гв. стрелковая дивизия генерал-майора В.Г. Желудева, подчинявшаяся в сентябре 4-й танковой армии. Соединение было несколько более многочисленным, чем переправленные до этого дивизии Гурьева и Гуртьева. На 25 сентября дивизия Желудева насчитывала 6695 человек, 5842 винтовки, 1157 ППШ, 154 ручных, 82 станковых и 10 зенитных пулеметов, 254 ПТР, 41 полевое и 29 противотанковых орудий. 37-я гв. стрелковая дивизия также была из числа гвардейских дивизий, переформированных из воздушно-десантных корпусов. В августе 1942 г. она была введена в бой в излучине Дона в составе 1-й гвардейской армии. Теперь гвардейцам-десантникам предстояло спасти Сталинград. В ночь на 4 октября 37-я гв. стрелковая дивизия полностью (без артиллерии) переправилась через Волгу.

Помимо стрелковых соединений, армия В.И. Чуйкова усиливалась 84-й танковой бригадой полковника Д.Н. Белого, которая передавалась в состав 62-й армии с 19.00 4 октября. Бригада к тому моменту насчитывала 5 КВ, 24 Т-34 и 20 Т-70. Это, конечно же, было гораздо лучше ввода в город танкистов в качестве пехоты, как это было в случае 137-й танковой бригады в сентябре 1942 г. Танки предполагалось использовать как огневые точки для стрельбы с места.

В результате боев 4 октября, в связи с обходом противника на участке 282-го стрелкового полка, 115-я стрелковая бригада и 2-я мотострелковая бригада оказались в окружении в районе северо-западнее и юго-восточнее Орловки. К 8.00 8 октября остатки этой группы в количестве 220 человек вышли из окружения. Единственный проходивший по открытой местности участок обороны 62-й армии был потерян. Линия фронта теперь полностью пролегла по улицам города.

«Индустриальная война». Советские солдаты у разрушенной до основания трубы в Сталинграде. В руках у пехотинцев pistols-пулеметы ППШ – наиболее удобное оружие в условиях городских боев

Третий штурм города. 14–19 октября

Важным преимуществом немцев в уличных боях за Сталинград была возможность выбирать место и направление удара. Для очередного штурма было решено ударить по неатакованному до этого участку фронта – северному флангу 62-й армии, району завода СТЗ. Как это уже имело место ранее, новое наступление проводилось за счет вливания в ударную группировку свежих сил. Паулюс изъясил 305-ю пехотную дивизию из состава VIII армейского корпуса и подчинил ее штурмующему Сталинград LI армейскому корпусу. Дивизия была в свое время поставлена на «наземный мост», но занимаемые позиции оказались в стороне от мощных ударов экс-резервных армий. Поэтому 305-я дивизия хорошо сохранилась – в ее составе в середине октября было 9 батальонов средней численности. Соответственно ветеран сражения за Сталинград, 71-я пехотная дивизия была сослана в задонскую часть полосы 6-й армии, в XI армейский корпус. К наступлению также привлекались 14-я и 24-я танковые дивизии (см. таблицу).

СОСТОЯНИЕ ТАНКОВОГО ПАРКА 14-й И 24-й ТД НА 13 ОКТЯБРЯ 1942 г.

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	Коман- дирские
24-я ТД	6	7	13	3	2	2
14-я ТД	3	9	24	6	4	4

14-я танковая дивизия с 29 сентября была в резерве 6-й армии и располагалась в районе Плодовитого. Ввод дивизии в заведомо кровавую борьбу за город был рискованным ходом. Фактически это был один из шагов к грядущей катастрофе, когда у Паулюса не оказалось под рукой подвижных соединений для контрударов по наступающим на Калач советским танковым и механизированным корпусам. Число соединений, которые могли эффективно противодействовать советскому контрнаступлению, неуклонно уменьшалось. Во втором штурме была использована и понесла потери 24-я танковая дивизия, в третьем штурме пришел черед 14-й танковой дивизии. Состояние танкового парка ударной группировки 6-й армии не поражает воображение, но свежая девятибатальонная пехотная дивизия была серьезной заявкой на успех. Также в штурме должны были принять участие пять саперных батальонов. Принято считать, что их перебросили по воздуху из Германии, однако это некоторое упрощение ситуации. Они были изъяты из соединений группы армий «Б», занимавших оборону на Дону (см. таблицу).

СОСТОЯНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ САПЕРНЫХ БАТАЛЬОНОВ, ПРИДАННЫХ 6-й АРМИИ ДЛЯ ШТУРМА СТАЛИНГРАДА. 3 НОЯБРЯ 1942 г. [256]

Номер ба- тальона	Из какого соедине- ния изъят	Офице- ров	Унтер- офицеров	Рядо- вых
45 (мот.)	2 А, ГА «Б»	9	30	246
50	22 тд, ГА «Б»	10	44	405
162	62 пд, ГА «Б»	7	31	281
294	294 пд, ГА «Б»	4	29	275
336	336 пд ГА «Б»	8	38	336

Несомненным преимуществом этих батальонов был опыт боевых действий на Восточном фронте. Следует отметить, что очередной штурм Сталинграда совпал по времени с оперативным приказом Гитлера № 1 от 14 октября 1942 г. В этом приказе подводились итоги летне-осенней кампании и ставились задачи на зиму 1942/43 г. Во вводной части директивы фюрер утверждал:

«Летняя и осенняя кампании этого года, за исключением отдельных еще продолжающихся операций и намечаемых наступательных действий местного характера, завершены. Достигнуты крупные результаты. В итоге мощного наступления противник отброшен на Кавказ и Дон, а центральная часть России в основном отрезана от районов Кавказа, имеющих жизненно важное значение для дальнейшего ведения войны. На остальном фронте были успешно отражены все

отвлекающие удары русских с незначительными для нас потерями. При этом противнику нанесены громадные людские потери».

Сталинград, как следует из этой директивы, проходил по графам «отдельных еще продолжающихся операций» и «наступательных действий местного характера». Еще одним тезисом, применимым к обстановке в Сталинграде, был постулат об активной обороне:

«Если общая задача войск Восточного фронта во время зимы имеет оборонительный характер (за некоторым исключением), то эта оборона должна быть крайне активной. Эта активность обороны должна выражаться в постоянных вылазках ударных отрядов, в использовании благоприятных возможностей для проведения атак, в стремлении не оставлять в покое противника и постоянно наносить ему потери. Только посредством такой активной обороны может быть снова восстановлен наш наступательный порыв, сохранено чувство превосходства немецкого солдата над русским и внушена уверенность в своих войсках. Одновременно это помешает противнику даже частично захватить инициативу в свои руки».

Командующий 62-й армией был как раз тем человеком, который стремился захватить инициативу в свои руки. После сильного удара немцев 27 сентября – 7 октября он сделал несколько выпадов с целью восстановления позиций. Нельзя сказать, что Чуйков недооценивал опасность, грозившую заводам. Еще 8 октября он перегруппировал в район СТЗ 95-ю стрелковую дивизию, уплотнив боевые порядки 37-й гв. стрелковой дивизии. В район СТЗ также была перегруппирована 112-я стрелковая дивизия. Последнее соединение было в свое время сильно потрепано, но В.И. Чуйков, видимо, памятуя о своем дебюте на Сталинградском фронте, связанном с 112-й стрелковой дивизией, оставлял ее в 62-й армии. В отличие от некоторых других соединений первоначального состава 62-й армии, 112-я дивизия не была выведена из Сталинграда на переформирование.

На 10 октября 1942 г. соединения 62-й армии насчитывали [257] :

13-я гв. стрелковая дивизия – 6053 человека

37-я гв. стрелковая дивизия – 4670 человек

39-я гв. стрелковая дивизия – 5052 человека

95-я стрелковая дивизия – 3075 человек

112-я стрелковая дивизия – 2277 человек

193-я стрелковая дивизия – 4168 человек

284-я стрелковая дивизия – 5907 человек

308-я стрелковая дивизия – 3225 человек

42-я стрелковая бригада – 760 человек

92-я стрелковая бригада – 1050 человек

115-я стрелковая бригада – 1135 человек

124-я стрелковая бригада – 3520 человек на 5 октября 1942 г.

149-я стрелковая бригада – 2556 человек

2-я мотострелковая бригада – 569 человек.

Своеобразие положения защитников Сталинграда заключалось в том, что артиллерийскую поддержку им оказывали батареи, стрелявшие через Волгу. На снимке: 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 ведет огонь с левого берега Волги. В самом городе существование и снабжение боеприпасами артиллерии такого класса было проблематичным

Как мы видим, 39-я гвардейская стрелковая дивизия была заметно усилена за счет пополнений. Чуйкову также удавалось поддерживать на сравнительно высоком уровне численность 13-й гвардейской стрелковой дивизии. В дни, предшествовавшие немецкому наступлению, 90-я и 37-я гвардейская стрелковые дивизии провели ряд частных контратак, и их численность несколько снизилась. Помимо стрелковых соединений в 62-й армии еще оставались 6-я гвардейская и 84-я танковые бригады. Помимо этого заводы защищала такая необычная часть, как отдельный танковый батальон Сталинградского танкового завода. Он состоял из танков разных типов, свезенных на СТЗ и использовавшихся преимущественно как неподвижные огневые точки. На 11 октября в составе батальона было 23 танка: 6 КВ, 8 Т-34, 3 Т-70, 6 Т-60. Из этого числа в строю было 6 машин, еще 2 — в ремонте. Батальон был разбит на три роты, занимавшие позиции в системе обороны 124-й и 149-й стрелковых бригад.

Утром 14 октября, после интенсивной артиллерийской и авиационной подготовки, немецкая ударная группировка перешла в наступление в направлении СТЗ. В дневном донесении 6-й армии говорилось: «Армия, при мощной поддержке артиллерии и авиации, 14 октября пошла в атаку своим южным крылом на северную часть Сталинграда. В ходе боя со сверхжесточенно обороняющимся на баррикадах и в руинах домов противником уже к обеду был взят юго-западный сектор большого тракторного завода. В центре западного сектора удалось после обеда сделать прорыв».

Под главный удар немцев попали части 37-й гвардейской, 95-й, 112-й стрелковых дивизий. К исходу дня СТЗ был в руках немцев. Кроме того, в районе СТЗ противник вышел к Волге. Это позволяло развивать наступление вдоль реки в тыл обороняющимся между Мамаевым курганом и заводами войскам 62-й армии. В последующем в донесении LI корпуса указывалось, что на территории СТЗ было захвачено 100 корпусов танков, 35 танковых башен и другое оборудование.

Однако успех уже первого дня наступления довольно дорого обошелся немцам. Первый день боев в Сталинграде принес 305-й пехотной дивизии тяжелые потери. За 14 октября соединением было потеряно 89 человек убитыми и 283 ранеными и 15 пропавшими без вести. Чувствительные потери понесла также 14-я танковая дивизия – 33 человека убитыми, 105 ранеными и 2 пропавшими без вести.

К чести разведчиков 62-й армии, они уже на второй день наступления вычислили, что на заводы был нанесен удар с участием свежей 305-й пехотной дивизии. Обстановка 15 октября накалилась до предела. Ударом из района Латашанка немцам удалось прорваться к устью реки Мокрая Мечетка и тем самым отрезать от переправ северную группу 62-й армии. В окружении оказались 124, 115 и 149-я стрелковые бригады, 2-я мотострелковая бригада, а также части 112-й стрелковой дивизии. Отрезанную группу возглавил командир 124-й стрелковой бригады полковник С. Ф. Горохов. По имени своего командира она получила полуофициальное наименование «группа Горохова».

Проломив фронт, наступающие немецкие части передовыми отрядами стали выходить в тыл 308-й стрелковой дивизии и на КП Чуйкова. Охрана штаба 62-й армии вступила в бой в 300 метрах от КП. Состояние 95-й и 37-й гвардейской стрелковых дивизий в журнале боевых действий 62-й армии 15 октября определялось как «полностью утратили свою боеспособность».

Танковый батальон Сталинградского завода был уничтожен в течение первых трех дней наступления. 14 октября была потеряна рота на Т-60, все они были сожжены артогнем противника. К вечеру 15 октября в строю оставались 2 КВ. Остальные танки были подбиты артиллерией или поражены авиабомбами. К исходу дня 16 октября оба КВ были окружены противником. Пехота группы Горохова от танков отошла. Экипажи КВ вели бой до истощения боекомплекта, а с наступлением темноты подорвали танки и вышли к своим. Также жертвой прорыва немцев в район СТЗ стала 680-я железнодорожная батарея (три 152-мм орудия). 14 октября ударами с воздуха был разбит один из транспортеров, получили повреждения остальные два. К вечеру 14 октября, когда противником была занята территория завода, оставшиеся в живых артиллеристы пробивались к Волге и переправились на остров Зайцевский. Транспортеры были взорваны.

Если до этого донором для сражавшейся в Сталинграде 62-й армии были соединения с фронта к северу от города, то в ходе третьего штурма была изъято соединение из состава 64-й армии. Решение о выдвижении дивизии было принято уже в первый день немецкого наступления. К исходу 14 октября распоряжением штаба фронта 138-я стрелковая дивизия полковника И.И. Людникова из 64-й армии передавалась в подчинение командующего 62-й армией. Командиру дивизии предписывалось немедленно по тревоге поднять один стрелковый полк в полном составе и не позднее 5.00 утра 15 октября переправить его на западный берег Волги, передав в распоряжение командующего 62-й армией. Недостающее в полку оружие передавалось из других полков, имея в виду, что на следующий день дивизии подвезут оружие и все боеприпасы. 138-я стрелковая дивизия в октябре 1942 г. являла собой довольно жалкое зрелище. На 5 октября она насчитывала 2646 человек, имеющих 1025 винтовок, 224 ППД и ПППШ, 6 ручных и 12 станковых пулеметов, 27 ПТР. Однако дивизия располагала довольно сильным артиллерийским кулаком в составе одиннадцати 122-мм гаубиц, тридцать одной 76-мм пушки и двадцать одной противотанковой пушки.

Время на ввод в бой новой дивизии было выиграно за счет потери темпа противником. Что произошло, описывает дневное донесение LI корпуса:

«Атака LI-го армейского корпуса 16.10 с 14-й тд и 305-й пд велась против упорно обороняющегося врага с танками и в разобранных домовых блоках с целью вклинивания в северную часть оружейной фабрики. Но цель, намеченная на этот день, достигнута не была. Атака не была проведена всеми имеющимися силами 14-й тд и 305-й пд, а также из-за почти мизерного наличия 100-мм и 210-мм боеприпасов для мортир. Опыт подтвердил, что для достижения полного успеха в намеченном мероприятии необходима планомерная подготовка совместных действий пехоты и артиллерии, при этом принимая во внимание и обеспечение войск боеприпасами в полной мере, что в случае с 16 октября было пущено на самотек».

Там, где не пройдут танки, могут пройти пехотинцы. Немецкий пулеметный расчет в Сталинграде

«Пущенный на самотек» процесс обеспечения наступающих боеприпасами дал возможность ввести 138-ю стрелковую дивизию в город, выстроив ее поперек старых оборонительных порядков 62-й армии. Приказом Военного совета 62-й армии дивизии И.И. Людникова ставилась следующая задача: «138-й Краснознаменной сд к 4. 00 17. 10. 42 г. занять и прочно оборонять рубеж южная окраина Деревенек, Скульптурный. Не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода “Баррикады”». Общение Чуйкова с Людниковым началось с выволочки в адрес комдива. 17 октября командующий 62-й армией пишет ему:

«Вами не выполнен мой приказ о занятии жел. дор. станции и поселка зап. Трамвайная, Скульптурный, таким образом, Вы и не обеспечили правого фланга 308 сд, следствием этого образовался разрыв между Вашей дивизией и 308 сд, – что позволило противнику безнаказанно наступать вдоль жел. дороги на завод “Баррикады”, угрожать захватом завода “Баррикады” и дальнейшим продвижением на юг» [258] .

Далее Чуйков требовал исправить допущенные ошибки: «Под Вашу личную ответственность ликвидировать разрыв с 308 сд, обеспечить ее правый фланг, установив локтевую связь, и ни при каких условиях не допустить проникновения противника на территорию завода “Баррикады”, и в стыке с 308 сд. За стык отвечаете Вы».

Выход противника к Волге создавал опасность форсирования реки с использованием двух островов в этом районе. Директива Ставки №157562 от 16 октября предписывала:

«В связи с занятием противником р-на СТЗ и выходом его к р. Волга немедленно направить для временного усиления гарнизонов островов Зайцевский и Спорный часть сил 300 стр. дивизии».

Это была полнокровная дивизия численностью более 10 тыс. человек. По большому счету, соединение было последним резервом, который советское командование могло бросить на улицы Сталинграда в действительно критической ситуации.

Положение отрезанной группы Горохова во второй половине октября стабилизировалось. XIV

танковый корпус был занят на защите «наземного моста», LI армейский корпус наступал на заводы, повернувшись спиной к островку в северной части города.

Согласно донесению полковника Горохова, в его подчинении на 19 октября 1942 г. насчитывалось 3953 человека, 15 станковых пулеметов, 95 ручных пулеметов, 57 ПТР. Артиллерию группы составляли двадцать две 45-мм пушки, двадцать 76-мм пушек, двадцать один 120-мм миномет, сорок восемь 82-мм минометов, двадцать три 50-мм миномета. Ядром группы была 124-я стрелковая бригада численностью 2640 человек. Горохов жаловался на нехватку 120-мм мин и 76-мм снарядов, а также снайперских винтовок. Переправа группы обеспечивалась паромом и шестью бронекатерами Волжской флотилии.

Последние бои в холодных развалинах. Сталинград, осень 1942 г.

По итогам третьего штурма Сталинграда противотанкистов и танкистов 62-й армии нельзя обвинить в том, что они стреляли в «молоко». Число боеготовых танков в 14-й и 24-й танковых дивизиях армии Паулюса медленно, но верно снижалось (см. таблицу).

СОСТОЯНИЕ ТАНКОВОГО ПАРКА 14-й И 24-й ТД НА 19 ОКТЯБРЯ 1942 г.

	Pz.II	Pz.III kurz	Pz.III lang	Pz.IV kurz	Pz.IV lang	Коман- дирские
24-я ТД	6	3	16	1	1	2
14-я ТД	3	1	4	1	2	4

Наступательные возможности соединений армии Паулюса также падали. Ставшая тараном, с помощью которого был срезан выступ у Орловки, 24-я танковая дивизия к 19 октября 1942 г. имела в своем составе 5 батальонов, из них два слабых и три «истощенных». Не в лучшем состоянии находились другие соединения LI корпуса. Так, 71-я пехотная дивизия имела 7 батальонов (2 средней численности, 3 слабых и 2 истощенных), 295-я пехотная дивизия – 7 батальонов (4 слабых и 3 истощенных), 305-я пехотная дивизия – 9 батальонов (все 9 слабых), 389-я пехотная дивизия –

4 батальона (один средней численности, один слабый, 2 истощенных). Четыре батальона в составе 389-й пехотной дивизии вообще были своеобразным рекордом. Таким же рекордом выглядит снижение потенциала 305-й пехотной дивизии с 9 батальонов средней численности перед штурмом до 9 слабых батальонов пять дней спустя. Соединениями с хорошим уровнем боеспособности на тот момент были 14-я танковая дивизия (5 батальонов в хорошем состоянии) и прибывшая с фронта на Дону 79-я пехотная дивизия (6 батальонов в хорошем состоянии).

ЧИСЛЕННОСТЬ СОЕДИНЕНИЙ 6-Й АРМИИ НА ПОДСТУПАХ К СТАЛИНГРАДУ НА 24 ОКТЯБРЯ 1942 г.

	Число «едоков»	Строевой состав	«Хиви»
71 пд	12 277	4723	1764
295 пд	10 865*	2887	2553
305 пд	10 518	3345	1891
389 пд	8604	2736	1176
94 пд	11 438	3473	2640
113 пд	12 458	5169	1897
76 пд	12 125	4809	2776
100 лпд	11 700	5765	1851
3 мд	10 442	4196	1041
60 мд	10 672	4552	873
14 тд	12 070	5462	523
24 тд	11 785	5387	1431
16 тд	13 126	5164	467

* – с учетом маршевого батальона численностью 912 человек, не учтенного в строевом составе

Из этой таблицы достаточно хорошо видна бессмысленность сравнения советских и немецких соединений. Даже сильно потрепанные соединения имели общую численность, превосходящую среднюю численность советских стрелковых дивизий в хорошей форме. Прорвавшись на территорию заводов, немцы далее занялись постепенным захватом городских кварталов. Тактику действий немцев описывает донесение 95-й стрелковой дивизии от 24 октября: «Противник, в течение дня прикрываясь авиацией, почти вплотную подошел к боевым порядкам 161 сп и методически блокировал один дом за другим, где располагались группы бойцов. По словам комбата ст. лейтенанта Селифанова, пехота после разрушения домов танками забрасывала оставшихся защитников шашками с ОВ (после взрыва шашки появляется желтовато-зеленый дым и становится невозможно дышать)» [259]. Также в донесениях упоминалось о неких «тонких стеклянных бутылках, начиненных фосфором», видимо, аналоге советских бутылок КС.

В журнале боевых действий 62-й армии состояние сражающихся в районе заводов соединений 24 октября характеризовалось следующим образом: «В результате исключительно напряженных боев части 138 и 193 сд и остатки 308 сд и 37 гв. сд, понеся большие потери, как дивизии утратили свою боеспособность и лишились материальной части артиллерии, бывшей на правом берегу. Указанные дивизии нуждаются в смене их вполне боеспособными двумя сд» [260].

На следующий день, 25 октября, В.И. Чуйков обращается к командующему фронтом о смене понесших в боях большие потери 308, 193, 138-й и 37-й гвардейской стрелковых дивизий двумя полнокровными дивизиями с противотанковой артиллерией.

Несмотря на начавшуюся подготовку к контрнаступлению, просьбы Чуйкова о новом соединении не остались без ответа. Обидно было бы потерять Сталинград, уже вложив столько сил в его защиту. Днем 29 октября в распоряжение командующего 62-й армией прибывает 45-я стрелковая дивизия (6358 человек на 5.11). Чуйков ставит ей задачу к 4.00 30 октября занять оборону между остатками 308-й и 39-й гвардейской стрелковых дивизий. Дивизионная артиллерия оставалась на левом берегу Волги в готовности поддерживать огнем подразделения на правом берегу реки. Задачей переправившихся частей было не допустить прорыва противника к Волге. Соответственно штабы и

подразделения обеспечения 308-й и 37-й гвардейской стрелковых дивизий «в связи с полной потерей боеспособности» в ночь на 1 ноября выводились на левый берег Волги.

Все время октябрьских боев в Сталинграде Донской фронт пытался пробиться в город с севера. Однако, так же как и сентябрьские наступления Сталинградского фронта, в том числе эпическое сражение 18 сентября 1942 г., удары войск К.К. Рокоссовского успеха не имели. В связи с этим показателен разговор, происходивший между начальником штаба фронта генерал-майором М.С. Малининым, заместителем командующего фронтом генерал-майором Трубниковым 26 октября 1942 г. в присутствии оперработника НКВД. На вопросы сотрудника НКВД, успешно ли проведена артподготовка, как действует наша авиация, подавляет ли она огневые точки противника, Трубников, махнув рукой, ответил: «...Дело здесь не в авиации, дело в том, что пехота у нас ни черта не стоит, пехота не воюет, в этом вся беда...» Малинин, поддерживая Трубникова, заявил: «...Пехота не подымается, артподготовка у нас достаточная, средств артиллерийских у нас столько, что и говорить не приходится, на один километр у нас 74 орудия. Кроме того, на этом участке 12 минометных полков. У немцев здесь ни черта нет, немцы безусловно несут большие потери от нашего минометного огня. На этом участке у нас несомненное большое превосходство во всем и превосходство в авиации. Авиация противника в эти дни нас беспокоит слабо, да и танков у нас неплохо... Пехота у нас никуда не годится... Дать сюда хорошо обученный полк решительных бойцов, этот полк прошагал бы до Сталинграда... Дело не в артиллерии, всех огневых точек не подавишь. Артиллерия свое дело делает, прижимает противника к земле, а вот пехота в это время не подымается и в наступление не идет...» [261]

Командующий фронтом Рокоссовский, под впечатлением того, что причиной неудач являются плохие действия бойцов-пехотинцев, пытался для воздействия на пехоту использовать заградотряды.

Однако, несмотря на все проблемы, Донской фронт осуществлял непрерывный нажим на северный фланг немецких войск, штурмующих Сталинград. Так, на 6 ноября в составе штурмующего город LI армейского корпуса был всего один 245-й батальон штурмовых орудий в составе 2 StuGIII и 1 s.IG. В тот же день в VIII армейском корпусе фронтом на север были развернуты 177-й и 244-й батальоны штурмовых орудий. Первый насчитывал 6 StuGIII (плюс 6 в краткосрочном ремонте), второй – 9 StuGIII, 4 s.IG. «Штурмгешюцы» были эффективным противотанковым средством и были востребованы для отражения поддержанных танками контрнаступлений Донского фронта. Сюда же, в VIII армейский корпус, в ноябре 1942 г. прибыл 521-й батальон истребителей танков в составе двух 128-мм самоходных противотанковых пушек и шести «Мардеров», вооруженных трофейными Ф-22. Под Сталинград попали два из четырех прототипов 128-мм САУ.

Получив в свое распоряжение свежую дивизию, Чуйков решил ее использовать для очистки территории завода «Красный Октябрь». 45-я и 39-я гвардейские стрелковые дивизии перешли в наступление 31 октября, но лишь несколько улучшили свои позиции, овладев рядом цехов «Красного Октября». В последующем дивизии удерживали захваченные позиции.

Эти попытки перехватить инициативу вызвали ответные ходы противника. Дёрр пишет: «10 ноября 51-й армейский корпус предпринял наступление на химический завод “Лазурь” (он получил название «теннисная ракетка» в связи с формой железнодорожной петли, внутри которой он был расположен), восточнее высоты с отметкой 102 (Мамаев курган), которая уже много раз переходила из рук в руки (в этом наступлении участвовало много подразделений инженерных войск), а также на металлургический завод “Красный Октябрь”. Рабочий поселок был взят, войскам удалось также проникнуть в цеха. Однако на этом наступательный порыв на второй день иссяк. Наступление было приостановлено; большая часть завода осталась в руках русских» [262].

Как мы видим, немцы применили испытанный прием переноса направления удара и ударили по заводу «Баррикады». Главный удар в наступлении должна была наносить 305-я пехотная дивизия. Развалины завода, многочисленные стальные детали, заготовки для оружейных стволов, тавровые балки превращали его в местность, непроходимую для танков. Штурмовые орудия вводились лишь эпизодически. Основной ударной силой наступления стали саперные батальоны. Именно они первыми двигались вперед после артиллерийской подготовки. Ослабленные пехотные батальоны 305-й пехотной дивизии как нитка за иголкой шли за саперами, занимая дома и уничтожая последних защитников. Удар пришелся по стыку 95-й стрелковой дивизии Горишного и 138-й стрелковой дивизии Людникова. 241-й полк 95-й дивизии за 11 ноября понес потери до 400 человек убитыми и

ранеными. Однако первая попытка немцев прорваться к Волге была неудачной – группа в 20–25 человек, вышедшая к реке, была окружена и уничтожена.

Командование 62-й армии попыталось удержать позиции рокировкой на участок прорыва противника батальона 92-й стрелковой бригады. 208 человек из состава батальона прибыли к 18.20 12 сентября. 214-й полк к тому моменту насчитывал 40–50 человек, потеряв за два дня боев до 90% своего состава. К 12.15 13 ноября 294-й саперный батальон вышел к Волге в районе так называемых бензобаков (остаткам давно сгоревших емкостей для топлива).

Попытки дивизии Горишного совместно со сводным полком 193-й стрелковой дивизии восстановить здесь положение и сомкнуть фланги с дивизией Людникова успеха не принесли. 138-я стрелковая дивизия на ближайшие сорок дней была изолирована на клочке земли 700 м по фронту и 400 м в глубину. Снабжение «острова» даже по воздуху было очень трудным делом. Людников писал: «Летчики, мастера ночных рейсов на тихоходных По-2, тоже пытались помочь защитникам “Баррикад”. Они сбрасывали над “островом” мешки с патронами, сухарями. Но уж до того была мала наша земля, что мешки падали за линией фронта в распоряжение неприятеля или в Волгу. А из тех мешков, что достались нам, мы извлекли патроны с изъянами: они деформировались при ударе о землю» [263] .

Бронекатер – труженик Волжской военной флотилии. Такие катера были способны снабжать даже самые мелкие плацдармы в Сталинграде

К 20 ноября 1942 г. численность соединений 62-й армии характеризовалась следующими цифрами: 13-я гвардейская стрелковая дивизия – 5201 человек

37-я гвардейская стрелковая дивизия – 2194 человека

39-я гвардейская стрелковая дивизия – 2770 человек

45-я стрелковая дивизия – 4696 человек

95-я стрелковая дивизия – 2078 человек

112-я стрелковая дивизия – 659 человек

138-я стрелковая дивизия – 1673 человека

193-я стрелковая дивизия – 1734 человека

284-я стрелковая дивизия – 4696 человек

308-я стрелковая дивизия – 1727 человек

42-я стрелковая бригада – 294 человека

92-я стрелковая бригада – 3637 человек
115-я стрелковая бригада – 271 человек
124-я стрелковая бригада – 2898 человек
149-я стрелковая бригада – 848 человек

Некоторые соединения из этого списка (37-я гвардейская, 308-я дивизии) были вследствие истощения сил выведены с правого берега Волги. Цифры по этим дивизиям – это большей частью численность подразделений боевого обеспечения, постоянно находившихся на левом берегу Волги. В условиях, когда дивизии и бригады были плотно прижаты к берегу Волги, значительная часть их подразделений была вне Сталинграда. Так, на 18 ноября 1942 г. в 13-й гв. стрелковой дивизии на правом берегу р. Волга, т.е. на позициях в Сталинграде, находились 3118 человек, а на левом берегу Волги – 2071 человек. Соответственно в частях, подчиненных штабу 95-й стрелковой дивизии (161, 241, 90, 685-й сп и 3-й батальон 92-й сбр), к утру 18 ноября на правом берегу Волги находилось всего 705 человек. Общая численность 62-й армии с артиллерийскими, огнеметными частями составляла на 20 ноября 1942 г. 41 199 человек.

Несмотря на то что советские войска после более чем двухмесячных боев продолжали удерживать позиции в Сталинграде, немецкое командование смотрело в будущее с оптимизмом. 17 ноября последовал приказ Гитлера, который Паулюс оттранслировал своим подчиненным до командира полка включительно:

«Трудности сражения под Сталинградом и снижение боевой мощи мне известны. Но сейчас трудности для русских при ледоходе на Волге еще большие. Если мы сейчас используем этот отрезок времени, то мы впоследствии сохраним больше своей крови.

Поэтому я жду, что командование еще раз с присущей ему энергией и войска еще раз с присущей им удалю сделают все, чтобы, по крайней мере, у артиллерийского завода и у металлургического завода прорваться к Волге и захватить эти районы города.

ВВС и артиллерия должны сделать все, что в их силах, чтобы подготовить и поддержать это наступление» [264] .

Действительно, с наступлением холодов и началом ледостава на Волге возможности удержания оставшихся островков сопротивления в городе неумолимо сокращались. В журнале боевых действий Сталинградского фронта 13 ноября 1942 г. появляется тревожная запись: «Войска 62 армии ведут напряженные бои в очень тяжелых условиях управления и общения с левым берегом р. Волга. С появлением “сала” на Волге, снабжение продовольствием, боеприпасами, перевозки пополнения проходят исключительно напряженно, а с учетом воздействия огня противника и его авиации положение с переправами становится близко к катастрофическому. Переправочные средства несут потери до 30–40%, а бронекатера около 60%» [265] . Нет сомнений, что, если бы не началось контрнаступление, у немцев были все шансы ликвидировать остававшиеся в Сталинграде очаги сопротивления до середины декабря 1942 г. Но сделать им это не дали. Уже вовсю шла перегруппировка войск для проведения операции «Уран». До начала советского контрнаступления под Сталинградом оставалось менее недели.

Волжская военная флотилия. Перед тем как приступить к повествованию о советском контрнаступлении, имеет смысл сказать несколько слов о деятельности Волжской военной флотилии. Когда немцы прорвались к Волге 23 августа, была создана так называемая северная группа кораблей флотилии под командованием капитана 3 ранга С.П. Лысенко. В ее состав вошли канонерские лодки «Усыскин» [266] , «Чапаев» и пять бронекатеров. Канонерские лодки вооружались двумя 100-мм и двумя 45-мм орудиями каждая. Канлодка «Усыскин», кроме того, имела бронированную рубку (8-мм броня). Канонерские лодки занимали позиции на реке Ахтубе. Два бронекатера имели на вооружении реактивные минометные установки, что позволяло их использовать как батареи «катюш». Немецкие летчики неоднократно докладывали об уничтожении волжских «мониторов», но они благополучно пережили войну.

В ходе боев за Сталинград были потоплены три бронекатера. БКА № 21 был потоплен артиллерией у острова Голодный 8 октября, БКА № 74 был потоплен артиллерией 30 октября на переправах Сталинграда, наконец, БКА № 25 был потоплен при снятии десанта у Латашанки 3 ноября. Бронекатера вообще были достаточно устойчивы к огню противника. Два указанных выше катера были потоплены при попытке провести частную операцию с высадкой десанта в районе Латашанки, где еще с 23 августа занимала позиции на берегу Волги 16-я танковая дивизия. Ночью

30 октября был высажен и закрепился батальон из состава 300-й стрелковой дивизии. Высадка происходила ночью, и корабли пристали к берегу в разных местах. Это с самого начала затруднило организацию обороны. Попытки усилить высадившийся батальон привели к гибели одного бронекатера и повреждению еще одного. Противник отрезал десант от переправ, подтянул пехоту и танки. Остатки батальона пробились к берегу, но в ночь на 2 ноября катера не смогли подойти к берегу из-за сильного артиллерийского огня. Снятие десанта 3 ноября привело к потере еще одного бронекатера. Таким образом, два из трех потопленных катеров были потеряны в результате совершенно нетипичной для Волжской военной флотилии операции. Более распространенными для речников в тот период были действия по снабжению войск в городе. При этом они могли эффективно поддерживать даже изолированные островки сопротивления, такие, как «остров Людникова». В критической ситуации, сложившейся в ноябре 1942 г., именно бронекатера спасли 138-ю стрелковую дивизию. И.И. Людников пишет: «Наконец 19 ноября на бронекатерах были доставлены боеприпасы и продовольствие, а раненые были эвакуированы». Бронекатера, в силу своих небольших размеров, брали немного людей и, соответственно, быстро разгружались и принимали грузы. Кроме того, они обладали неплохими скоростными характеристиками (18 узлов) и хотя бы минимальной бронезащитой. Это их спасало и делало своеобразной гвардией снабжения войск в Сталинграде. Наибольшие потери корабли несли не на реке, а в процессе разгрузки и погрузки, становясь «сидячей уткой» для артиллерии противника.

Однако немногочисленная Волжская военная флотилия не могла полностью обеспечить потребности в снабжении 62-й армии. Важными средствами сообщения со Сталинградом были мобилизованные гражданские корабли и катера, а также понтонные средства фронта. Именно они понесли наибольшие потери. За два месяца боевых действий – сентябрь и октябрь – на переправах погибло 18 пароходов и 6 пассажирских катеров. Также в районе Сталинграда с 23 августа по 20 октября были потоплены авиацией, артиллерией и минометным огнем 12 катеров-тральщиков и 6 полуглиссеров. С переходом советских войск в контрнаступление речники не остались без работы. Они продолжали работать на переправах до середины декабря.

Выводы по второй части

В течение всего периода с июля по октябрь 1942 г. Юго-Западное направление было страшной, чудовищной головной болью для Ставки ВГК. Оно безостановочно поглощало резервы, причем не на достижение каких-то позитивных целей, а на сохранение ситуации в положении неустойчивого равновесия. За этот период Юго-Западное направление поглотило 72 стрелковых дивизии, или 69% их общего количества, направленного Ставкой на различные участки фронта [267]. Сюда же, под Сталинград и на Кавказ, отправились 63% танковых бригад. Сдерживание удара «Блау» («Брауншвейга») потребовало от Ставки колоссальных усилий за счет с большим трудом накопленных резервов.

Вместе с тем не следует думать, что германское командование не вводило резервы и рассеивало тучи «монголов» исключительно имевшимися к началу операции силами. Паулюс смог постоянно подпитывать сражение за Сталинград свежими силами за счет высвобождения соединений с фронта на Дону. Их можно было высвобождать только за счет их замены на союзников Германии. Соответственно 2-я венгерская армия на 31 июля насчитывала 206 тыс. человек и заняла фронт 190 км, а 8-я итальянская армия насчитывала на 9 сентября 226 тыс. человек (в расчете на число рационов) и заняла фронт шириной 270 км [268]. Все это позволило поддерживать ударные возможности немецких войск в самом Сталинграде и на обороне «наземного моста» между Доном и Волгой. Позднее к венграм и итальянцам присоединилась 3-я румынская армия.

Несмотря на свою замысловатость и резкие повороты событий, сражение за сам Сталинград вполне укладывается в рекурсивную формулу вида: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я». Противники друг друга хорошо узнали более чем за год войны. Каждая из сторон более или менее представляла, что можно ожидать от другой. Поэтому в боях за город противники делали ходы в расчете на определенные действия противника, и эти расчеты в основном оправдывались.

Будучи, несомненно, грамотным штабистом, Паулюс с самого начала сделал правильный прогноз относительно следующих шагов советского командования. Атаки против узкого «наземного

моста» между Волгой и Доном были предсказаны Паулюсом еще до появления в районе Сталинграда очередных советских резервных армий. Более того, вполне определенная расстановка сил была произведена командующим 6-й армией даже до поступления данных разведки о появлении в районе Сталинграда трех новых танковых корпусов. На необходимость защиты северного фланга наступающей на город ударной группировки указывалось еще в приказе штаба 6-й армии от 19 августа 1942 г. Поэтому, в отличие от других сражений за крепость под ударом извне, Паулюс сразу расставил силы пропорционально задачам. Перераспределение сил шло не по количеству соединений, а по их качественному составу – числу и состоянию пехотных или мотопехотных батальонов. Лучшие дивизии встали фронтом на север отражать удары танковых корпусов и стрелковых дивизий резервных армий. Дивизии похуже пошли штурмовать Сталинград. Метаний в пожарном порядке между двумя фронтами у Паулюса не было. Маневрировали только усилиями авиации, переносившимися с улиц Сталинграда на Котлубань и обратно. Может быть, именно поэтому «наземный мост» устоял под шквалом ударов. Но по той же причине штурм Сталинграда не завершился сбросом его защитников в Волгу.

Отступление от сценария могло привести к фатальным последствиям для каждой из сторон. Если бы у советского командования не оказалось под рукой танковых корпусов в августе и резервных армий в начале сентября 1942 г., заслон фронтом на север был бы демонтирован для штурма Сталинграда. Девятибатальонные 76-я и 305-я пехотные дивизии еще в сентябре вошли бы на улицы города и прошагали до Волги. Ответные ходы с вводом соединений в 62-ю армию и переправой через Волгу могли просто запоздать. К тому же пропускная способность волжских переправ лимитировала численность защитников города, которых можно было бы эффективно снабжать. Также сила ударов «северной группировки» Сталинградского фронта должна была гарантированно превышать определенный уровень. Иначе немцы поставили бы фронтом на север дивизии послабее или же сократили число соединений на защите «наземного моста». Соответственно следующим ходом крепкие соединения поставили бы шах и мат 62-й армии в городских кварталах и на территории заводов. Помимо пехоты, «наземный мост» отвлекал штурмовые орудия, использовавшиеся как противотанковые САУ в VIII армейском корпусе. Также «северная группировка» Сталинградского фронта поглощала внимание немецкой авиации.

В свою очередь, защитники Сталинграда своей упорной борьбой на его улицах сначала оттягивали, а затем сделали вовсе бессмысленным «Осеннюю лозу» («среднее решение») – наступательную операцию 6-й армии, которая могла привести к окружению главных сил 1-й гвардейской и 24-й армии и катастрофе, сравнимой с поражением Крымского фронта в мае 1942 г. Условием начала операции было очищение Сталинграда от советских войск.

Следующим этапом борьбы за город на Волге стал постепенный ввод на улицы Сталинграда соединений с периферии сражения. Паулюс снимал дивизии из резерва (14-я танковая дивизия в октябре), из армии Гота (24-я танковая дивизия), с «наземного моста» (305-я пехотная дивизия в октябре), с Донского фронта (100-я егерская дивизия в сентябре, 79-я пехотная дивизия в ноябре). Также требовалось постоянно поддерживать обороноспособность «наземного моста» перед лицом непрекращающихся атак войск К.К. Рокоссовского. В свою очередь, советское командование стаскивало в 62-ю армию соединения из тех же источников – фронта на Дону (37-я и 39-я гвардейские стрелковые дивизии), из числа атакующих «наземный мост» (308-я стрелковая дивизия), из 64-й армии на затихшей линии соприкосновения с войсками Гота (138-я стрелковая дивизия). Симметричные перемещения войск не давали немцам возможности добиться решительного результата в штурме города. Несмотря на то что бои в Сталинграде имели вид (если использовать формулировку приказа Гитлера) «наступательных действий местного характера», они оказывали влияние на общую обстановку за счет поглощения резервов группы армий «Б». В первую очередь это касалось подвижных соединений. В позиционных боях увязли три танковые (14, 16 и 24-я) дивизии, две моторизованные дивизии (3-я и 60-я). Тем самым оборонительные возможности группы армий «Б» были существенно снижены, что заложило фундамент грядущей катастрофы.

Однако позиционное сражение к северу от Сталинграда было, прямо скажем, дорогой платой за удержание города. Нельзя не согласиться с авторами «Сборника материалов по изучению опыта войны», вышедшего весной 1943 г., которые характеризовали результат операций следующим образом: «Этот оперативный, в конечном счете, успех был достигнут ценой большой крови» [269]. События шли по кругу. Танковые корпуса атаковали, пехота залегала и не шла за танками, их

перемалывали в глубине обороны. Последующие атаки пехоты уже без танков приводили к большим потерям и утрате наступательных возможностей армий. Если в 1941 г. иногда еще получалось утюжить оборону немцев силами оторвавшихся от пехоты Т-34 и КВ, то в 1942 г. у противника появились более чем эффективные средства противодействия. В докладе, написанном по итогам сентябрьских боев под Сталинградом, командир 7-го танкового корпуса указывал: «Положение на поле боя изменилось». В качестве причины изменения ситуации на поле боя Ротмистров указывал появление у немцев «нового противотанкового орудия, производимого заводом Reinmetale». Что это за орудие, понятно: 75-мм ПАК-40.

Еще одной причиной неудач советских контрнаступлений было серьезное отставание Красной армии от вермахта в использовании тяжелой артиллерии. Так, за сентябрь 1942 г. 6-я армия Ф. Паулюса израсходовала: 3137 выстрелов к 155-мм трофейной французской гаубице 414 (f), 1032 выстрела к 150-мм пушке К-39, 83 459 выстрелов к 150-мм полевой гаубице s.FH-18 и 10 131 выстрел к 210-мм гаубице Moerser 18 [270]. Соответственно 4-я танковая, 1-я гвардейская, 21, 24 и 66-я армии Сталинградского фронта ответили на этот шквал огня 21 372 выстрелами к 152-мм пушке-гаубице. Снаряды большего калибра Сталинградский фронт в этот период не расходовал вовсе. Даже с учетом значительного расхода боеприпасов немцами на штурм собственно Сталинграда картина, мягко говоря, удручающая. На один выстрел советских тяжелых орудий немцы отвечали двумя-тремя.

Средством уничтожения противотанковых средств противника мог стать удар пехоты, но с пехотной тактикой в Красной армии в 1942 г. были большие проблемы. Отсутствовала практика наступления штурмовыми группами. В качестве причин неудач сентябрьского наступления 1-й гв. армии офицерами ГШ КА в войсках указывалось: «Пехота огня из личного оружия не ведет» [271]. Соответственно не подавленные артиллерией и танками пулеметы противника сдерживали наступление пехоты, прижимали ее к земле и делали легкой жертвой для Люфтваффе. Несоблюдение элементарных правил поведения на поле боя приводило к быстрой потере боеспособности соединений вследствие потерь: «Наступление ведется скученно, перебежки и переползания не применяются, отчего пехота и несет большие потери».

С теми же проблемами столкнулся в самом Сталинграде В.И. Чуйков, когда попытался вводом в бой 13-й гвардейской, 95-й и 284-й стрелковых дивизий переломить ситуацию в Сталинграде в свою пользу. Позднее Чуйков указывал в своих приказах приемы штурмовых действий. Так, в приказе на наступление 27 сентября он писал: «Наступление организовать преимущественно мелкими группами с ручными пулеметами, ручными гранатами, бутылками “КС” и ПТР. Полковую и батальонную артиллерию использовать поорудийно для поддержки блокирующих групп, ведя огонь прямой наводкой в окна, амбразуры и чердаки строений» [272]. Перед нами вполне очевидный акцент на оружие пехоты, а также на полковую и батальонную артиллерию 45-мм и 76-мм калибра. Точно так же Чуйков пришел к идее отрядов закрепления. В приказе на контрудар 2 октября командующий 62-й армией писал: «Наступление пехоты организовать отборными группами и отрядами, вооружив их автоматами, ручными гранатами, бутылками КС и ружьями ПТР. Позади этих групп и отрядов иметь закрепляющие эшелоны с задачей прочного закрепления захваченных районов, приведение захваченных зданий в оборонительное состояние, не допуская отхода наших назад» [273]. Одним словом, Чуйков дает рекомендации, во многом перекликающиеся с указаниями Г.К. Жукова, выработанными по опыту позиционных боев на Западном фронте.

Лето и осень 1942 г. стали временем постепенного формирования новой тактики пехоты Красной армии, все в большей степени включавшей в себя элементы штурмовых действий. Повсеместное внедрение тактики штурмовых групп в сочетании с совершенствованием тактики танковых войск позволило решать задачи, которые были просто не по силам дивизиям образца 1942 г. При этом в 1944–1945 гг. сложные задачи по взлому обороны противника решали дивизии в сильном некомплекте, значительно отстававшие от дивизий резервных армий по численности личного состава.

Часть третья Горячий снег

Обогащение «Урана»

«Иное решение». Разговор в Кремле о ситуации под Сталинградом, который Жуков в своих мемуарах датирует 12 сентября, на самом деле происходил, скорее всего, в период с 27 по 29 сентября 1942 г. Согласно журналу посещений Сталина, в эти дни Георгий Константинович бывал в Кремле каждый день по нескольку часов. Действительно, после неудачи с наступлением Сталинградского фронта 18 сентября и попыток его возобновить в двадцатых числах сентября были очевидные причины искать альтернативные решения. До этого более логичным представляется вариант «прорвемся к Сталинграду, если хорошо подготовимся». Как мы знаем, несмотря на то что наступление 18 сентября было подготовлено намного лучше предшествующих контрударов, оно успеха не принесло. Попробуем восстановить последовательность событий. Жуков пишет:

«Верховный достал свою карту с расположением резервов Ставки, долго и пристально ее рассматривал. Мы с Александром Михайловичем отошли подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

– А какое “иное” решение? – вдруг, подняв голову, спросил И.В. Сталин.

Я никогда не думал, что у И.В. Сталина такой острый слух. Мы подошли к столу.

– Вот что, – продолжал он, – поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления Сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера снова соберемся здесь» [274] .

Судя по всему, обстановка под Сталинградом обсуждалась 28 сентября 1942 г., когда в Кремле были Рокоссовский и Малинин. Как мы знаем, в этот момент произошло создание Донского фронта. После ухода Рокоссовского и Малинина Жуков и Василевский пробыли у Сталина еще около часа. Что они могли обсуждать? Фраза про Кавказский фронт звучит не очень убедительно, тем более что в дальнейшем тема этого фронта на страницах «Воспоминаний и размышлений» развития не получила. Учитывая дальнейшее развитие событий, более правдоподобно выглядит вариант «а заодно подумайте и о Западном фронте». Опять же, до Рокоссовского и Малинина в Кремле присутствовали командующие с Западного и Калининского фронтов (Конев, Пуркаев, Соколовский). Они тоже не могли похвастаться громкими успехами под Ржевом. Точно так же как наступления Сталинградского фронта, сражение за Ржев приняло характер позиционной «мясорубки». На следующий день поздно ночью (0.25 – 2.10) Жуков присутствует в Кремле вместе с Василевским, Пуркаевым и Коневым. Скорее всего, наброски будущего плана осенне-зимней кампании появились именно в эти дни. Были вчерне определены контуры будущих «Марса» и «Урана» – двух планов, предусматривающих окружение крупных сил противника фланговыми ударами.

О каком же «ином решении» могла идти речь? Сам по себе разгром наступающей группировки противника фланговыми ударами является классикой ведения оборонительного сражения. Можно даже привести в качестве примера разгром Деникина в 1919 г., к подготовке которого имел прямое отношение сам И.В. Сталин. Наступление на большую глубину в той или иной мере всегда приводило к поглощению сил наступающего пространством и растягиванию флангов. Обычно обстановка становилась благоприятной для перехода в контрнаступление с замедлением продвижения противника вперед. Наступающий паровой каток переставал поглощать резервы, и они могли концентрироваться в удобных для контрудара районах без оглядки на сиюминутные потребности обороны.

Особую пикантность ситуации под Сталинградом придавал разрыв между войсками групп армий «А» и «Б» в Сальских степях. Когда немецкая 4-я танковая армия в августе 1942 г. наступала на Сталинград, Г. Гот оставил на фланге остатки 51-й армии. Уничтожить их не было ни сил, ни времени. Здесь же собирала под свое крыло остатки разбитых соединений и часть поступающих извне резервов 57-я армия. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы задуматься о нанесении контрудара с позиций, занимаемых 51-й и 57-й армиями.

Сама по себе идея удара Сталинградским и Донским фронтами витала в воздухе. Вопрос был в направлениях ударов и наряде сил для их нанесения. От места и времени, где наносились фланговые удары, в конечном итоге зависел успех наступления. В советской мемуаристике практически

игнорируется период формирования плана ноябрьского контрнаступления. Может создаться впечатление, что уже в сентябре 1942 г. был готов план, впоследствии получивший кодовое наименование «Уран». Сразу же возникает вопрос: «А почему тогда ждали до ноября?» В действительности план советского контрнаступления сложился далеко не сразу. Даже если сместить разговор о «другом решении» с 12 на 27–28 сентября, остается еще почти два месяца до начала контрнаступления.

Неочевидные на первый взгляд трудности были как с северной, так и с южной ударной группировкой для «канн» – классической операции на окружение наступлением на фланги противника. Основной проблемой, с которой сталкивалось планирование операций на левом крыле Сталинградского фронта (т.е. к югу от города), была слабость дорожной сети. Железные дороги, подходившие по заволжским степям к Сталинграду с востока, с трудом справлялись со снабжением обороняющей город 62-й армии. Попытки сажать на эти же транспортные капилляры крупную ударную группировку были бы чистым авантюризмом. 51-я и 57-я армии могли быть лишь незначительно усилены и решать вспомогательную задачу. Главная ударная группировка советского контрнаступления могла опираться только на развитую дорожную сеть к северу и северо-западу от Сталинграда. То есть там, где был, очевидно, слабый фланг противника, нельзя было создать группировку для сокрушительного удара на большую глубину – ее нельзя было бы нормально снабжать.

«Иные решения» снизу. Следующим этапом в планировании контрнаступления стал обмен проектами с командующими фронтами. 6 октября командование Сталинградского фронта направило в Ставку документ, излагающий основную идею контрнаступления. В нем, в частности, говорилось: «Решение задачи по уничтожению противника в районе Сталинграда нужно искать в ударе сильными группами с севера в направлении Калач и в ударе с юга, с фронта 57-й и 51-й армий, в направлении Абганерово и далее на северо-запад, т.е. тоже на Калач» [275]. Если кандидат на проведение контрнаступления с юга был известен, то как и какими силами действовать с севера, нужно было еще решить. С севера контрудар мог быть нанесен силами Донского фронта. Войска фронта занимали нависающее положение над тылами 6-й армии в Сталинграде. Коммуникации, подходившие к тылам Донского фронта с севера, обладали достаточной пропускной способностью для снабжения крупной ударной группировки. Но защита флангов противника здесь была намного прочнее. Однако основные усилия Донского фронта в сентябре 1942 г. сосредотачивались на левом фланге, где не прекращались попытки пробиться на соединение с 62-й армией.

Ставкой были запрошены соображения относительно возможностей нанесения контрудара у К.К. Рокоссовского. Вечером 7 октября 1942 г. в адрес командования Донского фронта с копией командующему Сталинградским фронтом направляется Директива Ставки ВГК № 170644:

«В целях разгрома войск противника под Сталинградом по указанию Ставки Верховного Главнокомандования командующим Сталинградским фронтом разрабатывается план удара его усиленных левофланговых 57 и 51 армий в общем направлении оз. Цаца – Тундутово.

Срок примерно 20 октября.

Одновременно с этой операцией должен быть нанесен встречный удар центром Донского фронта в общем направлении Котлубань – Алексеевка, для чего разрешается использовать сверх войск, находящихся на фронте, семь подходящих дивизий.

Намеченную Вами на ближайшие дни операцию с коротким ударом на Сталинград проводить независимо от данных указаний.

Ваше решение и наметку плана операции прошу представить на утверждение Ставки к 10 октября» [276].

Этот документ интересен как самый ранний вариант плана контрнаступления под Сталинградом. Пока усилия фронтов сосредотачиваются только на восточном берегу Дона. Планируется отсечь и окружить часть сил 6-й армии, находящуюся непосредственно под Сталинградом. Но размах предложенного контрнаступления существенно меньше, чем реально осуществленный в ноябре план.

Ни малейшего энтузиазма у командования Донского фронта предложение Ставки не вызвало. Ответ К.К. Рокоссовского Ставке был пространным, но вполне определенно отрицательным. Обрисовав положение войск противника, он дал расчет сил на проведение операции и сравнил их с возможностями фронта:

«а) Стрелковые дивизии 1 гв. А, 24 и 66 А в результате месячных боев сильно ослаблены и имеют в своем составе не более батальона штыков в каждой дивизии.

Для восстановления их утраченной боеспособности фронт пополнения не имеет, центром оно также не запланировано.

б) Основной силой для прорыва и его развития являются семь стрелковых дивизий, прибывающих в состав фронта.

в) Этих сил совершенно недостаточно для прорыва и развития удара в рекомендованном Вами направлении – Котлубань, Алексеевка. В этом случае для прорыва фронта требуется минимум четыре стрелковых дивизии, для развития прорыва три стрелковых дивизии и для обеспечения ударной группы от контрударов противника с запада и юго-запада потребуется минимум три полнокровных стрелковых дивизии.

Ввиду недостаточного количества стрелковых дивизий организовать операцию с нанесением главного удара на Котлубань, Алексеевка не представляется возможным» [277] .

Семь дивизий, о которых говорит К.К. Рокоссовский, – это 226, 219, 252, 62, 277, 293 и 333-я стрелковые дивизии. Они были выведены на переформирование после боев весны и первой половины лета 1942 г. и теперь возвращались на фронт в качестве полноценных боевых единиц. Так, 293-я стрелковая дивизия 15 июля 1942 г. насчитывала всего 1374 человека с 6 орудиями и 3 противотанковыми пушками. 24 октября 1942 г., к моменту завершения переформирования 293-й стрелковой дивизии в Бузулуке, она насчитывала 10 420 бойцов и командиров при штатной численности 10 868 человек.

Покончив с нежным ростком будущей операции «Уран» словами «не представляется возможным», далее К.К. Рокоссовский излагал свои соображения относительно нового наступления с целью соединиться с 62-й армией в Сталинграде. Командующего Донским фронтом можно было понять. До этого удары в районе Котлубани разбивались о стену обороны VIII армейского и XIV танкового корпусов немцев. Трудно было надеяться на то, что вводом еще семи дивизий можно будет добиться воплощения в жизнь куда более амбициозных планов, чем просто прорыв на соединение с защитниками Сталинграда. В случае, если бы «Уран» проводился по этому плану, с ударом из района Котлубани, он бы закончился ничем. Свежие стрелковые дивизии были бы без видимого результата размотаны в позиционных боях.

Предложенный Рокоссовским план удара на соединение с 62-й армией был явно не тем, что ожидалось Ставкой. 11 октября Василевский тактично отвечает Рокоссовскому: «Представленный Вами план операции Ставкой утвержден быть не может. Удар с севера необходимо сочетать по направлению с ударом Сталинградского фронта с юга, о чем указания будут даны дополнительно». Прибывающие семь новых стрелковых дивизий до решения их судьбы было решено оставить в резерве Донского фронта.

В поисках «иного решения». Г.К. Жуков под Сталинградом. Сентябрь 1942 г.

Не встретив понимания у К.К. Рокоссовского, А.И. Еременко 9 октября опять обращается к Сталину с новым вариантом плана контрнаступления. Полный текст документа см. в приложении. Суть предложенного Еременко плана состояла в следующем: «Я уже в течение месяца обдумывал этот вопрос и рассчитывал, что наилучшим направлением удара с Донского фронта является направление с фронта Клетская – Сиротинская на Калач.

Это основной удар.

Выгоды этого направления:

- 1) Мы уничтожаем более легко слабые части противника, что имеет большое моральное значение для наших войск – окрыляет их.
- 2) Влияем этим на быстроту продвижения 21-й армии, которая в данное время имеет успех.
- 3) Выход на главные коммуникации противника в районе Калача и на переправы через р. Дон на участке Калач – Вертячий.

С выходом в этот район мы лишаем противника самого главного – маневра его подвижных танковых и моторизованных сил, действующих в районе г. Сталинград; изолируем от главного удара, а значит, и уничтожаем противника на западном и южном берегах р. Дон по частям.

Нанесение же удара восточнее р. Дон из района Котлубань ни к какому успеху не приведет, так как противник имеет возможность все туда бросить из района г. Сталинград и операция захлебнется, в чем мы уже имеем неоднократный опыт.

Как мыслится сам план проведения операции?

В этой операции должны сыграть решающую роль 3 гв.кк и две-три мех. бригады, которые должны, невзирая ни на какие трудности марша, за сутки выйти в район Калач, где взорвать все переправы от нп Вертячий до нп Калач и занять оборону фронтом на восток. Этим закупорить противника на восточном берегу Дона одной кав. дивизией, а мех. бригадой прикрыться на реке Лисичка фронтом на запад, взорвать все переправы на этой реке и важные направления на отдельных участках заминировать» [278] .

Целью наступления также должна была стать ненавистная авиация противника. Командующий Сталинградским фронтом предлагал «выделить специальные группы конницы для проникновения на аэродромы и для уничтожения самолетов и баз». Этот удар, скорее всего, пришелся бы в пустоту: ключевыми авиабазами немцев были Тацинская и Морозовская, до которых удалось добраться только в ходе операции «Малый Сатурн» в конце декабря 1942 г. Вообще в плане Еременко много было решений рейдово-диверсионного характера: «В каждый эскадрон должны быть широко приданы саперы и подрывные средства» и т.п. Он также предлагал «отдельный сильный отряд с саперами-подрывниками выбросить на ст. Котельниково с целью разрушения узла и складов». Такие акции могли осложнить немцам жизнь максимум на несколько часов.

Нельзя не признать А.И. Еременко одним из двигателей планирования контрнаступления под Сталинградом. Но в целом его предложение проводить операцию кавалерией представляется совершенно беспомощным. В таком варианте это не столько контрудар, сколько рейд с целью уничтожения коммуникаций противника. Успех его представляется более чем сомнительным. У немцев было достаточно сил на правом берегу Дона, чтобы развеять кавалерию по ветру даже в случае успеха с прорывом к переправам у Калача и Вертячего. В тылу XVII армейского корпуса еще в августе была оставлена 22-я танковая дивизия. Она была не в лучшем состоянии, но достаточно сильна для того, чтобы противостоять советскому кавалерийскому корпусу. Более того, успешно противостоять кавалерии смогла бы даже румынская танковая дивизия с танками R-2. Даже в случае выполнения плана прорыва к Калачу прогноз развития событий был неблагоприятным. Удержать внутренний фронт окружения и выдержать деблокирующий удар с запада только силами кавалерии и мехбригад на широком фронте также было нереально. Еще менее реалистичным план делал расчет времени на бросок на Калач – всего одни сутки. Даже мехчастями такой молниеносный «удар кобры» представлялся сомнительным, а уж силами кавалерии – однозначно нереальным.

Одним словом, в паре с кавалерийским рейдом наиболее толковая часть плана А.И. Еременко, удар с фронта 51-й и 57-й армий на Тингута, теряла свой смысл. Образования прочного «котла» план командующего Сталинградским фронтом не обеспечивал. В распоряжении противника оставалась железная дорога, идущая из Сталинграда на запад через Суровкино и Обливскую.

Пожалуй, главным шагом вперед в предложенном А.И. Еременко плане было преодоление психологического барьера с разнесением ударных группировок контрнаступления по разным

берегам Дона. Но ни предложение А.И. Еременко о рейде кавалерии от Клетской и Сиротинской, ни предложения К.К. Рокоссовского пробиваться к 62-й армии поддержки в конечном итоге не получили. Был подготовлен новый план, по своему размаху куда более дерзкий, чем все предыдущие. В качестве исходных позиций для контрудара во фланг и тыл 6-й немецкой армии был выбран плацдарм у Серафимовича.

«Уран» получает путевку в жизнь. Для решения новой задачи Верховное командование создало еще одно объединение, которому и предстояло сыграть ключевую роль в контрнаступлении под Сталинградом, – Юго-Западный фронт. В свете вышесказанного крайне неубедительно выглядит версия об отнесении формирования Юго-Западного фронта на конец октября для введения противника в заблуждение относительно своих ближайших планов. Так, А.М. Василевский пишет: «В целях сохранения тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Юго-Западному фронту предусматривалось передать из Донского фронта 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию» [279]. Действительно, если план сложился уже в сентябре 1942 г., то почему новый фронт для нанесения главного удара был сформирован только в конце октября?

В июле 1942 г. все пространство от большой излучины Дона до Цимлянкой было доверено одному фронту. Правда, возглавлял этот фронт такой зубр, как С.К. Тимошенко. В августе фронт был разделен надвое, хотя вскоре управление обоими фронтами было доверено одному человеку – А.И. Еременко. Только в сентябре, с появлением такой фигуры, как К.К. Рокоссовский, разделение фронтов получило свое реальное воплощение. Перед контрнаступлением дробление было продолжено: 22 октября 1942 г. по приказу Ставки ВГК был возрожден Юго-Западный фронт. Новый фронт получил две старые и одну новую армии и достаточно весомую фигуру в качестве командующего:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 31 октября 1942 г. сформировать Юго-Западный фронт.
2. В состав Юго-Западного фронта включить: 63 армию, 21 армию, 5 танковую армию. [...]
3. Управление Юго-Западного фронта развернуть на базе управления 1-й гвардейской армии и дислоцировать в районе Ново-Анненский.
4. Назначить командующим Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта т. Ватутина, освободив его от должности командующего Воронежским фронтом. Начальником штаба Юго-Западного фронта назначить г.-м. Стельмаха.

Командующим Воронежским фронтом назначить генерал-лейтенанта тов. Голикова» [280].

Пожалуй, именно дата появления Юго-Западного фронта является признаком формирования плана операции «Уран» в том виде, в котором он был впоследствии осуществлен.

В решении кадрового вопроса нового фронта повторилась история с К.К. Рокоссовским месячной давности. Активные действия на Брянском фронте были прекращены, и командовавший фронтом Рокоссовский был направлен под Сталинград. Наступления Воронежского фронта были запрещены Директивой Ставки ВГК № 170627 от 28 сентября 1942 г. Предписывалось лишь закреплять занимаемые рубежи, в резерв выводились 17-й и 24-й танковые корпуса. Соответственно командовавший Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин был направлен под Сталинград. Назначенный начальником штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Г.Д. Стельмах ранее был начальником штаба Волховского фронта под Ленинградом.

Через несколько дней, 25 октября 1942 г., последовали уточнения относительно распределения сил между Юго-Западным и Донским фронтами. Из числа семи стрелковых дивизий, первоначально обещанных Рокоссовскому, четыре соединения (226, 293, 333 и 277-я стрелковые дивизии) передавались вновь созданному фронту. Также Юго-Западный фронт получал из состава Донского фронта 4-й танковый корпус, 3-й гвардейский кавалерийский корпус (который предлагал сделать главной ударной силой контрудара А.И. Еременко) и ряд артиллерийских частей. Это уточнение также не очень хорошо вяжется с версией заранее запланированного создания Юго-Западного фронта. Если бы оно действительно было запланировано заранее, то весь комплекс мероприятий, оказавшийся разбросанным по двум документам, уложился бы в одну директиву Ставки.

Для сохранения тайны были предприняты вполне определенные и действенные меры, описанные во второй директиве по формированию Юго-Западного фронта:

«в) для обмана противника дивизионные радиостанции до конца сосредоточения дивизий в

новых районах оставить в занимаемых ныне местах и продолжать их работу; после выхода дивизий в новые районы радиостанции самостоятельно направить на присоединение к своим дивизиям. Связь во время маршей и в новых районах по радио не держать. В местах теперешнего расположения дивизий, после ухода, создать впечатление пребывания их на месте;

г) через органы НКВД принять меры к очищению от всех подозрительных людей районов расположения дивизий и путей их движения».

Таким образом, представляется более убедительной версия о постепенной эволюции планов советского командования. Предлагавшиеся в начале октября варианты ударов на восточном берегу Дона были отброшены. Предложенный Еременко кавалерийский рейд по западному берегу Дона с плацдарма у Клетской также был отброшен как нежизнеспособный. Главная ударная группировка была смещена вверх по Дону, выше Клетской. Только вместо кавалерийского корпуса, на который уповал Еременко, главной ударной силой контрнаступления теперь стала танковая армия.

Нельзя не согласиться с Жуковым, который прямо указывает на ключевую роль Ставки ВГК в подготовке операции: «Основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления под Сталинградом неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу». Планы наступательных операций, рождавшиеся в штабах фронтов, имели весьма ограниченную ценность. Действительно, взвешенный и работоспособный план был подготовлен советским Верховным командованием. Когда Хрущев пишет: «К нам приехал Жуков. Он рассказал, что в Ставке имеется замысел, аналогичный тому, который мы с Еременко изложили в своей докладной», он чересчур широко трактует термин «аналогичный». План диверсионного рейда циклопических масштабов, предложенный А.И. Еременко и Н.С. Хрущевым, имеет весьма отдаленное отношение к плану операции «Уран». Все претензии Еременко и Хрущева на авторство «Урана» в лучшем случае смешны. В отношении действий северной группировки их план был просто чудовищен.

В связи с тем что авторство плана операции «Уран» может быть однозначно закреплено за Ставкой ВГК и Генштабом Красной армии, имеет смысл посмотреть на него в общем контексте борьбы на советско-германском фронте. Распределение сил на фронте в конце осени 1942 г. по-прежнему отвечало идее советского Верховного командования по поиску решения стратегических задач на центральном участке фронта. На участке от Холма до Болхова протяженностью 1050 км (московское направление) было собрано 30,2% стрелковых и кавалерийских соединений Красной армии и 30% танковых и механизированных корпусов. От Болхова до Новой Калитвы на участке протяженностью 550 км было собрано еще 9,6% стрелковых и кавалерийских соединений и 10% танковых и механизированных корпусов. На участке от Новой Калитвы до района западнее Астрахани протяженностью 850 км находилось всего 18,6% стрелковых и кавалерийских соединений и 60% танковых и механизированных корпусов. На 1 мая 1942 г. на участке от Холма до Орла протяженностью 1550 км (примерно соответствующему московскому и воронежскому направлениям) было собрано 35,9% стрелковых и кавалерийских соединений и 36% танковых бригад. Изменением по сравнению с весной и началом лета 1942 г. была концентрация на южном секторе фронта, в районе Сталинграда, большей части самостоятельных механизированных соединений. Это в целом отвечало идее ведения на сталинградском направлении войны маневренного характера. В целом можно сделать вывод, что усилия Красной армии концентрировались на двух основных направлениях: московском и сталинградском. На остальных участках (Волховский, Брянский, Воронежский фронты) до поры до времени наступало затишье. Судьба зимней кампании 1942/43 г. должна была решиться под Ржевом и Сталинградом. Лучшие люди и силы концентрировались на этих направлениях.

Операция «Уран» преследовала весьма амбициозные цели. Позднее на совещании в штабе 5-й танковой армии 3 ноября 1942 г. Г. К. Жуков сформулировал для командующих общие задачи операции:

- а) заставить румын выйти из состояния войны путем полного разгрома румынской армии;
- б) добиться решающего перелома для нас в ходе войны;
- в) окружение и разгром сталинградской группировки.

Позднее при описании Сталинградской битвы задачу выбивания Румынии из войны стали опускать. Однако перед началом сражения она все же ставилась.

География «Урана». Главную роль в «Уране» должны были сыграть Юго-Западный и

Сталинградский фронты, занимавшие позиции против флагов сталинградской группировки немцев. Донской фронт выполнял задачу сковывания окружаемого противника и наступал своим правым крылом с ограниченными целями.

Ударная группировка Юго-Западного фронта в составе 5-й танковой армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко и 21-й армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова развернулась на плацдармах на левом берегу Дона у Серафимовича и в районе Клетской. Она должна была прорвать оборону 3-й румынской армии и развивать подвижными войсками наступление на юго-восток с целью выхода на Дон на участке Нижне-Чирская, Большенабатовский. Общая глубина наступления войск фронта планировалась на 120 км с темпом наступления 40 км в сутки. При общей протяженности фронта в 245 км ударная группировка была развернута на левом крыле фронта на участке протяжением в 87 км. К началу контрнаступления Юго-Западный фронт насчитывал в своем составе двадцать три стрелковые дивизии, три танковых, один механизированный и два кавалерийских корпуса, три танковых полка, одну мотострелковую, одну танковую бригады, а также тридцать девять артиллерийских полков, семь минометных полков и семь полков реактивной артиллерии РГК. Вспомогательный удар с целью обеспечения 5-й танковой армии с запада наносили три стрелковые дивизии 63-й армии (вскоре ставшей 1-й гвардейской армией). Численность армий Юго-Западного фронта см. в таблице.

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ АРМИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА НА 20 НОЯБРЯ 1942 г.

	1 гв. А	21 А	5 ТА	Фронт	Итого
Боевые войска	142 869 чел.	92 056 чел.	90 600 чел.	6423 чел.	331 948 чел.
Орудий полевых	973	803	929	—	2705
Минометов	2293	1554	1456	279	5582
БМ РА	14	40	—	164	218
Танков	163	199	359	—	721
С тылами	155 096	103 270	104 196	27 340	389 902

До ноября 1942 г. опыт использования танковых армий был если не однозначно отрицательным, то никак не положительным. Первое использование объединения с наименованием «танковая армия» под Воронежем (5-я танковая армия А.И. Лизюкова) было провальным. Действия 1-й и 4-й танковых армий под Сталинградом и 3-й танковой армии под Козельском также проходили без громких успехов. Однако разочарования советского командования в механизированном объединении как таковом не произошло. 5-я танковая армия, переставшая существовать после неудачных контрударов под Воронежем, фактически возрождалась заново. Командующим армией стал П.Л. Романенко, в 1941 г. командовавший 1-м механизированным корпусом, а в августе – сентябре возглавлявший 3-ю танковую армию.

5-я танковая армия, точнее, ее танковое и пехотное ядро, по приказу НКО перевозилась в район Сталинграда по железной дороге с Брянского фронта (из района Плавска). Для бойцов и младших командиров все началось как обычный выезд на учения 20 октября 1942 г. Но вместо учений с наступлением сумерек началась погрузка частей в эшелоны. Все происходило в условиях строгой секретности. Даже командиры соединений знали только время и станции погрузки. К 6 ноября после 120-км марша со станции разгрузки части армии сосредоточились на северном берегу Дона.

По прибытии 5-я танковая армия получила часть полосы 21-й армии вместе с занимавшими ее соединениями: 124-й [281], 203-й и 14-й гвардейской стрелковыми дивизиями. Вскоре 203-я дивизия перешла соседней 63-й армии (позднее – 1-й гвардейской). В итоге к началу операции «Уран» пехотное ядро армии Романенко составляли шесть соединений: 14, 47 и 50-я гвардейские, 119, 159 и 346-я стрелковые дивизии. Они были разделены на два эшелона, во второй были выделены 346-я (без одного полка) и 159-я стрелковые дивизии, остальные получили полосы разной ширины в первом. При фронте армии 32 км дивизии на направлении главного удара (47-я, 50-я гв. сд, 119-я сд) получили полосы 4–6 км, а на сковывающем направлении 8 км (14-я гв. сд) и полк 346-й стрелковой дивизии – 7 км. Укомплектованность стрелковых соединений 5-й танковой армии сильно

различалась от соединения к соединению (см. таблицу).

**ЧИСЛЕННОСТЬ СТРЕЛКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ 5-й ТАНКОВОЙ АРМИИ
ПЕРЕД НАЧАЛОМ ОПЕРАЦИИ «УРАН» [282]**

Соединение	14 гв. сд	47 гв. сд	119 сд	124 сд	159 сд	346 сд
Численность	7779	7540	9574	5173	3494	8234

Как мы видим, соединения высокой комплектности были как среди «аборигенов», так и среди «варягов», прибывших с управлением 5-й танковой армии. 159-я стрелковая дивизия была переброшена под Сталинград с Воронежского фронта. К концу 1942 г. в Красной армии уже практически сложилась система, в которой стрелковые соединения получали танки для непосредственной поддержки пехоты. В 5-й танковой армии силы НПП включали 8-ю гвардейскую танковую бригаду (18 КВ, 4 Т-34, 1 Т-70 и 27 Т-60), 510-й (10 КВ-8 и 11 ТО-34) и 511-й (8 КВ-8 и 10 ТО-34) батальоны огнеметных танков. Также имелось 10 Т-34 с трапами для разминирования.

Поскольку 5-я танковая армия объединяла соединения разной подвижности, она логически разделялась на две неравные части. В первую входили стрелковые соединения, а вторая получила наименование «подвижная группа ЭРУ» (эшелон развития успеха). В данном случае я использую тот термин, который был употреблен в отчете штаба 5-й танковой армии, написанном по итогам боев. В подвижную группу ЭРУ входили 1-й и 26-й танковые корпуса, 8-й мотоциклетный полк и 8-й кавалерийский корпус.

Собственно, наступление 5-й танковой армии по плану разделялось на три этапа:

- прорыв фронта и ввод подвижной группы ЭРУ;
- развитие успеха, уничтожение 9, 14, 5-й пд румын, уничтожение оперативных резервов совместно с частями 21-й армии и выход главными силами на р. Чир и р. Дон;
- окружение совместно с частями Сталинградского фронта сталинградской группировки противника и прочное закрепление на р. Чир.

Глубина этих задач составляла 150 км. По плану все эти три этапа должны были уложиться в достаточно короткий срок, всего трое суток. Причем к переправам через Дон танковые корпуса должны были прорваться уже на второй день наступления. Соответственно 26-й танковый корпус должен был захватить переправу у Калача, а 1-й танковый корпус – в районе Нижне-Чирской. На третий день наступления уже предполагалось «войти в связь с частями Сталинградского фронта, завершить окружение группировки противника и быть готовым к ее уничтожению».

В планировании наступления 5-й танковой армии принимал непосредственное участие Г.К. Жуков. В своих неизданных мемуарах командир 1-го танкового корпуса В.В. Бутков описал следующий эпизод. На совещании в штабе 5-й танковой армии 3 ноября 1942 г. Жуков, обратившись лично к нему, сказал:

«Смотрите, товарищ Бутков, ваш корпус наступает на заходящем фланге армии, и вы строго охраняйте его, следите, чтобы враг не прорвался через ваш корпус и не задержал наступление 26-го танкового корпуса. В районе Нижне-Чирской стоит танковый корпус немцев – резерв Гитлера. Если пропустите противника на 26-й танковый корпус Родина – пеняйте на себя» [283] .

Этот эпизод (если он правильно изложен Бутковым) показывает, что переправы у Нижне-Чирской были не единственной задачей 1-го танкового корпуса. Своим стремительным наступлением он должен был атаковать немецкий резерв, сосредоточенный в этом районе. В действительности 22-я танковая дивизия находилась в районе Петровки, а 1-я румынская танковая дивизия – Перелазовского. Оба населенных пункта расположены намного ближе к советскому плацдарму, чем Нижне-Чирская. Впрочем, о качестве работы разведки сторон будет сказано ниже.

1-й танковый корпус к 19 ноября насчитывал боеготовыми 8 КВ, 57 Т-34 и 65 Т-70. 26-й танковый корпус по состоянию на 14.30 18 ноября насчитывал 24 КВ, 67 Т-34, 68 Т-70. Интересно отметить, что все танки КВ в обоих корпусах были сгруппированы в одной из танковых бригад. В корпусе Буткова это была 89-я танковая бригада, насчитывавшая боеготовыми 8 КВ, 10 Т-34 и 27 Т-70. В корпусе Родина «тяжелой» была 216-я бригада. Она была заметно посильнее, в ней к началу «Урана» было 24 КВ, 4 Т-34 и 26 Т-70 (плюс один в ремонте). Такое решение по КВ было достаточно разумным с учетом того, что их выдерживали далеко не все мосты. Соответственно «тяжелую» бригаду можно было, во-первых, использовать в наступлении как таран, а во-вторых,

направлять по своему маршруту с учетом грузоподъемности мостов. Маневр других бригад танки КВ не сковывали. Особая роль 216-й бригады досталась с самого начала операции: она была изъята из 26-го корпуса и поставлена на поддержку пехоты 50-й гв. стрелковой дивизии. Однако этим растаскивание корпусов ограничилось. 47-я гв. стрелковая дивизия получила в качестве средства непосредственной поддержки пехоты отдельную 8-ю гвардейскую танковую бригаду.

Командир 26-го танкового корпуса Г.С. Родин не был новичком на Сталинградском направлении, летом он командовал 28-м танковым корпусом. Командир 1-го танкового корпуса В.В. Бутков, напротив, был «варягом» с Западного направления.

При оценке танкового парка 5-й танковой армии в целом, включая части и соединение непосредственной поддержки, в глаза бросается большая доля легких танков. Из 408 танков тяжелых КВ было 68, средних Т-34 – 168, легких Т-60 и Т-70 – аж 172 штуки. То есть легкие танки составляли 42% общей численности армии Романенко. Они были вполне «по зубам» имевшимся у румын противотанковым пушкам, а также их танкам R-2 с 37-мм пушками.

Одним из узнаваемых элементов немецких «блицкригов» были мотоциклисты. В Красной армии незадолго до войны также были введены подразделения на мотоциклах. Следует отметить, что в вермахте наибольшим подразделением мотоциклистов был батальон, пусть и достаточно многочисленный – почти тысяча человек по штату. В мехкорпусах 1941 г. было подразделение формально на уровень выше – мотоциклетный полк. Однако по численности личного состава советский полк сравним с немецким батальоном. Постепенно возрождая самостоятельные механизированные соединения, советское командование не забыло о мотоциклистах. В составе эшелона развития успеха 5-й танковой армии был 8-й мотоциклетный полк, которым с августа 1940 г. командовал подполковник Петр Белик. «С августа 1940 г.» – это не описка. Мотоциклетный полк Белика был своего рода «динозавром», пережившим страшное лето 1941 г. Перед войной он входил в состав 5-го механизированного корпуса, участвовал в Смоленском сражении.

В операции «Уран» 8-й мотоциклетный полк получил задачу, которая была наследием диверсионных планов Еременко. По плану он должен был уже в первый день наступления овладеть Обливской и «разрушить ж.д. полотно, перерезав коммуникации противника, уничтожить его штабы и авиацию на аэродромах». В открытой степи мотоциклетный полк действительно имел неплохие перспективы для быстрого продвижения вперед. К началу операции 8-й мотоциклетный полк насчитывал 843 человека личного состава, 6 БА-64, 4 БА-10, 10 «Виллисов» и 168 мотоциклов М-72 (на ходу). Дополнительно 8-й мотоциклетный полк был усилен ротой танков Т-34 из 1-го танкового корпуса, дивизионом «катюш» и истребительно-противотанковым полком.

Включение в состав танковой армии кавалерии было достаточно распространенным решением в зимней кампании 1942/43 г. Мотоциклетный полк и кавкорпус выстраивались в затылок правофланговому 1-му танковому корпусу. В прорыве они выходили из-за его широкой спины и направлялись для построения внешнего фронта окружения на правом фланге 5-й танковой армии.

Интересно отметить, что 5-я танковая армия была «варягом» – остававшаяся под Сталинградом 4-я танковая армия была еще в октябре преобразована в 65-ю армию и осталась в составе Донского фронта. Свои танковые соединения она утратила еще в августе 1942 г., и само наименование «танковая» было насмешкой. Командующий армией был смнен еще до смены статуса армии – вместо В.Д. Крюченкина был назначен П.И. Батов. Видимо, действия штаба В.Д. Крюченкина в июле – августе были оценены наверху не слишком высоко.

Поскольку на начальном этапе строительства танковых войск советские танковые армии во многом копировали немецкие танковые (моторизованные) корпуса, армия П.Л. Романенко получила собственную полосу наступления. 5-я танковая армия должна была наступать на фронте в 32 км силами шести стрелковых дивизий, двух танковых корпусов, одного кавалерийского корпуса. Танковая армия строилась в два эшелона. В первом эшелоне армии находились четыре стрелковые дивизии со средствами усиления и во втором эшелоне еще две стрелковые дивизии, два танковых корпуса и кавалерийский корпус. Последние должны были войти в прорыв, пробитый соединениями первого эшелона. Танковые корпуса (26-й и 1-й) после ввода в прорыв развивали успех ударом в направлении Перелазовский, Калач, навстречу подвижной группе Сталинградского фронта. Для обеспечения действий танковых корпусов с юго-запада по следам танков следовал кавалерийский корпус с задачей захвата рубежа р. Чир и удержания его до подхода стрелковых соединений армии.

Будучи самой крупной операцией на окружение, «Уран» содержал в себе несколько более

мелких «котлов». В связи с этим особая роль досталась 21-й армии Юго-Западного фронта. Во-первых, планировалось окружить 3-ю румынскую армию смежными флангами 5-й танковой и 21-й армий. Во-вторых, планировалось окружить задонскую часть 6-й армии (XI армейский корпус, располагавшийся на правом берегу Дона) смежными флангами Юго-Западного и Донского фронтов. 21-я армия Юго-Западного наступала на фронте в 40 км, в общем направлении на Захаров, Н. Бузиновка, Голубинский. В ее состав входили шесть стрелковых дивизий, один танковый и один кавалерийский корпус. В первом эшелоне 21-й армии должны были наступать четыре стрелковые дивизии и во втором эшелоне – две стрелковые дивизии, один танковый и один кавалерийский корпуса. На направлении главного удара оборону противника прорывали три стрелковые дивизии на фронте в 12 км с плотностью артиллерии около 40 орудий на километр фронта. На вспомогательном направлении наступала одна стрелковая дивизия, один полк которой занимал оборону на фронте в 22 км и два полка наносили удар на фронте в 3 км.

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ВОЙСК ДОНСКОГО ФРОНТА НА 20 НОЯБРЯ 1942 г.

	24 А	65 А	66 А	Фронт	Всего
Боевые войска	56 409	63 187	39 457	33 140	192 193
Орудий полевых	722	638	515	263	2138
Минометов	1123	1230	1023	786	4162
БМ РА	–	–	–	194	194
Танков	48	49	5	152	354
С тылами	68 489	74 709	51 738	89 437	284 373

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ВОЙСК СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА НА 20 НОЯБРЯ 1942 г.

	28 А	51 А	57 А	62 А	64 А	Фронт	Всего
Боевые войска	47 891	44 720	56 026	41 667	40 490	27 523	258 317
Орудий полевых	369	318	539	453	356	162	2197
Минометов	816	698	962	744	673	330	4223
БМ РА	8	45	–	–	–	–	53
Танков	80	207	225	23	40	–	575
С тылами	64 265	55 184	66 778	54 199	53 742	73 775	367 943

Подвижная группа 21-й армии (танковый и кавалерийский корпуса) имела задачу выйти на тылы задонской группировки немцев, отрезая ей пути отхода на Сталинград. С выходом на р. Дон 21-я армия исключалась из состава Юго-Западного фронта и переходила в оперативное подчинение Донского фронта. Навстречу 21-й армии для образования окружения вокруг левого крыла армии Паулюса наступала ударная группировка Донского фронта. Разделяя со Сталинградским фронтом слабый центр «канн», войска Донского фронта тем не менее должны были сыграть важную роль в операции на окружение.

Перед войсками Донского фронта стояла задача окружить группировку противника в составе четырех пехотных и одной кавалерийской дивизий, занимавших оборону западнее р. Дон, отрезав ее от Сталинграда. «Изюминкой» плана действий фронта был удар по обоим берегам Дона. На правом берегу реки 65-я армия пятью стрелковыми дивизиями и двумя танковыми бригадами наносила удар на фронте в 20 км в направлении Клетская, Муковнинский. На левом берегу Дона 24-я армия наносила удар в направлении Вертячего, с задачей отрезать задонскую группировку противника от переправ через Дон. Свой удар 24-я армия должна была нанести одновременно с выходом 65-й армии к Дону. Тем самым к переправам через Дон войска К.К. Рокоссовского должны были выйти по обоим берегам реки, что увеличивало шансы на успех плана разгрома левого крыла 6-й армии. В 24-й армии также должно было действовать единственное подвижное соединение Донского фронта – 16-й танковый корпус.

Сталинградский фронт наносил главный удар силами 57-й и 51-й армий с задачей разгромить части VI румынского армейского корпуса и, во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта, окружить сталинградскую группировку немцев. В полосе фронта планировалось нанесение двух ударов. На ударную группировку 57-й армии возлагалась задача прорыва фронта противника и ввод в прорыв 13-го механизированного корпуса. Последний должен был выступать эшелоном развития успеха и готовить почву для образования внутреннего фронта окружения. По следам 13-го

механизированного корпуса 57-я армия совместно с войсками левого фланга 64-й армии должна была развивать удар в северо-западном направлении с целью формирования внутреннего фронта окружения 6-й немецкой армии.

Второй удар наносила 51-я армия генерал-майора Н.И. Труфанова. Армия должна была прорвать фронт противника на перешейках между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак и ввести в прорыв 4-й механизированный корпус для установления связи с войсками Юго-Западного фронта в общем направлении на Калач. 4-й кавалерийский корпус должен был выдвинуться в район Абганерово для формирования внешнего фронта окружения. С этой же целью после прорыва фронта должна была наступать в юго-западном направлении и часть сил 51-й армии.

Срок начала операции был установлен: для Юго-Западного и Донского фронтов – 9 ноября, а для Сталинградского фронта – 10 ноября. Разница в сроках перехода в наступление обуславливалась несовпадением глубины предстоящих операций Юго-Западного и Сталинградского фронтов, ударные группировки которых должны были одновременно выйти в район Калач, Советский.

В целом план операции «Уран» был простым и даже изящным. От участков прорыва на реке Дон к северу от Сталинграда и от цепочки озер к югу от города наступающие армии расходились веером, образуя внешний и внутренний фронты окружения противника. Середину «веера» образовывали обладавшие наибольшей пробивной силой танковые и механизированные корпуса. Они должны были первыми прорваться навстречу друг другу и не позволить противнику, так или иначе, удержать «коридор», связывающий с основными силами группы армий. На ближайших к городу флангах ударных группировок находилась наименее подвижная пехота. Внешний фронт окружения образовывали кавалерийские соединения. Последние не обладали большой пробивной силой, но меньше зависели от тылов и могли устойчиво продвигаться в глубь степи, отодвигая как можно дальше от окружаемой армии Паулюса исходные позиции возможного деблокирующего удара. Вместе с тем в план операции «Уран» были заложены некоторые «вензеля», распылявшие силы наступающих войск. К их числу относится план рассечения окружаемой группировки надвое (окружение задонской части 6-й армии), потребовавший для своей реализации двух танковых корпусов.

Авиация. Авиационную поддержку войскам трех советских фронтов должны были оказывать три воздушные армии. Это были 16-я воздушная армия Донского фронта, 8-я воздушная армия Сталинградского фронта и 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта. Количественный и качественный состав этих армий к началу операций см. в таблице.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ ВОЗДУШНЫХ АРМИЙ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ К ОПЕРАЦИИ «УРАН»

	Количество самолетов					всего
	истребителей	штурмовиков	дневных бомбардировщиков	ночных бомбардировщиков	разведчиков	
16 ВА	114	105	–	93	3	315
8 ВА	284	273	65	122	7	751
17 ВА	82	40	–	79	–	201
Итого	480	418	65	294	10	1267

Уровень боеготовности в воздушных армиях был около 75%. То есть реально взлететь и участвовать в боевых действиях могло менее тысячи самолетов. Обращает на себя внимание также малое количество самолетов-разведчиков. Традиционно для советских ВВС разведчики были крайне малочисленными. Надо сказать, что количество задействованных в операции «Уран» самолетов совершенно не впечатляет, особенно в сравнении с операциями второй половины войны. Тогда

1200 самолетов могло быть в одной воздушной армии, а не в трех сразу. Впрочем, ВВС противника также не поражали своей мощью. Отвечавший как за сталинградское направление, так и за Кавказ 4-й воздушный флот на 20 ноября 1942 г. насчитывал 732 боевых самолета, из которых только 402 были боеготовыми. Причем существенное снижение численности немецких ВВС под Сталинградом состоялось буквально за две недели до начала советского наступления. Начавшаяся в Северной Африке высадка союзников (операция «Торч») потребовала задействовать крупные силы ВВС Германии. Рихтгофен с ходу пообещал три группы бомбардировщиков и недогнувшей рукой их отправил на Средиземноморье. В результате на 20 ноября во всем 4-м воздушном флоте осталось 139 бомбардировщиков, из которых всего 64 были боеготовыми. Месяцем ранее бомбардировщиков была 341 единица (186 боеготовых). Это тем более удивительно, что Рихтгофен был одним из алармистов, предупреждавших о скором советском наступлении. Впрочем, соотношение числа боеготовых самолетов 1:2,4 не обещало легкой победы советским ВВС.

Мехкорпуса. Новинкой ноябрьского наступления Красной армии стали механизированные корпуса. Они использовались в обеих крупных операциях («Марс» и «Уран»), но настоящим бенефисом мехкорпусов стали бои под Сталинградом. Под Сталинградом их было просто больше. В «Марсе» участвовали два мехкорпуса, а под Сталинградом – четыре: два в ноябре 1942 г. и еще два в декабре 1942 г. В случае со Сталинградским фронтом предназначенные для контрнаступления корпуса были созданы путем переформирования 28-го и 13-го танковых корпусов. Соответственно 28-й танковый корпус был переформирован в 4-й механизированный корпус, а 13-й танковый корпус стал 13-м механизированным корпусом.

В сравнении с танковым корпусом удельный вес мотострелков в механизированном корпусе существенно вырос. Если танковая бригада насчитывала по штату 1107 человек, то механизированная бригада – 3707 человек. В танковых бригадах под Сталинградом насчитывалось по факту примерно 70–80 грузовиков, а в механизированных бригадах – 250–350 грузовиков. Чаше всего механизированные корпуса в Красной армии были смешанного состава, три механизированных бригады и одна танковая. Организационно танки в механизированных корпусах объединялись в танковые полки, которые могли использоваться отдельно от механизированных бригад.

Однако строительство новых соединений проходило в большой спешке. Это не могло не сказаться на их состоянии к началу операции. В отчете о боевых действиях танковых войск 57-й армии за период с 1 ноября по 27 декабря 1942 г. состояние механизированных частей и соединений армии описывается следующим образом:

«Подготовленность танковых частей к ведению боя, за исключением 90 и 235 ТБр, была низкая. Механики-водители танков имели малую практику вождения, а большинство из них в боевых условиях танков не водили и в боях не участвовали. Артиллеристы мало практически стреляли. Мотопехота была плохо подготовлена для ведения наступательных операций и подразделения за неимением времени в тактическом отношении были плохо сколочены (особенно 13 МК)» [284].

Подобные суждения ранее на обозрение широкой публики практически не выносились. Точнее, выносились в лучшем случае отзывы о состоянии войск перед началом войны или летом 1941 г. Однако вводимые в оборот данные позволяют по-другому взглянуть на многие широко известные факты.

Одним из драматичных моментов подготовки операции «Уран» было письмо И.В. Сталину от командира 4-го механизированного корпуса В.Т. Вольского. История эта в общих чертах описана в мемуарах А.М. Василевского. Довольно подробно Василевский описал свой разговор с Верховным К. Симонову в 1967 г. К. Симонов излагает его следующим образом:

«Вольский писал Сталину примерно следующее: Дорогой товарищ Сталин. Считаю своим долгом сообщить вам, что я не верю в успех предстоящего наступления. У нас недостаточно сил и средств для него. Я убежден, что мы не сумеем прорвать немецкую оборону и выполнить поставленную перед нами задачу. Что вся эта операция может закончиться катастрофой, что такая катастрофа вызовет неисчислимые последствия, принесет нам потери, вредно отразится на всем положении страны, и немцы после этого смогут оказаться не только на Волге, но и за Волгой...

Дальше следовала поразившая меня подпись: Вольский.

Я прочел эту бумагу с величайшим изумлением и недоумением. Ничто, абсолютно ничто в поведении Вольского, в его настроении, в состоянии его войск не давало возможности поверить, что именно этот человек мог написать эту бумагу.

Я прочел письмо, положил в конверт и несколько минут ждал.

Сталин закончил обсуждение вопроса, которым они занимались, поднял на меня глаза и спросил:

– Ну, что вы скажете об этом письме, товарищ Василевский?

Я сказал, что поражен этим письмом.

– А что вы думаете насчет предстоящих действий после того, как прочли это письмо?

Я ответил, что по поводу предстоящих действий продолжаю и после этого письма думать то же, что и думал: наступление надо начинать в установленные сроки, по моему глубокому убеждению, оно увенчается успехом. Сталин выслушал меня, потом спросил:

– А как вы объясняете это письмо?

Я сказал, что не могу объяснить это письмо».

Командир 4-го механизированного корпуса В.Т. Вольский

В таком изложении событий В.Т. Вольский выглядит в лучшем случае паникером, который элементарно не выдержал напряжения подготовительного периода крупной операции. Если же мы знаем, что танкисты корпуса Вольского пороху не нюхали и имели малый опыт вождения, письмо командира корпуса Верховному выглядит совсем по-другому. Архивные документы позволяют усомниться в столь тщательно нарисованной картине удивления А.М. Василевского после прочтения письма В.Т. Вольского. Сомнительно, чтобы он не имел ни малейшего представления о принципах комплектования участвовавших в операции «Уран» соединений. Соответственно вышеприведенный разговор с И.В. Сталиным представляется выдуманным от начала и до конца. Скорее всего, просто было принято решение, что против румын и так сойдет. Как показали дальнейшие события – сошло. **Кавалерия, новая жизнь и задачи**. Помимо механизированных соединений новейшего образца в операции «Уран» участвовала старая добрая кавалерия. Механизированных соединений в Красной армии не хватало, и часть задач подвижных соединений поручалась кавалерийским корпусам. Надо сказать, что применению кавалерии местность в районе Сталинграда не благоприятствовала.

Крупные лесные массивы, в которых обычно укрывались конники, отсутствовали. Напротив, открытая местность позволяла противнику воздействовать на кавкорпуса авиацией.

Кавалерийские корпуса входили как в состав Юго-Западного фронта, так и в состав Сталинградского фронта. В распоряжении советского командования северо-западнее Сталинграда были 8-й кавалерийский корпус (21, 55 и 112-я кавалерийские дивизии) и 3-й гвардейский кавалерийский корпус (5-я и 6-я гвардейские кавалерийские дивизии и 32-я кавалерийская дивизия). Южнее Сталинграда действовал 4-й кавалерийский корпус (61-я и 81-я кавалерийские дивизии). Количественный и качественный состав корпусов см. в таблице.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ КАВАЛЕРИЙСКИХ КОРПУСОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ [285]

	3-й гвардей- ский кавале- рийский корпус	8-й кавале- рийский корпус	4-й кавале- рийский корпус
Людей	22 512	16 134	10 284
Лошадей	18 057	14 908	9284
Винтовок и карабинов	14 102	10 974	7354

	3-й гвардей- ский кавале- рийский корпус	8-й кавале- рийский корпус	4-й кавале- рийский корпус
Автоматов ППШ	2153	1369	566
Пулеметов ручных	374	366	264
Пулеметов ДШК	40	33	—
Противотанковых ружей	388	188	140
Орудий 76,2-мм	70	66	32
Орудий 45-мм	55	35	24
Орудий 37-мм зенитных	21	6	8
Минометов 120-мм и 107-мм	44	37	16
Минометов 82-мм	108	66	46
Минометов 50-мм	294	123	118

Лучше всех был укомплектован 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Два других корпуса имели большой некомплект лошадей (1874 в 8-м и 1172 в 4-м корпусе), что вынуждало содержать в полках пешие эскадроны. Как мы видим, по своей численности и вооружению кавкорпуса примерно соответствовали облегченной стрелковой дивизии. Подвижность кавалерии занимала промежуточную ступеньку между механизированными и стрелковыми соединениями. При этом кавкорпус был менее чувствителен к перебоям в снабжении, т.е. мог отрываться от тылов на большее расстояние, чем танковый или механизированный корпус. **Разведка доложила неточно.** Отдельная, весьма интересная тема – это оценка противника. Советское командование, достаточно часто завышавшее возможности немцев, в случае со Сталинградом сильно недооценивало численность 6-й немецкой армии. А.М. Василевский в мемуарах признавался:

«По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулюс, определялась в то время в 85–90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые

поступали в соединения 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в “котел”. Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей. Так, мы совершенно не принимали в расчет попавшие в окружение дивизию ПВО, более десятка отдельных саперных батальонов, санитарные организации и подразделения, многочисленные строительные батальоны, инженерные отряды из бывшей организации Тодта (возглавленной после его смерти Шпеером), части полевой жандармерии, тайной военной полиции и т. д.» [286] .

Однако дело было, конечно же, не в организации Тодта и тыловиках. В этой связи небезынтересно сравнить разведсводку № 033а (итоговую) штаба Сталинградского фронта от 2 ноября с данными о численности пехотных дивизий от 1 ноября в журнале боевых действий 6-й армии. Противостоящие дивизии противника были за время оборонительной операции неплохо изучены и правильно перечислены. Однако оценка численности соединений противника была сильно заниженной. Так, по данным советской разведки, 94-я пехотная дивизия насчитывала всего 1700 человек, 389-я пехотная дивизия – 3000 человек, 305-я пехотная дивизия – 1800 человек, 79-я пехотная дивизия – 3500 человек, 76-я пехотная дивизия – 2000 человек, 100-я легкопехотная дивизия – 2200 человек [287] . По данным, приведенным в журнале боевых действий 6-й армии, численность этих дивизий была гораздо выше. На 1 ноября 1942 г. 94-я пехотная дивизия насчитывала 7002 человека, 389-я пехотная дивизия – 6556 человек, 305-я пехотная дивизия – 5644 человека, 79-я пехотная дивизия – 6324 человека, 76-я пехотная дивизия – 6765 человек, 100-я легкопехотная дивизия – 5705 человек. Разница, как мы видим, более чем в два раза. Поэтому оценка общей численности 6-й армии в советской разведсводке оказалась сильно заниженной. Предполагалось, что войска противника насчитывают 78 800 человек, 790 полевых орудий, 430 противотанковых орудий и 540 танков. Численность танков была традиционно сильно задрана, а численность личного состава – занижена. Столь большую цифру численности танкового парка 6-й армии советские разведчики получили, посчитав в составе танковых дивизий по полторы сотни танков.

Возможно, советские разведчики оказались вынуждены подтверждать заявки войск о тысячах уничтоженных солдат и офицеров противника соответствующим снижением численности его соединений. Если в отношении танков можно было говорить о высокой эффективности ремонтных служб, восстанавливающих подбитую технику, то в отношении личного состава это объяснение не работало. Раненые и убитые, безусловно, покидали ряды боевых подразделений.

Трудно сказать, к каким выводам пришли бы Василевский, Жуков, Еременко и сам Сталин, если бы знали действительную численность 6-й армии. Расчеты на успех «Урана» базировались в том числе на соотношении сил между войсками противника на Дону, в Сталинграде и калмыцких степях и войсками Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Решилась бы Ставка отдать приказ перейти в контрнаступление? Сократили бы масштаб окружения? Последнее было, пожалуй, самым опасным, т.к. уводило острие главного удара от податливого фронта 3-й румынской армии.

. Если А.И. Еременко предлагал использовать для контрнаступления один кавалерийский корпус, в окончательном варианте плана их было уже три. 8-й кавалерийский корпус, переданный из состава Воронежского фронта, должен был пройти из района Ельца до района сосредоточения на правом берегу Дона аж 564 км. Корпус закончил свое путешествие к 8 ноября. Марши меньшей протяженности выполнили 3-й гвардейский и 4-й кавалерийские корпуса.

Артиллерия была богом войны и эффективным средством борьбы. Но для этого ее сначала нужно было доставить на позиции. Артиллерийские полки усиления должны были по плану штаба Юго-Западного фронта прибыть в период с 29 октября по 3 ноября 1942 г. Фактически же они прибывали с 1 по 18 ноября. 518-й пушечный артполк прибыл за день до начала операции. Причиной затянувшегося сосредоточения была слабая обеспеченность автотранспортом и изношенные тягачи. Последнее было особенно критично ввиду большого расстояния от ближайшей станции выгрузки до плацдарма. Так, в 396-м пушечном артполку в ходе марша от станции выгрузки до места сосредоточения вышло из строя 50% тракторов. Большинство полков свою матчасть перебрасывали со станции выгрузки в 2–3 рейса, т.е. тягачи оттаскивали очередную порцию орудий до позиций, возвращались и тащили новую. Боеприпасы и тылы перевозились до самого начала операции.

Усугублялось все это нехваткой горючего и отсутствием заправочных станций на трассе от станций выгрузки до плацдарма. В других условиях все это могло иметь поистине катастрофические последствия. Например, если бы прибыли немецкие резервы и начали ликвидировать советские плацдармы на Дону. Напомню также, что разгром советских войск в Крыму в мае 1942 г. состоялся ввиду того, что немецкое наступление началось на две недели раньше запланированного советского.

Новейшие механизированные корпуса еще предстояло использовать с максимальной эффективностью. Залогом успеха в значительной степени была маскировка сосредоточения крупных механизированных соединений на правом фланге немецких 6-й и 4-й танковой армий. Подразделения 4-го и 13-го механизированных корпусов прибывали в состав 57-й армии с 29 октября. До 7 ноября 4-й механизированный корпус был в основном переправлен на правый берег Волги. «В основном» в данном случае означает, что некоторые части переправились только 19 ноября, за день до начала операции. Переправа через Волгу осуществлялась паромными переправами исключительно по ночам. Переправочных средств было недостаточно, буксирные катера имели небольшую скорость, и это значительно снизило темпы сосредоточения 4-го и 13-го механизированных корпусов на правом берегу Волги. После переправы танки и мотопехота рассредоточивались в небольших лесах и населенных пунктах на берегу реки.

Части 13-го механизированного корпуса сосредотачивались на правом берегу Волги с 7 по 20 ноября 1942 г. По плану сосредоточение должно было закончиться к 15 ноября. Однако в силу большого ледохода на Волге, недостаточного количества переправочных средств и воздействия авиации противника к моменту ввода корпуса в прорыв на исходных позициях было сосредоточено всего около трети его состава.

14 ноября 4-й механизированный корпус был передан в состав 51-й армии. Это было, пожалуй, одно из самых дальновидных решений советского командования. Чем дальше сдвигалось острие удара, тем менее плотным было построение противника. Механизированный корпус Вольского мог теперь пройти как нож сквозь масло через оборону румынской пехоты, без риска столкнуться с оперативными резервами немцев.

Последним аккордом подготовки к наступлению стала силовая разведка противника. В силу неудовлетворительной работы разведки штаб 5-й танковой армии и штабы дивизий к 17 ноября не имели точных данных о начертании переднего края обороны противника. Линия боевого охранения принималась за истинный передний край обороны. Командарм Романенко принял решение произвести разведку боем. Ее задачей был захват отдельных пунктов и уточнение переднего края обороны. Разведка боем состоялась 17 ноября, буквально за два дня до начала большого наступления. Это было рискованное мероприятие, но именно оно позволило определить реальный передний край противника.

Срезанный цветок, обреченный на смерть

Главный приз зимней кампании. Кто же должен был стать жертвой советского наступления? Что собой представляли 6-я немецкая армия, 3-я румынская армия? План похода за нефтью на Кавказ изначально предусматривал создание протяженной оборонительной линии по реке Дон силами группы армий «Б». В июле – сентябре 1942 г. он показал достаточно высокую устойчивость к контрударам советских войск. Попытки сокрушить оборонительную линию немцев под Сталинградом (в междуречье Дона и Волга) и под Воронежем успеха не принесли. Так, в июле 1942 г. из 1134 танков, участвовавших в боях на Воронежском фронте, по данным ГАБТУ Красной армии, было потеряно 790. В августе 1942 г., когда интенсивность боев несколько снизилась, из 703 участвовавших в боях танков Воронежский фронт потерял 247 машин. О высоких потерях в ходе каскада контрударов по немецким позициям в междуречье Дона и Волги было немало сказано в предыдущих разделах. Все это вселяло в немцев оптимизм относительно перспектив удержания фронта на Дону.

К началу советского наступления войска группы армий «Б» занимали следующее положение. Левый фланг группы армий, примыкавший к войскам группы армий «Центр», составляла 2-я немецкая армия, действовавшая в районе северо-западнее Воронежа. Здесь в полосе шириной 210 км было 14 дивизий.

Южнее 2-й армии, в основном по рубежу р. Дон, оборонялась 2-я венгерская армия. При

ширине занимаемой полосы 190 км в ее составе было 12 дивизий, в их числе две немецкие. Затем следовала 8-я итальянская армия, при ширине полосы 180 км она имела 10 итальянских и две немецкие дивизии. К итальянцам примыкала 3-я румынская армия, действовавшая в полосе шириной 170 км и располагавшая 10 дивизиями. Итальянцы исполняли роль «прослойки» между ненавидевшими друг друга румынами и венграми. 3-я румынская армия заняла позиции между 6-й немецкой и 8-й итальянской армиями на участке Клетская, Вешенская 10 октября.

У Клетской начинались позиции 6-й армии. Армия Паулюса состояла из 16 дивизий и занимала участок шириной 140 км, правым флангом упиравшийся в Сталинград. Южнее Сталинграда находилась 4-я танковая армия, три немецкие дивизии которой действовали на участке в 50 км. Семь входивших в состав этой армии румынских дивизий при ширине участка примерно 200 км располагались вдоль излучины Волги, южнее Сталинграда. Примерно с 20 ноября предполагалось эти румынские войска, подчинявшиеся командованию 4-й танковой армии, выделить в самостоятельную 4-ю румынскую армию, после того как будет закончено их доукомплектование. Почти не имела взаимодействия с этой армией 16-я моторизованная дивизия, подчиненная 4-й танковой армии. Она обеспечивала фланг группы армий «Б» и контролировала участок шириной примерно 300 км вплоть до Терека, где действовала 1-я танковая армия группы армий «А».

Основным минусом оборонительной позиции группы армий «Б» был недостаток подвижных резервов. 15 ноября 22-я танковая дивизия и 1-я румынская танковая дивизия были выделены в резерв группы армий и подчинены XXXXVIII танковому корпусу: 22-я танковая дивизия в районе Перелазовский, 1-я румынская танковая дивизия – за 3-й румынской армией у Чернышевской. Также в резерве группы армий была 294-я пехотная дивизия.

Новые формирования имелись лишь в Германии. Вследствие большой протяженности фронта группы армий «Б» при внезапном возникновении кризиса было проблематично своевременно подтянуть необходимые силы. Переброска лишь одной танковой дивизии требовала 80–90 железнодорожных эшелонов. При загруженности железнодорожных линий, соединяющих Германию с Восточным фронтом, требовалось, по крайней мере, три недели с момента приказа о погрузке до прибытия к месту боевых действий на Восточном фронте одной дивизии с Западного фронта. На самом деле одна дивизия уже была в пути к началу советского контрнаступления. Осознавая угрозу 3-й румынской армии, немцы отправили на Восток прошедшую переформирование в Германии 6-ю танковую дивизию. Но она просто не успела вовремя добраться до места назначения. Появление свежей немецкой танковой дивизии могло оказать катастрофическое воздействие на наступление советской 5-й танковой армии.

Собственные танковые силы группы армий «Б», сосредоточенные в 4-й танковой и 6-й армиях, к началу советского контрнаступления были уже не в лучшем состоянии (см. таблицу).

СОСТОЯНИЕ ТАНКОВОГО ПАРКА 4-Й ТАНКОВОЙ И 6-Й АРМИЙ ГРУППЫ АРМИЙ «Б»

	Pz.II	Pz.III (kz)	Pz.III (lg)	Pz.III (75)	Pz.IV (kz)	Pz.IV (lg)	Командирские
4-я танковая армия (на 16 ноября 1942 г.)							
16 мд	8	–	16	7	–	11	1
29 мд	7	–	23	9	–	18	2
6-я армия (на 18 ноября 1942 г.)							
14 тд*	5	9	17	5	5	12	2
16 тд*	–	–	38	–	2	10	–
24 тд* (на 19.11)	5	13	18	5	5	12	2
3 мд	3	–	22	3	–	4	–
60 мд	4	–	12	2	–	3	–
Резерв группы армий «Б»							
22 тд	2	5 Pz.38(t)	12	10	1	10	–
Pz.III(kz) — танк Pz.III с 42-калиберной 50-мм пушкой, Pz.III (lg) — с 60-калиберной, Pz.III (75) — с 24-калиберной 75-мм пушкой							
Pz.IV(kz) — танк Pz.IV с 24-калиберной 75-мм пушкой, Pz.IV (lg) — с 43-калиберной							

* — уточненные по ЖБД 6 А данные.

Ни о каких полутора сотнях танков в танковой дивизии, о которых докладывала советская разведка, речи не было. Даже 16-я танковая дивизия, длительное время остававшаяся самым сильным соединением армии Паулюса, к ноябрю 1942 г. в значительной мере утратила свои боевые возможности. Возможности мотопехоты подвижных соединений 6-й армии также существенно снизились. В 16-й танковой дивизии было пять батальонов (включая мотоциклетный), три средней численности и два слабых. Перед штурмом города их было пять средней численности. В 3-й моторизованной дивизии было пять батальонов средней численности, в 60-й моторизованной – семь, четыре в средней численности, два слабых и один «выдохшийся» (Abgekaempft). В 24-й танковой дивизии было пять батальонов, все в средней численности. Достаточно сильной была на тот момент только 29-я моторизованная дивизия. Она была подготовлена немцами для наступления на Астрахань и не участвовала в кровопролитных боях за Сталинград.

Помимо танков в 6-й армии было несколько батальонов САУ «Штурмгешюц» (см. таблицу).

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО БАТАЛЬОНАМ САУ «ШТУРМГЕШЮЦ» 6-Й АРМИИ

Батальон	StugIII lg	StugIII Kurtz	sIG(sfl)
177 (на 11.11)	8/-/-	2/-/-	0
243 (на 6.11)	7/-/-		0
244 (на 18.11)	7/1/0*	7/5/0	4/2/0
245 (на 18.11)	7/0/6	0/3/5	0/2/1

* – боеготовые/в краткосрочном ремонте/в долгосрочном ремонте, прочерк – нет данных.

Вместе с тем немцами были приняты срочные меры по усилению передовых частей за счет тылов. Так, 13 ноября 1942 г. командование 6-й армии докладывало командованию группы армий «Б» о проведении мероприятий по усилению боевых подразделений: «...обзор численности по спискам на снабжение и боевого состава показывает значительное перемещение центра тяжести в пользу численности боевого состава по сравнению с донесением от 24.10., что следует отнести на счет проведенных за это время мероприятий по повышению боевой мощи.

В некоторых действующих в Сталинграде дивизиях эти мероприятия еще не завершены, так что следует ожидать дальнейшего повышения боевой мощи после завершения боев.

[...]

Кроме этого, как уже докладывалось, дополнительные 10 800 солдат могут быть включены в боевой состав, как только в [наше] распоряжение поступит соответствующее число «хиви»».

Так, например, 389-я пехотная дивизия на 13 ноября насчитывала 7540 человек, в том числе 2021 человек «хиви» и 4021 человек в боевых подразделениях. Однако все эти меры были «тришкиным кафтаном». Следует признать, что в сравнении с июлем – августом 1942 г. возможности 6-й армии существенно понизились, и это касалось не только механизированных соединений.

Мягкое подбрюшье Восточного фронта . Отдельная большая тема – это румынские войска, попавшие под удар советского контрнаступления. Они не без оснований считаются одними из главных виновников катастрофы на Волге. Однако румыны стали заложниками общей ситуации на фронте группы армий «Б». Когда 10 сентября 1942 г. 3-я румынская армия численностью 171–256 человек начала занимать назначенную ей линию обороны, она почти полностью оказалась проходящей по степи, а не по берегу Дона. Здесь находились плацдармы у Серафимовича и Клетской, отбитые Красной армией у немцев и итальянцев в августе 1942 г. 24 сентября командующий 3-й румынской армией генерал Думитриеску обратился к германскому командованию с предложением ликвидировать плацдармы. Ему был жизненно необходим Дон как противотанковое препятствие. Немцы ответили отказом. Они в этот момент были слишком заняты штурмом Сталинграда и отражением атак на «наземный мост» к северу от города.

Прохождение линии фронта по открытой местности стало причиной того, что фронт у Клетской и Серафимовича не стал спокойным «медвежьим углом». Прочность обороны румынских соединений несколько раз была проверена мощными ударами по периметру обоих плацдармов. Румынская 13-я пехотная дивизия у Клетской была атакована 14 октября и 24–27 октября. Плацдарм

у Серафимовича также подвергался атакам 21-й армии. Румынская 9-я пехотная дивизия отражала советские атаки 19–20 октября и 29 октября, 11-я пехотная дивизия – 20 октября. В этих боях румыны понесли довольно большие потери – 13 154 человека, в том числе 3763 человека из состава 13-й пехотной дивизии, чья боевая численность снизилась вдвое.

На 19 ноября 1942 г. румынская 3-я армия состояла из I (7-я, 11-я пд), II (9-я, 14-я пд), V (5-я, 6-я пд), IV (13-я, 15-я пд, 1-я кд) корпусов и XXXXVIII танкового корпуса (1-я румынская тд, 22-я тд, 7-я румынская кд). Общая численность войск в подчинении генерала Думитриеску составляла 155 492 человека румын и 11 211 немцев. В среднем на одну румынскую пехотную дивизию 3-й армии приходилось 20 км фронта, что вдвое превышало рекомендовавшуюся уставами полосу обороны. При этом все пехотные дивизии были в первой линии, в резерв выводились в лучшем случае один-два пехотных батальона. Однако «ахиллесовой пятой» румынских дивизий были противотанковые средства. Основными противотанковыми средствами были 45-мм трофейные советские пушки и 47-мм противотанковые пушки Бохлера австрийской разработки. Только в октябре 1942 г. румынские дивизии получили по пять или шесть 75-мм противотанковых пушек ПАК-97/38. Основными боеприпасами этих орудий были кумулятивные снаряды.

Наиболее эффективным средством для «запечатывания» танковых прорывов все же были не противотанковые пушки, а самостоятельные механизированные соединения. Формально такое соединение имелось в армии Думитриеску – 1-я румынская танковая дивизия. В отличие от советских танковых теоретиков, осваивавших передовой опыт строительства танковых войск через допросы пленных и захваченные документы, румыны могли получить сокровенное знание из первых рук. Поэтому организационная структура румынской танковой дивизии была скопирована с немецкой танковой дивизии. В ее составе были танковый полк (два батальона), два мотопехотных полка, артполк и вспомогательные подразделения. Общая численность личного состава соединения была 13,6 тыс. человек. Разница с немцами была в матчасти. К моменту прибытия на фронт румынская танковая дивизия имела 109 танков R-2 (версия чехословацкого танка LT vz.35 с 37-мм пушкой). В ходе тренировок в группе армий «Б» румынские танкисты проверили возможности орудий своих танков на захваченных немцами Т-34. Результаты, как нетрудно догадаться, были обескураживающими. 17 октября 1-я танковая дивизия получила 11 PzKpfw.IV Ausf.G и 11 PzKpfw.III N (с 75-мм короткоствольным орудием). Ими перевооружили по одной роте в каждом из танковых батальонов. Первые батальонные учения немецкие танки с румынскими экипажами прошли 16 ноября 1942 г., за три дня до начала боев.

Немецкая 22-я танковая дивизия XXXXVIII танкового корпуса по своим боевым возможностям недалеко ушла от первого румынского подвижного соединения. Именно про это соединение рассказывают историю о съеденной мышами электропроводке. Вследствие этого из примерно 100 боевых машин соединения оказалось готово к бою всего около 30 танков. Впрочем, если вспомнить, что значительную часть танкового парка 22-й дивизии составляли 38(t), даже без смелой акции мышей-диверсантов ее боевая ценность была сомнительной. Но, так или иначе, соединение было вовлечено в подготовку к обороне периметра плацдармов у Клетской и Серафимовича. Произошло это буквально за несколько дней до начала «Урана». Дивизия получила приказ на выдвижение в полосу румынской 3-й армии 10 ноября. Последние части соединения начали выдвижение в назначенный район 16 ноября. Теоретически немецкая танковая дивизия могла стать «цементом», скрепляющим оборону союзника Германии. Еще одной попыткой влить «быстротвердеющего цемента» в построение румынских войск была так называемая боевая группа Симонса. Она была составлена из подвижных частей 62-й пехотной дивизии: противотанкового дивизиона, разведбата, дивизиона артполка и штаба с взводом связи. Также в группу Симонса вошел 611-й отдельный дивизион истребителей танков (по разным данным, «Мардеры» или Panzerjaeger I с 47-мм пушкой). Такая боевая группа численностью около тысячи человек могла стать опорой более слабых в противотанковом отношении румынских войск. Боевая группа Симонса подготовилась к ведению боев к юго-западу от Клетской и подчинялась штабу XXXXVIII танкового корпуса.

Румынские войска к югу от Сталинграда не успели получить армейское управление. 21 ноября они должны были быть переданы из 4-й танковой армии Гота в подчинение 4-й армии генерала Константина Константиеску. В состав 4-й румынской армии должны были войти VI (1, 2, 18, 4-я пд), VII (5-я и 8-я кд) корпуса и 5-й полк «рошиорей» [288]. Всего в составе этих румынских войск насчитывалось 75 380 человек. Принимавшие участие в наступлении на Сталинград румынские

войска понесли большие потери – кампанию эти дивизии начинали в общей численности 101 875 человек.

Разведка снова ошибается. Что интересно, советская и немецкая разведки осенью 1942 г. ошиблись в оценке реального состояния и возможностей противника. Советские разведчики недооценили численность 6-й армии, немецкие – масштабы ударов по фронту на Дону. Разумеется, передвижения советских войск в подготовительный период контрнаступления под Сталинградом были замечены немцами. Начиная с середины октября командование группы армий «Б» получило множество сведений о концентрации советских войск в районе Саратова, что могло свидетельствовать о подготовке наступления на сталинградском направлении. К 3 ноября разведка сообщила, что советские войска готовятся к наступлению против 3-й румынской армии. Было отмечено также интенсивное строительство переправ, что не могло быть полностью объяснено необходимостью улучшения снабжения войск. Однако эти сообщения не были восприняты как подготовка к наступлению колоссального размаха. Борьба за плацдармы у Клетской и Серафимовича была спутником сражения за Сталинград, и к выпадам на этих направлениях немцы успели привыкнуть. Например, 21-я армия пыталась участвовать контрударами у Клетской в сражении в излучине Дона в июле – августе 1942 г. Повторение июльских и августовских наступлений не расценивалось как серьезная опасность.

Контрмеры с целью предотвратить возникновение кризиса тем не менее принимались. Еще до начала советского наступления на восток поехала 6-я танковая дивизия. Но ей предстояло преодолеть 4000 км по железной дороге, и она буквально на неделю опоздала к началу боев. Находившийся в резерве группы армий «Б» XXXXVIII танковый корпус также еще до начала операции «Уран» нацеливался на контрудары для парирования попыток советских войск развить наступление с плацдармов. Я уже упоминал об этом выше, говоря о 1-й румынской и 22-й танковых дивизиях. Дёрр пишет: «Исходное положение корпус должен был занять в районе Перелазовский, Бол. Донщинка, Петровка, так как предполагалось, что главный удар русские будут наносить с плацдарма у Клетская. Для контрудара по западному флангу наступающих войск район юго-западнее Перелазовский был благоприятным. Были разведаны возможности нанесения удара в направлении как на Клетская, так и на Серафимович» [289]. Впоследствии этот дуализм в планах его использования сыграет злую шутку с XXXXVIII танковым корпусом.

12 ноября 1942 г. был первый сильный снегопад. Падающие с неба белые хлопья скрывали противников друг от друга. Через полосу ничейной земли почти ничего не было видно. Смутные контуры позиций, передовых постов, проволочных заграждений лишь иногда проглядывали через снежные заряды. Точно так же в штабах противостоящих друг другу армий смотрели на смутные контуры группировок противника. Разведка дала лишь размытые очертания действительного состава тех войск, с которыми вскоре предстояло столкнуться в смертельном бою.

Танковая армия. Первый успех

«Шлите приемщика за получением меховых перчаток» – такая телефонограмма была разослана в 16.00–17.00 18 ноября в соединения 5-й танковой армии. По условному коду это означало: «Начало атаки пехоты 19.11.42 г. в 8.50».

День артиллерии. 19 ноября в 8.50 утра после 1 часа 20 минут артиллерийской подготовки атаки войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление. Действия артиллерии затруднялись из-за сильного снегопада и утреннего тумана. Непосредственная авиационная подготовка атаки в полосе наступления ударных группировок фронтов ввиду плохой погоды не была осуществлена. Плохая погода также не позволила развернуть активные действия воздушных армий днем 19 ноября. Однако если для операции «Марс» плохие погодные условия стали во многом роковыми, то для «Урана» они не сыграли существенной роли. В последующем немало операций Красной армии начинались в плохую погоду.

После восьмидесятиминутной артиллерийской подготовки в 8.50 части 5-й танковой армии перешли в наступление по всему фронту. На переднем крае обороны дивизии первого эшелона, наступавшие на главном направлении, встретили слабое сопротивление. По мере продвижения в глубину сопротивление противника возрастало и продвижение пехоты замедлялось. Атака

правофланговой 14-й гвардейской дивизии против 9-й румынской пехотной дивизии вообще успеха не имела.

Операция «Уран» стала одной из первых, в которой применялись танки-тральщики. Однако первый блин был все же комом: из пяти танков с тралами два вышли из строя и минное поле проутюжили всего три машины. Полноценные проходы такими силами пробить было проблематично. В результате в 8-й гв. танковой бригаде подорвалось четыре танка: 2 КВ, 1 Т-34 и 1 Т-60. Потери бригады от мин превысили потери от огня противника. За первый день сражения, помимо четырех подорвавшихся, бригада потеряла один танк Т-60 сожженным и три Т-60 подбитыми. В первый день наступления 124-я стрелковая дивизия потеряла 106 человек, 119-я стрелковая дивизия потеряла 183 человека убитыми и ранеными, 47-я гв. стрелковая дивизия – 271 человека.

Однако атака пехоты была лишь прелюдией атаки крупных танковых сил. В 13.00 танковые корпуса вышли на линию наступающей пехоты: 1-й танковый корпус получил для действия полосу около 8–9 км по фронту, а 26-й танковый корпус – 12–14 км. Общая ширина полосы действий танковых корпусов, таким образом, была около 20–22 км. Корпуса шли плечом к плечу. Непосредственно в прорыв они входили каждый на участках 5–6 км, имея примкнутыми свои внутренние фланги и в стороны внешних флангов свободные полосы по 5–6 км. К моменту ввода в бой танковых корпусов оборона противника еще не была полностью прорвана, и танковые корпуса, преодолев с ходу последние очаги сопротивления, начали быстро продвигаться на юг.

Наиболее мощным и стремительным был удар 26-го танкового корпуса, который, разгромив в полосе движения части 5-й и 14-й пехотных дивизий противника, к рассвету 20 ноября овладел Новоцарицынским, Перелазовским, где разгромил штаб V армейского корпуса румын и захватил большие трофеи. Танки, подойдя к Перелазовскому, с ходу открыли огонь, а мотопехота быстрым броском на машинах подошла на дистанцию ружейно-пулеметного огня и охватила Перелазовский с флангов и тыла. Удар корпуса был настолько сокрушительным, что ошеломленный противник, оказав очень слабое сопротивление, бросил оружие и группами начал сдаваться в плен. Только 19-я танковая бригада, двигавшаяся на левом фланге корпуса, была задержана противником и сумела присоединиться к корпусу в Перелазовском только утром 21 ноября.

В то время как 26-й танковый корпус быстро продвигался вперед, в 1.00 20 ноября передовые части 1-го танкового корпуса вышли к Усть-Медведицкому (Песчаному). Однако попытка взять его с ходу потерпела неудачу. Передовой отряд отошел в ложину севернее села. За ночь было решено прощупать противника разведкой. Противником была 22-я танковая дивизия противника, подходившая из глубины. Надо сказать, советская разведка не сумела своевременно выявить наличие

22-й танковой дивизии противника, поэтому столкновение с ее частями в районе Песчаного было до некоторой степени неожиданностью. Если бы все шло по плану, дивизия могла и не оказаться на пути советского танкового корпуса. Поначалу даже не было никаких предпосылок для выдвижения резерва группы армий к плацдарму у Серафимовича. В 9.00 утра 19 ноября командир XXXXVIII корпуса Гейм позвонил в группу армий «Б» и потребовал немедленно ввести его танковый корпус в северо-восточном направлении в сторону Клетской. Свое решение Гейм мотивировал тем, что со стороны Клетской возникла реальная опасность для тыла 6-й армии. Начальник штаба группы армий фон Зондерштерн согласился с командиром корпуса. В 9.30 корпус начал марш к Клетской, на направление вспомогательного удара Юго-Западного фронта. Однако в 10.45 корпус Гейма получает новый приказ, на этот раз от командования сухопутных войск: «Наступление должно осуществляться не на северо-восток, а на северо-запад». То есть XXXXVIII корпус перенацеливался на плацдарм у Серафимовича. Остроты ощущений солдатам и офицерам корпуса добавляло то, что все эти маневры осуществлялись в метель на обледенелых дорогах. Надо сказать, что Верховное командование приняло правильное решение и направило свой самый сильный резерв на направление главного удара советских войск.

Активность авиации сторон в первый день «Урана», ввиду плохой погоды, была достаточно низкой. Советские ВВС отметились всего 44 самолето-вылетами, в основном в районе Клетской. VIII авиакорпус выполнил 120 самолето-вылетов с аэродромов в районе Карповки. Летали в основном «Штуки» из I группы 2-й эскадры пикирующих бомбардировщиков.

Второй день наступления 5-й танковой армии ознаменовался столкновением с частями мятущегося между плацдармами XXXXVIII танкового корпуса. С рассветом 20 ноября части 5-й танковой армии возобновили наступление с задачей развить успех первого дня и совместно с частями 21-й армии уничтожить 3-ю румынскую армию.

1-й танковый корпус и следовавшие за ним 8-й мотоциклетный полк и 8-й кавкорпус 20 ноября задержались перед Усть-Медведицким (Песчаным). Густой туман окутывал все вокруг. Погода была, очевидно, нелетная, и корпус расположил свои многочисленные автомашины без рассредоточения, крупными массами в открытой степи. Однако столь же густой туман окутывал противника. Проведенная разведка идентифицировала противника как «6-й пехотный полк 1 мпд румын, заград отряд, силою до батальона состоящий из немцев, до 3 дивизионов артиллерии разных калибров на позиции и до 20 танков». Такие относительно слабые силы было решено таранить в лоб. О том, что по другую сторону фронта находится 22-я танковая дивизия, разведка не сообщила.

Соппротивление противника было сломлено в середине дня, однако наступление по назначенному плану маршруту было теперь сопряжено с большими трудностями. Из Усть-Медведицкого части 22-й танковой дивизии отошли дальше на юг, закрепившись на высотах южнее его. Чтобы двигаться дальше строго по плану, 1-му танковому корпусу пришлось бы раз за разом сбивать противника с очередного рубежа, теряя людей и технику. Командарму Романенко пришлось в приказном порядке разворачивать Буткова в обход узла сопротивления противника.

В дальнейшем 22-я танковая дивизия отошла в район Медвежьего. Следует отметить, что на 20 ноября она еще не была окружена. Дивизия вела бой с открытыми флангами, но на пути ее отхода на запад или на юг никаких препятствий не было. С наступлением темноты части корпуса были выведены из боя и через Малую и Большую Донщинку должны были выходить в назначенный планом операции район. Такое решение – обход узла сопротивления противника – просматривался с самого начала. Можно было обойти Песчаный и ударить во фланг и тыл удерживавшему его противнику. Однако весь день корпус Буткова таранил Песчаный в лоб, неся потери в людях и технике. Задача дня не была выполнена, 1-й танковый корпус уже на второй день наступления существенно выбился из графика. По плану он должен был уже в первый день наступления прорваться на 25–30 км южнее той точки, в которой находился вечером 20 ноября.

Надо сказать, что в недавно изданной истории 1-го танкового корпуса была предпринята неуклюжая попытка оправдать негибкие действия командира соединения. П. Кириченко, автор истории корпуса, пишет: «Конечно, если бы 1-й танковый корпус, совершив обходной маневр, проскочил мимо 22-й танковой дивизии противника, не вступая с ней в бой, возможно, он и смог бы в этот день продвинуться дальше на юг и даже достичь рубежа задачи дня. Но в этом случае он позволил бы 22-й танковой дивизии противника, сохранившей свои силы, нанести удар в правый фланг наступающему 26-му танковому корпусу» [290].

Чтобы понять несостоятельность этих оправданий, достаточно взглянуть на карту. Во-первых, если бы 1-й танковый корпус пошел в обход Песчаного, он бы оказался между флангом 26-го танкового корпуса и злосчастной 22-й танковой дивизией. То есть чтобы нанести контрудар корпусу Родина, немцам понадобилось бы вначале преодолеть боевые порядки корпуса Буткова. Более того, выставления заслонов против обходимого узла сопротивления никто не отменял. Ведь маршрут обхода, которым в итоге воспользовались, лежал слева от Песчаного. Во-вторых, как раз топтания Буткова перед Песчаным подставляли фланг его соседа под контрудар. Немцы могли прикрыться с севера и атаковать на восток, во фланг и тыл корпуса Родина.

26-й танковый корпус начал 20 ноября «за здравие». После быстрого захвата Ново-Царицынского и Варламовского части корпуса встретили сильное сопротивление в Перелазовском. Здесь последовала смелая атака в лучших традициях подвижных соединений. Танки, подойдя к Перелазовскому, открыли огонь с хода. Мотопехота быстрым броском вышла на грузовиках на дистанцию ружейно-пулеметного огня противника, спешила и начала охватывать Перелазовский с двух сторон, заходя в тыл. Стремительным ударом Перелазовский был взят. Однако на этом успехи дня закончились. Наступление на Зотовский, лежавший на полпути к Калачу, не состоялось. Как позднее было написано в отчете штаба 5-й танковой армии, «26 тк – упоенный успехами и большим количеством трофеев, – вместо того, чтобы после сдачи района полку 119 сд идти вперед на выполнение задачи дня, остался в Перелазовском дожидаться 19 тбр и подсчитывать трофеи» [291]. В Перелазовском был штаб румынского V корпуса, трофеи, скорее всего, действительно были немалые. Также серьезной ошибкой командира 26-го танкового корпуса можно назвать отказ от удара во фланг и тыл группировке, задерживавшей продвижение его соседа, т.е. 1-го танкового корпуса. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что задержка в Перелазовском также имела веские причины. Соседний 1-й танковый корпус сильно отстал, и дальнейшее продвижение вперед с открытыми флангами было делом рискованным. Родин на такой риск мог не пойти и, вообще говоря, имел на это право. Собственно, сам командир 26-го танкового корпуса оправдывался перед командованием за свою остановку в Перелазовском, кивая на отставание соседа.

Следовавшие за танковыми корпусами 50-я гвардейская и 119-я стрелковые дивизии тем временем подверглись ударам румынской 1-й танковой дивизии. Она стремилась прорваться на соединение с 22-й танковой дивизией немцев в Песчаном. В результате полк 50-й гв. стрелковой дивизии был выбит из Жирков, другой, напротив, отбил Средне-Царицынский, а третий сдержал атаку на Верхне-Фоминский. Также в районе Жирков были атакованы тылы 119-й стрелковой дивизии. Возможно, этим объясняется заявленный румынами захват примерно 300 пленных и уничтожение 60 автомашин. Потери бронетехники румынской танковой дивизии составили 25 танков, в том числе 4 немецких и 14 R-2 в бою. Если заявка румын на пленных и автомашины просто вызывает сомнение, то заявленное ими уничтожение 62 советских танков представляется совершенно лишенным оснований. Танковые корпуса на тот момент уже ушли далеко вперед. Впрочем, попытка прорыва румынских танков породила некоторые метания и даже панику в тактических звеньях. Командир 119-й стрелковой дивизии полковник Кулагин доложил в штаб 5-й танковой армии, что его дивизия окружена. За это командарм Романенко даже отстранил Кулагина от занимаемой должности. Так или иначе, прорваться на запад румынам не удалось, и 1-я танковая дивизия фактически образовала западный фас намечающегося «котла» для 3-й румынской армии.

К тому моменту у румынских частей был еще шанс выйти из-под удара 21-й армии на юг. Контратаки 1-й румынской танковой дивизии не давали возможности 124-й стрелковой дивизии соединиться с частями 21-й армии и окружить войска Думитриеску. Поскольку штабы румынских корпусов были разгромлены, командование принял генерал Ласкар, командир 6-й пехотной дивизии, кавалер Рыцарского креста за Севастополь.

С самого начала две дивизии корпуса Гейма действовали без оперативной связи друг с другом. Радиостанция в 1-й танковой дивизии румын была разбита, два соединения оказались разъединены вследствие прорыва 26-го танкового корпуса к Перелазовскому. Вместо флангового удара 22-я танковая дивизия вступала в бой в колоннах и по частям. Позднее из командующего XXXXVIII танкового корпуса попытались сделать козла отпущения. В декабре 1942 г. Гитлер уволил Гейма из рядов вооруженных сил приказом, в котором, в частности, говорилось:

«Вместо того чтобы, используя все средства и невзирая ни на что, пробиваться к румынской танковой дивизии, 22-я танковая дивизия действовала медленно и неуверенно. Именно вследствие

этой полной несостоятельности 48-го танкового корпуса могла возникнуть ситуация, которая привела к двустороннему обхвату 3-й румынской армии и, тем самым, к катастрофе, чудовищные размеры и ужасные последствия которой еще и сейчас не поддаются определению. Ввиду последствий этой катастрофы, гибели многих частей, потери большого количества вооружения, последовавшей после окружения 6-й армии, нельзя охарактеризовать просто как грубую халатность поведение, которое когда-либо ставилось в вину какому-либо командиру в ходе данной войны» [292]

Фердинанд Гейм был арестован и отправлен в тюрьму Моабит. Он находился в заключении до апреля 1943 г., затем последовали госпиталь и отставка. Однако в 1944 г. его вернули в армию, и 5 августа того же года он получил должность коменданта «крепости Булонь». Уже 23 сентября он попал в плен к союзникам и был освобожден после войны. Умер Гейм в 1977 г.

Уже в самом начале советского наступления панцерваффе потерпели неудачу. Однако Люфтваффе еще могли обратить тактический успех Красной армии в общую неудачу операции. Советская авиация 20 ноября не действовала совершенно. То есть не зафиксировано ни одного самолето-вылета. Оппоненты советских пилотов из VIII авиакорпуса все же сделали несколько больше 100 самолето-вылетов. Тем не менее активность немецкой авиации была сильно скована плохой погодой. Помимо отсутствия возможностей активно влиять на ход боевых действий погода препятствовала эвакуации аэродромов, оказавшихся в полосе советского наступления. Это привело к потере не только самолетов, но и ценного оборудования, запчастей и запасных двигателей. Позднее это существенно повлияло на работу авиабаз Тагинская и Морозовская.

Вейхс и Паулюс принимают контрмеры. Поначалу 6-я армия не почувствовала грозящей опасности. В 18.00 19 ноября командование армии сообщило, что на 20 ноября оно намечает в Сталинграде продолжать действия разведывательных подразделений.

Однако приказ командующего группой армий «Б», отданный в 22.00, не оставлял никаких сомнений относительно угрожающей опасности:

«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры с целью быстрее высвобождения сил для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге на участке Лихая (южнее Каменск-Шахтинский), Чир. В связи с этим приказываю:

1. Немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде, за исключением действий разведывательных подразделений, сведения которых необходимы для организации обороны.

2. 6-й армии немедленно выделить из своего состава два моторизованных соединения (14-ю и 24-ю танковые дивизии), одну пехотную дивизию и по возможности одно управление (XIV танковый корпус), и, кроме того, как можно больше противотанковых средств и сосредоточить эту группировку пошелонно за своим левым флангом с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении.

Подпись: барон фон Вейхс» [293].

Опомнившись от первого шока, командование 6-й армии развернуло кипучую деятельность по сохранению войск и созданию исходных позиций для прорыва из надвигающегося «котла». В 14.45 20 ноября Паулюс отдает приказ на формирование линии обороны фронтом на запад. Ключевыми моментами этого приказа были следующие решения:

«2. Армия [6-я] прекращает свои атаки в Сталинграде и удерживает свои прежние позиции. Она перебрасывает силы в тыл своего западного крыла, чтобы сперва образовать там линию обороны. Позднее предусматривается наступление с этой линии в направлении на запад.

3. Командование LI армейского корпуса вечером 20.11. принимает участок, до того занятый XIV танковым корпусом. Этот [по-видимому, речь о LI А.К. – Прим. переводчика] корпус удерживает позиции на своем новом участке.

Командования VIII и XI армейских корпусов удерживают свои прежние позиции. Они подготавливают отвод резервов согласно отдельным приказам.

XI армейский корпус образует на рубеже Логовский – высоты севернее Цымлов линию обороны, которая по мере прибытия новых сил должна быть продлена далее на юг. Особое внимание уделить противотанковой обороне.

4. XIV танковый корпус принимает на себя, после прибытия в Суханово, оборону западного

фланга армии, примыкая к XI армейскому корпусу, и охрану [железной] дороги от Поршин (включительно) до Чир.

Ему будут подчинены:

24-я танковая дивизия: в процессе переброски через Калач в район Еруслановский – Скворин;

16-я танковая дивизия: должна быть переброшена по приказу командования корпуса;

295-й и 389-й противотанковые дивизионы: в процессе переброски через Калач;

244-й дивизион штурмовых орудий: в процессе переброски через Песковатка;

Корюк [командир тылового района армии]: с подчиненными [ему] резервными частями в Добринская;

129-е артиллерийское командование;

боевая группа зенитной артиллерии Зелль (легкие зенитки), в настоящий момент в Чир;

командование частей реактивных минометов: в Суровикино, с заданием по охране [жел.]

дороги Роршин – Чир, к которому будут переброшены и ему подчинены 354-й гренадерский полк 403-й охранной дивизии, перебрасывается маршем через Морозовская на Обливская, и 7,

10 бронепоезда, перебрасываются на Морозовская.

О разделительной линии от XI армейского корпуса и предполагаемом подчинении частей 14-й танковой дивизии последует [отдельный] приказ».

Нельзя не отдать должное хладнокровию командования 6-й армии. Решения принимались быстро, но вполне осмысленные. «Палочка-выручалочка» 6-й армии, XIV танковый корпус, снимался с фронта к северу от Сталинграда и выдвигался на запад. В одном из первых с начала «Урана» приказе Паулюса четко просматривается стремление к прорыву из формирующегося «котла» – «предусматривается наступление с этой линии в направлении на запад». Но что самое интересное, назначенные позиции находились совсем не там, где в итоге стабилизировалась линия фронта на западном фланге «котла». Стремление с самого начала опереться на старую советскую линию обороны в приказе отсутствует. Фронт планировалось формировать к западу от Дона. Перечисленные в приказе населенные пункты Суханов, Скворин, Еруслановский находятся на западном берегу Дона к северо-востоку от Калача. Сам Калач становился важным перевалочным пунктом для выдвигавшихся на новый фронт соединений. Паулюс, очевидно, стремился сохранить задонскую часть армии максимальных размеров как наиболее подходящий плацдарм для прорыва на запад.

Однако быстрое развитие событий на подступах к Калачу не позволило 6-й армии сформировать сильный плацдарм на западном берегу Дона. XXXXVIII танковый корпус, ввязавшийся во встречный бой с корпусами 5-й танковой армии, не мог построить устойчивой обороны. Наступающие советские войска не без труда, но довольно быстро нащупывали просветы в построении противника.

Сражение советской пехоты с румынской танковой дивизией продолжилось 21 ноября. 50-я гвардейская и 119-я стрелковые дивизии развернулись фронтом на восток и стали оттеснять румын от дороги на Перелазовский. В самом Перелазовском для его закрепления занял оборону полк 119-й стрелковой дивизии. 26-й танковый корпус оставался в Перелазовском до 12.00. Неясно, продолжался ли полдня подсчет трофеев или же корпус был задержан какими-то более серьезными причинами. Однако на пути корпуса не было крупных сил противника. Поэтому, когда он выступил в 13.00 из Перелазовского, под гусеницы советских танков быстро легли Зотовский, Калмыков, Рожки. По дороге советские танкисты громили тылы румынских частей, отходивших перед фронтом 21-й армии.

«Сталинские органы» завершают концерт. Залп «катюш» обычно следовал в конце артподготовки

В противоположность своему удачливому соседу, 1-й танковый корпус 21 ноября не смог развить стремительного наступления на юг, к назначенной ему планом Нижне-Чирской. К рассвету 21 ноября корпус Буткова силами 89-й танковой бригады достиг Бол. Донщинки. Здесь он столкнулся все с той же 22-й танковой дивизией, перешедшей к обороне. В этом районе был висевший в воздухе правый фланг позиций немецкого соединения. Все попытки танкистов Буткова взять Бол. Донщину с хода успеха не имели. Выставив прикрытие, корпус развернулся назад и кружным путем через уже захваченный соседом Перелазовский к исходу дня вышел к Липовскому. Это был тот населенный пункт, который по плану должен был быть захвачен уже вечером первого дня наступления. В итоге только на третий день боев 1-й танковый корпус занял этот район и до 24.00 заправлялся и подтягивал отставшие машины. Вместе с 1-м танковым корпусом застряли 8-й кавкорпус и 8-й мотоциклетный полк. Последний был даже временно выведен в резерв ввиду туманных перспектив ввода в прорыв и выпавшего снега, затруднившего движение мотоциклов. В ночь на 22 ноября Романенко получил выволочку от Ватутина. Командующий фронтом указывал командарму-5 на «невыполнение задач армией и неудовлетворительную работу 1 тк, 8 кк и 119 сд». Одновременно Ватутин поставил задачи на наступающий день:

- 1 тк – овладеть Суровкино;
- 26 тк – овладеть Калач;
- 8 мцп – овладеть Обливская;
- 8 кк – выйти в район Осиновская, Ново-Степановский.

Этим приказов менялись задачи подвижным соединениям 5-й танковой армии относительно заложенных в плане операции. 8-й кавкорпус направлялся дальше на юг, 1-й танковый корпус перенацеливался с Дона на Чир.

Днем 22 ноября 1-й танковый корпус наконец-то вырвался на оперативный простор. Как следует из приказа командира корпуса, в котором звучали слова «учитывая дезорганизацию и замешательство противника, рассчитывая на панику», советское командование в тот момент несколько недооценивало противника. Бутков разбросал корпус веером на фронте более 40 км от Суровкино на Чире до Пятиизбянского на Дону. При этом на Суровкино, назначенное Ватутиным «шверпунктом» [294], был направлен всего один батальон мотострелков. В полдень 22 ноября он атаковал Суровкино, но успеха не имел. Сегодня мы можем сказать, кто противостоял советским

частям в этот момент. Это был 36-й эстонский полицейский батальон (так называемые «шума») численностью около 450 человек. Первоначально он направлялся в район Сталино (Донецк) для использования по прямому назначению. Но в связи с советским наступлением коллаборационистов отправили на передовую. 22 ноября они были обстреляны на станции Суровкино, выгрузились и заняли оборону. Если бы они были атакованы танками, то вряд ли эстонские полицейские продержались хотя бы час. Батальон же советских мотострелков после неудачи захвата станции кавалерийским наскоком занял оборону, а потом и вовсе отказался от штурма назначенного из штаба фронта объекта. Как указывалось в отчете штаба корпуса, «с наступлением темноты свернулся и ушел».

Румынские солдаты, захваченные в плен войсками 57-й армии. Ноябрь 1942 г.

Тем временем разбросанные на большом пространстве части корпуса к концу дня вышли в район Тузов, Лысов, в который по плану предполагалось выйти уже на второй день операции. Фактически главная задача дня не была выполнена. Это было следствием метаний между новыми и старыми задачами. План операции нацеливал 1-й танковый корпус на форсирование Дона. Новая цель, поставленная Ватутиным – Суровкино, – лежала на Чире. Возможно также, что Бутков по инерции стремился прорваться через Дон, оставляя Суровкино на потом. Именно поэтому он направил одну из бригад в Пятиизбянский на Дону. Есть, впрочем, еще один момент, который может служить объяснением невнимания командира 1-го танкового корпуса к Суровкино. Выше уже цитировался разговор Буткова с Жуковым (в пересказе Буткова) незадолго до начала «Урана». Жуков, напомним, ориентировал его относительно немецких резервов в Нижне-Чирской и необходимости защиты фланга корпуса Родина. Действия командира 1-го танкового корпуса 22 ноября показывают, что он явно тяготел к Нижне-Чирской, стремясь также не отрываться от 26-го танкового корпуса, за фланг которого его сделал ответственным сам Жуков.

3-я румынская армия в «котле». На третий день наступления, 21 ноября, соединением войск 5-й танковой и 21-й армий было завершено окружение главных сил 3-й румынской армии. Общее руководство окруженными войсками легло на плечи генерала Ласкара. Командующий 3-й румынской армией запросил Антонеску о дальнейших действиях (имея в виду получить разрешение на прорыв для группы Ласкара), но получил ответ подчиняться приказам группы армий «Б».

Первое предложение о сдаче, последовавшее от советского командования в 2.30 22 ноября,

румынами было отвергнуто. Поначалу они попытались действовать как немцы. В расположении окруженных войск приземлились пять румынских Ю-52 и доставили окруженным боеприпасы, продовольствие и вывезли 60 раненых. Впрочем, возможности румынских ВВС были более чем скромными. Обеспечить настоящий воздушный мост они не могли. У окруженных румын оставалось не более 40 выстрелов на орудие, многие солдаты не ели по три дня.

Командиры окруженных румынских соединений генералы Ласкар, Мазарини и Сион на совещании в Головском приняли решение прорываться в 22.00 22 ноября. Но в планы прорыва вскоре вмешалось наступающие советские стрелковые части. Советская пехота атаковала Головский с запада, генерал Ласкар был захвачен в плен. Потеря штаба 6-й пехотной дивизии привела к тому, что радиосвязь окруженных частей с командованием была потеряна. Последние очаги сопротивления в расположении окруженных румынских войск были уничтожены к 25 ноября. Советскими войсками было захвачено в плен 27 тыс. человек.

Вкус «молниеносной войны». Советские танки едут ночью с зажженными фарами. Перед нами Т-34 с башней-«гайкой» и радиостанцией

Переправа у Калача захвачена . В ночь на 22 ноября 26-й танковый корпус продолжал свой бег к Калачу. К мосту через Дон был отправлен передовой отряд из двух рот мотострелков 14-й мотострелковой бригады, пяти танков 157-й танковой бригады и одной бронемшины. Командиром отряда был командир 14-й мотострелковой бригады подполковник Филиппов. Когда около 6.00 22 ноября отряд подошел к мосту через Дон у Калача, немецкая охрана моста не могла поверить, что в таком глубоком тылу могут появиться танки противника. Когда охрана моста опомнилась, было уже поздно. Ни взорвать мост, ни остановить идущие к нему «тридцатьчетверки» немцы не успели. Дёрр приводит объяснение легкости захвата переправы: «Другая танковая часть русских подошла к мосту и с ходу захватила его без боя, так как охрана моста приняла ее за немецкую учебную часть, оснащенную трофейными русскими танками, которая часто пользовалась этим мостом» [295] . В целом эпизод был достаточно характерным для маневренных операций. Сплошь и

рядом быстрый прорыв заставлял охрану мостов врасплох, и они попадали неповрежденными в руки наступающего. Это была огромная удача. Успешность наступления по сходящимся направлениям Юго-Западного и Сталинградского фронтов во многом зависела от успешного форсирования разделявшего фронты Дона. Тем временем днем 22 ноября главные силы 26-го корпуса были задержаны на подступах к переправе на рубеже совхозов «Победа Октября» и «10 лет Октября». Здесь бойцы и командиры корпуса Родина встретили призраки летних сражений. На высоте 162,9, запорошенные снегом, стояло около полусотни подбитых танков Т-34 и Т-60. Некоторые из них теперь использовались немцами в качестве огневых точек. Только в ноябре 1942 г. противники менялись местами: советские части пробивались к Калачу, а немцы пытались его удержать. Серьезным преимуществом было то, что передовой отряд уже держал переправу. Однако он был окружен, и пробиться к нему пока не удавалось. Попытка 157-й танковой бригады взять высоту грубой силой, т.е. лобовым ударом, успеха не имела, было решено обойти ее справа. К 14.00 заставленная призраками высота была захвачена, а оборонявшиеся здесь немецкие части отошли вдоль Дона на север, к Рычковскому. Тем временем 19-я танковая бригада к 20.00 переправилась через Дон и сосредоточилась в лесу северо-восточнее Калача.

23 ноября состоялся бой за сам город Калач. Ночью оборона была прорвана разведкой. В 7.00 Калач был атакован 19-й танковой бригадой с севера. В 10.00 танки ворвались в город, но мотострелки бригады были остановлены огнем четырех ДЗОТов на его окраине. Ввод в бой мотострелковой бригады корпуса также не принес успеха. Командир 157-й бригады корпуса вывел танки на высоту на западном берегу Дона и переправил по льду мотострелков. Меткий огонь по Калачу и атака с тыла заставили немцев дрогнуть и заметаться. Очередной атаки с севера гарнизон Калача не выдержал, и к 14.00 (по другим донесениям, к 16.00) город был полностью в руках советских войск. В городе трофеями советских войск стало множество автомашин, тягачей и другого имущества. Также было освобождено около 1500 военнопленных. Однако их первые рассказы несколько омрачили радость победы. По сообщению освобожденных пленных, «20 и 21 [ноября] через Калач на правый берег Дона переправилось до 100 танков. В каком направлении они ушли, неизвестно. Шли они из-под Сталинграда» [296]. Сотня немецких танков где-то в тылу, между Доном и Чиром, заставляла держаться настороже. Впрочем, необходимо отметить, что такого количества танков в боевых группах, посланных Паулюсом к Калачу, все же не было. Остроты этим показаниям бывших военнопленных придавал тот факт, что в самом 26-м танковом корпусе на тот момент оставалось всего 35 танков. Он добрался до конечной цели наступления буквально на излете. Если бы в районе Калача у немцев нашлось достаточно сил для построения прочной обороны, операция «Уран» была бы поставлена на грань катастрофы.

С 4.00 24 ноября 26-й танковый корпус передавался 21-й армии. Произошло разделение задач между 5-й танковой армией на внешнем фронте окружения и 21-й армией – на внутреннем.

Маргабал «малого котла». В знаменитом сражении на окружение у Канн 216 г. до н.э. правым и левым флангами войск Ганнибала командовали военачальники Маргабал и Гасдрубал соответственно. 3-му кавалерийскому корпусу, который предлагал использовать А.И. Еременко для броска к Калачу в своем послании в Ставку от 6 октября, все же довелось участвовать в операции «Уран». Разумеется, задача ему была поставлена куда более реалистичная, чем предлагал командующий Сталинградским фронтом. Кавалеристов предполагалось использовать в наступлении с плацдарма у Клетской совместно с 4-м танковым корпусом А.Г. Кравченко. Они должны были выполнить ту же задачу, что и войска карфагенского военачальника Маргабала, – стать правым флангом «канн» для задонской группировки армии Паулюса.

После почти месяца боев у семафора 4-й танковый корпус был выведен в резерв и восстанавливал силы. К началу контрнаступления под Сталинградом корпус генерала Кравченко уже был в хорошей форме (см. таблицу).

НАЛИЧИЕ БОЕГОТОВЫХ ТАНКОВ В 4-М ТАНКОВОМ КОРПУСЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ОПЕРАЦИИ «УРАН» [297]

	КВ	Т-34	Т-70	Всего
45 тбр	22	–	26	48
102 тбр	–	30	18	48
69 тбр	–	28	19	47
Итого	22	58	63	143

Советское командование разумно решило, что расходовать на образование окружения 3-й румынской армии подвижные соединения незачем. Поэтому 4-му танковому и 3-му гв. кавалерийскому корпусам досталась задача северной «клешни» окружения задонской группировки 6-й армии. Было принято стандартное построение «нитка за иголкой»: впереди танковый корпус, за ним – кавалерийский корпус. Брешь в обороне румынских войск для двух корпусов пробивали 293-я и 176-я стрелковые дивизии. В 7.00 утра 19 ноября рев артиллерии возвестил о начале наступления 21-й армии. После 50-минутной артподготовки в атаку поднялась пехота. Однако полностью прорвать оборону противника стрелковые части не смогли. В 12.00 первого дня операции 4-й танковый корпус был введен для завершения взлома обороны румынских войск. Без особых усилий преодолев остатки обороны противника, корпус вошел в прорыв в полосе 8 км и двумя колоннами устремился на юго-восток, к Дону. Потерями первого дня наступления стали 5 КВ, 19 Т-34 и 3 Т-70. Скорее всего, они пали жертвой боевой группы Симонса, выдвигавшейся к Клетской. К вечеру танкисты Кравченко вышли в район Манойлин, Майоровский, покрыв половину пути от Клетской до Дона. Полностью выполнив задачу дня, танковый корпус 20 ноября приводил себя в порядок, пополнялся боеприпасами и заправлялся горючим. Вслед за 4-м танковым корпусом вошел в прорыв 3-й гв. кавалерийский корпус. Конников Плиева несколько задержало то, что проделанные стрелковыми частями проходы в минных полях не были обозначены и потребовалось проводить их прощупывание силами своих саперов.

В 7.00 21 ноября 4-й танковый корпус продолжил наступление. В этот день на западном берегу Дона появились первые отряды подвижных соединений из числа высланных Паулюсом 20 ноября (см. выше). Однако они не смогли оказать серьезного сопротивления, и к 15.00 корпус А.Г. Кравченко вышел к Дону с запада. Потери за день составили 3 КВ, 3 Т-34 и 10 Т-70. Трофеями дня стали 550 автомашин, аэродром с 25 самолетами, несколько складов, в том числе немецкий склад трофейного вооружения, на котором обнаружилось 150 станковых пулеметов «максим».

Поскольку 3-й гв. кавкорпус в ходе своего продвижения также стал сталкиваться с отрядами противника, имеющими в своем составе танки, конникам Плиева были выделены рота Т-70 и взвод Т-34, сопровождавшие их до р. Дон. Кавалеристы вышли к Дону 22 ноября, на сутки позже танкистов. Однако подтягивание достаточно многочисленного кавалерийского корпуса существенно усилило группировку советских войск на западном берегу Дона.

Успех с переправой у Калача – это самый известный, но не единственный случай захвата переправ с ходу советскими танкистами в ходе ноябрьского контрнаступления под Сталинградом. Танкисты Кравченко отличились вечером 22 ноября, когда передовой отряд для захвата переправы успешно выполнил свою задачу и овладел переправой у Рубежинского, к северу от Калача. Выбранная Паулюсом стратегия удержания плацдарма на западном берегу Дона высылкой отрядов из состава подвижных соединений работала против него. Переправы, несмотря на риск их захвата, не взрывали, т.к. по ним должны были проходитьдвигающиеся с востока на запад части танковых и моторизованных дивизий 6-й армии. После захвата движение пошло в обратную сторону – к 10.00 23 ноября 4-й танковый корпус сосредоточился на восточном берегу Дона.

Гасдрубал «малого котла» терпит неудачу. Не все советские наступления были столь же успешны, как удары 21-й и 5-й танковой армий. Единственный танковый корпус Донского фронта предполагалось использовать для расчленения окружаемой группировки противника стремительным прорывом вдоль берега Дона. Для задонской группировки армии Паулюса были заготовлены «канны», роль конницы Гасдрубала в которых досталась 24-й армии И.В. Галанина.

16-й танковый корпус после неудачных наступлений сентября 1942 г. к ноябрю практически полностью восстановил свою боеспособность. Он насчитывал 5654 человека личного состава,

115 танков, 10 бронетранспортеров, 6 бронемашин, 500 автомашин и 30 мотоциклов. Состав танкового парка 16-го танкового корпуса к началу наступления показан в таблице.

СОСТОЯНИЕ БОЕВОЙ МАТЧАСТИ 16-ГО ТАНКОВОГО КОРПУСА К 23 НОЯБРЯ 1942 г.
[298]

	КВ	Т-34	Т-70	Т-60	Всего
107 тбр	29/32	—	—	11/17	40/49
109 тбр	6/8	17/19	—	14/14	37/41
164 тбр	—	20/28	5/10	3/12	28/50

В числителе – боеготовые машины, в знаменателе – общее число танков

Танки Т-60 в ноябре 1942 г. смотрелись в лучшем случае смешно, но впоследствии они использовались в 16-м танковом корпусе как бронированные подвозчики боеприпасов для КВ и Т-34. Большим шагом вперед было выделение радиальных танков для арткорректировщиков. С ними проводились тренировки, и танки в наступлении получали хотя бы теоретическую возможность получать оперативную поддержку артиллерии. Корпус генерала Маслова предусматривалось ввести в прорыв. Оборону противника по плану наступления 24-й армии пробивали 214, 120 и 49-я стрелковые дивизии, развивала их успех 84-я стрелковая дивизия. После взлома обороны противника на всю глубину наступало время 16-го танкового корпуса. Он должен был прорваться к переправе и отрезать пути к соединению с основными силами 6-й армии задонской группировке противника (XI армейскому корпусу). Противником соединений 24-й армии была 76-я пехотная дивизия – ветеран сражений за «наземный мост».

Вперед в историю! Советские пехотинцы идут в атаку

24-я армия перешла в наступление 22 ноября, но успеха не имела и на рубеж ввода танкового корпуса в прорыв не вышла. Задача была изменена. 23 ноября в 7.00 утра две бригады 16-го танкового корпуса перешли в наступление в боевых порядках стрелковых соединений 24-й армии. Фактически корпус становился средством непосредственной поддержки пехоты. Неприятности начались уже в первые часы наступления. Проходы в собственных минных полях не были как следует обозначены. В условиях равнинной местности без четких ориентиров танки мимо расчищенных проходов промахнулись. В результате на советских минных полях бригады корпуса потеряли 14 танков, а на немецких минных полях – еще 12 танков. Результативность советских минных полей в выбивании танков корпуса оказалась даже несколько большей, чем минных полей противника. Противотанковой артиллерией немцев было сожжено 3 КВ, 2 Т-34 и 2 Т-60. Общие потери первого дня наступления составили 55 машин (включая подбитые), почти половину

первоначальной численности танкового парка. Дальнейшее развитие событий вызывает устойчивое чувство дежавю с сентябрьскими наступлениями Сталинградского фронта. 24 ноября в 8.00 оставшиеся в строю 59 танков 16-го танкового корпуса атаковали противника на максимальных скоростях, ведя огонь из пушек и пулеметов. Мотострелковые части были отсечены огнем противника. Радийные танки с арткорректировщиками были подбиты, и четкого взаимодействия с артиллерией не получилось. Про действия «царицы полей» в отчете корпуса были написаны до боли знакомые слова: «Пехота стрелковых соединений не поднялась и осталась лежать перед проволочными заграждениями противника» [299]. Потери второго дня наступления составили 3 КВ и 4 Т-34 сгоревшими, 7 КВ, 3 Т-34 и 2 Т-60 подорвавшимися на минах. Общие потери дня составили 33 машины. В отличие от маневренных сражений, ремонтный фонд не терялся, и за 24 ноября было восстановлено 13 танков. Тяжелые потери двух прошедших дней это не компенсировало, но хотя бы позволяло поддерживать корпус на плаву. 25 ноября в наступлении участвовал 31 танк. 26 ноября оставшиеся танки корпуса в количестве 17 штук сводятся в одну бригаду (164-ю). В последующие дни сводная бригада вела бои, решая задачи непосредственной поддержки пехоты. К вечеру 30 ноября от нее остается 2 Т-34 и 2 Т-60. Одним словом, все было очень похоже на наступления двухмесячной давности. Разнообразие вносили только потери от минных полей (своих и противника).

Одной из основных причин неудач 24-й армии было неверное определение начертания переднего края противника. Соответственно артиллерийская подготовка была проведена по позициям, которые занимались боевым охранением, а не основными силами обороняющихся немецких частей. Что интересно, среди офицеров на Донском фронте был человек, который бил в колокола и говорил, что начертание переднего края противника определено неверно. Это был полковник Косогорский из группы офицеров Генерального штаба Красной армии. Еще за 10–12 суток до начала операции он с данными агентурной разведки (несколько раз проходившей в район предстоящего наступления) доказывал, что у противника на участке намечающегося прорыва или боевое охранение, или ложный передний край. Свою точку зрения Косогорский довел до командующего 24-й армией генерал-майора Галанина, начальника штаба 24-й армии полковника Верфоловича, члена Военного совета 24-й армии полковника Гаврилова, командующего артиллерией 24-й армии генерал-майора Глебова, командира 16-го танкового корпуса генерал-майора Маслова. Но полковнику Косогорскому не поверили. В штабе 16-го танкового корпуса пользовались аэрофотоснимками из разведотдела фронта за 4 ноября 1942 г., которые не давали действительного положения противника к началу советского наступления. Начинался новый период войны, когда немцы пытались вывести войска из-под удара советской артиллерийской подготовки, а советское командование, напротив, стремилось застать солдат и офицеров противника на позициях и уничтожить большую их часть уже первым ударом.

Частичный успех в борьбе с задонской группировкой 6-й армии был достигнут только за счет блестящего броска к Дону корпусов А.Г. Кравченко и И.А. Плиева с плацдарма у Клетской. Захватив плацдарм на левом берегу Дона и подтянув к реке кавалерию, группа из двух корпусов начала продвигаться по обоим берегам Дона на северо-восток, навстречу войскам Донского фронта. Угроза перехвата переправ за счет этого маневра вынудила Паулюса принять решение об эвакуации XI армейского корпуса с правого берега Дона. Отсечение от 6-й армии крупного куска и его «съедание» отдельно не было реализовано. Наоборот, за счет отвода XI корпуса немцы получили в свое распоряжение соединения для построения устойчивого западного фаса «котла».

Механизированные клещи

Тяжелая поступь механизированных корпусов. Отличительной чертой южной «клешни» советских «канн» была большая доля подвижных соединений. Слабость связывающих ударную группировку Сталинградского фронта со страной коммуникаций не позволяла надеяться на проламывание обороны противника массой пехоты с последующим вводом в прорыв танковых соединений. Накопление крупных масс пехоты и артиллерии в полосе 51-й и 57-й армий и последующее их снабжение всем необходимым было утопией. Поэтому советское командование на этом направлении сделало ставку на механизированные корпуса.

Общая численность всех частей и соединений 57-й армии на 20 ноября 1942 г. составляла

39 400 человек. Из этого числа 20 180 человек входило в состав стрелковых частей, а 12 337 человек – в состав 13-го механизированного корпуса. Общая численность 51-й армии на 20 ноября 1942 г. составляла 44 446 человек. Из этого числа 15 651 человек насчитывал 4-й механизированный корпус, а 24 026 человек – стрелковые соединения армии. Таким образом, число солдат и командиров в составе подвижных войск обеих армий было вполне сравнимо с численностью их стрелковых войск.

Помимо 13-го механизированного корпуса, в составе танковых войск 57-й армии были 90-я и 235-я танковые бригады. В составе первой было 3 КВ, 14 Т-34 и 9 Т-70, в составе второй – 26 КВ и 2 Т-34. Эти танки планировалось использовать исключительно для непосредственной поддержки пехоты. Также в танки НПП попала часть сил 4-го механизированного корпуса.

История с использованием танков свежесформированных мехкорпусов в качестве подпорки стрелковых частей заслуживает отдельного описания. За несколько дней до наступления, 17 ноября 1942 г., Еременко запрашивает у Жукова: «Прошу разрешения использовать два полка тов. Вольского, а с подходом [танков] ему будут возмещены». Ему ответил А.М. Василевский: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает принять все меры к скорейшей подаче отд. танковых полков 51-й армии и лишь в крайнем случае разрешает использовать с пехотой два танковых полка Вольского, но не за счет полков мехбригад».

Судя по всему, аналогичная переписка имела место не только по 4-му мехкорпусу, но и по 13-му мехкорпусу. Из состава того и другого соединения были изъяты танки. Но в отличие от 4-го механизированного корпуса, в 13-м механизированном корпусе не было отдельных танковых полков. Поэтому, несмотря на запрет использования танковых полков мехбригад корпусов для прорыва обороны, они были задействованы в качестве средства непосредственной поддержки пехоты 57-й армии.

Наступление Сталинградского фронта шло волной от правого крыла к левому. Первой перешла в наступление 51-я армия. Артподготовка в полосе армии началась в 7.30, в 8.30 части армии перешли в атаку и к 10.00 на всех участках атаки ворвались на позиции переднего края противника. Удар пришелся по стыку 1-й и 18-й румынских пехотных дивизий, занимавших оборону на широком фронте.

Изъятые из состава 4-го механизированного корпуса танки были использованы для непосредственной поддержки пехоты. Наступление 126-й стрелковой дивизии поддерживал 158-й танковый полк, а 302-ю стрелковую дивизию – 55-й отдельный танковый полк. К 11.30 задача была выполнена: оборона противника была прорвана на всю глубину. Результаты работы танковых полков нельзя не признать впечатляющими. 158-й танковый полк за 20 ноября уничтожил 8 орудий и 23 ДЗОТа с гарнизонами, 55-й танковый полк – 12 орудий, 42 ДЗОТа с гарнизонами. Также было захвачено 18 противотанковых пушек. Потерями 158-го танкового полка стали 8 Т-34 (5 сгорело и 3 подорвались на минах) и 4 Т-70, плюс 6 Т-34 застрявшими в болоте, 55-го танкового полка – 2 Т-34 и 3 Т-70 от огня противника и 3 застрявшими в болоте.

В 11.20 20 ноября 4-й механизированный корпус получил приказ на ввод в прорыв. В 13.30 масса танков и автомашин пришла в движение. Корпус входил в чистый прорыв, ему не требовалось допрорывать оборону противника. Колонны двигались, не встречая сопротивления. К 19.30 части корпуса Вольского вышли в район узла дорог Плодовитое. Местных жителей в Плодовитом не было, проводника взять было неоткуда, голая степь практически не давала ориентиров. Далее мехбригады продвигались, можно сказать, на ощупь. К рассвету 21 ноября части корпуса Вольского вышли к железной дороге Сталинград – Сальск на участке от станции Абганерово до станции Тингута.

Основные силы корпуса отстали, и поэтому станция Абганерово была захвачена частями штаба корпуса, 44-м бронебатальоном (БА-64) и 61-м мотоциклетным батальоном. На станции был захвачен эшелон с войсками и артиллерией, склады, автомашины и другое имущество. Среди захваченных трофеев также было 150 орудий советского производства, скорее всего, захваченных немцами в оборонительной фазе битвы. Сдав Абганерово частям 4-го кавкорпуса, механизированные бригады корпуса Вольского продолжили наступление. В середине дня были захвачены станции Тингута, Абганерово, разъезд «74 км» и Зеты. За 20 и 21 ноября 4-й мехкорпус захватил 10 танков, 44 орудия, 600 автомашин, около 7000 пленных. Собственные потери составили 16 убитыми и 45 ранеными.

Следующей в идущей от правого фланга к левому стала 57-я армия. Артиллерийская

подготовка здесь началась в 9.30, на два часа позже соседа. В 10.30 армия перешла в наступление, а уже к 12.00 передний край противника был прорван. Удар пришелся по оборонявшейся на 18-км фронте 2-й румынской пехотной дивизии. Первыми атаковали стрелковые части 57-й армии при поддержке танковых бригад и танковых полков. 169-я стрелковая дивизия наступала совместно с 90-й танковой бригадой. Наступление не было прогулочным маршем. Оперативным резервом немцев на этом направлении была 29-я моторизованная дивизия. В первый день советского наступления ее собирались направить на север, в подчинение XXXXVIII танкового корпуса. Однако начало советского наступления к югу от Сталинграда вынудило бросить дивизию в контрнаступление. Увидев танки, части 169-й стрелковой дивизии стали отходить. Положение спасли танки 90-й танковой бригады, подбившие несколько танков противника. Однако дальнейшее продвижение советских войск было остановлено. 169-я стрелковая дивизия потеряла за 20 ноября 93 человека убитыми и 257 ранеными. 90-я танковая бригада потеряла 2 Т-34 сгоревшими, 3 КВ, 1 Т-34 подбитым, 1 Т-34 и 1 Т-70 подорвавшимися на минах. Другие соединения 57-й армии встретили меньшее сопротивление. 422-я стрелковая дивизия потеряла 7 человек убитыми и 129 ранеными, 143-я стрелковая бригада – 7 человек убитыми и 174 ранеными.

Если 169-я стрелковая дивизия встретила сопротивление резервов противника в лице 29-й моторизованной дивизии, то на пути 422-й дивизии встало несколько неожиданное препятствие. По сигналу «Атака» 176-й танковый полк двинулся в атаку вместе с пехотой 422-й стрелковой дивизии. К 13.00 оборона противника была прорвана, но удар последовал с неожиданной стороны. После прорыва обороны танковый полк напоролся на ранее установленные (в оборонительной фазе битвы) и оставшиеся в тылу румынских войск мины. В результате подорвались 19 Т-34 и 3 Т-70. Потери от ПТО противника составили один танк Т-70 сгоревшим и один Т-34 подбитым. Таким образом, за первый день наступления полк лишился 24 танков из 28 имевшихся к началу наступления. Участие полка в наступлении Сталинградского фронта было прервано. Более того, утратила свои ударные возможности 61-я механизированная бригада 13-го мехкорпуса, которой принадлежал этот полк.

Однако главной фигурой в наступлении 57-й армии был 13-й механизированный корпус. Он был введен в прорыв по приказу командующего 57-й армией в 13.30 20 ноября 1942 г. Части 29-й моторизованной дивизии, приостановившие наступление советской пехоты, были сбиты со своих позиций. Наступающий корпус Т.С. Танасчишина пересек железную дорогу на Сталинград и продвигался далее к Нариману.

На подступах к Нариману 13-й танковый корпус и 169-я стрелковая дивизия с 90-й танковой бригадой отразили последние контратаки 29-й моторизованной дивизии. 21 ноября немцы были выбиты из Наримана. Дёрр пишет об этом: «4-я танковая армия бросила в бой свой резерв – 29-ю моторизованную дивизию. Она вначале восстановила положение, но впоследствии не смогла удержать позиции» [300]. Фактически войска 57-й армии наступали почти по тому же маршруту, по которому шел на Сталинград Г. Гот в августе 1942 г.

Ночью 22 ноября 4-й мехкорпус получил приказ заместителя командующего Сталинградским фронтом М.М. Попова к исходу дня захватить Советский и выдвинуть передовой отряд на Карповку. Корпус к тому моменту двигался вперед в прямом смысле этого слова вслепую. Никаких данных о противнике на направлении наступления ни от штаба 51-й армии, ни от штаба Сталинградского фронта не поступало. Заявки на воздушную разведку выполнены не были – из-за плохой погоды авиация фактически бездействовала. Корпус мог лишь светить себе «ближним светом» – посылая по всем направлениям разведотряды на мотоциклах и бронев автомобилях БА-64. Была также установлена связь с соседом справа – 13-м мехкорпусом. Обстановку это прояснило в незначительной степени: были получены расплывчатые сведения об участке фронта справа от полосы наступления. Слева соседей просто не было, одна казавшаяся бескрайней степь. В такой обстановке контрудар мог последовать с любого направления. Густой «туман войны» висел над полем сражения. Оставалось принять все меры предосторожности и уповать на свою счастливую звезду. Вольский выдвинул на фланги сильное боковое охранение и вывел в резерв 60-ю механизированную бригаду.

Вскоре и без того непростая обстановка усугубилась молниями «из стратосферы». При подходе штаба корпуса к Верхне-Царицынскому самолетом был доставлен приказ командующего Сталинградским фронтом А.И. Еременко с задачей захватить Старый и Новый Рогачик, Карповскую, Карповку. Это существенно меняло первоначальную задачу корпуса. Теперь он должен был

отвернуть от точки randеву с Юго-Западным фронтом у Калача и наступать в тыл войскам 6-й армии под Сталинградом. Точнее, корпус разворачивался для сокрушения быстро строящейся обороны 6-й армии фронтом на запад.

Буквально через полчаса после прибытия самолета от А.И. Еременко в штаб корпуса приехал на машине заместитель командующего 51-й армией полковник Юдин. Командиру 4-го мехкорпуса был вручен приказ командарма-51 (в чьем оперативном подчинении находился корпус), подтверждающий ранее поставленную задачу. Мехкорпус должен был захватить Советский и выйти на рубеж Карповка, Мариновка, т.е. примерно на рубеж железной дороги из Сталинграда на Калач. Оказавшись с двумя приказами на руках, Вольский принял компромиссное решение и повернул на Карповку 59-ю механизированную бригаду. Удар на Карповку был безрезультатным – высланные Паулюсом подвижные части заняли старые советские укрепления. Остальные части 4-го мехкорпуса двигались на Советский, выполняя прежнюю задачу.

В итоге Советский был захвачен к 12.20 22 ноября 36-й механизированной бригадой совместно с 20-м танковым полком 59-й механизированной бригады. В городе располагались авторемонтные мастерские, и трофеями корпуса Вольского стали более 1000 автомашин. Также были захвачены склады с продовольствием, боеприпасами и горючим. С захватом Советского было прервано сообщение 6-й армии с тылом по железной дороге.

Интересно отметить, что приказы 4-й механизированный корпус получал делегатами связи. Более того, приказы разных инстанций противоречили друг другу. Согласно отечественной исторической традиции, принято гневно осуждать использование делегатов летом 1941 г. и даже представлять их как одну из причин случившейся катастрофы. Однако это очевидная постановка телеги впереди лошади. Делегаты связи благополучно использовались в успешных операциях Красной армии. Корпуса без особых проблем направлялись командованием в нужную точку без использования идеологически выдержанной радиосвязи.

Шанс на прорыв упущен. Нарастание угрозы с юга все больше сужало поле решений, позволявших 6-й армии избежать катастрофы. Первые неудачи уже заставляли задуматься. Захват моста у Калача и Рубежного означал провал плана Паулюса по удержанию крупного плацдарма на западном берегу Дона. Необходимость выстраивать еще один фронт обороны к юго-западу от Сталинграда приводила к распылению и без того немногочисленных подвижных резервов. Это заставило командующего 6-й армией форсировать подготовку к прорыву из окружения. Вечером 22 ноября в 18.00 радиостанцией армии была передана вышестоящему командованию следующая радиограмма за подписью Паулюса:

«Армия окружена. Несмотря на героическое сопротивление, в руках русских оказались вся Царицынская долина, железная дорога от Советского до Калача, находящиеся в этом районе мосты через Дон, высоты на западном берегу Дона вплоть до Голубинской и Крайнего.

Войска продолжают подходить с юго-востока через Бузиновку и особенно с запада.

Ситуация под Суровикино и Чиром неизвестна.

Под Сталинградом и на северном фронте активная деятельность разведгрупп. Атаки на 4-й армейский корпус и 76-ю пехотную дивизию отражены. На этом участке противник прорвал оборону в нескольких местах. Армия надеется открыть западный фронт восточнее Дона. Южный фронт восточнее Дона еще открыт. Кажется сомнительным, что он может простреливаться из-за значительного ослабления северного фронта и узких линий обороны под Карповкой, Мариновкой и Голубинкой.

Дон покрыт толстым слоем льда, через него можно переходить. Горючее скоро закончится, после чего танки и тяжелые машины встанут, положение с боеприпасами напряженное, продовольствия хватит на шесть дней.

Армия намеревается удерживать оставшийся участок от Сталинграда до Дона и все для этого подготовила.

Надеемся, что южный фронт удастся закрыть, после чего продовольствие может быть доставлено по воздуху.

Прошу свободы действия в том случае, если не удастся создать круговую оборону на юге. В этом случае вынуждены будем сдать Сталинград и северный фронт, чтобы со всеми силами ударить по противнику на южном фронте между Доном и Волгой и соединиться с 4-й танковой армией. Наступление на запад из-за находящихся там мощных сил противника и сложных условий

местности может оказаться безуспешным» [301] .

Если в своем приказе от 20 ноября Паулюс предполагал наступление в направлении на запад, то 22 ноября он уже предлагает прорыв на южном фронте. Действительно, господствующий над восточным берегом западный берег Дона представлял собой выгодную позицию для обороны фронтом на восток. Взломать эту оборону подвижными соединениями было проблематично, а подтягивание пехотных дивизий требовало много времени. 22 ноября Паулюс из штаба, располагавшегося до этого в Нижне-Чирской, вылетел в «котел». Вместе с ним вылетел начальник штаба 6-й армии Шмидт.

В тот же день, 22 ноября, командующий группой армий «Б» генерал-полковник фон Вейхс направил радиogramму командованию сухопутных войск, в которой поддержал предложение Паулюса:

«Несмотря на всю тяжесть принятия данного решения, должен сообщить, что отвод 6-й армии, предложенный генералом Паулюсом, считаю необходимым. Основания:

1. Снабжение по воздуху двадцати дивизий, входящих в состав армии, невозможно. Имеющийся в нашем распоряжении коридор для воздушного транспорта позволяет при соответствующих погодных условиях доставлять в котел лишь десятую часть необходимого ежедневного продовольствия.

2. Поскольку быстрый прорыв с учетом дальнейшего развития ожидаемых событий с полной уверенностью предсказать невозможно, отвлекающий/наступательный маневр, принимая во внимание продолжительность выступления, вряд ли можно будет провести до 10 декабря. Сроки выступления подробно доложены Генеральному штабу сухопутных войск. Запасы 6-й армии быстро уменьшаются, их хватит всего лишь на несколько дней. Боеприпасы быстро расходуются, так как котел подвергается наступательным ударам противника на всех фронтах.

Однако я полагаю, что прорыв 6-й армии на юго-запад разрядит всю создавшуюся обстановку.

Армия является единственной боевой силой, с помощью которой после полного разгрома 3-й румынской армии я еще смогу нанести урон вражеским войскам. Удар, проведенный первоначально в юго-западном направлении и далее северным флангом вдоль железной дороги до Морозовской, ослабит к тому же уже возникшую напряженность на участке Светлое – Котельниково. Наконец, силы 6-й армии допускают возможность создания новых линий обороны и подготовки контрнаступлений.

Я понимаю, что предложенная операция повлечет за собой большие жертвы и, в частности, потери материального характера. Однако эти жертвы и потери будут значительно меньше тех, которые, судя по сложившейся обстановке, возникнут в результате неизбежного голода в частях 6-й армии, находящихся в котле» [302] .

Как мы видим, Вейхс не просто оттранслировал наверх аргументы Паулюса, но расширил ее на всю группу армий «Б». Командующий группой армий обращал внимание на то, что с изоляцией 6-й армии возникает брешь, через которую советские войска могут двигаться дальше на запад.

Однако перед Верховным командованием германской армии и лично Гитлером по-прежнему маячили примеры как успешной обороны, так и успешного сохранения боеспособности окруженных войск. Честно указанные Вейхсом и Паулюсом минусы немедленного прорыва («большие жертвы и, в частности, потери материального характера») выглядели богльшим злом, нежели риск удержания 6-й армией позиций в окружении в районе Сталинграда.

Вскоре угроза окружения стала реальностью. В 16.00 23 ноября части 4-го механизированного корпуса соединились с 26-м танковым корпусом в районе Калача и Советского. Вскоре после этого к Советскому вышли бригады 4-го танкового корпуса. Юго-Западный и Сталинградский фронты прочно соединились друг с другом, замкнув кольцо окружения. Теперь все коммуникации, связывавшие 6-ю армию с основными силами группы армий «Б», были перерезаны.

В первые дни после окружения Паулюс настойчиво добивался разрешения вырваться из «котла» и оставить Сталинград. 24 ноября в 1.15 командующий 6-й армией послал Гитлеру новую радиogramму с предложением прорываться:

«Мой фюрер! После того как была получена Ваша радиogramма от 22 ноября (в ней говорилось о том, что 6-й армии необходимо занять круговую оборону и ожидать деблокирования окруженных войск со стороны), ситуация резко изменилась. Закрыть брешь на западе и юго-западе не удалось. На

этом участке намечаются наступательные действия противника. Боеприпасы и горючее на исходе. Многие батареи, включая противотанковые орудия, израсходовали все свои боеприпасы. Своевременная доставка всего необходимого уже исключена. В самое ближайшее время армии грозит уничтожение, если враг, наступающий с юга и запада, не будет разбит всеми имеющимися в распоряжении силами. Для этого необходимо немедленно вывести все дивизии из Сталинграда и снять мощные силы с северного участка фронта. Неизбежным следствием этого должен быть прорыв в юго-западном направлении, так как из-за ослабления Восточного и Северного фронтов проведение каких-либо операций в данных направлениях уже невозможно. Большое количество техники будет при этом потеряно, но удастся сохранить большинство боеспособных подразделений и, по крайней мере, какую-то часть боевой техники.

Кольцо замкнулось! Встреча войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов

Я полностью несу ответственность за сделанное мной сообщение и хочу также доложить, что генералы Гейц, фон Зейдлиц, Штрекер, Хубе и Йенике так же серьезно оценивают обстановку. Еще раз прошу о предоставлении мне свободы действий». Следует отметить, что единодушия среди командного состава 6-й армии все же не было. В штабе Паулюса был человек, который был против прорыва. Это был начальник штаба армии генерал Шмидт. Командующий 4-м воздушным флотом фон Рихтгофен был одним из тех, кто считал идею снабжения 6-й армии по воздуху утопией. 22 ноября он записывает в дневнике:

«С утра совещание в штабе 6-й армии с участием генерал-полковника Гота (4-я танковая армия), при этом начальник штаба 6-й армии интересовался мнением генерала Пикерта. Последний ответил: “Немедленный прорыв на юго-запад”. Но генерал Шмидт думает по-другому: “Это невозможно по причине нехватки топлива и закончится катастрофой, как в свое время это произошло с Наполеоном”. Тогда Пикерт предлагает использовать его 160 20-мм орудий на марше. Снаряды понесут на руках. Нет! Армия займет «круговую»! Ей приказано оставаться у Сталинграда. На что генерал Пикерт отвечает словами генерала Фибига, что считает утопией снабжение целой

армии по воздуху в зимний период. – Генерал Шмидт не согласен. *“Должно получиться!”* В конце концов, для пропитания можно использовать и лошадей, их в котле достаточно» [303] .

В дальнейшем Шмидт сохранил ту же позицию: прорыв без достаточных запасов топлива равносителен самоубийству и приведет к разгрому, подобному 1812 года.

«Воздушный мост». 22 ноября было одним из поворотных моментов, определивших судьбу армии Паулюса. Приказ Гитлера Паулюсу оставаться в Сталинграде и ждать деблокирующего удара был одной из роковых ошибок немецкого руководства, в конечном итоге приведших к крушению Третьего рейха. В связи с этим имеет смысл остановиться на предыстории этого решения. Известие о прорыве советских танков в тыл 6-й армии застигло Гитлера в Бергхофе, его горной резиденции в Южной Баварии. Вопреки распространенному мнению о том, что пообещал снабжать 6-ю армию по воздуху лично Геринг, первым представителем Люфтваффе, прибывшим в Бергхоф 20 ноября, стал Ганс Ешонец, начальник Генерального штаба Люфтваффе. Геринг был «слишком занят», чтобы участвовать в совещании, – он находился на нефтяной конференции в Каринхалле в Берлине. Гитлер обрисовал Ешонецу ситуацию, объяснив, что 6-я армия будет некоторое время отрезана, пока организуется новая группа армий под руководством Манштейна для ее деблокирования. Далее фюрер потребовал ответа о возможности снабжения 6-й армии по воздуху. Привычкой Гитлера было настаивать на немедленном ответе, очень редко он давал обдумать и обсчитать ситуацию. Ешонец бодро ответил, что если будут привлечены бомбардировщики и будут соответствующим образом подготовлены аэродромы, то снабжение по воздуху будет возможно. Также он обратился к опыту прошлой зимней кампании, указав, что Люфтваффе уже снабжали 100 тыс. человек в «котле» под Демянском. Гитлер услышал то, что он хотел услышать, – оставление Сталинграда не входило в его планы. Успокоенный этим ответом, он приказал Паулюсу оставаться в Сталинграде и ждать, Манштейну – готовить деблокирующий удар. Фактически все решения были приняты до того, как Гитлер первый раз обсудил ситуацию с Герингом. Только 22 ноября состоялся разговор между Гитлером и Герингом. Фактически у Гитлера уже было готовое решение, и рейхсмаршалу оставалось с ним согласиться. Также не имея никаких расчетов о необходимых для доставки в Сталинград объемов грузов и количестве самолетов, которые может привлечь для «воздушного моста», Геринг ответил: «Да, Люфтваффе могут это сделать». Приняв одно из важнейших решений, определивших ход войны, Гитлер отправился на поезде из Бергхофа в «Вольфшанце», свою ставку в Восточной Пруссии. Геринг, в свою очередь, отправился в Париж, на неотложную встречу с торговцами живописью.

Таким образом, с самого начала одним из важных факторов для принятия решения стало отсутствие каких-либо расчетов. Когда были приняты первые решения на организацию «воздушного моста», его возможности не были соотнесены с объемом грузов, необходимых 6-й армии. Строгие расчеты показывают, что для обеспечения 250 тыс. человек, 1800 орудий и 10 тыс. моторов, не считая танков, требовалось 946 тонн в сутки. Командование 6-й армии в первые дни окружения указало сильно заниженную цифру необходимых объемов снабжения, 600 тонн грузов в сутки. Причем в первые дни окружения, с 25 по 29 ноября, доставлялось только по 53,8 тонны в день. Командующий 4-м воздушным флотом Вольфрам фон Рихтгофен уже 21 ноября записал в своем дневнике: «Я прилагаю все усилия, чтобы убедить их, что это не может быть достигнуто, потому что отсутствуют необходимые транспортные ресурсы». Однако в критический период формирования решения Гитлер находился в поездке из Бергхофа в «Волчье логово». Он был лишен возможности выслушать командиров вермахта и Люфтваффе, непосредственно ответственных за проведение операций на земле и в воздухе в районе Сталинграда, и только укрепился в своем решении об организации деблокирующего удара Манштейна и «воздушного моста».

Генерал-полковник Вольфрам фрайхерр фон Рихтгоффен, командующий 4-м воздушным флотом

«Воздушный мост» начинает работу. На одном аэродроме собрались ударные Ю-87 и Хе-111, использовавшиеся в качестве транспортников

Еще одним ни на чем не основанном предположением Ешонека стала сама возможность организации «воздушного моста» в условиях Сталинграда. Под Демянском самолетам требовалось пролететь всего 60–80 км. Под Сталинградом требовалось пролететь в несколько раз больше – 200–300 км. Демянск был второстепенным участком фронта, на котором действовали не самые сильные и многочисленные соединения ВВС Красной армии. Напротив, под Сталинградом состоялось одно из важнейших сражений, и советское командование сразу начало активную борьбу с «воздушным мостом». Еще не зная, что принятое им решение основывается на неверных цифрах и фактах, фюрер в конце ноября с оптимизмом смотрел в будущее. Гитлер, Геринг, Ешонек были уверены, что Манштейн вскоре пробьет коридор к армии Паулюса.

Тем временем снятые из-под Сталинграда части и соединения 6-й армии занимали оборону фронтом на запад. К 22–24 ноября стало приносить свои плоды решение Паулюса с выброской частей 6-й армии на запад. Немцы, опираясь на позиции среднего оборонительного обвода по северному берегу р. Червленная, остановили продвижение соединений 57-й армии. Противником войск армии Толбухина стал IV армейский корпус (295-я и 297-я пехотные дивизии, 29-я моторизованная дивизия, 20-я румынская дивизия). Части 13-го механизированного корпуса образовали внутренний фронт окружения по рубежу р. Червленная к югу от железной дороги Сталинград – Морозовская. Здесь они закрепились и находились в обороне до 27 ноября.

К 25 ноября фронт 6-й армии сократился до 200 км. В окружение попали:

штаб 6-й армии;

IV, VIII, XI, LI армейские корпуса и XIV танковый корпус;

14, 16 и 24-я танковые дивизии;

3, 29 и 60-я моторизованные дивизии;

44, 71, 76, 79, 94, 100, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384 и 389-я пехотные дивизии;

20-я румынская пехотная дивизия;

1-я румынская кавалерийская дивизия;

243-й и 245-й батальоны штурмовых орудий;

2-й и 51-й полки реактивных минометов;

91-й полк ПВО и более 150 артиллерийских подразделений, саперных и строительных батальонов, батальонов военной полиции и другие вспомогательные подразделения. Всего на 25 ноября в составе частей 6-й армии в «котле» было 284 тыс. человек. В эту цифру входят XXXXVIII танковый и IV армейский корпуса, перешедшие в подчинение Паулюса из состава 4-й танковой армии, а также две румынские дивизии (1-я кавалерийская и 20-я пехотная дивизии, 12 607 человек).

Чир. Когда фронт взломан и танковые соединения замыкают кольцо окружения, в тылу окруженных войск образуется пустота. Сплошной фронт на какое-то время перестает существовать. Однако, как гласит известная поговорка, природа не терпит пустоты. Пробитая брешь с той или иной скоростью затягивается за счет резервов. Кроме того, в тылах любой армии далеко не так пустынно, как может показаться на первый взгляд.

Задолго до начала «Урана» в нижнем течении реки Чир были расквартированы учебные подразделения 6-й армии. Они располагались в низовьях Чира и в населенных пунктах к югу от реки: Тормосин, Верхне-Солоновский, Верхне-Аксеновский и других. Здесь располагались полевое офицерское училище и унтер-офицерские школы, а также школы специалистов 6-й армии (которые готовили, например, связистов, саперов). С началом советского наступления из этих школ был сколочен полк, ставший ядром так называемой боевой группы Штумпфельда. Также в эту группу вошли части ПВО, сводные батальоны, 94-й запасной батальон и один батальон из оказавшейся в «котле» 94-й пехотной дивизии. Командиром боевой группы был генерал-майор Ханс-Иоахим фон Штумпфельд, возглавлявший 108-е артиллерийское командование XXXXVIII корпуса. Иногда «дивизию» фон Штумпфельда называют соединением из русских коллаборационистов в армии Паулюса. Однако это не соответствует действительности. Во-первых, она была снаружи «котла». Во-вторых, в составе группы Штумпфельда были немецкие части, никак не связанные с русскими коллаборационистами.

Советским командованием рубеж реки Чир с самого начала был обозначен как внешний фронт окружения. Прорываться дальше за Чир на запад на данном этапе наступления в советские планы не входило. По крайней мере, задачи на другом берегу Чира планово получил только 8-й кавкорпус, и

задачи эти были сугубо разведывательного свойства. Еще 22 ноября, в разгар боев, штаб 5-й танковой армии отдал приказ, не оставляющий сомнений о намерениях относительно дальнейшего продвижения на внешнем фронте окружения: «Частям армии к исходу дня 24.11 построить прочный фронт обороны по р. Чир». Однако выход на рубеж Чира предусматривал ликвидацию плацдармов противника и захват важных опорных пунктов. При этом следует подчеркнуть, что Чир не был задачей номер один. Соединения 5-й танковой армии разделялись на три направления. Левофланговые стрелковые дивизии во взаимодействии с 21-й армией окружали 3-ю армию румын. Танковые корпуса наступали в направлении переправ через Дон. Это направление было на тот момент самым важным.

На Чир были нацелены правофланговые стрелковые дивизии, 8-й кавкорпус и 8-й мотоциклетный полк. Более того, обстановка осложнялась тем, что немалые силы 5-й танковой армии были по-прежнему задействованы против 22-й танковой дивизии. Для сокрушения ее обороны был даже брошен в бой резерв командарма – 346-я стрелковая дивизия.

Подобно тому, как из осколков восстанавливался фронт советских окружений 1941 г., немцы постепенно укрепляли свои силы на внешнем фронте окружения. Из состава 2-й венгерской армии была переброшена 336-я пехотная дивизия, из состава 8-й итальянской армии – 62-я пехотная дивизия, из резерва группы армий «Б» – 294-я пехотная дивизия.

Последние две дивизии объединялись штабом XVII армейского корпуса Холлидта. Также на Чир отошли остатки 14-й пехотной и 7-й кавалерийской дивизий румын, объединенных штабом румынского II корпуса. Таким образом, нельзя сказать, что по одну сторону Чирского фронта были крупные массы танков и пехоты, а по другую – слабые отряды. Как остатки 3-й румынской армии, так нацеленные на Чир части 5-й танковой армии не поражают своей мощью.

С утра 22 ноября 8-й мотоциклетный полк наконец-то получил возможность прорыва к Обливской. Однако вместо быстрого прорыва через Перелазовский на юг к Обливской командир полка подполковник Белик стал выстраивать завесу с целью парализовать тыл противника. Мотоциклетный полк был разбит на ряд засад на перекрестках дорог. При этом собственно на Обливскую был отправлен отряд в составе всего одной мотоциклетной роты, усиленной батареей противотанковых пушек. Естественно, взять такими силами даже обороняемую тыловиками станцию было проблематично. В итоге ни захвата Обливской, ни подрыва железнодорожного моста через Чир не произошло. Более того, расставив засады, 8-й мотоциклетный полк... вернулся в Перелазовский. Если называть вещи своими именами, то навыки ведения маневренных операций подполковник Белик не продемонстрировал. Полк метался вперед и назад, оставляя важный объект (Обливская) неатакованным недостаточными силами. По немецким данным, только с 23 ноября здесь заняли оборону подразделения VIII авиакорпуса (скорее всего, тыловые подразделения и аэродромные команды).

Тем временем на рубеж реки Чир постепенно выходила советская пехота. К 15.00 22 ноября в район Чернышевской вышла 47-я гвардейская стрелковая дивизия. Ниже по течению на Боковскую выходила 159-я стрелковая дивизия. Только эти две стрелковые дивизии 5-й танковой армии поначалу угрожали немецкому фронту на Чире. Причем они действовали в стороне от наименее ценного для немцев нижнего течения реки Чир, в том месте, где она впадает в Дон. Именно здесь оставался удобный плацдарм для деблокирующего удара. Но, как уже было сказано выше, на Чир был перенаправлен Ватутиным 1-й танковый корпус. 22 ноября он еще тяготел к старым задачам, но 23 ноября корпус Буткова силами мотострелковой бригады при поддержке двух танковых бригад захватил станцию Чир. Тем самым было прервано сообщение по железнодорожной ветке Сталинград – Лихая. Снабжение 6-й армии по железной дороге прекратилось (Калач был на ответвлении этой трассы, и его захват никак не мешал ж.-д. сообщению). Если на долю корпуса Родина достался захват моста с ходу, то на долю корпуса Буткова пришелся захват вражеского аэродрома с 20 самолетами. Склад горючего был взорван немцами при отходе, но склад авиабомб остался нетронутым. Тем не менее яркие трофеи могли впечатлить только фронтовых корреспондентов. Позднее в отчете штаба 5-й танковой армии, составленном по итогам боев, действия Буткова в этот период были подвергнуты жесткой критике:

«1 тк вместо того, чтобы с хода, пользуясь деморализованностью противника, бегущего в панике, захватывать пункты на ж.д. магистрали Суровкино – Рычковский, остановился для приведения себя в порядок, частью сил 44 мбр, наступая на Бол. Осинówka, ст. Чир, которые и взял с

малыми силами. Этот факт подтверждается тем, что Суровкино, Рычковский и Верхне-Чирская с полным успехом и малыми потерями крови можно было бы взять, но медлительность в действиях и нерешительность командира корпуса привели к тому, что основная задача была не решена» [304] .

После прочтения таких документов становится понятнее, почему 26-й танковый корпус по итогам Сталинградской битвы стал 1-м гвардейским, а 1-й танковый корпус остался обычным. Резкие выпады командования в адрес нижестоящих командиров отнюдь не всегда были обоснованными, но в данном случае приходится с ними согласиться. Бутков 23 ноября даже не попытался атаковать Суровкино. Более того, против него был... выставлен заслон. Основное внимание уделялось переправам через Дон, т.е. старым задачам, заложенным в план операции. Инерция была слишком сильна.

Однако в тот момент были дороги каждый день и каждый час. Первый приказ боевой группы «Шмидт», оборонявшей впоследствии район Суровкино, датирован 24 ноября, т.е. 23 ноября этой боевой группы как цельной единицы еще не существовало. А уже на следующий день город был занят 3,5 тыс. солдат и офицеров, объединенных единым командованием. К слову сказать, приказ № 1 командира группы полковника Шмидта сам по себе любопытен как отражение тогдашней ситуации на Чире. В приказе, в частности, говорилось: «Товарищи! Вы собраны из различных частей и соединений, но я надеюсь, что вы сплотитесь в единую железную единицу как защитники Нарвика». Завершался он словами: «Для нас теперь или победа, или смерть. Поэтому к победе!» Одной из первых боевых единиц группы Шмидта стал вышеупомянутый 36-й эстонский полицейский батальон. Любопытно отметить, что командир батальона майор Рентор после первых боев сказался больным и вскоре убыл в Таллин. Согласно найденному в ЦАМО исследователем Ю. Мащенко трофейному журналу боевых действий эстонского батальона, 23 ноября в полосе его обороны действия советских войск характеризовались словами «незначительная боевая деятельность», «огневая разведка» и «две легкие атаки противника». Противотанковых орудий батальон на тот момент не имел.

Может возникнуть закономерный вопрос: «А не много ли внимания уделяется этому злосчастному Суровкино?» Война – это такая интересная штука, в которой могут за несколько часов пасть крупные города и неделями держаться богом забытые деревеньки. Война зачастую делает знаменитыми маленькие станции и избушки лесника. Достаточно вспомнить августовские бои, разезд «74 км» и Абганерово. Суровкино стало важным опорным пунктом немцев в треугольнике, образуемом Доном и Чиром. Этот треугольник был хорошим плацдармом для деблокирования армии Паулюса. Забегая вперед, скажу, что далее последует рассказ о тяжелых боях за эту станцию в декабре месяце.

Собирая все попавшиеся под руку части, немцы лихорадочно строили оборону на рубеже Чира, стараясь при этом сохранить плацдармы на его левом берегу. Командир одной из спешно создававшихся боевых групп полковник Вильгельм Адам позднее вспоминал: «На востоке забрезжил рассвет, занимался новый день, 23 ноября. Офицеры штаба продолжали ликвидировать пробку у южного выхода из города. Угрюмо и неохотно выполняли водители отданные им распоряжения. Настроение мгновенно изменилось, когда один из курсантов офицерской школы вскользь заметил, что русские уже оседлали железную дорогу. Тупое безразличие сменилось лихорадочной деятельностью. Сильнее приказа был страх – он побуждал действовать молниеносно. Капитан Гебель организовал в школе в Нижне-Чирской сборный пункт для солдат, отбившихся от своих частей. Со всех сторон туда прибывали отряды под командованием курсантов офицерской школы. Они были вооружены и обеспечены боеприпасами, так что сразу можно было формировать роты и батальоны. Преподаватели офицерской школы были назначены командирами батальонов, курсанты – командирами рот и взводов. Вновь сформированные части немедленно заняли указанные им позиции. К середине дня первые батальоны уже стояли, готовые к обороне, западнее Верхне-Чирской» [305] .

Боевая группа полковника Адама была не самой многочисленной, но у нее было одно преимущество. Она формировалась из выдвинутых к Калачу подразделений дивизий армии Паулюса, т.е. боевых частей, пусть и оторванных от «родных» соединений. Помимо групп Адама и Штумпфельда, на Чире были сформированы боевые группы Целле и Вайке. Полковник Целле отвечал за различные базы и мастерские. Поэтому он мог использовать восстановленные артиллерийские орудия и отремонтированные «Штурмгешюцы». Группа Целле первоначально

формировалась как артиллерийская, потом постепенно стала наполняться пехотой. Группа Вайке была сборной из тыловых частей. В частности, в нее входил батальон «Харьков II», состоящий из собранных в Харькове немецких тылови́ков: мясников, водителей, поваров и даже парикмахеров.

Сильный удар в момент формирования всех этих боевых групп мог привести к крушению фронта на Чире. В некоторой степени Буткова может оправдать то, что в тот момент 1-й танковый корпус уже понес чувствительные потери и не поражал численностью боевой техники. В строю на 18.00 23 ноября было всего 14 Т-34, 8 Т-70 и 10 Т-60.

Такая же нерасторопность была проявлена командиром 8-го мотоциклетного полка. Вернувшись к Перелазовскому, он был задействован на ликвидации засевших в районе Медвежьего и Бол. Донщинки частей 22-й танковой дивизии. Дело очищения коммуникаций 1-го и 26-го танковых корпусов было, несомненно, благородным. Однако с ним вполне могли справиться стрелковые соединения. Против Обливской действовал лишь небольшой отряд, который захватить этот пункт, конечно же, не смог. Нельзя не отметить, что в использовании полка мотоциклистов были серьезные отклонения от первоначального плана. Тех бросков на 100 км вперед с захватом переправ и плацдармов, которые демонстрировали немецкие мотоциклетные части летом 1941 г., советский 8-й мотоциклетный полк подполковника Петра Белика, к сожалению, не повторил.

Островок сопротивления 22-й танковой дивизии отвлекал часть сил 5-й танковой армии, но не мешал самому процессу выхода на Чир советских стрелковых соединений. 23 ноября 159-я стрелковая дивизия ввязалась в бой за Боковский. Взять его с ходу не удалось. Остальные стрелковые дивизии 5-й танковой армии продолжали попытки ликвидировать «волнолом» 22-й танковой дивизии. Введенная из резерва 346-я стрелковая дивизия вместе с 8-й гв. танковой бригадой атаковала Бол. Донщину. Однако утром 23 ноября немецкий гарнизон этого населенного пункта значительно усилился за счет прорыва в него остатков 15-й румынской пехотной дивизии во главе с ее командиром генералом Сионом. В деревню вошли 3600 человек, 1000 лошадей и 18 автомашин. Румыны сразу же заняли оборону, усиленную вкраплением немецких противотанковых пушек. Неудивительно, что атака свежей, но всего одной советской дивизии успеха не имела. Как позднее было констатировано в отчете штаба армии, «встретив сильное огневое сопротивление, в особенности ПТО, в результате чего наступление захлебнулось». Из 8 участвовавших в атаке КВ было подбито 7 машин, из 7 Т-60 сгорело 4. Вечером танки 8-й гв. танковой бригады врывались в село с юга, но захватить его не удавалось. Съеденная мышами проводка вывела из строя танки 22-й танковой дивизии, однако в ней еще оставались мотострелки и артиллерия. Вместе с румынами генерала Сиона они образовали узел сопротивления, который доставил армии Романенко немало хлопот. Прежде всего он отвлекал войска 5-й танковой армии от образования надежного внешнего фронта окружения на Чире.

24 ноября оставшиеся свободными от других задач соединения 5-й танковой армии должны были выйти на рубеж р. Чир вплоть до впадения его в Дон. 159-я стрелковая дивизия вышла на Чир, захватила несколько деревень и начала готовить оборону, одновременно продолжая безрезультатный бой за Боковский. По советским данным, на тот момент им уже противостояли части 62-й пехотной дивизии.

Для 1-го танкового корпуса 24 ноября наступил момент пожинать плоды остановки в предыдущий день. Атаки на Верхне-Чирский и Рычковский были совершенно безрезультатными. Оба пункта были уже сильными узлами сопротивления с развитой системой ДЗОТов и наличием минированных участков. Именно здесь оборонялась боевая группа Адама. Описывая события предыдущего дня, Адам с удовлетворением отметил: «Офицер штаба доложил мне о прибытии тяжелого оружия из Тормосина: два зенитных орудия калибра 88 миллиметров, четыре гаубицы калибра 105 миллиметров и четыре противотанковые пушки калибра 50 миллиметров». Буквально за день разрозненные части получили необходимые противотанковые средства. Кроме того, немецкие гарнизоны получили поддержку своей авиации, которая с бреющего полета бомбила и обстреливала советские части.

Выход в район Суровкино и Нижне-Чирской советской пехоты пока задерживался. Очаг обороны, созданный 22-й танковой дивизией, притянул к себе сразу три соединения 5-й танковой армии: 50-ю гвардейскую, 119-ю и 346-ю стрелковые дивизии. Помимо них, в ликвидации окруженного противника участвовали 8-я гв. танковая бригада, мотоциклетный полк и бригада из 26-го танкового корпуса. Незадолго до советского наступления немцы по неизвестным причинам

сняли свои противотанковые орудия. В итоге румынские пехотинцы генерала Сиона оказались один на один с советскими танками. Массированные атаки привели к настоящему избиению румынского гарнизона. Остатки румынской 15-й пехотной дивизии в количестве около 800 человек отошли из Бол. Донщинки к главным силам 22-й танковой дивизии в районе Медвежьего. Во время отхода генерал Сион был убит.

Ликвидация очага сопротивления в районе Бол. Донщинки позволила 8-му мотоциклетному полку заняться своим делом. Через неделю после начала наступления полк Белика наконец-то был брошен в полном составе на Обливскую. Однако подошел он к назначенной цели только во второй половине дня. Вечерние атаки на этот населенный пункт уже успеха не имели.

Разгром румын в Бол. Донщинке был началом конца. В ночь на 25 ноября наконец разрешилась ситуация с опорным пунктом 22-й танковой дивизии, торчавшим словно кость в горле почти в тылу армии Романенко. Пострадавшая от мышей дивизия снялась с позиций и отошла на рубеж р. Чир. Однако даже этот отход в итоге негативно сказался на боевых действиях на Чирском фронте. В конце дня прорывающиеся на запад части 22-й танковой дивизии немцев подошли к ней с тыла. Советская оборона была к тому моменту построена только на южных и юго-восточных подступах к городу. То есть круговой обороны как таковой не было. Дома и постройки в самой Чернышевской под огневые точки не оборудовались. Противотанковая оборона фронтом на восток не создавалась. Не было даже противотанковых гранат и бутылок КС. Назначенные для обороны города подразделения 437-го гв. стрелкового полка расположились в домах на отдых, было несколько дежурных пулеметов и патрули. В итоге подошедшие с востока немногочисленные танки 22-й дивизии, поддержанные мотопехотой, быстро выбили из Чернышевской советские части и заняли в ней оборону. Попытка 437-го полка отбить город обратно успеха не имела. Уместно будет отметить, что боевая группа Шмидта в Суровкино с самого начала строила круговую оборону этого пункта.

Захваченный на Чире рубеж, конечно, не был пределом мечтаний. Поэтому, как было указано в отчете штаба армии по итогам боев, с 26 ноября соединения 5-й танковой армии «создавали прочную оборону и проводили частные операции по овладению населенными пунктами и высотами для улучшения оборонительных рубежей и закреплялись на них» [306] .

Утром 26 ноября на станцию Морозовская прибыл первый эшелон с ротой «Голиафов». На улицы Сталинграда она безнадежно опоздала. Однако в условиях дефицита сил любое пополнение было кстати. Тем более машинами управления танкеток были полноценные танки. Рота первоначально была включена в состав боевой группы Адама, а затем передавалась из группы в группу в качестве «пожарной команды».

Однако пауза в сражении на внешнем фронте окружения 6-й армии была недолгой. В самом конце ноября произошло перераспределение сил между внешним и внутренним фронтами окружения. В результате 5-я танковая армия была значительно усилена. Она получила соединения из 21-й и 65-й армий. Соответственно из 21-й армии были получены 333-я стрелковая дивизия и 3-й гв. кавкорпус, а из 65-й армии – 40-я гвардейская, 321-я и 258-я стрелковые дивизии, а позднее 4-я гв. стрелковая дивизия.

Причины такой щедрости командования Юго-Западного фронта просматриваются невооруженным глазом. Еще 25 ноября Н.Ф. Ватутин докладывал в Ставку: «Сосредоточение резервов в районе Боковская и Тормосин свидетельствует о возможном намерении пр-ка нанести контрудары от Тормосин через Нижне-Чирская на север вдоль р. Дон с целью разорвать кольцо, замыкающее его сталинградскую группировку». Соответственно сосредоточение сил для этого броска на выручку Паулюсу следовало задавить в зародыше. Немцы также понимали значение района в низовьях Чира. Адам впоследствии вспоминал слова начальника оперативного отдела группы армий «Б», сказанные ему в начале сражения: «Сделайте, Адам, все возможное для того, чтобы удержать плацдарм и оборону по реке Чир» [307] .

Усиление за счет новых соединений позволило 5-й армии предпринять штурм оставшихся в руках немцев опорных пунктов на Чире. Теперь их штурмовали совместными усилиями старые и новые соединения танковой армии Романенко. Обливскую атаковали 40-я гвардейская дивизия и 8-й кавкорпус, Суровкино – 321-я и 119-я стрелковые дивизии. Уже 30 ноября был достигнут первый успех: 333-я стрелковая дивизия форсировала Чир и захватила плацдарм к юго-востоку от Суровкино. Надо сказать, что 333-я стрелковая дивизия на тот момент была достаточно сильным соединением: на 1 декабря 1942 г. она насчитывала 7027 человек. С захваченного плацдарма

началось планомерное наступление во фланг и тыл группе Шмидта. На 7 декабря была запланирована операция, к которой привлекались 1-й танковый корпус, 333-я стрелковая дивизия, 3-й гв. кавкорпус и 8-й мотоциклетный полк. Корпус Буткова дополнительно усиливался богатой тяжелыми танками КВ 216-й бригадой соседнего корпуса Родина. Всего к «вскрытию» плацдарма привлекалось около 19 тыс. человек и 66 танков. Амбициозный план советского наступления предполагал не только окружение Суровкино, но и удар в направлении Нижне-Чирской. Причем на Нижне-Чирскую 1-й танковый корпус должен был прорываться с фаса плацдарма, обращенного к Суровкино, развернувшись после прорыва почти на 180 градусов. Судя по всему, замысел состоял в отвлечении внимания противника ударом в тыл группы Шмидта, с последующей атакой Нижне-Чирской подвижными силами. Состояние танкового парка сосредоточенных для вскрытия плацдарма бригад 1-го танкового корпуса на 16.00 6 декабря 1942 г. было следующим:

89-я тбр – 11 Т-34, 7 Т-70 и 7 Т-60;

117-я тбр – 19 Т-34 и 9 Т-70;

216-я тбр (из 26 тк) 9 КВ, 2 Т-34 и 2 Т-70 [308].

В резерве командира корпуса была 159-я танковая бригада, на утро 6 декабря насчитывавшая в строю 11 Т-34 и 10 Т-70.

Однако буквально в последний момент перед запланированным советским наступлением обстановка на фронте под Суровкино существенно изменилась. 6 декабря на реке Чир между Нижне-Чирской и Суровкино заняла позиции 336-я пехотная дивизия. Свежее соединение немцев само по себе радикально изменяло соотношение сил сторон. Следует отметить, что она не просто занимала фронт, но и уплотняла его, взяв на себя 10 км полосы обороны группы Штумпфельда. Сама группа Штумпфельда была на тот момент вполне сравнима с дивизией – она насчитывала около 8 тыс. человек. Но этим дело не ограничилось. Меллентин пишет: «В этот же день (6 декабря. – *А.И.*) в Нижне-Чирскую прибыл командир 11-й танковой дивизии генерал Бальк для изучения участка, на котором его дивизия должна была переправиться через Дон и в дальнейшем наступать во взаимодействии с дивизиями 4-й танковой армии Гота».

Как мы видим, вместо разрозненных отрядов и боевых групп на Чире в районе Суровкино и Нижне-Чирской к 7 декабря 1942 г. собралась полноценная ударная группировка, вполне способная постоять за себя не только на коленях. Более того, в ближайшие планы немецкого командования на этом участке фронта входила ликвидация советского плацдарма к востоку от Суровкино. Очевидно, что в такой ситуации шансы на успех советского наступления стремительно снижались. Однако отследить изменение обстановки уже не успели. Более того, даже по итогам двух дней боев советские разведчики не знали, что перед ними действует 336-я пехотная дивизия. Итак, ранним утром 7 декабря наступление началось.

Впоследствии отражение этого удара было представлено немецкой стороной как крупный успех в обороне XXXVIII танкового корпуса. Предоставим слово Меллентину: «В ночь с 7 на 8 декабря 11-я танковая дивизия перегруппировалась в соответствии с приказом Балька, части заняли исходное положение и на рассвете 8 декабря начали наступление. Русские в этот момент как раз готовились нанести удар в тыл 336-й дивизии в полной уверенности, что теперь немцы находятся в их власти. 15-й танковый полк натолкнулся на большую колонну русской мотопехоты, двигавшуюся в южном направлении, и атаковал ее. Внезапность была полной. Танки врзались в колонну, поджигая один грузовик за другим; началась невообразимая паника. Колонна была уничтожена, и танковый полк дивизии Балька при тесной поддержке мотострелкового полка и артиллерии вышел в тыл танковых частей русских в районе совхоза. Русские дрались храбро, но их танки попали в огненное кольцо, и все усилия вырваться из этого кольца оказались тщетными. Когда короткий зимний день подходил к концу, 1-й русский танковый корпус, потерявший 53 танка, находился уже в безнадежном положении».

Однако согласно архивным изысканиям исследователя Юрия Машенко, данное описание слабо коррелирует с советскими источниками. Во-первых, начнем с того, что Меллентин в своем описании сильно искажает даже завязку сражения. Он пишет: «7 декабря 1-й танковый корпус русских форсировал реку Чир на левом фланге 336-й дивизии и устремился к совхозу № 79, находившемуся глубоко в тылу наших оборонительных позиций на берегу реки». Как уже было сказано выше, у 5-й танковой армии к 7 декабря уже был достаточно обширный плацдарм, и термин «форсировал» здесь создает неверное впечатление о происходящем. Танковые бригады лишь переправились на плацдарм,

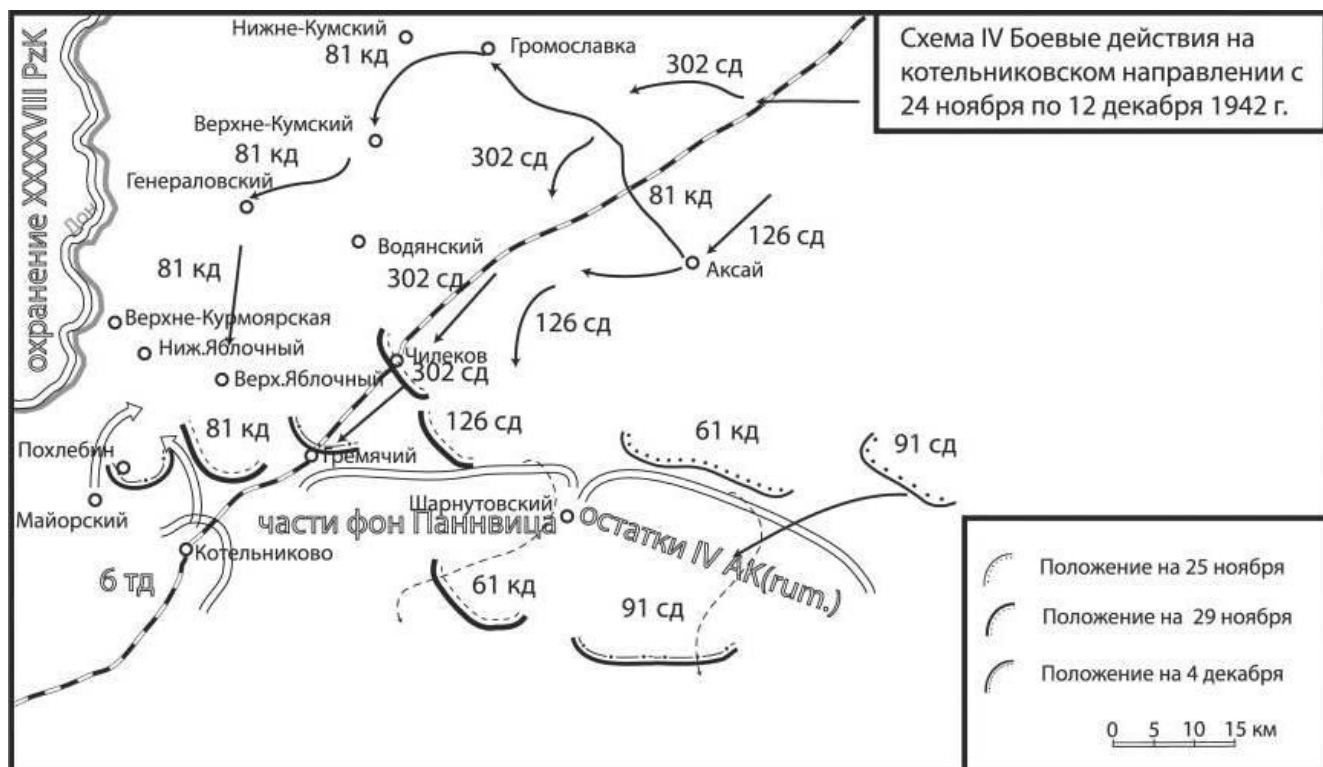
который уже имел глубину до 7 км и ширину около 12 км. Местоположение совхоза № 79 «глубоко в тылу» также не соответствует действительному положению дел. Совхоз на тот момент был всего в 6 км от переднего края.

Итак, попробуем восстановить картину происходившего по советским данным. В 8.30 7 декабря 1942 г. после короткой артподготовки началось «вскрытие» плацдарма. Уже в 9.30 оборона противника была прорвана, и бригады 1-го танкового корпуса начали выполнение своего замысловатого маневра в направлении Нижне-Чирской. Совхоз № 79 (Сысойкин) был захвачен в 12.00. Один танковый батальон 117-й бригады прорвался через совхоз и атаковал немецкие артиллерийские позиции у Нижне-Солоновского. Уничтожив несколько орудий, он был возвращен обратно. Походя отметим, что в Нижне-Солоновском был командный пункт 336-й пехотной дивизии. Однако с точки зрения выполнения плана операции важно было не терять время на второстепенные цели. 89-я и 117-я танковые бригады 1-го танкового корпуса развернулись и начали пробиваться на восток, в направлении Нижне-Чирской. Здесь они встретили плотную оборону противника и решительного успеха не добились. Части 333-й стрелковой дивизии тем временем захватили высоты 122,1 и 129,0, господствующие над местностью к югу от Суровкино. Однако нельзя сказать, чтобы результат дня был вдохновляющим. 1-й танковый корпус пробился на глубину до 10 км в построение противника, но при этом не имел достаточно пехоты для развития и закрепления успеха. Тем не менее веских причин для отхода также не было, и на 8 декабря была поставлена прежняя задача – захватить Нижне-Чирскую. Из резерва на плацдарм была введена 159-я танковая бригада.

Что же происходило в это время в стане противника? Вечером 7 декабря на командный пункт XXXXVIII корпуса прибывает командир 11-й танковой дивизии Бальк. На состоявшемся совещании было решено контратаковать советский плацдарм с утра 8 декабря. Ситуация осложнялась тем, что штабы частей дивизии Балька были еще в пути. В распоряжении командира был лишь неполный набор батальонов без командных инстанций. Тем не менее приказ на контрудар был отдан.

Появившиеся из ниоткуда полсотни немецких танков в сопровождении двух батальонов мотопехоты спутали все карты. Первым под удар танков Балька попал 8-й мотоциклетный полк. Все говорит о том, что за «большую колонну русской мотопехоты» была принята колонна мотоциклистов. Однако распущенные позднее слухи о разгроме были все же сильно преувеличены. За весь день 8-й мотоциклетный полк потерял 17 человек убитыми и 24 ранеными, тридцать шесть мотоциклов М-72, одну автомашину ГАЗ-АА и одну 45-мм пушку [309].

Тем не менее донесение командира 8-го полка Белика позволило Буткову своевременно принять контрмеры. Угроза с тыла заставила командира корпуса разворачивать нацеленные на Нижне-Чирскую танковые бригады на 180 градусов и бросать их навстречу атакующему врагу. В течение всего дня они вели напряженный бой с танками, мотопехотой и артиллерией противника. Согласно отчету штаба 1-го танкового корпуса, написанному по итогам боев, 89-я танковая бригада потеряла сгоревшими 3 Т-34 и 1 Т-70, подбитыми – 1 Т-34, 117-я танковая бригада потеряла сгоревшими 2 Т-34 и подбитым – 1 Т-34, 159-я танковая бригада потеряла сгоревшими 1 Т-34 и 4 Т-70, подбитыми – 1 Т-34 и 5 Т-70.

Начало конца. «Катюша» на шасси автомобиля «Шевроле» движется мимо немецкого указателя в районе Калача. Ноябрь – декабрь 1942 г.

«Тяжелая» 216-я бригада действовала в некоторой степени обособленно от 1-го танкового корпуса. К совхозу №79 216-я танковая бригада вышла к 12.30 7 декабря. В 10.30 8 декабря в совхоз подошел 8-й мотоциклетный полк, точнее, его передовые подразделения. Хвост колонны полка Белика, как мы уже знаем, был атакован танками. Получив мотопехоту, 216-я бригада в 12.00 продолжила наступление согласно плану и атаковала в направлении на Нижне-Солоновский. Однако здесь она была встречена огнем, потеряла два танка КВ. В этот момент до бригады докатился контрудар 11-й танковой дивизии. После шестичасового боя, не имея связи с командованием, израсходовав большую часть боекомплекта, командир 216-й бригады подполковник Кожанов принял решение отходить. Прорываться пришлось с боем, потеряв два Т-70. К своим прорвался отряд в составе 6 КВ, 1 Т-34 и 2 Т-70. В связи с этим особенно трогательно звучат слова Меллентина: «Русские дрались храбро, но их танки попали в огненное кольцо, все усилия вырваться из этого кольца оказались тщетными». В итоге в бригаде осталось 8 КВ (в том числе 3 неисправных), 1 Т-34 и 2 Т-70. В целом потери действительно оказавшейся в окружении 216-й танковой бригады можно оценить как «минимальные». Остальные участвовавшие в наступлении танковые бригады в окружение не попадали. Таким образом, заявка немцев на этот бой не подтверждается. Изучение документов советской стороны сбивает заявку с окруженного и уничтоженного корпуса до одной временно окруженной бригады, в целом успешно вырвавшейся из кольца. Причем бригады неполного состава. Общим итогом контрудара 11-й танковой дивизии стала частичная утрата захваченных советскими войсками позиций. Однако частям 333-й стрелковой дивизии и 1-го танкового корпуса удалось удержать высоты на подступах к плацдарму: 129,0, 155,0, 160,3, 157,8.

В итоге на штурм злосчастного Суровкино была брошена 47-я гвардейская стрелковая дивизия. Несмотря на неудачу с потерей Чернышевской, она наступала лучше других соединений 5-й танковой армии, напористо и умело. Однако к сражению за Суровкино она пришла уже изрядно потрепанной. С 19 по 30 ноября дивизия потеряла 3424 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В строю на 1 декабря она насчитывала 4910 человек. К 8 декабря части 47-й гв. стрелковой дивизии захватили 5 домов на северо-западной окраине Суровкино. С 9 по 12 декабря части дивизии блокировали отдельные дома и ДЗОТы противника. Одна из штурмовых групп 9 декабря под прикрытием темноты зашла с юго-западной стороны, подбила два танка и захватила несколько домов. К 15 декабря немцы были вынуждены оставить Суровкино. Последним аккордом боев за него стала контратака немецких танков и мотопехоты с целью вернуть эту железнодорожную станцию. По советским данным, в атаке участвовало 57 танков, из которых было подбито 10, после чего немцы были вынуждены отступить.

Ввод в бой 11-й танковой дивизии серьезно спутал планы советского командования по захвату Нижне-Чирской. Однако в резерве Ставки также имелись подвижные соединения, которые могли быть использованы для разгрома потенциальных спасителей 6-й армии Паулюса. Это был, в частности, наш старый знакомый, 7-й танковый корпус Ротмистрова, восстанавливавшийся в Саратове после сентябрьских боев под Сталинградом. 29 ноября он был поднят по тревоге и погружен в эшелоны. 7 декабря, в тот же день, когда началось ставшее почвой для мифов советское наступление, корпус Ротмистрова прибыл на станцию Качалинская. После суточного марша в 110 км он вышел в низовья Чира. С 7 по 12 декабря шла подготовка к наступательной операции, организовывалось взаимодействие с 4-й гвардейской и 258-й стрелковыми дивизиями.

13 декабря в 7.00 загремела артиллерийская подготовка. Корпус Ротмистрова взломал оборону и ворвался в Рычковский. Однако немцы держались за эту станцию и быстро сдавать ее не собирались. Начались уличные бои, для которых пришлось создать штурмовые группы. К 12.00 Рычковский был очищен от остатков немецкого гарнизона. Следующими целями стали Ерицкий и Верхне-Чирский. К 3.00 15 декабря Верхне-Чирский был взят. Далее главные силы развернулись на Ерицкий и к середине дня выбили из него немцев. За три дня корпус Ротмистрова потерял 16 танков сгоревшими, 37 подбитыми, 98 человек убитыми, 35 пропавшими без вести и 289 ранеными.

Так была поставлена точка в немецких планах деблокировать 6-ю армию ударом с плацдарма в районе Верхне-Чирской. Меллентин позднее писал: «Однако нам не довелось сыграть никакой роли в попытке освободить войска под Сталинградом». С этими его словами нельзя не согласиться.

Кавалерия. Внешний фронт окружения

В любой операции на окружение требуется не только отрезать путь к отступлению и линии снабжения окружаемым, но и обеспечить внешний фронт кольца. Если не создать прочный внешний фронт окружения, то ударами извне противник может деблокировать окруженных и все наши труды пойдут насмарку. Обычно внешний обвод «бублика» вокруг войск противника создают танковыми и механизированными соединениями. Они прорываются за спиной окружаемых максимально глубоко в тыл противника, захватывают ключевые позиции и занимают оборону. Под Сталинградом в ноябре 1942 г. эта роль была поручена кавалерийским корпусам. Выбор пал именно на кавалерию, поскольку у Красной Армии на тот момент было мало хорошо подготовленных механизированных соединений.

Кавалерия танковой армии. 8-й кавалерийский корпус был включен в состав 5-й танковой армии и должен был формировать внешний фронт окружения на реке Чир. Корпус был усилен двумя истребительно-противотанковыми полками, полком «катюш», полком ПВО и 511-м огнемётно-танковым батальоном. Настоящим бичом средств усиления была нехватка транспорта, боеприпасов и горючего. В частности, полк ПВО постоянно отставал из-за отсутствия бензина.

Поскольку оборона противника была взломана уже в первые часы наступления, кавкорпус пошел в бой уже 19 ноября. В 13.00 он вошел в прорыв по следам 1-го танкового корпуса и 8-го мотоциклетного полка. В отличие от рванувшихся на юг и юго-восток танковых частей, кавалеристы стали разворачиваться на запад, для образования фронта окружения. Нельзя сказать, что все шло гладко. 112-я кавалерийская дивизия втянулась в бой за Блиновский и вела его до вечера 20 ноября. Пути обхода нащупать не удавалось. Кризис был преодолен за счет удара 21-й кавалерийской дивизии совместно с пехотой с севера, что привело к охвату оборонявшегося Блиновский противника. 55-я кавалерийская дивизия атаковала с трех сторон Усть-Медведицкий и к 12.00 заняла его. В тот же день, 20 ноября, по приказу командующего 5-й танковой армией из состава корпуса была изъята 21-я кавалерийская дивизия и передана соседней 1-й гвардейской армии. Далее корпус действовал в двухдивизионном составе. Необходимо отметить, что 21-я кавдивизия не была исключена из операции. Более того, ее наступление в обход левого фланга 22-й танковой дивизии привело к отходу последней и высвобождению маршрутов, по которым могли наступать советские войска.

Помимо изъятия одной дивизии, командующий 5-й танковой армией поставил кавалеристам новую задачу: двигаться на юг, в направлении Большая Донщинка, Петровка. Операция развивалась успешно, и вполне можно было выходить на маршруты образования внешнего фронта окружения на большей глубине. К тому моменту части 22-й танковой дивизии уже отходили на запад. К утру 22 ноября 55-я кавалерийская дивизия овладела Б. Донщиной. Препятствием для продвижения кавалерии вперед на этом этапе наступления стали пробивающиеся на запад остатки румынских соединений. 55-я кавалерийская дивизия оказалась в окружении, из которого пробилась к 23 ноября.

23 ноября 8-й кавкорпус продолжал двигаться на юг и атаковал отходящие румынские части в районе Озеры. Часть их была уничтожена, а часть все же смогла вырваться на запад в ночь на 24 ноября. В основном это были части румынской 15-й пехотной дивизии генерала Сиона. Из окружения Сиону удалось вывести 3680 человек, 18 автомашин, 1045 лошадей и два орудия.

Уход кавалерийского корпуса дальше к югу и отставание стрелковых частей позволили румынской 1-й танковой дивизии пробиться на запад, на соединение с 22-й танковой дивизией. Они сумели это сделать 24 ноября через Б. Донщину. Хотя румыны пробились из потенциального окружения, они потеряли большую часть техники. В дивизии осталось 11 Pz.III и Pz.IV, а также 19 R-2. Многие танки были брошены по дороге из-за технических неисправностей и отсутствия топлива. Безвозвратными потерями соединения стали 77 R-2, 5 Pz.III, 7 Pz.IV, 457 полноприводных грузовиков и 335 мотоциклов.

24 ноября командующий 5-й танковой армией поставил перед 8-м кавалерийским корпусом задачу – захватить Обливскую и переправу через р. Чир на железной дороге Сталинград – Лихая. Для выполнения этой задачи части корпуса, выступив из района Озёры, Аржановский, вечером 24 ноября в течение ночи совершили марш 50–60 км и к утру 25 ноября вышли на подступы к Обливской с севера.

112-я кавалерийская дивизия в 6.00 25 ноября развернулась для атаки Обливской, однако атака дивизии была сорвана непрерывными ударами с воздуха в течение всего дня. Противник, пользуясь

слабостью зенитных средств корпуса и полным отсутствием поддержки корпуса истребительной авиацией, вел непрерывные атаки боевых порядков дивизии группами до 50 самолетов. 55-я кавалерийская дивизия еще на дальних подступах к Обливской утром 25 ноября также подверглась атаке авиации противника в количестве 20 самолетов, продолжавшей атаки до наступления темноты и буквально приковавшей дивизию к месту. Только в 2.00 26 ноября, приведя части в порядок, дивизия выступила на Обливскую. За 25 ноября части этих дивизий от авиации противника потеряли убитыми и ранеными 559 человек и 915 лошадей.

Тем не менее в 5.00 26 ноября 55-я и 112-я кавалерийские дивизии развернулись для атаки Обливской. С рассветом 26 ноября начались мощные непрерывные налеты авиации противника. Самолеты пикировали, бомбили, обстреливали из пулеметов, гоняясь даже за отдельными всадниками. Зенитная артиллерия, расстреляв последние снаряды, молчала, а истребительная авиация, несмотря на своевременно переданную через офицера связи штаба смешанного авиакорпуса заявку, в воздухе не появлялась. Кавкорпус хлебнул полную чашу проблем соединений на внешнем фронте окружения, когда авиация противника летает с близко расположенных аэродромов, а свои самолеты – с авиабаз глубоко в тылу. Части 55-й кавалерийской дивизии потеряли убитыми и ранеными до 1000 человек и 1500 лошадей, 112 кавалерийская дивизия – 332 человека и 473 лошади. Атака корпуса на Обливскую была сорвана исключительно действиями Люфтваффе. Обливская в этот момент оборонялась всего лишь батальоном из румынской 6-й пехотной дивизии.

В последующие дни, до 4 декабря, части корпуса приводили себя в порядок, отражали контратаки пехоты и танков противника и безуспешно (1–3 декабря) трижды атаковали станцию Обливская. Внешний фронт окружения стабилизировался и обрел относительную прочность.

8-й кавалерийский корпус понес в ходе боев с 19 ноября по 2 декабря значительные потери. Общие потери корпуса убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 5982 человека. Больше всех пострадала 55-я кавалерийская дивизия, потерявшая 2359 человек. Также было потеряно 7030 лошадей.

Приказом НКО СССР №78 от 14 февраля 1943 г. 8-й кавалерийский корпус был преобразован в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Ему предстояло пройти до Берлина и встретиться с союзниками на Эльбе.

Кавалерия против танков . Так получилось, что самые тяжелые бои выпали на долю 4-го кавалерийского корпуса. По злой иронии судьбы, он был наименее укомплектованным людьми и техникой корпусом из всех трех, участвовавших в операции. Командовал корпусом генерал-майор Т.Т. Шапкин. Хрущев писал о нем в своих воспоминаниях: «Потом к нам прибыл Тимофей Тимофеевич Шапкин, старый русский воин, человек уже в летах, среднего роста, с окладистой бородой. У него сыновья уже были не то генералы, не то полковники. Сам он служил в царской армии, воевал в Первую мировую войну. Еременко говорил мне, что он имел четыре Георгиевских креста. Одним словом, боевой человек. Когда он нам представлялся, на его груди Георгиев не было, но три или четыре ордена Красного Знамени украшали его грудь» [310] .

В район сосредоточения 4-й кавкорпус прибыл после длительного марша (350–550 км). В скобках заметим, что такой же марш для танкового соединения в тот же период закончился бы массовым выходом танков из строя еще до ввода в бой. По решению командования фронта в прорыв должны были вводиться цугом два подвижных соединения: 4-й механизированный корпус, а за ним по пятам должен был следовать 4-й кавалерийский корпус. После ввода в прорыв пути механизированного и кавалерийского корпусов расходились. Кавалеристы поворачивали на юг для образования внешнего фронта окружения, танкисты двигались навстречу ударной группировке Донского фронта для смыкания кольца за спиной армии Паулюса. Кавалерийский корпус был введен в прорыв 20 ноября 1941 г. После захвата Абганерова следующей задачей 4-го кавалерийского корпуса стало овладение Котельниково. Для этого требовалось преодолеть за сутки 95 км, что является нетривиальной задачей даже для механизированного соединения. Такой темп продвижения реально достигали, пожалуй, только мотоциклетные части немцев летом 1941 г. Утром 27 ноября 81-я кавалерийская дивизия вышла к Котельниково, но захватить город с ходу не смогла. Более того, здесь кавалеристов ждал неприятный сюрприз в лице прибывшей по железной дороге из Франции свежей 6-й танковой дивизии. В советской литературе часто появлялись на поле сражения откуда ни возьмись свежие немецкие дивизии из Франции, но в данном случае все абсолютно достоверно. В конце ноября 1942 г. 6-я танковая дивизия прибывала, начиная с 27 ноября, в Котельниково после

отдыха и укомплектования во Франции (дивизия понесла большие потери зимой 1941/42 г.). После доукомплектования и перевооружения 6-я танковая дивизия представляла собой серьезную силу. В ноябре 1942 г. в составе дивизии числилось 159 танков (21 Pz.II, 73 Pz.III с длинноствольной 50-мм пушкой, 32 Pz.III с короткоствольной 75-мм пушкой, 24 Pz.IV с длинноствольной 75-мм пушкой и 9 командирских танков). Подавляющее большинство танков дивизии было новейших образцов, способных противостоять Т-34.

Фактически советский 4-й кавалерийский корпус попал в крайне пикантную ситуацию. С одной стороны, образование внешнего фронта окружения требовало от наших кавалеристов перехода к обороне. С другой стороны, это позволяло немцам беспрепятственно накапливать выгружающихся на железнодорожных станциях в районе Котельниково, а то и просто в степи с платформ людей и технику 6-й танковой дивизии. Сначала командование отдало приказ на наступление. В 21 ч. 15 мин 29 ноября командиром кавалерийского корпуса была из штаба 51-й армии получена вторично шифротелеграмма: «Бой за Котельниково продолжать все время. До 12.00 30.11 подтянуть артиллерию, провести рекогносцировку. Атака противника в Котельниково в 12.00 30.12.42».

Но 30 ноября командующий 51-й армией Н.И. Труфанов приостановил выполнение операции, приказав частям 4-го кавалерийского корпуса встать в оборону, вести разведку на запад и юг, подвезти горючее и готовиться к захвату Котельниково.

К началу декабря 1942 г. фронт на котельниковском направлении приобрел относительную стабильность. Румынская 4-я армия была сбита с позиций у озер Цаца и Барманцак и отошла на юго-запад. Механизированные корпуса ушли на север крушить 6-ю армию, а 51-я армия на внешнем фронте окружения не располагала крупными танковыми силами для продолжения наступления. Помимо румынских частей, на подступах к Котельникову советским войскам противостояла немецкая боевая группа полковника фон Паннвица. Хотя впоследствии Гельмут фон Паннвиц получил известность как «казачий» генерал вермахта, в ноябре 1942 г. он был еще далек от руководства подразделениями коллаборационистов. Его боевая группа насчитывала около 1000 человек, и в нее входили: группа майора Сована из 14-й танковой дивизии (6 танков), румынские кавалеристы, румынский моторизованный артиллерийский дивизион и немецкие тыловые части. По некоторым данным, в боевой группе Паннвица также были штурмовые орудия.

Следует отметить, что генерал КонстантINESКУ был за отход к Котельникову, но из штаба 4-й танковой армии ему было приказано удерживать позиции, вынесенные как можно дальше от Котельниково, ближе к «котлу». Причины этого были очевидными: так максимально сокращалось расстояние, которое должна была пройти деблокирующая группа. Однако румынам не удалось удержаться на рубеже р. Аксай (точнее, р. Курмоярский Аксай). Под нажимом 302-й и 126-й стрелковых дивизий 51-й армии они отступили к Котельникову. Прибывающая в Котельниково 6-я танковая дивизия постепенно встраивалась в оборону стартовой площадки для будущего деблокирующего удара. Ее 114-й моторизованный полк по мере прибытия частей занимал оборону в районе Майоровского, Похлебина и Цыгана.

До 2 декабря части корпуса укрепляли занимаемые рубежи, подвозили горючее. Противник подтягивал резервы и укреплял Котельниково, Семичный, Майорский, Похлебин. В 3 часа 2 декабря был получен приказ командующего 51-й армией: «4 кав[алерийскому] корпусу (без 61 к[авалерийской] д[ивизии]) с 85 т[анковой] бр[игадой], прикрыв себя от р. Дон, к 11.00 2.12 выйти на рубеж Майорский – Захаров и к исходу 2.12 овладеть западной частью Котельниково. Одним усиленным полком овладеть разъездом Мелиоративный. Овладев Котельниково – развивать удар вдоль железной дороги на Дубовское. Левее наступает 302 с[трелковая] д[ивизия], которая к исходу 2 декабря должна овладеть восточной частью Котельниково».

Командир корпуса в ответ сообщил командующему 51-й армией об отсутствии горючего в 85-й танковой бригаде. Н.И. Труфанов 2 декабря приказал «действие приказа по овладению Котельниково приостановить до особого распоряжения».

2 и 3 декабря части корпуса и 85-й танковой бригады пополнились горючим до одной заправки. По состоянию на вечер 2 декабря 85-я танковая бригада насчитывала в строю 3 КВ, 18 Т-34 и 18 Т-70. Штаб 51-й армии передал приказание: с утра 3 декабря приступить к выполнению приказа командующего армией от 1 декабря по овладению Котельниково.

Промедление это было поистине роковым. Командир 6-й танковой дивизии Эрхард Раус позднее вспоминал: «Я не мог понять, почему русские прекратили свое продвижение вперед, как

только прибыли первые германские части, несмотря на то что имели приказ на овладение Котельниковым. Вместо того чтобы немедленно атаковать, пока они еще имели количественное преимущество, русские пассивно наблюдали за накоплением наших сил в городе» [311].

Наконец, 3 декабря 4-й кавалерийский корпус (без 61-й кавалерийской дивизии Я. Кулиева), усиленный 85-й танковой бригадой и гвардейским минометным дивизионом «катюш», выступил из занимаемого района. В 7 часов передовые части 81-й кавалерийской дивизии встретили упорное сопротивление в районе Похлебина, но отбросили противника и овладели селением. По немецким данным, потери атакующих составили шесть танков ценой полного уничтожения взвода новейших 75-мм противотанковых пушек. Немецкое донесение о произошедшем было лаконичным: «Танки противника прорвались в Похлебин с севера на юг и уничтожили находившуюся там 3-ю роту 114-го моторизованного полка». Также жертвой советской танковой атаки стали два противотанковых орудия. Немцы были вынуждены их бросить на позициях, сняв затворы и прицелы. Также из Похлебина удачным выстрелом подбили немецкую самоходку «Мардер» у Майоровского. Снаряд попал в закрепленную на самоходке противотанковую мину, которая с грохотом взорвалась и вывела боевую машину из строя. Кавалерийская дивизия со средствами усиления пересекла реку Аксай и двинулась на юг с целью выхода к Котельникову с тыла. Однако развить наступление в направлении Котельниково не удалось. На станции уже выгружались первые танковые роты танкового полка 6-й танковой дивизии. Контратака немецких танков во второй половине дня заставила кавалеристов Шапкина с наступлением темноты отойти к Похлебину.

Немцами за день было заявлено об уничтожении шести советских танков. Удивительно, но в данном случае данные сторон о потерях в точности совпали. Согласно оперсводке 85-й танковой бригады, потери за день 3 декабря составили шесть «тридцатьчетверок» (3 сгорели, 3 подбиты и эвакуированы). Оценив обстановку и опасаясь окружения 81-й дивизии в районе Похлебина, командир 4-го кавалерийского корпуса Т.Т. Шапкин просил командующего 51-й армией об отводе корпуса. Командующий 51-й армией приказал: «Выполнять ранее поставленную задачу, овладев до рассвета Майорский, Захаров, Семичный. Начало наступления – 7.00 4.12.42».

В то время как передовые части 6-й танковой дивизии вели бой с 4-м кавкорпусом и 85-й танковой бригадой, Котельниково подверглось опасности захвата ударом с севера. 302-я и 126-я стрелковые дивизии 51-й армии 3 декабря также пытались перейти в наступление. Однако их натиск был сдержан румынами и боевой группой фон Паннвица. Последняя контратаковала с использованием танков (из группы Сована).

Вторичный доклад утром 4 декабря командующему 51-й армией о необходимости отхода командир корпуса сделать не смог, так как в штабе армии ни командующего генерала Н.И. Труфанова, ни начальника штаба полковника А.М. Кузнецова не оказалось. Части корпуса еще в 19 часов 3 декабря получили приказание о продолжении наступления.

Однако противник также вынашивал наступательные планы. Прибытие эшелонов с танками позволило немцам еще ночью принять решение об ответном ударе. По мнению командования 6-й дивизии, гул танковых двигателей в Похлебине означал усиление гарнизона танками. Соответственно было решено атаковать как можно быстрее. Предположение это было неверное (помимо 85-й танковой бригады, никого не ожидалось), но ударная группировка была собрана и готова к бою еще до прибытия последних двух рот танкового полка дивизии Рауса.

Атака только что занятого кавалеристами и танкистами села не стала для немцев легкой прогулкой. Журнал боевых действий 11-го танкового полка свидетельствует: «Наступление медленно развивается силами II батальона. Батальон натолкнулся на фронте высот под Похлебином на плотный прицельный огонь хорошо замаскированных вражеских танков и противотанковых орудий. За короткое время прямыми попаданиями было уничтожено 3 танка в наступающей в центре 8-й роте. Танки взрывались. Горели также танки 2-й роты от попаданий в расположенные на корме танков баки из материала повышенной прочности с горючим. Командир 2-й роты вынужден был покинуть горящий танк и был тут же тяжело ранен. Из-за потери командира рота потеряла боеспособность» [312].

Однако массированная атака танков при поддержке артиллерии и мотопехоты на БТР принесла немцам успех. Впоследствии Эрхард Раус так описал бой своей 6-й танковой дивизии с окруженной 81-й кавалерийской дивизией и 85-й танковой бригадой: «К 10.00 судьба IV кавалерийского корпуса была решена. Уже не было никаких путей к отступлению; несмотря на это, окруженный противник

оказывал ожесточенное сопротивление в течение нескольких часов. Русские танки и противотанковые орудия сражались с ротами 11-го танкового полка, катившимися вниз с холмов. Поток трассеров бронебойных снарядов непрерывно несся вверх и вниз, но вскоре все больше и больше трассеров летело вниз и все меньше и меньше в ответ им снизу. Один залп за другим обрушивался на Похлебин, поднимая султаны черной земли. Город начал гореть. Море огня и дыма скрыло страшный конец храброго гарнизона. Только отдельные выстрелы противотанковых пушек встретили наши танки, входящие в город. Следовавшие за нашими танками гренадеры были вынуждены использовать ручные гранаты, чтобы сломить сопротивление противника, упорно сражавшегося за каждый дом и траншею» [313].

С легкой руки Эрхарда Рауса события под Похлебином интерпретируются как окружение и уничтожение главных сил советского 4-го кавкорпуса. Строго говоря, кавкорпус не был окружен. Он был лишь прижат к реке Аксай, а собственно Похлебин был атакован в лоб II танковым батальоном Бёке, будущего известного немецкого танкового командира [314]. Комкором Шапкиным было быстро принято решение об отходе, который прикрывала 85-я танковая бригада. Советская сторона оценила силу противника в 200 танков, что было не так уж далеко от истины.

Потери 81-й кавалерийской дивизии в бою у Похлебина убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 1897 человек и 1860 лошадей. Части дивизии потеряли четырнадцать 76,2-мм пушек, четыре 45-мм пушки, четыре 107-мм миномета, восемь 37-мм зенитных пушек. Погибли командир дивизии полковник В.Г. Баумштейн, начальник штаба подполковник Терехин, начальник политотдела полковой комиссар Турбин. 85-я танковая бригада потеряла за 4 декабря 2 КВ, 1 Т-34 и 5 Т-70.

Немецкие потери в ходе штурма Похлебина были достаточно чувствительными. В безвозвратные потери во II батальоне Бёке были списаны сразу 3 Pz.IV, которых было мало, и каждая машина была на счету. Еще один Pz.IV был подбит, но подлежал восстановлению. Также было подбито 3 менее ценных танков Pz.III. Всего 6-я танковая дивизия потеряла один «Мардер», 4 танка сгоревшими, и еще 12 машин нуждались в ремонте.

Все это происходило за несколько дней до событий, описанных в «Горячем снеге» Бондарева. Несмотря на неудачу с захватом Котельниково, советские кавалеристы сыграли важную роль в начальном этапе оборонительного сражения против попыток деблокировать армию Паулюса. Если бы их не было, ничто не мешало 6-й танковой дивизии Рауса не тратить время и уже с прибытием первых эшелонов продвигаться ближе к Сталинграду, выгружаясь на станциях севернее Котельниково. Присутствие советской кавалерии заставило выдержать паузу на период прибытия основных сил дивизии в Котельниково и затем тратить время на оборонительный, а затем наступательный бой с ней.

Несмотря на пространный рассказ о «каннах под Похлебином», командир 6-й танковой дивизии Раус серьезно оценивал угрозу со стороны «остатков» 4-го кавалерийского корпуса: «Также было невозможно игнорировать остатки 4-го кавалерийского корпуса, сосредоточенные в районе Верхне-Яблочного и Верхне-Курмоярского [на фланге 6-й танковой дивизии. – А.И.]. По нашей оценке, это была спешенная кавалерия, усиленная 14 танками. Этих сил было мало для танковой дивизии, но они угрожали нашим линиям снабжения» [315].

Так получилось, что был многократно воспет в литературе и на киноэкране подвиг 2-й гвардейской армии на реке Мышковке. Действия тех, кто обеспечил развертывание 2-й гвардейской армии, к сожалению, остались безвестными. В наибольшей степени это относилось к кавалерии, в частности, к 4-му кавалерийскому корпусу. Поэтому кавалерия долгие годы несла на себе клеймо устаревшего и непафосного рода войск. Без него на самом деле окружение армии Паулюса под Сталинградом могло потерпеть неудачу.

Также следует отметить, что именно в ходе боя за Похлебин 4 декабря 1942 г. были захвачены пленные, подробно описавшие структуру 6-й танковой дивизии и даже назвавшие имя ее командира. Удивительно, но свежее соединение из Франции не стало для Еременко «маячком», указывающим на направление главного удара противника. Но об этом – несколько позже.

Провал «Зимней грозы»

Само по себе окружение крупной группировки немецких войск не означало их немедленного уничтожения. Более того, имевшиеся к осени 1942 г. прецеденты окружения противника частями Красной армии демонстрировали высокую устойчивость противника к попаданию в «котел». Немцы отнюдь не спешили сдаваться в плен. Они также не воспроизводили типичного для окружений советских войск в 1941 г. сценария: распад «котла» на отдельные очаги сопротивления, отчаянные попытки как можно быстрее вырваться из них. Так, под Ржевом в январе 1942 г. был изолирован от основных сил 9-й армии XX армейский корпус. Вскоре с помощью контрудара связь с ним была восстановлена. Успешно оборонялись и были впоследствии деблокированы ударом извне гарнизоны Холма и Сухиничей (группа фон Гильза). Самым крупным окружением немецких войск на Восточном фронте до Сталинграда было окружение II армейского корпуса под Демянском. Во всех описанных случаях устойчивость окруженных войск обеспечивалась снабжением по воздуху. При этом в Демянском «котле» снабжалась группировка численностью около 100 тыс. человек. В «котел» возили транспортной авиацией даже сено для лошадей. При этом после «наведения моста», т.е. пробивания коридора к окруженному II корпусу, снабжение по воздуху не было полностью свернуто и продолжалось до самого конца демянской эпопеи. Вообще говоря, транспортная авиация использовалась немцами не только для снабжения окруженных, но и для поддержки соединений, имеющих плохие или растянутые линии снабжения.

Таким образом, к зиме 1942/43 г. была уже выработана четкая схема действий:

- 1) поддержание боеспособности окруженных за счет доставки боеприпасов, топлива и продовольствия силами транспортной авиации;
- 2) восстановление связи с основными силами действующих в этом районе немецких войск с помощью деблокирующего удара.

Воздушный мост начинает работать. Начало действий по первому пункту вначале могло вызвать только усмешку. 25 ноября командующий 4-й воздушной армией Вольфрам фон Рихтгофен записал в дневнике:

«Все наши “юнкеры” заняты обеспечением снабжения. Но у нас их всего-то чуть больше трех десятков. Из вчерашних 47 были сбиты 22, а сегодня еще 9. Так что сегодня мы одолели всего 75 т вместо положенных 300. У нас не хватает транспортных самолетов» [316].

Три десятка самолетов вместо нескольких сотен! Но это было только начало. Одной из своеобразных черт немецких вооруженных сил было последовательное исполнение даже откровенно дурацких приказов. Достигнутые на этом поприще результаты иной раз заставляют удивленно присвистнуть. После того как Гитлером было принято судьбоносное решение о снабжении 6-й армии по воздуху, командование ВВС Германии начало энергичный сбор сил транспортной авиации. Были подчищены не только транспортные подразделения, но и штабы, министерства и учебные части. Ситуация осложнялась тем, что около 250 транспортных самолетов было задействовано для снабжения войск в Африке.

К началу декабря для снабжения Сталинграда были собраны:

- 1) десять групп «Юнкерсов-52»: 9, 50, 102, 105, 172, 500, 700, 900-я бомбардировочные группы специального назначения (Kampfgruppe zur besonderen Verwendung), I и II группы бомбардировочной эскадры специального назначения;
- 2) четыре группы и две эскадры «Хейнкелей-111»: 5-я и 20-я бомбардировочные группы специального назначения, I группа 100-й бомбардировочной эскадры, III группа 4-й бомбардировочной эскадры, 27-я и 55-я бомбардировочные эскадры;
- 3) две группы «Юнкерсов-86»: 21-я и 22-я бомбардировочные группы специального назначения, 25 и 14 машин соответственно;
- 4) одна эскадра «Хейнкелей-177»: 50-я бомбардировочная эскадра (фактически одна группа, 20 He-177A);
- 5) одна группа дальней транспортной авиации, вооруженная «Фокке-Вульфами-200», «Юнкерсами-90» и «Юнкерсами-290»: 200-я бомбардировочная эскадра специального назначения.

Всего все эти подразделения насчитывали около 500 самолетов. Многие из них были сформированы специально для «воздушного моста» в армию Паулюса в конце ноября 1942 г. Как мы видим, для снабжения привлекался целый «зоопарк» разнотипных самолетов. Многие из них

совершенно не подходили для задач транспортной авиации. Это в первую очередь устаревшие бомбардировщики Ю-86 и страдавшие от «детских болезней» Хе-177. Последние несли нагрузку даже меньше, чем более надежный Хе-111, а также они совершенно не годились для эвакуации раненых. Группа Хе-177 совершила только 13 вылетов, потеряв семь самолетов. «Рабочими лошадками» снабжения армии Паулюса стали Хе-111 и Ю-52. Первые базировались в основном на Морозовскую, вторые – на Тацинскую.

Статистика снабжения 6-й армии по воздуху выглядит следующим образом. В среднем в сутки удавалось доставлять:

- с 25 по 29 ноября – 53,8 т;
- с 1 по 11 декабря – 97,3 т;
- с 13 по 21 декабря – 137,7 т.

В абсолютных цифрах это означало доставку в «котел» 269 тонн в период с 25 по 29 ноября, 1167 тонн с 30 ноября по 11 декабря и 1377 тонн с 12 по 21 декабря. С момента, когда «воздушный мост» начал работать, из «котла» было вывезено 18 410 человек больных и раненых солдат и офицеров 6-й армии.

Любопытно отметить, что в «котел» отправляли почту и, более того, принимали почту в обратном направлении. До 31 декабря в «котел» отправилось 73 тонны почты. Это означало, что каждый день в 6-ю армию доставляли самолетами примерно две тонны почты. Трудно сказать, насколько это было расточительно – поддерживать морально попавших в «котел» письмами из дома. Возможно, это просто была инерция поддержки временных окружений. В обратную сторону за то же время ушло всего 15 тонн почты – окруженные были не слишком многословны.

Манштейн готовит деблокирующий удар . Для латания образовавшейся в результате наступления двух советских фронтов бреши была создана группа армий «Дон». Она же должна была пробить коридор к окруженной армии Паулюса. Сама по себе идея создания еще одной группы армий в южном секторе советско-германского фронта возникла еще до перехода советских войск в контрнаступление. Летом 1942 г. группа армий «Юг» согласно плану кампании разделена на группы армий «А» и «Б». К ноябрю в состав группы армий «Б» входило семь армий, в том числе четыре армии союзников Германии. Такое большое количество армий, к тому же разбросанных на широком фронте, существенно затрудняло работу штаба группы армий «Б». Поэтому было предложено создать группу армий «Дон» под командованием румынского маршала Антонеску. Однако уже подготовленный в ОКХ приказ не был введен в действие, и группа армий «Дон» появилась на свет как пожарная команда. Ядром для создания ее управления стал штаб 11-й армии Э. фон Манштейна, спешно выведенный с центрального участка фронта.

«Удар мы нанесем здесь...» Командующий группой армий «Дон» Э. фон Маништейн работает с картой

Танки Pz.II на марше. В операции «Зимняя гроза» принимали участие даже эти устаревшие танки

Первой задачей группы армий «Дон» стало восстановление целостного и относительно устойчивого фронта. Только на различных «группах» его построить было невозможно. К 4 декабря в распоряжение Манштейна прибыли три свежих дивизии: 336-я пехотная дивизия из группы армий «Б», 7-я авиаполевая дивизия и 11-я танковая дивизия из группы армий «Центр». Также были обещаны 306-я пехотная дивизия, 17-я танковая дивизия и 3-я горная дивизия. Последняя так и не была получена, т.к. была растащена для парирования локальных кризисов в группах армий «А» и «Б». 17-я танковая дивизия прибыла только 17 декабря, уже слишком поздно, чтобы сыграть заметную роль в сражении. Второй задачей группы армий «Дон» было пробивание коридора к 6-й армии. Первоначально Манштейн планировал нанести два деблокирующих удара: силами 4-й танковой армии из района Котельниково и армейской группой Холлидта с рубежа Чира в направлении на Калач. Этот вариант был изложен в приказе группы армий «Дон» на наступление с целью деблокирования окруженной 6-й армии от 1 декабря 1942 г. Операция получила кодовое наименование «Зимняя гроза» (Wintergewitter).

Главный удар силами 4-й танковой армии Г. Гота предполагалось наносить из района Котельниково по восточному берегу р. Дон. Для управления выделенными для наступления дивизиями с Северного Кавказа выводился штаб LVII корпуса. Корпусу подчинялись 6-я и 23-я танковые дивизии, 5-я и 8-я румынские кавалерийские дивизии.

Второй удар должен был нанести XXXXVIII танковый корпус. Ему подчинялись 11-я танковая дивизия, 336-я пехотная дивизия и 7-я авиаполевая дивизия. Они должны были очистить высоты к западу от Дона и захватить переправу у Калача. Соответственно 6-я армия должна была по сигналу «Удар грома» (Donnerschlag) ударить изнутри «котла» на юго-восток к реке Донская Царица навстречу 4-й танковой армии и на запад в направлении Калача. Точная дата начала наступления – 1 декабря – определена еще не была, но в любом случае операция могла начаться не раньше 8 декабря. Сдерживающим фактором, препятствующим немедленному переходу в наступление, было время на сбор сил. В частности, оттепель на Кавказе задержала выдвигавшуюся своим ходом 23-ю танковую дивизию.

Несколько дней спустя план операции был детализирован. Первой задачей LVII танкового корпуса было форсирование Аксая. Далее корпус нацеливался на Верхне-Царицынский и должен был выйти в тыл советским войскам на внутреннем фронте окружения Сталинграда. Правый фланг наступления предполагалось обеспечивать румынской кавалерией. Силы XXXXVIII разделялись по разным берегам Дона на две группы. 11-я танковая и 7-я авиаполевая дивизии должны были в коридоре между реками Лиски и Дон добраться до Калача. 336-я пехотная дивизия должна была наступать к югу от Дона с плацдарма у Верхне-Чирской. Таким образом, помимо прорыва к Калачу XXXXVIII корпус обеспечивал своим наступлением фланг LVII танкового корпуса на направлении главного удара. После пробивания коридора по нему должны были пройти сосредоточенные в районе Верхне-Чирской транспортные колонны.

Однако в план Манштейна вскоре вмешались многочисленные кризисы на Чире. В итоге штаб 3-й румынской армии докладывал: «В настоящий момент сил XXXXVIII танкового корпуса недостаточно для одновременной борьбы с прорывами и контрнаступлением, назначенным на 12 декабря» [317]. Манштейн доносил в ОКХ: «высвобождения 11-й танковой дивизии не предвидится». Рисковать устойчивостью чирского фронта было невозможно. От двух ударов пришлось отказаться, и основная тяжесть наступления легла на LVII танковый корпус.

Ошибка, едва не ставшая роковой. Интригу в последующие события внес тот факт, что советское командование неверно определило направление деблокирующего удара. Тем самым была повторена ошибка многих неудачных оборонительных операций Красной армии. Предполагалось, что удар будет нанесен по кратчайшему расстоянию между внешним и внутренним фронтами окружения. К тому моменту расстояние между линией обороны 6-й армии и фронтом на Чире составляло около 40 км. Автор версии о немецком ударе по кратчайшему направлению следует признать командующего Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутина. Еще 25 ноября (т.е. до появления приказа Манштейна) он докладывал Сталину: «Противник с 24.11.42 начал усиленную переброску войск автотранспортом и сосредоточение их в районах Солин, Боковская, Поповка и в районе Тормосин, Нижне-Чирская. Всего к исходу 25.11.42 противник сосредоточил в районе Кружилин, Боковская, Поповка до трех новых дивизий и в районе Тормосин, Нижне-Чирская – свыше пд, усиленной танками. Переброски продолжаются. Сосредоточение резервов в районе Боковская и

Тормосин свидетельствует о возможном намерении пр-ка нанести контрудары от Тормосин через Нижне-Чирская на север вдоль р. Дон с целью разорвать кольцо, замыкающее его сталинградскую группировку и от Борковская на восток с целью выхода в тыл наших войск». Такое предположение выглядело вполне логичным и обоснованным. Внешний фронт окружения стабилизировался по рекам Дон и Чир. В районе Нижне-Чирской, где Чир впадал в Дон, образовался выступ в сторону Сталинграда, дававший хорошие стартовые позиции для пробивания коридора к 6-й армии. Однако командование группы армий «Дон» предпочло наносить деблокирующий удар от Котельниково на Сталинград. Плацдарм у Нижне-Чирской было решено использовать для вспомогательного удара.

Как реакция на предположения Ватутина последовала директива Ставки ВГК № 170699 от 8 декабря: «Образовать с 9 декабря 1942 г. в составе Сталинградского фронта 5-ю ударную армию, включив в нее 4-ю гв. сд, 258, 300, 315, 87-ю стр. див., 4-й механизированный корпус, 7-й и 23-й танковые корпуса и 3-й гвардейский кк» [318]. Следует отметить, что это была не новая армия, подобная спасавшим Сталинград в августе – сентябре 1942 г. резервным армиям, а лишь управляющая надстройка. Она объединяла соединения, ранее входившие в состав других армий участвовавших в операции «Уран» фронтов.

Титул «ударная» занимал промежуточное положение между обычными и гвардейскими объединениями. 5-й ударной армии предстояло пройти долгий путь, завершившийся на улицах Берлина в мае 1945 г. Во главе вновь создаваемой армии поставили М.М. Попова с сохранением должности заместителя командующего Сталинградским фронтом. Задачами 5-й ударной армии было:

- «а) Во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группы противника;
- б) ни в коем случае не допустить прорыва противника из района Тормосин – Нижне-Чирская на соединение с окруженной группой противника в районе Сталинграда» [319].

Впоследствии в своих мемуарах А.И. Еременко с досадой писал: «Неточные сведения разведки ввели в заблуждение не только Генеральный штаб, но и Верховного главнокомандующего. В связи с этим началось спешное подтягивание войск на борьбу с тормосинской группировкой, что приводило к ослаблению других участков фронта» [320]. В начале декабря 1942 г. Еременко, конечно же, не был так уверен в роли котельниковской группировки немцев.

В журнале боевых действий Сталинградского фронта в записи от 4 декабря делается осторожное предположение: «Не исключена возможность наступательных действий котельниковской группировки войск противника во взаимодействии с тормосинской группировкой с задачей: обеспечение выхода из окружения сталинградской группировки» [321]. Позднее эта схема лишь несколько уточняется в записи от 9 декабря: «Исходя из группировки противника и упорной борьбы за удержание района переправ в Нижне-Чирская и упорная оборона выступа у Мариновка обращенного в сторону р. Дон, который значительно сокращает дистанцию разрыва [между внешним и внутренним фронтами окружения. – А.И.], можно предполагать, что немецкое командование намеревается провести операцию, имея направление главного удара из района Нижне-Чирская на Мариновка и вспомогательного вдоль жд Котельниково – Сталинград» [322]. Таким образом, позднейшее утверждение А.И. Еременко: «Уже с самого начала формирования этой группировки командование Сталинградского фронта опасалось, что основной удар будет нанесен именно этой группировкой из района Котельниково» [323] не находит документального подтверждения. Командование фронта было согласно с мнением Ставки в том, что главный удар будет нанесен из района Нижне-Чирской. Здесь советское командование трудно упрекнуть в неразумности и поспешности выводов. От Котельниково до внешнего фронта окружения немецкой 6-й армии было 110 км. Нижне-Чирская была на 45 км ближе.

Вместе с тем необходимо отметить, что 5-я ударная армия подчинялась не Юго-Западному фронту (являвшемуся инициатором распространения слухов о тормосинской группировке), а Сталинградскому фронту. Это давало руководству фронта определенную свободу маневра в использовании соединений армии М.М. Попова, чем оно вскоре воспользовалось. Впервые 5-я ударная армия появилась в оперативных сводках Сталинградского фронта 11 декабря. Ее части к этому моменту только завершали сосредоточение.

Формирование еще одной армии было не единственной мерой, нацеленной на внешний фронт окружения 6-й армии. Сражение кавалерии с танками у Похлебина имело важные последствия.

Прибытие 6-й танковой дивизии было обнаружено, и еще до появления директивы Ставки на формирование 5-й ударной армии 4-й и 13-й механизированные корпуса были развернуты на внешний фронт окружения. Впоследствии 13-й корпус был подчинен 51-й армии и тем самым изначально оказывался на пути «Зимней грозы». Однако он был частично растащен и действовал в составе двух мехбригад. На 10 декабря в нем было всего 18 Т-34 и 13 Т-70.

Тем не менее не следует думать, что котельниковское направление обещало немцам легкую прогулку. Пауза, которая была представлена немецким командованием, была использована с толком. С 5 по 10 декабря было установлено 4400 мин и 638 артиллерийских снарядов в качестве фугасов. Из этого количества в полосе 57-й армии на внутреннем фронте окружения было установлено 1978 мин, а в полосе 51-й армии – 1208 мин и 638 артснарядов. Еще 1214 мин установил 13-й механизированный корпус. Одновременно было заминировано 11 мостов.

Немецкое наступление началось утром 12 декабря. Неверные предположения советского командования о планах противника обеспечили относительную внезапность и успех первого удара «Зимней грозы». Для наступления 6-я танковая дивизия была разбита на три мотопехотных группы и одну сильную танковую «бронегруппу» Хюнесдорфа (командира танкового полка). В последнюю были включены танковый полк и батальон пехоты на БТР, а также вспомогательные части. «Бронегруппа» была одним из вариантов боевых групп. Впоследствии, с распространением БТРов, формирование «бронегруппы» стало типовым решением для немецких танковых войск. Советская оборона была быстро взломана, и бронегруппа не только прорвалась вперед, не только разгромила артиллерию обороны, но и атаковала в тыл мешавшие продвижению соседней боевой группы советские части в Верхне-Яблочном. Успех первого дня наступления даже несколько ошарашил немцев. Хорст Шайберт, тогда командир танковой роты в 6-й танковой дивизии, писал:

«Учитывая собственную силу, полностью подтвержденную удачей прорыва, мы все же ожидали большего сопротивления, если не на самой передовой, так позднее, в низине у станции Небыково. Впрочем, эту низину, использованную для железной дороги на Сталинград и ограниченную глубокими балками, вряд ли можно было бы обойти моторизованными войсками, что давало оборонявшимся определенные преимущества» [324].

В 6-й танковой дивизии царил недоумение: где русские? В журнале боевых действий Верховного командования вермахта обстановка оценивалась следующим образом: «В группе армий “Дон” сегодня утром перешла в наступление танковая группировка Гота, которая к 9.00 утра добилась хороших результатов. Дальнейшее развитие ее наступления не вызывает особой озабоченности у командования группы армий “Дон”, т.к. противостоящие Готу танковые части противника понесли большие потери в своей ударной силе» [325]. Как показали последующие события, командование группы армий «Дон» недооценивало возможности советских механизированных соединений на этом направлении.

Главный удар деблокирующей группировки 12 декабря приняла на себя 302-я стрелковая дивизия. До полудня она еще держалась, но далее была просто рассеяна. На следующий день в журнале боевых действий Сталинградского фронта ее состояние описывалось так: «Продолжала мелкими группами собираться в свх. Терновы, ст. Жутово». То есть соединение перестало существовать как модуль обороны 51-й армии. В построении армии образовалась обширная брешь. Для восстановления целостности фронта требовалось время. Средством сдерживания немецкого наступления на какое-то время могли стать механизированные корпуса и отдельные танковые части. На выявившееся направление главного удара начали растаскивать соединения 5-й ударной армии. Уже 12 декабря было принято решение развернуть 4-й мехкорпус на котельниковское направление. Реально корпус Вольского получил приказ 13 декабря. Советским танкистам предстояло сразиться с противником в маневренном сражении. До этого маневренные действия не были сильной стороной советских механизированных соединений. К тому же их основным противником должна была стать свежая 6-я танковая дивизия.

13 декабря наступающие немцы достигли рубежа реки Аксай и силами «бронегруппы» захватили мост через реку. Правда, радость была недолгой: после переправы одного танкового батальона мост проломился под танком командира боевой группы. Пришлось вызывать саперов и строить для танков сборный металлический мост через Аксай. Тем не менее к Верхне-Кумскому был выброшен отряд танков. Этот населенный пункт находился на полпути к последней водной преграде перед «котлом» – р. Мышкове.

На 14 декабря Еременко было запланировано нанесение контрудара по флангам вырвавшейся вперед группировки противника. Предполагалось нанесение удара по сходящимся направлениям двумя группами. Первую составляли 4-й механизированный корпус, 235-я танковая бригада, 234-й танковый полк и 87-я стрелковая дивизия. Мехкорпус и стрелковая дивизия были изъяты из состава 5-й ударной армии. Навстречу этой группе должен был наступать 13-й механизированный корпус. Задуманные А.И. Еременко «канны» несли на себе отпечаток некоторой поспешности. На отражение деблокирующего удара были поспешно брошены все попавшиеся под руку части. Не избежала этой участи 235-я отдельная огнеметная танковая бригада. Относительно этой бригады начальником штаба ГАБТУ полковником Кульвинским в октябре 1942 г. были даны вполне определенные указания. В частности, приказывалось: «Огнеметные танки использовать только по их прямому назначению, ни в коем случае не превращая их в линейные танки». Изначально предполагалось использовать бригаду огнедышащих танков против окруженной немецкой группировки. Они должны были выжигать узлы сопротивления обороняющихся с упорством обреченных пехотинцев противника. Но вместо этого им предстояло теперь столкнуться лоб в лоб с немецкими танками.

Начало «Зимней грозы» сразу же вызвало реакцию на самом верху. Уже вечером 13 декабря был отменен первоначальный план операции «Сатурн». И.В. Сталин мотивировал отказ от ранее намеченных целей следующим образом: «Операция “Сатурн” с выходом на Каменск – Ростов была задумана при благоприятной для нас военной обстановке, когда у немцев не было еще резервов в районе Боковский – Морозовский – Нижне-Чирская» [326]. Главный удар направлялся теперь не на юг (к Ростову), а на юго-восток, на Морозовский. Таким образом, уже на второй день «Зимней грозы» советское Верховное командование отказалось от броска на Ростов. Журавлю в небе, т.е. отсечению путей отхода группе армий «А» на Кавказе, была предпочтена синица в руке в лице запертой в Сталинграде 6-й армии. В связи со сменой задач из наряда сил для «Сатурна» по приказу Сталина изымался 6-й механизированный корпус. Он передавался Сталинградскому фронту для использования против ударной группировки, рвущейся на выручку армии Паулюса. Вечером 14 декабря последовал приказ Сталина Василевскому: «Ввиду изменившейся обстановки на юге осуществление первого этапа операции “Кольцо” отложить» [327]. 2-ю гвардейскую армию, в первую очередь мехчасти, предписывалось форсированным маршем выдвигать на юг. Она должна была сосредоточиться позади 51-й армии. В случае провала действий механизированных корпусов Сталинградского фронта на пути «Зимней грозы» встали бы свежие силы.

Все было бы прекрасно, если бы 2-я гвардейская армия была готова вступить в бой в случае провала контрудара мехкорпусов немедленно, т.е. 15 декабря 1942 г. Однако 15 декабря она была совсем не там, где ее обычно рисуют на картах сражения за Сталинград. Ее следовало бы изображать размазанным по железным и грунтовым дорогам вокруг «котла» облачком. Никакой гарантии успеха в обороне, никакой «подушки безопасности» у неправильно спрогнозировавшего направление главного удара противника Сталинградского фронта на тот момент не было.

Гвардейская армия. Новый герой драмы нуждается хотя бы в кратком представлении – «высокий блондин с аристократическими чертами лица». По своему названию 2-я гвардейская армия относилась к аристократии Красной армии, – гвардии. Однако начинала свой путь эта армия как 1-я резервная армия, сформированная 1 сентября 1942 г. в Тамбове. В нее вошли остатки соединений, выведенных с фронта на переформирование. В частности, первоначально в ее составе была 18-я стрелковая дивизия, разметанная по степи в излучине Дона в августе 1942 г. Позднее эта дивизия была исключена, а вместо нее вошли другие соединения, понесшие большие потери и потерявшие боеспособность под Сталинградом, – 33-я гвардейская стрелковая дивизия и 98-я стрелковая дивизия. Надо сказать, что выдвигенец Жукова, генерал-майор А.И. Утвенко, ставший под Ельней командиром дивизии в звании майора, демонстрировал стабильные высокие качества командира – его восстановленная 33-я гвардейская дивизия показывала на учениях лучшие результаты. 23 октября 1942 г., когда по приказу Ставки ВГК № 994276 резервная армия стала 2-й гвардейской, в ее состав вошли:

- а) 1-й гвардейский стрелковый корпус – 24-я и 33-я гвардейские стрелковые дивизии, 98-я стрелковая дивизия;
- б) 13-й гвардейский стрелковый корпус – 49-я гвардейская стрелковая дивизия, 3-я гвардейская стрелковая дивизия, 387-я стрелковая дивизия;
- в) 2-й гвардейский стрелковый корпус (переформированный из 22-й гвардейской стрелковой

дивизии).

В период формирования армии ею командовал генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер, а начальником штаба был полковник М.Д. Грецов (бывший начальник штаба 1-го гв. кавкорпуса Белова). Когда пришло время идти в бой, ее командующим был назначен генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский (уже известный нам в качестве командующего 66-й армией в боях к северу от Сталинграда), а начальником штаба – генерал-майор С.С. Бирюзов. Соответственно Крейзер стал заместителем командующего, а Грецов – начальником оперативного отдела армии.

28 ноября 1942 г. было получено предварительное указание Генштаба на перевозку свежее испеченной армии по железной дороге. К тому моменту 1-й гв. стрелковый корпус насчитывал 35 764 человека, 13-й гв. стрелковый корпус – 37 664 человека, 2-й гв. мехкорпус – 17 136 человек. Численный состав армии практически точно соответствовал тем штатам, по которым формировались соединения. Всего в составе армии было 90 564 человека – достаточно весомая сила для того, чтобы бросить ее на весы крупного сражения. 1 декабря были готовы расчеты на перевозку, и 3 декабря наконец было получено распоряжение на перевозку армии. Наступал момент, к которому бойцы и командиры готовились долгими неделями осени вдали от канонады фронта. В отличие от 6-й танковой дивизии Рауса, 2-й гвардейской армии нужно было преодолеть до Сталинграда не 4000 км, а примерно 700 км. По плану армия должна была уместиться в 142 эшелонах.

Однако в реальности перевозка 2-й гвардейской армии была далека от знаменитого, разыгранного словно по нотам развертывания германской армии в 1914 г. Это неудивительно – она проходила не по десятилетиями вылизываемым планам. Эшелоны не всегда подавались вовремя, погрузка происходила с земли по временным мостикам. Мостики ломались, автомашины падали, части тратили время на их подъем. Низкие темпы погрузки часто объяснялись неразвитостью станций. Также вместо запланированных 142 эшелонов армия загрузилась в 156 эшелонов. Район выгрузки был традиционным для прибывающих под Сталинград резервов – станции Арчеда, Иловля, Липки, Лог к северу от города. Здесь выгружались и гвардейские дивизии в августе, и участники битвы за семафор в сентябре. К вечеру 13 декабря, когда немцы уже вышли на р. Аксай, 2-я гвардейская армия была еще в пути. Кто-то еще двигался в эшелонах, кто-то был на марше в район выгрузки. Все части армии были еще к северу от железной дороги Сталинград – Калач. Из танковых частей прибыл только 22-й гв. танковый полк.

Только к 19.00 16 декабря армия Р.Я. Малиновского вышла на уровень 120 выгрузившихся эшелонов из 156. Именно эшелонов, выгрузившихся к северу от Сталинграда, что еще было половиной дела. От мест выгрузки еще надо было выйти в район к юго-западу от города. Журнал боевых действий рисует апокалипсическую картину ситуации сразу после прибытия: «Обозы отстали. Автотранспорт не работает за отсутствием горючего. Связь с выгрузившими частями отсутствует» [328]. Одним словом, полная готовность к разгрому по частям.

Сражение за Верхне-Кумский. К 14 декабря 1942 г. на пути наступающей группировки Гота не было никого, кроме разрозненных стрелковых частей и 4-го мехкорпуса. Это был один из тех случаев, когда, по крылатому выражению Черчилля, судьба многих зависела от немногих. У командира корпуса В.Т. Вольского не было права на ошибку. Он должен был биться у Верхне-Кумского как можно дольше, задерживая немецкое наступление до сосредоточения главных сил 2-й гвардейской армии. Пробивание коридора к окруженной армии Паулюса означало бы, что все те, кто сражался и умирал в раскаленной солнцем степи в июле и августа 1942 г., кто шел в последний бой в разрушенном Сталинграде, – все они погибли напрасно и остались бы неотомщенными.

4-й механизированный корпус отличался от танковых корпусов лета и начала осени 1942 г. прежде всего сильным мотопехотным звеном. При штатной численности 14 067 человек, к 1 декабря он имел по списку 11 703 человека. Танковый парк на ту же дату составляли 79 Т-34 и 77 Т-70, 97 БА-64. Вспомогательная техника корпуса насчитывала 78 легковых, 1244 грузовых, 119 специальных автомашин, 3 трактора «Ворошиловец», 3 трактора ЧТЗ, один трактор «Коминтерн», 73 мотоцикла с коляской, 23 без коляски. Количество автотранспорта внушает уважение – мехкорпус Вольского был уже действительно подвижным соединением Красной армии. Он мог маневрировать целиком, а не «перекатами». Вместе с тем нельзя не отметить слабость эвакуационных средств. Если бы корпусу пришлось отступать в стиле 1941 г., тракторы ЧТЗ и

«Коминтерн» вряд ли бы смогли эффективно эвакуировать подбитую технику. В период с 1 по 11 декабря 4-й мехкорпус вел бои на рубеже реки Дон, и численность его несколько снизилась.

Надо сказать, что с самого начала Вольский заложил фундамент своего успеха – 36-я гв. механизированная бригада была выдвинута глубоко вперед, за реку Аксай, в район Водянского. Тем самым сразу была создана угроза вытянутому к Верхне-Кумскому бронированному «пальцу» LVII танкового корпуса. На обеспечении тыла танковой бронегруппы Раус был вынужден задействовать «Мардеры», противотанковую артиллерию и мотопехоту. 14 декабря Верхне-Кумский атаковали с востока огнемётные танки 235-й танковой бригады с 234-м отдельным танковым полком. Огнемётные KB-8 были, в отличие от своего линейного собрата, вооружены 45-мм пушкой и огнемётом. Соответственно в бою с танками Pz.IV 6-й танковой дивизии они были совершенно беспомощны. Судя по всему, именно о них ведет речь Раус, когда рассказывает о безуспешных атаках советских войск на Верхне-Кумский. Немцами в этом бою было заявлено 36 уничтоженных советских танков.

Однако с утра 15 декабря по вытянутому к Верхне-Кумскому клину 6-й танковой дивизии был нанесен контрудар главными силами 4-го мехкорпуса. На тот момент корпус имел в строю 107 танков. Бригады корпуса атаковали Верхне-Кумский со всех сторон. В наступлении также принимала участие бригада огнемётных танков и батальон 87-й стрелковой дивизии. «Бронегруппа» 6-й танковой дивизии оказалась в весьма щекотливом положении. Пехоты у нее было мало, основная масса мотопехоты дивизии Рауса была еще на южном берегу Аксая и прикрывала фланги. Командир бронегруппы Хюнесдорф попытался оставить в Верхне-Кумском две роты танков, выйти и дать бой в чистом поле силами своих танков. Однако привело это к тому, что, пока основная масса танков Хюнесдорфа билась на подступах к Верхне-Кумскому, он был атакован и взят штурмом.

Бой в открытом поле также не принес немцам желаемого результата. 55-й отдельный танковый полк составлял резерв корпуса Вольского. В период контратак противника огнем с места и короткими выпадами наносил немецким танковым ротам чувствительные потери. Командовал полком подполковник Ази Асланов. Умелое маневрирование полка и огонь с места и из-за укрытий расстраивали боевые порядки немцев, и все их контратаки были отражены. Под ударами со всех направлений и под угрозой с тыла переправе через Аксай со стороны 36-й механизированной бригады корпуса Вольского немцы были вынуждены к вечеру оставить Верхне-Кумский. Следует сказать, что в своих воспоминаниях командир 6-й танковой дивизии Эрхард Раус в красках описал «вращающееся сражение» у Верхне-Кумского, в котором было уничтожено много советских танков. Такие заявки пока не находят подтверждения в советских документах: за 15 декабря 4-й мехкорпус потерял подбитыми и сгоревшими всего 12 Т-34 и 9 Т-70. Также Раус по памяти почему-то датирует «вращающуюся битву» 13 декабря, когда мехкорпус Вольского еще не подошел к полю битвы. Шайберт, автор книги «До Сталинграда 48 километров», более точно описывает события, опираясь на документы. По его данным, в ходе боя за Верхне-Кумский 6-я танковая дивизия потеряла безвозвратно 1 Pz.II, 13 Pz.III и 5 Pz.IV. В строю осталось 6 Pz.II, 28 Pz.III (всех типов), 5 Pz.IV и 2 командирских танка.

Командир 55-го тп подполковник Ази Асланов

Так или иначе, за два дня боев советскому мехкорпусу удалось не только предотвратить продвижение противника к Мышкове, но и заставить 6-ю танковую дивизию оставить Верхне-Кумский и отойти к Аксаю. Более того, еще один день (16 декабря) был потрачен немцами на ликвидацию угрозы со стороны 36-й механизированной бригады у Водянского. Очередной раунд сражения у Верхне-Кумского состоялся 17 декабря. Задачей его защитников было прикрытие развертывания 2-й гвардейской армии на Мышкове. К тому моменту 4-й мехкорпус был усилен 85-й танковой бригадой в составе 17 танков (исправными бригада на утро 16 декабря насчитывала 2 КВ, 6 Т-34 и 6 Т-70), и 20-й истребительно-противотанковой бригадой в составе шести или семи 76-мм пушек и нескольких ПТР. Теперь противники поменялись местами: советский мехкорпус удерживал высоты южнее Верхне-Кумского, а немцы его атаковали. В этот момент в состав LVII танкового корпуса вошла 17-я танковая дивизия. Она была достаточно слабой и по ударным возможностям сильно отставала от свежей 6-й танковой дивизии, но в целом была заметной прибавкой в составе ударного кулака «Зимней грозы». К моменту прибытия на фронт она насчитывала 54 танка и 2300 человек в танко-гренадерских полках. 17-я танковая дивизия заняла полосу наступления слева от дивизии Рауса. Ее противником стал 4-й кавалерийский корпус.

Тем временем главный таран «Зимней грозы», 6-я танковая дивизия, предпринял попытку отбить Верхне-Кумский. Для наступления ей была придана бронегруппа из соседней 23-й танковой дивизии. Задачей дня был даже не захват самого Верхне-Кумского, а прорыв к Мышкове и захват плацдарма у Громославки. К слову сказать, у Громославки оставалась часть орудий 20-й истребительно-противотанковой бригады. То есть для советского командования возможный удар на нее входил в число возможных сценариев развития событий. Вряд ли захват плацдарма даже в случае успеха с ударом на Верхне-Кумский был бы для немцев простым делом.

В ходе наступления 17 декабря «бронегруппа» 6-й танковой дивизии выполняла весьма замысловатые маневры, пытаясь атаковать позиции на подступах к Верхне-Кумскому с фланга. В частности, был атакован правый фланг корпуса Вольского у высоты 146,9. После этого

«бронегруппа» развернулась и направилась на запад, утюжить позиции советской мотопехоты. Однако во время этой вспомогательной атаки немцам удалось потеснить 20-ю истребительно-противотанковую бригаду и заставить отходить на Громославку, к Мышкове. В журнале боевых действий Сталинградского фронта появляется почти паническая запись о том, что противник вечером «продвигался на Громославку силами около 100 танков». К счастью, это предположение оказалось ложным.

Атаки на действительном направлении главного удара успеха немцам не принесли. В 14.20 17 декабря «бронегруппа» радировала Раусу: «Первая атака на Верхне-Кумский отражена из-за необычно мощной противотанковой обороны. Налет авиации никакого воздействия не оказал. Подбито несколько танков». Возможности 4-го воздушного флота к тому моменту были существенно ниже, чем летом. Вторая атака «бронегруппы» уже не состоялась из-за наступления темноты. Декабрьские дни были короткими и не давали возможности быстро исправить ошибку или наверстать упущенное время.

Важную роль в успехе обороны высот перед Верхне-Кумским сыграла мотопехота корпуса Вольского. Повествуя о происходящем со сдвигом на сутки Раус пишет о событиях 17-го числа: «Хорошо замаскированная русская пехота укрывалась в глубоких щелях группами от 2 до 4 человек и просто позволила двум танковым полкам прокатиться у себя над головой. Затем, используя многочисленные противотанковые ружья, каждое из которых мог обслуживать один человек, русские открыли огонь с близкого расстояния по слабо бронированным машинам батальона капитана Купера, нанеся ему тяжелые потери. Нашим танкам приходилось ждать или даже поворачивать назад на помощь панцер-гренадерам, которым пришлось покинуть машины и вести бой с невидимым противником в пешем строю. Вражеские позиции оказались настолько хорошо замаскированы в желто-коричневой степной траве, которая по цвету совпадала с одеждой красноармейцев, что обнаружить такую лисью нору можно было лишь провалившись в нее. Несколько несчастных немецких солдат были убиты прежде, чем сообразили, откуда по ним стреляют. Даже Люфтваффе не могли помочь в борьбе с этими невидимыми призраками. Никогда раньше наши танкисты не чувствовали себя столь беспомощными, хотя могли отбить атаку огромного количества русских танков» [329].

Ситуация принципиально отличалась от июля и августа 1942 г., когда советские танковые корпуса, бедные пехотой, были неспособны к самостоятельному сдерживанию механизированных соединений противника. Теперь на направление немецкого наступления был быстро выдвинут механизированный корпус, обладавший и пехотой, и танками, и некоторым количеством артиллерии.

18 декабря атаки 6-й танковой дивизии на Верхне-Кумский носили локальный характер. Немецкое наступление замедлилось, и чаша весов сражения стала клониться на сторону Красной армии. На рубеже р. Мышкова начали занимать оборону прибывшие дивизии 2-й гвардейской армии. Теперь, даже если бы заслон мехкорпуса Вольского оказался прорван, перед соединениями LVII корпуса не открылась бы свободная дорога навстречу Паулюсу. 18 декабря 4-й мехкорпус стал 3-м гвардейским мехкорпусом. Удивительно, но об этом сразу же узнал противник. Уже в 14.00 последовала радиограмма: «Сталин присвоил защитникам Верхне-Кумского звание гвардейцев». Возможно, на приобретшем черты позиционного фронте солдаты просто перекрикивались друг с другом из окопов. Красноармейцы после успешного боя не преминули сообщить противнику, что их упорство было оценено на самом верху.

Однако наращивание немцами силы удара LVII корпуса в конечном итоге все же привело к расшатыванию обороны теперь уже гвардейского корпуса. Немецкое описание боя дает ясную картину причин успеха немецкого наступления 19 декабря:

«Слева наконец 17-я танковая дивизия вышла на тот же рубеж, что и мы, так что наша дивизия могла прекратить обстрел противника на флангах и высвободить войска для дальнейшего продвижения вперед. Все внимание теперь сконцентрировалось на Верхне-Кумском, который подвергся систематическим атакам. Поскольку позиции противника были хорошо известны, налеты “Штук” нанесли русским большой урон. Благодаря этому мотопехоте при поддержке штурмовых орудий удалось ворваться в село» [330].

В результате прорыва на правом фланге корпуса Вольского, где вступила в бой 17-я танковая дивизия, Верхне-Кумский оказался под ударом сразу с двух направлений. Как позднее было указано в отчете штаба 3-го гв. мехкорпуса, «стрелковый полк 1378, 59 МБр, попав под двойной удар

полуокружены и частично уничтожены». Механизированные бригады под угрозой окружения вынуждены были отойти назад, на рубеж реки Мышкова. Однако 6-й танковой дивизии пришлось для захвата плацдарма на Мышкове выполнять обходной маневр довольно далеко на восток, к Васильевке.

Потери корпуса Вольского под Верхне-Кумским в период с 15 по 19 декабря составили 52 танка подбитыми и сожженными. Людские потери были довольно тяжелыми: 994 человека убитыми, 3497 человек ранеными, 1075 пропавшими без вести и попавшими в плен [331]. На 20 декабря в составе корпуса оставалось 6833 человека, 31 Т-34 и 19 Т-70. Действовавшая вместе с корпусом Вольского 85-я танковая бригада после боев под Верхне-Кумским к 19 декабря насчитывала только 1 Т-34 и 2 Т-70, т.е. потеряла почти всю имевшуюся матчасть.

В целом период с 11 по 20 декабря 1942 г. ознаменовался для Сталинградского фронта сравнительно низкими потерями. В эту десятидневку потери составили 12 718 человек (2776 убитыми, 5975 ранеными, 2304 пропавшими без вести и 1663 по другим причинам) [332]. Потери 4-го механизированного корпуса составили, как мы видим, едва ли не треть общих потерь фронта. В предыдущую десятидневку, с 1 по 10 декабря, когда войска фронта атаковали противника на внешнем и внутреннем фронтах окружения, потери составили 14 513 человек.

В пятидневных боях советскими войсками был достигнут несомненный успех: время до сосредоточения 2-й гвардейской армии было выиграно. Результативные действия механизированных корпусов у Верхне-Кумского позволили рокировать на направление немецкого наступления стрелковые части. Довольно сильная группировка была создана еще до сосредоточения 2-й гвардейской армии. Уже 18 декабря А.М. Василевский докладывал И.В. Сталину: «В затылок Вольскому по р. Мышкова и далее на Абганерово (внешний обвод бывшего Сталинградского УРа) развернуты 300, 98, 3 гвард., частично 87 и 38 стр. дивизии, имеющие задачей на этом рубеже прочно прикрыть окончательное сосредоточение Яковлева [333]. В районе ст. Гнилоаксайская, Водинский 17.12 подтянуты две танкбригады Сталинградского фронта, имеющие до 80 танков» [334]. Как мы видим, на построение заслона была растащена 5-я ударная армия: 300-я и 87-я стрелковые дивизии входили в ее состав по директиве Ставки на создание армии.

К утру 18 декабря из состава 2-й гвардейской армии разгрузилось уже 150 эшелонов из 156. 98-я и 3-я гвардейская стрелковые дивизии армии Р.Я. Малиновского к этому моменту уже занимали оборону на Мышкове, а 2-й гвардейский мехкорпус сосредотачивался в районе знаменитого разъезда «74 км», на фланге наступающей группировки Гота – Манштейна. На плане «Зимняя гроза» был поставлен большой и жирный крест.

Пожалуй, единственным временным промежутком, в котором мог иметь успех деблокирующий удар, был период с 14 по 16 декабря 1942 г. Если бы Готу удалось быстро преодолеть сопротивление 4-го мехкорпуса, 6-я танковая дивизия вышла бы в точку randevu, достижимую изнутри «котла». Если бы мехкорпус Вольского потерпел поражение, то на пути к Сталинграду LVII корпус не встретил бы серьезного сопротивления. У советского командования просто не было войск, способных остановить свежую танковую дивизию немцев. Действующим фактором также были атаки Донского фронта на периметре окружения. В переговорах с Манштейном вечером 19 декабря Паулюс говорил: «Сегодняшние бои временно связали основную массу наших танков и часть ударной силы армии и показали, что в направлении Калач враг особенно силен в танках и артиллерии». В силу всех этих обстоятельств Манштейн уже не питал иллюзий относительно перспектив «Зимней грозы». Он докладывал Гитлеру: «Невозможно будет LVII танковому корпусу в одиночку соединиться с 6-й армией, не говоря уж о поддержании этой связи. Последним вариантом является прорыв 6-й армии в юго-западном направлении. По крайней мере большая часть войск и подвижное оружие армии будут сохранены» [335].

«Зимняя гроза» провалилась. Советские пехотинцы шагают мимо брошенного танка Pz.III. Котельниковское направление, конец декабря 1942 г.

Нет сомнений, что, если бы это происходило в 1944 г., 6-я армия рванулась бы навстречу свободе, бросая тяжелое оружие и технику. Именно так прорвалась из окружения 1-я танковая армия Хубе весной 1944 г. Однако в декабре 1942 г. еще не было примеров уничтожения окруженной группировки немецких войск Красной армией. Самому Сталинграду предстояло стать таким примером. Пока примера не было, начальник штаба группы армий «Дон» генерал Шульц безуспешно попытался уговорить командование 6-й армии пробиваться независимо от успехов деблокирующей группировки. В переговорах, которые состоялись между ним и начальником штаба 6-й армии Шмидтом 20 декабря 1942 г., Шульц предельно ясно сформулировал оптимальный на тот момент вариант действий: «Точка зрения фельдмаршала [Манштейна. – А.И.] такова, что наступление 6-й армии по операции “Зимняя гроза” должно начаться чем раньше, тем лучше. Нельзя ждать, пока Гот приблизится к Бузиновке. Мы все прекрасно понимаем, что ваши силы для атаки будут только ограниченными. Поэтому фельдмаршал и стремится к разрешению начала “Удара грома”. Битва за это разрешение в главном командовании сухопутных сил, несмотря на наше настояние, еще не закончена. Без оглядки на решение по “Удару грома”, фельдмаршал ясно указывает на то, что действия по “Зимней грозе” должны начаться как можно раньше» [336].

Как мы видим, Шмидт считал, что для подготовки 6-й армии к прорыву потребуется 6–8 дней для накопления запасов горючего и вывоза раненых в количестве, позволяющем погрузить оставшихся на автомашины. На тот момент, по оценке начальника штаба 6-й армии, уже имелось 8000 раненых, и каждый день прибывало по 500–600 новых. В 1944 г. такой вопрос бы просто не ставился – раненые были бы оставлены на милость победителя. Для вывода техники на исходные позиции требовалось 800 кубометров топлива, что, исходя из поступления по воздуху 19–20 декабря (150 кубометров в день), потребовало бы 5–6 дней. При таких вводных удар изнутри «котла» мог последовать не раньше, чем 25–26 декабря. Заметим, что в этом диалоге двух начальников штабов приказ Гитлера об удержании вообще никак не упоминается. Расчеты опираются на куда более приземленные вещи – количество раненых, потребное количество топлива и т.п.

Стремясь убедить командование 6-й армии в необходимости немедленно идти на прорыв, Шульц пообещал Шмидту подачу необходимого извне после пробивания коридора: «Что касается топлива, а также питания и боеприпасов, то за армией Гота для этих целей уже стоит автоколонна с 3000 тонн данного груза, который может поступить в ваше распоряжение тут же, как будет организовано сообщение. В этом случае буду также предоставлены взводные грузовики для

оперативного передвижения артиллерийских орудий. Для отправки раненых в плен там также в готовности стоят 30 автобусов. Большая часть раненых будет переправлена на грузовиках» [337]. Шмидт ответил уклончиво: «Мы доложим, когда сможем начать выступление».

Таким образом, обстановка, сложившаяся к 19–20 декабря, настоятельно требовала изменения первоначальных планов. Паулюс должен был предпринять попытку прорыва до того, как деблокирующая группировка вышла к назначенному рубежу (Бузиновке). Более того, он должен был идти на прорыв до накопления планового количества топлива по воздуху. Это была игра «ва-банк» в надежде на успех прорыва и организацию подачи топлива для продолжения операции. В своих мемуарах Манштейн пишет об этом варианте: «Открылась бы возможность создать коридор между 4 танковой армией и 6 армией, чтобы подвезти последней горючее, боеприпасы и продовольствие, необходимые для продолжения прорыва. Для этой цели командование группы армий держало наготове позади 4 танковой армии автоколонны с 3000 т названных запасов, а также и тягачи, которые должны были обеспечить подвижность части артиллерии 6 армии» [338].

Как мы знаем, Паулюс не последовал увещаниям командования группы армий. Теоретически Манштейн имел право подать 6-й армии сигнал «Удар грома» в надежде на то, что фюрер постфактум утвердит это решение как вызванное военной необходимостью. Однако командующий группой армий «Дон» оказался бы как минимум в глупом положении, если бы Паулюс не последовал этому сигналу. Требовалось обоюдное согласие командования 6-й армии и группы армий «Дон» для действий наперекор указаниям Гитлера относительно удержания Сталинграда и в нарушение первоначальных планов. В условиях, когда командование 6-й армии не соглашалось на немедленный прорыв, мотивируя это наличием раненых и нехваткой горючего, ни о какой согласии не могло быть и речи. Для Манштейна прорыв 6-й армии, по большому счету, не обещал ничего хорошего. Стоявшие по периметру окружения советские армии обрушились бы на группу армий «Дон» с непредсказуемым результатом. Напротив, удержание Сталинграда означало блокирование крупного железнодорожного узла и сковывание значительных сил советских войск. Поэтому решение вопроса о прорыве было оставлено Манштейном на совести Паулюса. В конце концов, спасение 6-й армии было делом ее командующего.

Тем временем советское командование вынашивало планы разгрома LVII корпуса и устранения даже теоретической возможности пробить коридор между 4-й танковой и 6-й армиями. Пока штаб Паулюса ждал накопления горючего и вывоза раненых, драгоценное время убегало как песок сквозь пальцы. План использования 2-й гвардейской армии на внешнем фронте окружения сложился у советского командования уже 18 декабря. Он не предусматривал примитивного выстраивания заслона на пути наступающих немцев. Напротив, предполагалось разгромить LVII корпус активными действиями. А.М. Василевский в своем докладе И.В. Сталину обрисовал свой замысел так:

«Прошу утвердить следующий план дальнейшего использования и действий Яковлева. В ночь на 21-е и 21-го развернуть гв[ардейские]. стр[елковые]. корпуса Яковлева по р. Мышкова на фронте Ниж.. Кумский, Капкинский и 2 гв. мехкорпус сосредоточить в районе Перегрузный, Аксай, Шелестов и с утра 22.12 перейти к активным действиям. 22.12 гв[ардейские]. стр[елковые]. корпуса, нанося главный удар в направлении Громославка, Шестаков и далее вдоль ж. д. на Котельниково, вместе с корпусом Вольского должны будут окончательно разгромить пр-ка в районе Верхне-Кумский, очистить сев. берег р. Аксай и выходом на южный берег р. Аксай закрепить его за собой. 2 гв. мех. корпус из района Аксай, действиями по флангу и тылу пр-ка через Дарганов, к вечеру 22.12 должен будет, захватив сильным передовым отрядом Котельниково, главными силами выйти в район Пимен-Черни, Гремячая и тем самым прочно сесть на тылы группировки пр-ка, действующей к северу от Котельниково. 23.12 – ликвидация пр-ка к сев.-вост. от Котельниково, с сильным заслоном от 2 гв. мк в сторону Дубовское и с выходом гв[ардейских]. стр[елковых]. корпусов к вечеру на линию Верхне-Яблочный, Пимен-Черни, Дарганов».

Если наложить этот план на карту, то получатся классические «канны» – удар по сходящимся направлениям. При этом 2-й гвардейский механизированный корпус предполагалось бросить в обход прикрытого румынской кавалерией правого фланга ударной группировки Гота. Мехкорпус должен был осуществить глубокий охват через донские степи. В свою очередь, стрелковые корпуса армии Р.Я. Малиновского вместе с потрепанным 3-м гвардейским механизированным корпусом получили задачу нанести удар растянутому левому флангу LVII танкового корпуса.

Однако до того, как этот план был введен в действие, последовал очередной выпад немецкой

деблокирующей группировки. Убедившись в том, что механизированный корпус – это крепкий орешек, немецкое командование перенесло удар дальше вверх по Мышкове, в район Васильевки. Был достигнут некоторый успех, захвачен плацдарм на северном берегу Мышковой. Но одновременно LVII танковый корпус растягивал свой левый фланг от Дона до Васильевки. В условиях сосредоточения на северном берегу Мышковой 2-й гвардейской армии это было почти безразличным.

Впрочем, проверить на прочность LVII корпус в полном составе советским войскам уже не удалось. 16 декабря войска Юго-Западного и Воронежского фронтов начали операцию «Малый Сатурн». Наступление советских войск быстро создало угрозу немецким авиабазам Тацинской и Морозовской. 23 декабря последовал приказ, по которому 6-я танковая дивизия снималась с котельниковского направления и направлялась к Морозовской. На рассвете 24 декабря колонна танков и автомашин, растянувшаяся на 130 км, двинулась к месту нового назначения. Надежды на деблокирование армии Паулюса ударом 4-й танковой армии рухнули.

Когда сражение было почти закончено, 2-я гвардейская армия лишилась своего члена Военного совета. У Бондарева в «Горячем снеге» комиссар погибает в бою, случайно напоравшись на немцев: «И вдруг он задохнулся – горячий, жесткий удар в грудь оттолкнул его, резко качнул назад, и то, что успел уловить Веснин, подавившись от этого удара невыговоренными словами, были повернутые к нему, немые кричащие о каком-то невозможном несчастье глаза майора Титкова». В действительности член Военного совета 2-й гвардейской армии дивизионный комиссар Илларион Иванович Ларин 25 декабря 1942 г. застрелился у себя на квартире, оставив записку: «*Я ни при чем. Прошу не трогать мою семью. Родион умный человек. Да здравствует Ленин*». До этого, 19 декабря 1942 г., по сообщению особого отдела НКВД Сталинградского фронта, член Военного совета армии «*вел себя нервно, ходил во весь рост и был легко ранен пулей в ногу, создавалось впечатление, что он искал смерти*» [339]. Что самое печальное, обстановка к тому моменту уже разрядилась. Если 19 декабря еще были поводы для беспокойства, то неделей спустя риск взлома обороны 2-й гвардейской армии и деблокирования окруженных исчез.

В тот же день, когда колонны 6-й танковой дивизии двинулись к Морозовской, 2-я гвардейская армия перешла в наступление против растянутого фланга LVII танкового корпуса. В состав армии к тому моменту вошли 7-й танковый и 6-й механизированный корпуса. К 16.30 55-й танковый полк теперь уже 3-го гвардейского механизированного корпуса совместно с частями 24-й гвардейской стрелковой дивизии вновь овладели Верхне-Кумским. Сталинградский фронт силами 2-й гвардейской армии с тремя механизированными корпусами перешел в наступление на Котельниково. Далее последовало наступление на Ростов. Но это уже совсем другая история.

Внешний фронт окружения начал стремительно удаляться от рубежа Мышковой. Самостоятельный прорыв 6-й армии на котельниковском направлении стал безнадежным и даже технически невозможным.

Выводы по третьей части

Оценивая операции «Уран» и «Кольцо», имеет смысл пройти по тем трем пунктам, которые были озвучены Г. К. Жуковым незадолго до начала советского наступления, 3 ноября 1942 г. Напомню, что тогда задачи войск трех фронтов были сформулированы следующим образом:

- а) заставить румын выйти из состояния войны путем полного разгрома румынской армии;
- б) добиться решающего перелома для нас в ходе войны;
- в) окружение и разгром сталинградской группировки.

Несмотря на оглушительный разгром румынских войск, заставить Румынию выйти из войны не удалось. Однако Сталинград, несомненно, стал фундаментом для последующих событий. Перелом произошел после разгрома румынских войск в Крыму весной 1944 г. В августе 1944 г., на четвертый день Ясско-Кишиневской операции, румынский король Михай вызвал маршала Антонеску во дворец и потребовал немедленного перемирия. Антонеску отказался и был заключен под стражу. Король взял переговоры с союзниками в свои руки. На третий день после ареста Антонеску румынская армия начала боевые действия против немцев. Так Румыния вышла из войны. Но не будем забывать, что в этот момент советская 6-я танковая армия подходила к Бухаресту. В конце 1942 г. и начале 1943 г. у немцев, да и у самого Антонеску, было более чем достаточно сил для удержания власти в

Румынии. Таким образом, можно признать, что ожидания выхода Румынии из войны были чрезмерными. Операция «Уран» привела лишь к разгрому и выводу с территории СССР двух румынских армий. 7 января 1943 г. генерал Думитриеску получил приказ вывести остатки 3-й и 4-й армий в Румынию. На эту дату они насчитывали 73 062 человека, преимущественно из тыловых подразделений. Но часть румын в тот момент еще была рассеяна по различным немецким подразделениям. Потери румынской армии с начала «Урана» оценивались в 140 тыс. человек.

Перелом в войне – вещь трудноформализуемая. Тем не менее можно уверенно сказать, что Сталинград является одним из переломных моментов войны. Дело даже не в том, что вермахтом не была достигнута цель кампании. Поход на Кавказ закончился поспешным наступлением с него в начале 1943 г. Но этим результаты Сталинградской битвы не ограничились. Германская армия потерпела крупное поражение. Из ее рядов была вырвана сразу целая армия. Немцы надолго потеряли стратегическую инициативу.

В ноябре 1942 г. имела место классическая ситуация с неверным определением планов противника. Немцы приготовились вести оборонительное сражение, но не там и не теми силами, где это действительно потребовалось. Если бы дефиле между озерами Цаца и Барманцак обороняли немецкие части, то у него были бы все шансы стать кладбищем советской бронетехники. То же самое можно сказать о периметре плацдармов у Клетской и Серафимовича. Особенно опасен был неглубокий плацдарм у Клетской. Наступление 21-й армии с плацдарма у Клетской могло провалиться так же, как наступление 20-й армии с плацдарма у Вазузы под Ржевом в ноябре 1942 г. По иронии судьбы, наряд сил, атакующих с плацдармов, был одинаковый: танковый корпус и кавкорпус. Разница была только в войсках, которые занимали периметр того и другого плацдарма. Наступление 24-й армии немцы также успешно отразили. Немцы поставили румын там, где они считали ситуацию неопасной. Они просто не могли предположить удара сразу на большую глубину и встречного удара из достаточно пустынной местности.

Советское контрнаступление под Сталинградом имело беспрецедентный для Восточного фронта размах. Никогда до этого советские войска не осуществляли операцию на окружение таких масштабов. Точнее, крупные операции на окружение планировались, но ни одна из них до этого не была доведена до смыкания «клешей» в тылу противника. Соответственно размеры пойманной «рыбы» были таковы, что ее удержание требовало больших усилий. Никак нельзя согласиться с Манштейном, утверждавшим, «когда 22 или 23 ноября он [Паулюс] сделал предложение вырваться с армией на юго-запад, подходящий момент был, возможно, уже упущен» [340]. Срыв с места такой крупной массы войск, как 6-я армия, привел бы в конце ноября 1942 г. к прорыву окружения изнутри.

Советские военные специалисты признавали возможность прорыва окруженной группировки. В вышедшем по горячим следам битвы, весной 1943 г., сборнике материалов по изучению опыта войны было сказано: «Обстановка могла бы сложиться иначе, если бы немецкое главное командование решилось на самостоятельный вывод из окружения группы Паулюса ударом на запад и юго-запад. Возможно, что в этом случае удалось бы вывести из кольца окружения часть живой силы группы, потеряв материальную часть и тяжелое вооружение. Но схема довлела над действительностью, ожидаемая с запада помощь не пришла, и окруженные войска оказались окончательно изолированными. Единственным средством для сообщения со своим тылом у них осталась лишь транспортная авиация, а для связи – радио. При той ситуации, которая создавалась на Донском фронте к концу ноября 1942 г., очень важно было иметь в штабе фронта правильное представление о составе группировки противника и ее возможностях. Просчет, допущенный разведорганами штаба Донского фронта в оценке противника, при ином поведении окруженной группировки, т. е. при решительных действиях ее на выход, из окружения в самом начале, без ожидания помощи извне, привел бы к серьезным осложнениям обстановки в районе среднего течения Дона» [341].

Действительно, образование достаточно плотного внутреннего фронта окружения произошло далеко не сразу. Особенно слабым было котельниковское направление, где оборонялись на внешнем и внутреннем фронтах окружения войска 51-й и 57-й армий Сталинградского фронта. Южное крыло «канн» было изначально достаточно малочисленным, а необходимость держать два фронта еще больше снижала его возможности. 4-й механизированный корпус занимал на внутреннем фронте окружения полосу шириной 60 км, что было очень много даже для насыщенного пехотой

соединения. Одним словом, первые дни после замыкания «котла» у Паулюса были хорошие шансы на прорыв, по крайней мере части сил 6-й армии. Практически обречены на уничтожение были, пожалуй, только соединения задонской части армии Паулюса.

По свидетельству Хрущева, возможность прорыва рассматривалась как неизбежное зло: «Мы были уверены, что немцы в Сталинграде будут окружены. С Жуковым у меня были, повторяю в который раз, очень хорошие отношения, и я ему сказал: “Товарищ Жуков, мы-то сделаем свое дело и окружим немцев. Надо полагать, что войска противника, когда окажутся в окружении, захотят вырваться. Куда им идти? Они не пойдут прорываться из окружения на север, они пойдут на юг. Чем мы их будем держать? У нас удержать их нечем. Они нас раздавят, вырвутся и уйдут”. Жуков улыбнулся, посмотрев на меня, и отреагировал русской словесностью довольно крепкого концентрата и резкого содержания, добавив: “Пусть уходят, нам-то нужно, лишь бы они ушли, нам бы только Сталинград и Волгу высвободить” [342]. Впрочем, это высказывание Хрущева плохо вяжется с документально подтвержденными задачами «Урана», включая вывод Румынии из войны.

Несмотря на огромный шаг вперед, сделанный с формированием механизированных корпусов, структура советских подвижных соединений еще оставляла желать лучшего. В отчете, написанном по итогам боев, командир 4-го механизированного корпуса В.Т. Вольский писал: «Опыт боевых действий показал, что наступление корпуса без наличия артиллерии разрушения (122 мм) на сильно укрепившегося противника положительных результатов не дает (Мариновка, Карповка)» [343]. Действительно, артиллерию механизированного корпуса составляли 76-мм пушки, 82-мм и 120-мм минометы. Перед началом боев в 4-м мехкорпусе насчитывалось семьдесят два 76-мм орудия, восемнадцать 120-мм и девяносто 82-мм минометов. Даже легкая гаубичная артиллерия в составе ушедших в прорыв мехкорпусов отсутствовала. Мехкорпус не шел ни в какое сравнение с немецкой танковой дивизией, вооруженной легкими и тяжелыми полевыми гаубицами. При этом часто немецкие подвижные соединения получали артиллерию усиления до 210-мм гаубиц включительно. Мехкорпус образца 1942 г. мог сокрушать только легкую полевую оборону, а также противостоять противнику, не имеющему сильной гаубичной артиллерии.

Часть четвертая Гидравлический пресс. Операция «Кольцо»

Одним из основных стимулов проведения мероприятий по сокрушению окруженных войск противника является высвобождение своих дивизий и армий, удерживающих периметр окружения. Окружением мы вырываем из построения противника часть сил и на какое-то время, до прибытия свежесформированных соединений или перебросок с других театров военных действий, получаем численное преимущество.

Вследствие этих соображений обе стороны стремились как можно быстрее уничтожить окруженного противника, даже в том случае, если не было угрозы деблокирования «котла». Задача на уничтожение окруженной армии Паулюса была поставлена войскам Донского фронта К.К. Рокоссовского уже 30 ноября 1942 г. Однако на тот момент для ее выполнения в декабре Донской фронт не имел необходимого количества сил и средств. Предназначенная для усиления Донского фронта 2-я гвардейская армия была направлена в состав Сталинградского фронта и использована для отражения деблокирующего удара Э. фон Манштейна в районе Котельниково. В связи с этим начало операции по ликвидации окруженного под Сталинградом противника было отложено, а войскам Донского фронта была поставлена задача – перейти к обороне по всему фронту окружения и наступательными действиями на отдельных направлениях воспрепятствовать противнику в создании ударной группировки для прорыва из окружения.

К.К. Рокоссовский впоследствии сетовал: «Дело прошлое, но мне думается, что было бы все же целесообразнее 2-ю гвардейскую армию использовать так, как вначале намеревалась поступить Ставка, то есть быстро разделаться с окруженной группировкой. Этот смелый вариант открывал огромные перспективы для будущих действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта. Как говорится, игра стоила свеч. Конечно, меня снова могут упрекнуть, что сейчас, когда все стало ясным, легко рассуждать о чем угодно, но я и тогда был сторонником использования 2-й гвардейской армии в первую очередь для разгрома окруженной группировки, предлагая в случае приближения вражеских сил к котлу повернуть против них всю 21-ю армию. Ставка предпочла принять другой вариант, надежно гарантирующий от всяких неожиданностей» [344].

Но, так или иначе, к концу декабря 1942 г. угроза деблокирующего удара извне была ликвидирована. К этому времени фронт советских войск проходил по линии Нов. Калитва, Марковка, Миллерово, Морозовский, Зимовники, на расстоянии 170–250 км от окруженной под Сталинградом группировки противника.

Положение окруженной армии Ф. Паулюса к январю 1943 г. резко ухудшилось. Территория, занимаемая окруженными войсками, значительно сократилась и почти насквозь простреливалась огнем советской артиллерии. В ходе боевых действий в декабре для отражения обжимающих «котел» атак Паулюс был вынужден полностью израсходовать все свои резервы и почти все свои дивизии втянул в первую линию обороны. Запасы боеприпасов, горючего и продовольствия были на исходе. Справедливости ради следует отметить, что продовольственное снабжение 6-й армии в значительной степени опиралось на конину. Многочисленные лошади немецких пехотных дивизий и румынской кавалерии постепенно отправлялись в солдатские котелки. На 9 января 1943 г. в рацион немецкого солдата в «котле» входило всего 75 граммов хлеба, но им сопутствовали 200 граммов конины.

Расчеты немецкого командования на организацию непрерывного снабжения окруженных войск по воздуху провалились. Привлеченные для этой цели в середине декабря 1942 г. силы транспортной и бомбардировочной авиации, базировавшиеся на аэродромах Тагинская, Морозовский, Чернышковский, Котельниково, Зимовники, Сальск, к январю 1943 г. понесли большие потери от советской авиации и зенитной артиллерии. С потерей в конце декабря, вследствие начала «Малого Сатурна», большинства вышеуказанных аэродромов плечо подвоза по воздуху значительно возросло.

Транспортная авиация вынуждена была перенести свои базы в Шахты, Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Мечетинскую и Сальск, что увеличило расстояние от баз до посадочных площадок 6-й армии на 100 км. Основной базой Хе-111 корпуса Фибига стал Новочеркасск. Из Новочеркасска «хейнкелям» нужно было лететь до Питомника 330 км, на 130 км больше, чем от Морозовской. Главной базой Ю-52 на какое-то время стал Сальск. Однако отход немецких войск с Кавказа вскоре поставил аэродром в Сальске перед необходимостью спешной эвакуации. Присланный из штаба Люфтваффе эксперт по транспортным операциям полковник Фриц Морцик выбрал новый аэродром путем облета окрестностей на «Шторхе». В результате были выбраны заметенные снегом пшеничные поля под Зверево, в 65 км к северу от Новочеркасска. Там с нуля спешно создавалась база для Ю-52. Она начала действовать 16 января.

Снабжение окруженных в районе Сталинграда войск противника по воздуху значительно ухудшилось и уже ни в коей мере не удовлетворяло их потребностей в продовольствии, боеприпасах и горючем. Ни о каких 600 тонн в сутки не могло быть и речи. Заметный вклад в снижение эффективности «воздушного моста» внесли советские ВВС и зенитная артиллерия. Задачу по организации воздушной блокады окруженной вражеской группировки выполняли 16-я, 8-я воздушные армии и часть сил 17-й воздушной армии, войсковая зенитная артиллерия и части корпусного района ПВО (зенитная артиллерия и 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО). Способы ее осуществления менялись в зависимости от изменения тактики авиации противника.

К началу января 1943 г. была разработана стройная система осуществления воздушной блокады. Борьба с авиацией противника велась в четырех зонах: на аэродромах за внешним фронтом окружения, в воздухе между внешним и внутренним фронтами окружения, в зоне огня зенитной артиллерии, непосредственно прилегающей к району окружения, и, наконец, в самом районе окруженной группировки. Все это превратило операцию по снабжению 6-й армии Паулюса в избиение транспортной авиации Люфтваффе.

Обстановка, сложившаяся к январю 1943 г. на южном крыле советско-германского фронта, не только создала выгодные предпосылки для окончательной ликвидации войск противника, окруженных под Сталинградом, но и требовала решения этой задачи в кратчайший срок. Требовалось высвободить значительные силы советских войск для действий на других направлениях в развернувшемся общем наступлении Красной Армии, а также освободить сталинградский железнодорожный узел и восстановить железнодорожное сообщение с нашими войсками, наступавшими на Ростов и Донбасс. Фактически армия Ф. Паулюса получила свою последнюю задачу: продержаться как можно дольше и тем самым позволить группе армий «Дон» восстановить фронт и избежать окружения отходящей с Кавказа группы армий «А».

Ликвидация окруженной группировки противника была возложена на войска Донского фронта

генерал-полковника К.К. Рокоссовского. С 1 января 1943 г. Директивой Ставки ВГК № 170720 от 30 декабря 1942 г. в состав Донского фронта передавались ранее находившиеся под управлением Сталинградского фронта 57, 64 и 62-я армии. Соответственно Сталинградский фронт ликвидировался, а вместо него появлялся Южный фронт. Последний возглавил генерал-полковник А.И. Еременко, получивший в свое распоряжение 2-ю гвардейскую, 28-ю и 51-ю армии. Сталинградский фронт просуществовал почти полгода.

Седла убитых и съеденных лошадей 6-й армии. Попадшая в «котел» румынская кавалерия стала настоящим подарком для солдат армии Паулюса

В подготовке и проведении последней операции Донского фронта под Сталинградом принимал участие представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н.Н. Воронов. В своих мемуарах маршал приводит документ, согласно которому он 19 декабря 1942 г. получил это назначение: «1. Ставка Верховного Главнокомандующего считает, что тов. Воронов вполне удовлетворительно выполнил свою задачу по координации действий Юго-Западного и Воронежского фронтов, причем, после того как 6-я армия Воронежского фронта передана в подчинение Юго-Западного фронта, миссию тов. Воронова можно считать исчерпанной.

2. Тов. Воронов командирится в район Сталинградского и Донского фронтов в качестве заместителя тов. Василевского по делу ликвидации окруженных войск противника под Сталинградом.

3. Тов. Воронову как представителю Ставки и заместителю тов. Василевского поручается представить не позднее 21.12.42 г. в Ставку план прорыва обороны войск противника, окруженного под Сталинградом, и ликвидации их в течение пяти-шести дней» [345].

А.М. Василевский вскоре был отправлен координировать действия Южного и Юго-Западного фронтов, и Воронов остался единственным представителем Ставки на Донском фронте. Разрабатываемая операция получила кодовое наименование «Кольцо». Воронов свидетельствует, что во второй половине декабря командование Донского фронта недооценивало силы окруженных. Он пишет, что Рокоссовский «смело и уверенно назвал цифру в 86 тысяч, которые составляют пять пехотных дивизий, две мотодивизии, три танковые дивизии и три каких-то боевых отряда». Полностью достоверные сведения о численности 6-й армии советское командование получило только после ликвидации «котла». План операции был представлен Н.Н. Вороновым в Ставку

27 декабря 1942 г. Полностью документ см. в Приложении. Представитель Ставки предлагал нанести главный удар по западному фасу «котла» и гнать противника с запада на восток. В мемуарах он формулирует основную идею операции, как «мы решили мощным таранным ударом с запада на восток рассечь надвое окруженную группировку противника с попутным уничтожением ее отдельных частей». Наибольший интерес представляет мотивировка выбора именно этого направления:

«а) Нанося главный удар с запада на восток, главную мощь нашего удара сосредоточиваем по основным силам противника, находящимся в районе Мариновка, Жирноклеевка, Мал. Россошка, свх. № 1, расчленяем их и в дальнейшем последовательно уничтожаем расчлененные отдельные группы противника.

б) На фронте главного удара обороняются войска, которым частично нанесено поражение в предыдущей операции Юго-Западного и Донского фронтов (76, 44, 376, 384-я пд и 14-я тд), среди них 44-я и 376-я пд дали за последнее время наибольшее количество пленных и перебежчиков.

в) Оборонительный рубеж, занимаемый противником в западном секторе, готовился только после отхода его частей из-за Дона, тогда как северный сектор подготавливался к обороне в течение 4 месяцев. Кроме того, в северном секторе занимают оборону лучшие немецкие дивизии, и на поле боя много подбитых немецких и наших танков, которые используются противником как бронированные огневые точки.

г) Характер местности, изрезанной глубокими балками, идущими с запада на восток, обеспечивает нашим танковым частям свободу маневра в глубину, тогда как при ударе с севера на юг действия их будут ограничены.

д) Выгодное исходное положение, не требующее сложной перегруппировки войск».

Зенитки в полях под Сталинградом. Они стали одним из основных средств выбивания транспортной авиации немцев

Единственный пункт, который можно принять безоговорочно, – это пункт «г». Протяженность «котла» в направлении с запада на восток была заметно большей, чем в направлении с севера на юг. Кроме того, при нанесении главного удара с запада на восток встречный удар должны были наносить войска в Сталинграде, имевшие ничтожные наступательные возможности. Более логичным представляется рассечение «котла» надвое встречными ударами с юга и с севера. Однако неудачи в позиционных сражениях к северу от Сталинграда тяжким грузом давили на командование Донского фронта. Вороновым приведено несколько аргументов в пользу того, чтобы оставить в покое бывший «наземный мост». С момента последних атак на «наземный мост» много воды утекло, и мощный

заслон в междуречье Дона и Волги был демонтирован. Конечно, наступать мимо многочисленных остовов сгоревших танков – это сомнительное удовольствие. Однако это кладбище техники было бы преодолено при продвижении в глубь немецкой обороны на 3–5 км, т.е. уже в первые дни, если не часы, наступления. Идея удара с западного фаса «котла» в большей степени соответствует обстановке первых недель после окружения 6-й армии, когда было необходимо максимально разнести в пространстве внешний и внутренний фронты окружения. В январе, когда фронт был отнесен на 200–250 км от «котла», сдавливание окруженной группировки с запада особого смысла уже не имело. Нет ничего удивительного в том, что представленный план операции «Кольцо» подвергся критике со стороны Верховного командования. 28 декабря 1942 г. Директивой Ставки ВГК № 170718 за подписями И.В. Сталина и Г.К. Жукова указывалось:

«Главный недостаток представленного Вами плана по “Кольцу” заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главная ваша задача на первом этапе операции должна состоять в отсечении и уничтожении западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов – Бабуркин – Мариновка – Карповка, с тем чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка – совхоз № 1 – Бабуркин повернуть на юг в район станция Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов – Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станция Карповская.

Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару – удар 62-й армии, с тем чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника.

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает. Операцию по первому этапу закончить в течение 5–6 дней после ее начала.

План операции по второму этапу представьте через Генштаб к 9 января, учтя при этом первые результаты по первому этапу» [346].

Как мы видим, Ставка с пониманием отнеслась к решению командования фронта бить по северо-западному фасу «котла». Воронов и Рокоссовский считались достаточно компетентными людьми для принятия подобного рода решений. Несмотря на общую идею операции «Кольцо», предусматривающую расчленение окруженной группировки на несколько частей с последующим уничтожением каждой из них в отдельности, план этот представлялся трудноосуществимым. До соединения друг с другом ударным группировкам нужно было пройти сравнительно большое расстояние. Соответственно, противник мог уйти от разобщения «котла» отступлением в сторону Сталинграда.

«Гидравлический пресс». Для нанесения главного удара привлекались войска 21, 65 и 24-й армий. Они строились трезубцем, или, если хотите, тройкой. 65-й армии П.И. Батова при этом отводилась ведущая роль: она должна была наступать в центре построения ударной группировки на всем своем фронте (12 км), имея пять стрелковых дивизий в первом эшелоне и три дивизии – во втором. Армия получала колоссальные средства усиления: двадцать семь артиллерийских полков РГК, четыре тяжелых гвардейских минометных бригады (М-30), девять гвардейских минометных полков. Средства усиления позволяли создать плотность насыщения артиллерией на ее участке до 130 орудий на километр фронта. Также армия П.И. Батова получала одну танковую бригаду и шесть отдельных танковых полков. Правее 65-й армии должна была наносить удар своим левым флангом на фронте 4 км 21-я армия И.М. Чистякова силами двух стрелковых дивизий, усиленных одним танковым полком, двумя артиллерийскими полками и тремя минометными полками РГК. Левее армии П.И. Батова, на фронте 4 км, должна была наступать 24-я армия И.В. Галанина. Ее ударная группировка включала три стрелковые дивизии, усиленные одним танковым полком, одним артиллерийским полком РГК и двумя дивизионами артиллерии большой мощности РГК.

Всего на направлении главного удара было сосредоточено 33% всех стрелковых дивизий, 50% артиллерийских, 57% гвардейских минометных и 75% танковых полков. Это позволило на направлении главного удара создать значительные плотности сил и средств. В полосе 65-й армии на одну дивизию приходилось 1,5 км фронта. На 1 км фронта наступления приходилось 135 орудий и минометов и 10 танков. На 9-км участке прорыва армии артиллерийская плотность была доведена до

167 орудий и минометов на 1 км фронта. Численность армий Донского фронта см. в таблице.

БОЕВОЙ И ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ДОНСКОГО ФРОНТА НА 10 ЯНВАРЯ 1943 г. [347]

	Всего людей	Мино- метов	По- левых орудий	В том числе		
				152 мм	122 мм*	203 мм
21 армия	34 878	541	243	—	—	—
24 армия	23 213	416	190	16	—	—
57 армия	23 571	424	123	21	20	—
62 армия	26 486	610	234	6	18	—
64 армия	48 889	1071	291	42	—	—
65 армия	75 503	1814	272	170	126	24
66 армия	42 652	1027	325	—	12	—
Фронт	5966	344	24	—	—	—
Итого	281 158	6247	1702	255	176	24

* – пушек 122-мм

Вспомогательные удары наносились со стороны северо-восточного и южного секторов кольца окружения. Первый – частями 64-й и 57-й армий с фронта Попов, Рокотино (12 км) силами четырех дивизий, трех морских бригад, двух танковых бригад, усиленных двенадцатью артиллерийскими полками РГК, четырьмя гвардейскими минометными полками (М-13) и одной тяжелой гвардейской минометной бригадой (М-30) – в общем направлении на Кравцов, станцию Воропоново. При благоприятном развитии событий наступающие 64-я и 57-я армии должны были соединиться с 65-й армией и отсечь часть сил противника в западной части «котла». Второй вспомогательный удар наносился частями 66-й армии (пять стрелковых дивизий, один танковый, один артиллерийский, два минометных полка РГК, два гвардейских минометных полка) – центром на фронте 7 км в направлении разъезд Древний Вал, хутор Новая Надежда. Этот удар должен был привести к соединению с 62-й армией в Сталинграде и отсечению части войск противника в районе Орловки. Хорошо видно, что 66-я армия, наступавшая в районе эпических сражений за семафор, получала куда более скромные средства усиления, чем 65-я армия. В целях дезориентации немецкого командования о направлении главного удара командованием Донского фронта была осуществлена имитация сосредоточения крупной группировки за левым флангом 24-й армии в районе Самофаловки. Для этой цели были использованы макеты танков и орудий.

Начало операции «Кольцо» было назначено на 10 января. К началу операции Донской фронт в составе семи армий имел тридцать девять стрелковых дивизий, десять стрелковых и четыре танковые бригады, двенадцать танковых полков, восемьдесят девять артиллерийских, десять минометных и четырнадцать гвардейских минометных полков и пять гвардейских тяжелых минометных бригад. Средняя численность стрелковых дивизий по армиям колебалась от 4,5 до 5,5 тыс. человек. Наиболее укомплектованной к началу операции была 65-я армия – только в ее составе на 5 января 1943 г. было два соединения численностью более 6 тыс. человек (23-я сд – 6005 чел., 27-я гв. сд – 6029 чел.). Соответственно в 21-й армии была одна дивизия численностью больше 6 тыс. человек (51-я гв. сд. – 6483 чел.). При этом численность остальных дивизий 21-й армии колебалась от 3612 до 4907 человек. Большинство соединений участвовало в боях если не с самого начала битвы за Сталинград в августе – сентябре 1942 г., то с момента перехода в контрнаступление в ноябре 1942 г. В составе войск Донского фронта насчитывалось 264 танка, около 2500 орудий, свыше 6000 минометов (не считая реактивных) и около 400 самолетов.

Основной формой организации танковых войск Донского фронта были танковые полки. Танковые корпуса были задействованы в наступлении на запад, броске к Ростову, Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операциях. Донской фронт вел бои скорее позиционного, чем маневренного характера. Поэтому наиболее актуальной для танков войск К.К. Рокоссовского была задача непосредственной поддержки пехоты. Количественный и качественный состав танковых частей Донского фронта см. в таблице.

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В СТРОЮ В ТАНКОВЫХ ЧАСТЯХ ДОНСКОГО ФРОНТА НА
22.00 9 ЯНВАРЯ 1943 г. [348]

		КВ	Т-34	Т-60	Т-70	Мк.III	Мк.IV	Всего
24 А	8 гв. тп	8		1			–	9
66 А	7 гв. тп	6	3	2	6		–	17
65 А	91 тбр	2	3	3	–	1		9
	47 гв. отп	–	–	–	–	–	21	21
	15 гв. отп	18	–	–	–	–	–	18
	14 гв. отп	21	–	–	–	–	–	21
	10 гв. тп	16	–	–	–	–	–	16
	9 гв. тп	4	–	–	–	–	–	4
	5 гв. тп	22	–	–	–	–	–	22
21 А	1 гв. тп	10	6	–	2	–	–	18
62 А	Св.рота	1	2			–	–	3
64 А	90 тбр	1	12	3	4	–	–	20
	166 отп	–	11	–	9	–	–	20
	35 отп	–	7	–	4	–	–	11
57 А	235 тбр	1	2	–	–	–	–	3
	234 отп	–	8	–	12	–	–	20
	254 тбр	–	18	–	14	–	–	32
Всего по фронту		110	72	9	51	1	21	264

Хорошо видно, что 65-я армия получила не только большее число танковых полков, но и самые сильные танковые полки по числу боевых машин в строю. Также нельзя не отметить, что почти половину танкового парка Донского фронта составляли тяжелые танки КВ. Вторым по распространенности танком был, конечно же, Т-34. Кроме этого, в уничтожении окруженной 6-й армии принял участие полк полученных по ленд-лизу «Черчиллей» Мк.IV. Настоящей «казанской сиротой» смотрится единственный в составе войск фронта «Валентин» Мк.III. До 8 января 1943 г. в 254-й танковой бригаде числилось два Т-26. Позднее они были восстановлены и введены в строй. Операция «Кольцо» была, пожалуй, одним из последних эпизодов использования танков этого типа. Также в составе фронта числились 2-й гв., 4-й гв., 6-й гв., 189-й отдельные танковые полки, 121-я танковая бригада и 512-й отдельный танковый батальон, не имевшие матчасти. Войска К.К. Рокоссовского, не имея большого превосходства над противником в живой силе, значительно превосходили 6-ю армию в артиллерии и танках. На направлении же главного удара, в полосе 65-й армии, советские войска превосходили противника по пехоте в 3 раза, а по артиллерии в 15 раз. Назначение представителем Ставки ВГК на Донской фронт маршала артиллерии Н.Н. Воронова представляется не случайным. При низкой комплектности стрелковых дивизий предполагалось бить противника мощным артиллерийским ударом. Кроме того, был предпринят ряд мер по повышению эффективности действий пехоты. Уничтожать огневые точки противника предполагалось штурмовыми группами. Руководство по действию штурмовой группы, выпущенное отделом боевой подготовки Донского фронта, см. в приложении.

Ультиматум. За два дня до начала операции «Кольцо», 8 января 1943 г., согласно старым традициям ведения войны советское командование предъявило командованию окруженных под Сталинградом немецких войск пространный ультиматум с предложением капитулировать. Документ был подписан представителем Ставки Н.Н. Вороновым и командующим фронтом К.К. Рокоссовским. Текст ультиматума содержал оценку обстановки на фронтах и обещание хороших условий содержания в плену:

«6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления

германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии, вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных войск издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как Командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

2. Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны – возвращение в Германию или любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени, 9 января 1943 года в письменном виде через лично Вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд КОННЫЙ – станция КОТЛУБАНЬ.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе “Б” 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность» [349].

Ультиматум, как мы видим, содержал четкую и объективную оценку обстановки на фронте, без лишних фанфар и пропагандистской трескотни. Советское командование указывало Паулюсу именно на те вещи, которые не подвергались сомнению даже после войны. Это и потеря аэродромов, и отступление деблокирующей группировки Манштейна. Нельзя не отметить знаковое место, где ожидали представителя Паулюса, – разъезд Конный и станция Котлубань. Не дом в Сталинграде и не населенный пункт на западном фронте окружения, а место «сражения за семафор» – жестоких позиционных боев, гремевших с конца августа до ноября 1942 г.

Генерал-полковник Ф. Паулюс отклонил ультиматум после переговоров с ОКХ и по приказу Гитлера. Задача 6-й армии изменилась. Немецкое командование рассчитывало силами обреченной армии Паулюса сковать советские войска в районе Сталинграда и создать условия для организованного отвода основных сил группы армий «А» с Северного Кавказа в Донбасс через Ростов.

Танковые войска 6-й немецкой армии к началу операции «Кольцо» были, конечно же, не в том состоянии, в котором они перемалывали танковые корпуса Сталинградского фронта в июле – сентябре 1942 г. Однако играть по ним марш Шопена было еще преждевременно.

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАНКОВОГО ПАРКА 6-й АРМИИ НА 9 ЯНВАРЯ 1943 г.

	Pz.II	Pz.IIIk	Pz.IIIg	Pz.III 7,5	Pz.IVk	Pz.IVlg	Команд.
24 тд	1	1	1	–	1	1	1
16 тд	4	–	5	–	–	3	4
60 мд	–	–	2	–	1	–	–

	Pz.II	Pz.IIIk	Pz.IIIg	Pz.III 7,5	Pz.IVk	Pz.IVlg	Команд.
60 мд*	–	–	5	1	2	–	–
3 мд**	–	–	15	–	2	5	–
29 мд**	–	–	8	–	3	7	–
Рота Фридрих	–	–	3	–	–	2	–
II/Pz.Rgt.36***	–	–	1	–	–	–	–
Pz.Abt.160****	–	–	3	3	2	3	–

* – танки, переданные из 24 тд.

** – на 8 января 1943 г.

*** – в подчинении VIII армейского корпуса, на 8 января 1943 г.

**** – в подчинении VIII армейского корпуса, на 7 января 1943 г., на 8.01.43 г. – 11 танков без уточнения типов.

Помимо танков, 29-я моторизованная дивизия располагала 4 тяжелыми, 14 средними противотанковыми орудиями и 788-мм зенитками. Также в подчинении VIII армейского корпуса (113, 76 и 44-я пехотные дивизии) находились 177-й и 244-й батальоны штурмовых орудий. Первый на 7 января располагал 7 «Штурмгешюцами» и 2 трофейными КВ, а второй – 7 «Штурмгешюцами» и 2 самоходными s.IG-33. Наиболее сильный танковый кулак, как мы видим, был как раз на западном фланге «котла». Н.Н. Воронов в своей мотивировке выбора направления главного удара сильно ошибался относительно реальной боеспособности немецких войск на этом участке периметра окружения. Направление главного удара советских войск лежало на стыке между 29-й моторизованной и 44-й пехотной дивизиями. Первая по состоянию на 21 декабря 1942 г. была вообще титаном: целых 8 гренадерских батальонов (1 сильный, 6 средней численности, 1 слабый и 1 истощенный) при 90% подвижности. 44-я пехотная дивизия состояла из 6 батальонов (4 слабых, 3 истощенных). 76-я пехотная дивизия также насчитывала 6 батальонов (3 средней численности, 3 слабых). Напротив, в 60-й моторизованной дивизии, оборонявшейся на «излюбленном» направлении у семафора, т.е. в направлении Котлубань – разъезд Конный, было 7 батальонов (2 слабых, 5 истощенных). Так что удар на проверенном направлении мог дать намного лучший результат. Можно было сразу рассечь группировку 6-й армии надвое и лишить ее возможности пользоваться аэродромами Гумрак и Питомник. Справедливости ради нужно отметить, что самой сильной по части танков была 3-я моторизованная дивизия на самом западном участке «котла» (не подпадавшем под удар «Кольца»), но у нее было всего 5 гренадерских батальонов (1 средний, 4 слабых). Всего, по данным на 18 декабря 1942 г., на довольствии в 6-й армии состояли 249 600 человек. В это число входили 13 000 румын, 19 300 «хиви» и 6000 раненых.

Утром 10 января войска Донского фронта перешли в наступление. Атаке пехоты и танков предшествовала непосредственная авиационная и мощная 55-минутная артиллерийская подготовка. В истории 44-й пехотной дивизии начало советского наступления описывается следующим образом:

«Преисподняя разверзлась 10 января 1943 года. Началось наступление русских. Часовая артиллерийская подготовка – впервые такой длительности и силы в ходе Второй мировой войны и,

по мнению участников битвы под Верденом времен Первой мировой войны, превзошедшая артиллерийский огонь того времени, – обрушилась на немецкие позиции. Земля гудела под железным градом, стрельба орудий слилась в сплошной раскатистый глухой грохот. Было чудом, что, несмотря на этот убийственный огонь и слабые укрытия, немецкие войска не понесли существенных потерь. Затем пришли в движение волны атакующего противника. Пехоту поддерживало большое количество танков» [350] .

Относительно «не понесли существенных потерь» приходится верить историографу соединения на слово – после 5.00 утра 10 января донесения от 44-й пехотной дивизии о потерях больше не поступали.

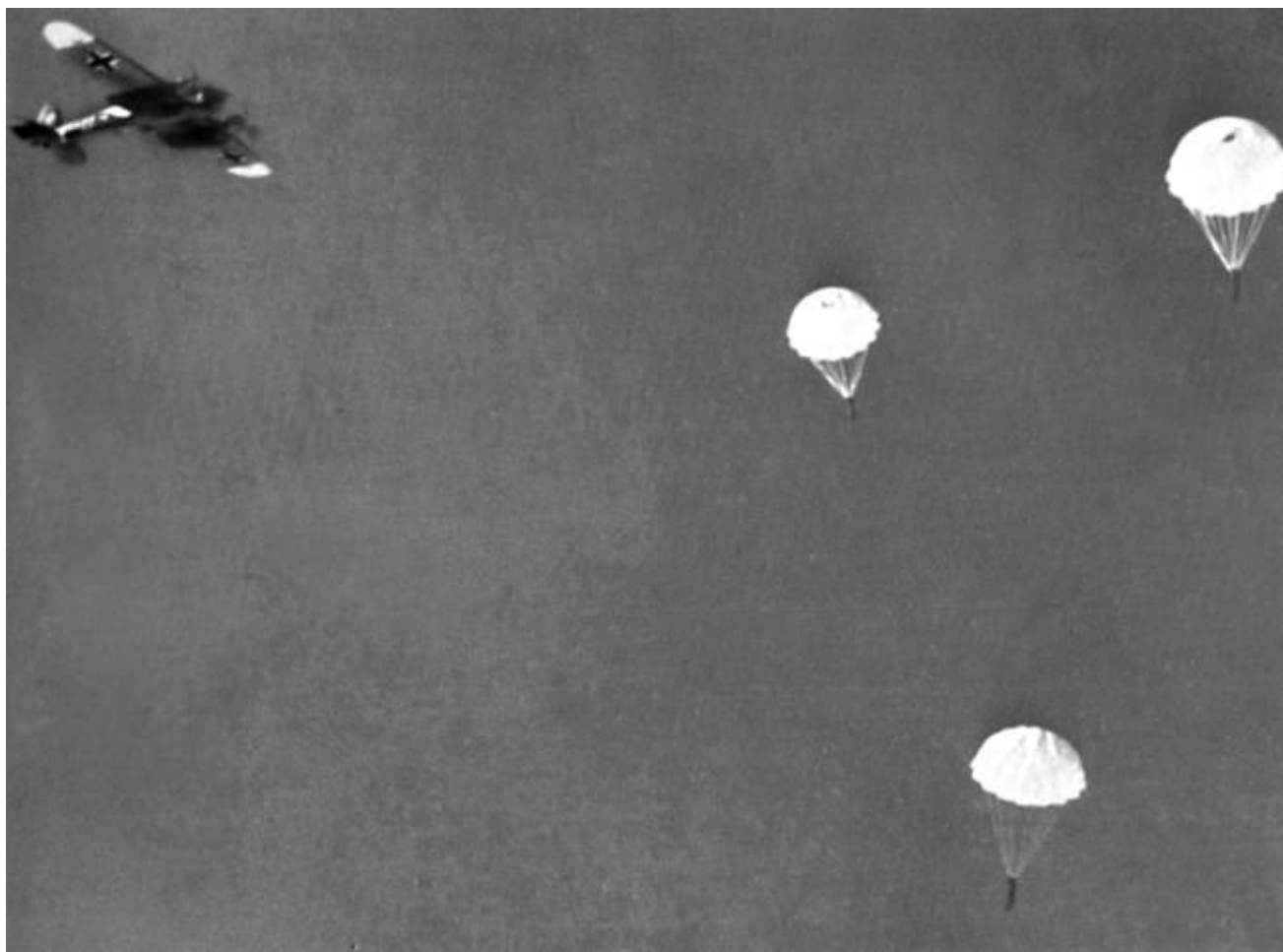
Кладбище автотехники под Сталинградом. Перед нами штабные автобусы «Опель», грузовики «Хеншель», «Форд» и даже «Ситроен»

К исходу первого дня наступления на ряде участков оборона противника была прорвана на глубину 6 – 8 км. Наибольшее продвижение имела 65-я армия. Вечером 10 января командующий группой армий «Дон» докладывал Гитлеру: «Командующий 6-й армией доносит о прорывах крупных сил русских на севере, западе и юге, нацеленных на Карповка и Питомник. 44-я и 76-я пехотные дивизии понесли тяжелые потери; 29-я моторизованная дивизия имеет только отдельные боеспособные части. Нет никаких надежд восстановить положение. Оставлены Дмитриевка, Цыбенко и Ракотино». 11 и 12 января войска Донского фронта, ломая сопротивление отдельных боеспособных частей противника, продолжали продвигаться вперед, и к исходу 12 января главная ударная группировка фронта вышла на р. Россошка. На направлении удара войск 64-й и 57-й армий была прорвана оборона противника на р. Червленая, и советские войска продвинулись здесь на 6–8 км. Неудача постигла наступающих только в полосе 66-й армии. Про действия этой армии в оперсводке Генштаба Красной армии было написано: «Пыталась наступать частями центра, но, встретив сильное огневое сопротивление противника, успеха не добилась». Уже первые дни наступления обернулись тяжелыми потерями для танковых войск Донского фронта.

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В СТРОЮ В ТАНКОВЫХ ЧАСТЯХ ДОНСКОГО ФРОНТА НА
22.00 12 ЯНВАРЯ 1943 г. [351]

		КВ	Т-34	Т-60	Т-70	Мк. III	Мк. IV	Т-26	Все- го
24 А	8 гв. тп	1	—	1	—	—	—	—	2
66 А	7 гв. тп	3	1	—	3	—	—	—	7
65 А	91 тбр	14	2	2	—	1	—	—	19
	47 гв. тп	—	—	—	—	—	3	—	3
	15 гв. тп	4	—	—	—	—	—	—	4
	10 гв. тп	6	—	—	—	—	—	—	6
	9 гв. тп	8	—	—	—	—	—	—	8
	5 гв. тп	6	—	—	—	—	—	—	6
	14 гв. тп	8					—	—	8
21 А	1 гв. тп	3	2	—	—	—	—	—	5
62 А	Св. рота	1	—	—	—	—	—	—	1
64 А	90 тбр	1	4	1	2	—	—	—	8
	166 отп		1						2
	35 отп	—	2	—	1	—	—	—	3
57 А	235 тбр, 234 отп	—	11	—	12	—		—	23
	254 тбр, 189 отп	—	10	1	2	—	—	2	13
Всего по фронту		54	34	5	21	1	3	2	120

За три дня боев численность танкового парка Донского фронта сократилась более чем вдвое. Многие полнокровные полки потеряли значительную часть своей техники. Так, 47-й гв. танковый полк «Черчиллей», называя вещи своими именами, сгорел почти дотла. От 21 танка перед началом операции к вечеру третьего дня наступления осталось всего три машины. Конечно, в позиционных боях, тем более в условиях наступления советских войск, значительная часть подбитых машин могла быть восстановлена. Но резкое снижение числа танков в частях фронта снижало темпы наступления. В немецкой 3-й моторизованной дивизии на 12 января еще оставалось 11 боеготовых танков, в 16-й танковой дивизии — 4 Pz.IIIg, 1 Pz.IVlg, 3 Pz.II, один командирский танк. Также в качестве неподвижных огневых точек в 16-й танковой дивизии использовались 2 КВ и 1 Т-34.

Бомбардировщики сбрасывают парашютные контейнеры. После потери аэродрома «Питомник» такие контейнеры стали последним средством снабжения армии Паулюса

Подвеска парашютного контейнера снабжения на бомбардировщик Хейнкель-111. Хорошо виден гофрированный амортизатор, сохраняющий груз от повреждения при ударе о землю

Для «воздушного моста» были привлечены даже четырехмоторные «Фокке-Вульф-200». Однако они показали себя в условиях русской зимы капризными и ненадежными

Попытка немецкого командования задержать дальнейшее продвижение советских войск на своем втором оборонительном рубеже, который в основном проходил по среднему Сталинградскому оборонительному обводу, успеха не имела. «Гидравлический пресс» из 2,5 тыс. орудий медленно, но верно делал свое дело. Войска Донского фронта, проведя в течение 13 и 14 января перегруппировку сил, с утра 15 января возобновили наступление. К середине дня оборона была прорвана. Остатки 6-й армии стали отходить к развалинам Сталинграда.

В качестве последней попытки качественно изменить ситуацию со снабжением «крепости Сталинград» в группу армий «Дон» 15 января 1943 г. из Растенбурга отправился Эрхард Мильх, известный своими организаторскими способностями. Не успел он приехать, как «воздушный мост» получил тяжелый удар: в ночь на 16 января был потерян аэродром «Питомник». Это означало не просто потерю аэродрома. «Питомник» был хорошо оборудованной в навигационном отношении авиабазой. Незадолго до захвата советскими частями «Питомника» Рихтгофен приказал оборудовать новую авиабазу в Гумраке. Это был небольшой советский аэродром. Вопрос о его подготовке для приема транспортных самолетов поднимался еще несколькими неделями ранее. Однако командование 6-й армии не поддержало эту идею. Здесь располагались штаб Паулюса, штабы двух корпусов, госпиталь и склады. Поэтому армейцы не хотели привлекать к Гумраку внимание советских ВВС какими-либо строительными работами. Работы здесь начались лишь ввиду угрозы захвата «Питомника». Поначалу Гумрак даже не имел радиомаяка. Хотя формально к 16 января он был готов к приему самолетов, к приезду Мильха Ю-52 на нем садиться не могли, только Хе-111. 16 января в Гумраке приземлились 10 «хейнкелей». «Юнкерсы» на какое-то время перешли на сброс парашютных контейнеров.

Мильх был шокирован услышанным 16 января на совещании в штабном поезде 4-го воздушного флота. Уровень боеготовности транспортных самолетов упал до 20%. 4-й воздушный флот располагал на тот момент 140 Ю-52, из которых боеготовыми были всего 42. В свою очередь, из 42 боеготовых «юнкерсов» 27 машин было в процессе перебазирования в Зверево и не могло немедленно выполнять вылеты в «котел». В итоге «воздушный мост» реализовывался силами всего 15 Ю-52. Бомбардировщиков Хе-111 тоже было 140 машин, из них боеготовым был 41 самолет. Из 29 ФВ-200 «Кондор» боеготовой была всего одна машина. Этот четырехмоторный самолет оказался чересчур чувствительным к суровым условиям русской зимы и чудовищным условиям эксплуатации.

Мильх выдвинул идею, которая уже обсуждалась командованием 4-го воздушного флота, — снабжать Паулюса с помощью планеров. Рихтгофен и Фибиг пришли к выводу, что условия в Сталинграде неподходящие для планеров. Во-первых, они были «сидячей уткой» для советских истребителей. В 4-м воздушном флоте не хватало истребителей для сопровождения Ю-52, выделить еще что-то для планеров было нереально. Во-вторых, отсутствовали возможности для их взлета из «котла». То есть планеры становились «одноразовыми». Однако Мильх какое-то время носился с этой идеей, пока ее не пришлось оставить ввиду дальнейшего ухудшения ситуации.

К 16 января территория района окружения 6-й армии сократилась до размеров, составлявших

менее трети первоначальной. Потери войск Донского фронта за первые пять дней наступления см. в таблице.

ПОТЕРИ ВОЙСК ДОНСКОГО ФРОНТА С 10 ПО 15 ЯНВАРЯ 1943 г. [352]

	Убито	Ранено	Пропало без вести	По др. причинам	Всего
21 армия	790	2701	1	13	3505
24 армия	466	1242	7	103	1818
57 армия	669	1385	10	111	2176
62 армия	623	1610	17	65	2315
65 армия	1899	6379	21	121	8426
66 армия	1086	2514	55	154	3809
Всего	5533	15 832	111	567	22 043

Преследуя отходившие части противника, войска Донского фронта к исходу 17 января вышли на линию Большая Россошка, Гончара, Воропоново, где встретили упорное сопротивление противника на старых советских укреплениях на подступах к городу. На усиление танковых войск фронта 16 января был направлен 48-й отдельный гвардейский танковый полк на танках Mk.IV «Черчилль». Он был подчинен 21-й армии. Плохие новости в немецких штабах следовали одна за другой. Только что организованная база Ю-52 в Зверево 17 января подверглась атаке советских самолетов. 9 Ю-52 запылали, еще 12 были повреждены. В строю осталось только 12 машин. Обычно немецкие авиабазы плотно прикрывались зенитным огнем, и результативность ударов по ним была невысокой. Однако ПВО Зверево обеспечивали всего одна батарея румынских (!!!) 75-мм зениток и одна батарея 37-мм автоматов. Это сделало успех советских авиаторов более чем предсказуемым.

Утром 19 января для продолжения работы в особом штабе Мильха был вызван командир XIV танкового корпуса генерал Хубе. 20 января он прибыл на место и сразу же отослал в штаб 6-й армии список дельных и верных присяге офицеров, подлежащих вывозу из «котла». По сути, немецкое командование приняло жесткое, но обоснованное решение, аналогичное попытке вывезти командный состав Приморской армии из Севастополя в июне 1942 г. Сам Ганс-Валентин Хубе еще доставит немало неприятностей советским войскам: за бои зимы 1944 г. он получит одну из высших наград Третьего рейха – Бриллианты к Рыцарскому кресту. Карьеру «однорукого генерала», чудом вырвавшегося из Сталинграда, прервет только авиакатастрофа 21 апреля 1944 г.

Довольно много высокопоставленных офицеров и генералов были вывезены из «котла». Так, помимо командира XIV корпуса генерала Хубе из Сталинграда был вывезен командир 60-й моторизованной дивизии генерал-майор Коллераман. Из числа командиров соединений LI армейского корпуса «котел» покинули: командир 79-й пехотной дивизии генерал-лейтенант граф фон Шверин, командир расформированной 94-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Пфайфер и командир 305-й пехотной дивизии генерал-майор Штенмец. Из состава командиров соединений XI армейского корпуса из Сталинграда был вывезен командир 384-й пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Габленц. Список вывезенных офицеров IV корпуса открывал его командир генерал инженерных войск Йенеке. Также «котел» покинул птенец ведомства Геринга – командир 9-й зенитной дивизии генерал-майор Пикерт. Точнее, он вылетел из «котла», а возвращаться его угораздило в тот день, когда был потерян Питомник. В Гумрак Пикерт уже не полетел. Процесс вывоза из «котла» ценных кадров затрагивал не только генералов. Не остались в окружении командующие инженерными войсками полковники Зелле и Штиотта. Были и менее значительные персоны, например майор Вилли Лангейт, командовавший танковым полком в 14-й танковой дивизии, будущий командир дивизии «Курмарк» в 1945 г. Одним словом, суровая военная необходимость заставляла беречь командные кадры и пытаться их спасти, вырывая из рядов обреченной на гибель армии.

Впрочем, нельзя сказать, что прибытие Мильха было вовсе бесполезным. Так, 20 января он вызвал дополнительно 50 квалифицированных техников из испытательного центра Люфтваффе в Рехлине. Когда они прибыли и ознакомились с работой аэродромных команд и экипажей, выяснилась удивительная вещь. Лишь немногие экипажи задействованных в организации

«воздушного моста» самолетов использовали рекомендованную производителем процедуру запуска двигателей в холодную погоду. Это еще было объяснимо в отношении подразделений, переброшенных из Северной Африки. Однако таких было меньшинство, а практика неправильного запуска двигателей была повальной. Были приняты драконовские меры, чтобы заставить пилотов выполнять нужную процедуру. В результате число боеготовых самолетов возросло с 20 до 30%. Тем не менее нововведение Мильха уже безнадежно запоздало. С момента его прибытия количество ежедневно доставляемых в «котел» грузов даже упало. Связано это было, конечно, не с его кипучей деятельностью, а с общим ухудшением обстановки. Если бы он прибыл раньше, возможно, войска Паулюса снабжались бы немного лучше. Хотя бы за счет увеличения числа боеготовых самолетов.

Последние бои за разрушенный город. Январь 1942 г.

Подготовка атаки последнего рубежа на подходе к городу продолжалась четыре дня. Центр тяжести операции был перенесен в полосу 21-й армии. Армии И.М. Чистякова передавались из 65-й армии основные силы артиллерии и реактивных минометов. Также было получено некоторое количество танков. 22 января для поддержания боеспособности поредевших танковых войск фронта на станцию Качалино прибыл эшелон с 23 танками Т-34. С утра 22 января наступление войск К.К. Рокоссовского возобновилось на всем фронте. Противник упорно удерживал укрепления внутреннего обвода, но после сокрушительных ударов советской артиллерии оборона противника была прорвана. Новые успехи советских войск сводили к нулю все усилия по гальванизации «воздушного моста». Мильх приложил немалые усилия для улучшения условий работы Гумрака. Там был установлен радиомаяк, радиопеленгатор и налажена система приема грузов. Но 23 января он был потерян. Предполагая потерю Гумрака, 6-я армия начала 21 января оборудование еще одного аэродрома – Сталинградский. 22 января он был подготовлен к приему самолетов. Однако попытка посадки на нем самолетов Хе-111 привела к потере сразу 6 машин из-за толстого снега и воронок от бомб на полосе. К тому же ситуация ухудшалась так стремительно, что Сталинградский был потерян буквально через несколько часов после Гумрака. Теперь снабжение войск в «котле» осуществлялось только парашютными контейнерами. Ни о какой эвакуации раненых больше не было и речи. Кроме того, сам поиск и сбор контейнеров был сопряжен с немалыми трудностями. Паулюс докладывал: «Многие “бомбы” [353] не найдены, потому что мы не имеем достаточно топлива, чтобы их разыскивать». Значительная часть сброшенных контейнеров была собрана уже советскими трофейными командами.

24 января, на следующий день после потери последнего аэродрома в пределах «котла»,

Ф. Паулюс докладывал: «44, 76, 100, 305-я и 384-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вклинения противника на многих участках фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». Разрешения капитулировать от Гитлера вновь не последовало.

25 января войска Донского фронта ворвались в Сталинград с запада. К исходу 26 января войска 21-й и 62-й армий соединились в районе Мамаева кургана и расчленили группировку противника на две части: южную, зажатую в центральной части города, и северную, оказавшуюся окруженной в районе Тракторного завода и завода «Баррикады».

В районе завода «Баррикады» был окружен XI армейский корпус, а непосредственно в Сталинграде южнее и севернее долины р. Царица – IV, VIII и LI армейские корпуса и XIV танковый корпус. 28 января южная часть района окружения в свою очередь была разорвана надвое. 6-я армия, раздробленная на три части, изолированные друг от друга, доживала свои последние дни и даже часы. В вечернем донесении 6-й армии от 28 января говорилось:

«Мощный прорыв противника вдоль железнодорожной линии Гумрак – Сталинград расколол фронт армии на участки: северный котел с XI корпусом, центральный котел с VII и LI корпусами и южный котел с командным пунктом и остатками армии. XIV и IV корпуса лишились своих частей. Армия предпринимает попытки создать новый фронт обороны на северной окраине котла и на западном предполье. Армия предполагает, что ее сопротивление окончательно будет сломлено до 1 февраля».

Надо сказать, что прогноз относительно сроков сопротивления был сделан довольно точный. Штаб Паулюса разместился в подвале одного из домов в центре Сталинграда. Обычно указывается, что штаб 6-й армии располагался в универмаге, однако в журнале боевых действий Донского фронта уверенно указывается в качестве штаба и места пленения исполком.

Связь с другими «котлами» по радио поддерживал генерал Шмидт. Боеспособность немецких войск к этому времени резко снизилась. Началась массовая сдача в плен солдат и офицеров армии Паулюса. Только за три дня, с 27 по 29 января, части 64-й армии взяли в плен 15 тыс. солдат и офицеров. Собственные потери армий Донского фронта с 20 по 30 января 1943 г. см. в таблице.

	Убито	Ранено	Пропало без вести	По др. при- чинам	Всего
21 А	1759	5478	48	56	7341
24 А*	355	845	–	82	1282
57 А	731	3176	24	282	4213
62 А	1208	2209	15	94	3526
64 А*	392	1142	11	54	1599
65 А	900	3376	26	217	4519
66 А	874	2306	10	213	3403
Итого	6219	18 532	134	998	25 883

* – только за период 20 – 25 января 1943 г.

Горы трупов на подступах к Сталинграду. Убитых раздевали, чтобы взять у них одежду

Следует отметить, что потери фронта медленно, но верно снижались в последней декаде января. Так, если с 20 по 25 января общие потери составили 16 444 человека, то с 25 по 30 января общие потери были уже 9439 человек. 24-я армия к тому моменту выбыла из состава фронта. 30 января, в 10-летний юбилей нацистской партии, Мильх решил сделать подарок остаткам 6-й армии. В ночной полет к Сталинграду отправились 85 самолетов. Они сбросили 72 тонны в парашютных контейнерах, преимущественно в северный «котел», оборонявшийся XI корпусом.

30 января Ф. Паулюс получил последнюю радиограмму от Гитлера. Она гласила: «Поздравляю Вас с производством в генерал-фельдмаршалы». В сущности, это был завуалированный приказ покончить жизнь самоубийством. Однако, выполнив приказ держаться до последнего, Паулюс не считал нужным отказываться от плена. Более того, начальник штаба 6-й армии Шмидт в тот же день поручил переводчику выйти с белым флагом на площадь и найти советских командиров, которым можно было бы сдаться. Сначала переговоры велись с начальником оперативного отдела штаба 38-й мотострелковой бригады старшим лейтенантом Ф.М. Ильченко. Утром 31 января в подвал исполкома спустилась делегация штаба 64-й армии во главе начальником штаба армии генерал-майором И.А. Ласкиным, начальником оперативного отдела армии полковником Лукиным и командиром 38-й мотострелковой бригады полковником Бурмаковым. По прибытии в штаб Паулюса они предъявили ультиматум о прекращении сопротивления и полной капитуляции окруженной группировки немецких войск. Подчеркну: в документах 64-й армии утверждается, что местом пленения был именно исполком. Об этом черным по белому написано в «Донесении об обстоятельствах пленения командующего 6 германской армии фельдмаршала Паулюс», направленном в адрес К.К. Рокоссовского Военным советом 64-й армии. Оно гласило:

«С утра 31.1.43 генерал-фельдмаршал фон Паулюс находился в Доме Исполкома (центральная часть г. Сталинграда).

В ходе боя здание было окружено подразделениями 38 мсбр под непосредственным руководством зам. командира бригады по политчасти подполковника Винокур Л.А.

После окружения здания прибыл личный адъютант фон Паулюс с предложением о ведении переговоров» [354].

На донесении стоят подписи всех членов Военного совета армии, в том числе лично спускавшегося в штаб Паулюса Ласкина. На фасаде универмага было написано крупными буквами «УНИВЕРМАГ», и товарищу Ласкину ясным зимним утром было бы трудно перепутать два здания между собой. Исполком также упоминается в вечерней оперативной сводке 64-й армии.

В 10.00 Паулюсу был предъявлен ультиматум о прекращении сопротивления и полной капитуляции окруженной группировки немецких войск. Ультиматум был принят, но с полной капитуляцией случилась заминка. Командующий южной группой немецких войск в Сталинграде генерал-майор Фриц Роске подписал приказ о прекращении боевых действий и сдаче оружия. Роске к тому моменту исполнял обязанности командира 71-й пехотной дивизии вместо погибшего 26 января генерала пехоты Александра фон Хартманна. Следует подчеркнуть, что приказ отдал именно Роске, а не Паулюс. Позднее Паулюс на допросе у Шумилова подчеркивал, что это решение Роске принял самостоятельно и он (командующий 6-й армией) его не утверждал.

В ходе переговоров от Паулюса потребовали дать приказ войскам северной группировки о прекращении сопротивления, но на это требование командующий 6-й армией ответил отказом. На допросе у Шумилова Паулюс мотивировал свою позицию так: «Я не могу не подчиненным [непосредственно. – А.И.] мне войскам отдать приказ о капитуляции. Я надеюсь, что Вы поймете положение солдата, поймете его обязанности» [355]. Вместе со штабом Паулюса сдались командир 29-й моторизованной дивизии Лейзер, начальник артиллерии LI армейского корпуса генерал-майор Вассоль и командир 1-й румынской кавдивизии генерал Братеску.

В ходе капитуляции южной группировки 31 января в плен войскам 21-й армии сдались 12 800 человек, в том числе командир 100-й егерской дивизии генерал-лейтенант Занне, командир VIII армейского корпуса Вильгельм Хейтц, командир 76-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Роттенбург. Частями 62-й армии были взяты в плен командир LI армейского корпуса генерал-лейтенант Зейдлиц, командир IV армейского корпуса генерал-лейтенант артиллерии Пфефер.

Возможно, в последующем сообщали о пленении Паулюса в подвале универмага, чтобы не бросать тень на здание, в котором размещаются органы исполнительной власти. Наверняка злые языки сразу же обозвали бы обиталище слуг народа «домом Паулюса». После войны, однако, тогдашнее здание исполкома было снесено. Универмаг всплыл только 5 февраля, в донесении штаба 38-й мотострелковой бригады. Однако в этом же донесении в качестве немецкого парламентаря из универмага почему-то указывается... «адъютант командующего южной группы генерал-майора Роске». То есть подтверждая общепринятую версию в одном, донесение штаба 38-й бригады ставит ее с ног на голову в другом.

Одним словом, единодушия в документах нет, хотя версия «Исполком» в документах звучит чаще. Где же был пленен Паулюс? Мне лично ближе версия о том, что товарищ Ласкин днем 31 января был в здравом уме и доброй памяти, когда составлял донесение об исполнении в штаб фронта. Послевоенные мемуары, написанные как участниками событий с советской стороны, так и ставшими гражданами ГДР бывшими офицерами вермахта, могли подвергнуться научной редакции по тем или иным соображениям.

Ультиматум для Паулюса

Фельдмаршал Ф. Паулюс в плену

Северная группировка 6-й армии продержалась ненамного дольше южной. После мощного огневого удара нашей артиллерии 2 февраля сложил оружие и прекратил сопротивление XI армейский корпус в районе «Баррикад». Командир корпуса генерал-лейтенант Карл Штрекер сдался в плен. Частями 21-й армии 2 февраля было взято 17 964 человека пленными, среди них командир 113-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Зикст фон Армин, командир 305-й пехотной дивизии полковник Шиматис. Части 62-й армии дополнили этот список командиром 389-й пехотной дивизии генерал-майором Лятманом и командиром 24-й танковой дивизии генерал-лейтенантом фон Ленски. Всего войскам 62-й армии сдались 15 тыс. человек. Всего в ходе операции «Кольцо» в плен было взято более 2500 офицеров и 24 генерала 6-й армии. Всего же было взято в плен свыше 91 тыс. солдат и офицеров вермахта. Трофеями советских войск с 10 января по 2 февраля 1943 г., по донесению штаба Донского фронта, стали 5762 орудия, 1312 минометов, 12 701 пулемет, 156 987 винтовок, 10 722 автомата, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашина, 80 438 автомашин, 10 679 мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда и другое военное имущество.

Остатки 6-й армии капитулировали. Пленные немцы и румыны (в высоких меховых шапках)

Покончили жизнь самоубийством только отдельные представители окруженной в Сталинграде группировки немецких войск. К их числу относится генерал-лейтенант Гюнтер Ангерн, командир 16-й танковой дивизии, застрелившийся 2 февраля 1943 г. После ликвидации 2 февраля 1943 г. последних очагов сопротивления противника войска Донского фронта начали грузиться в эшелоны и постепенно растекаться подвигающемуся на запад советско-германскому фронту. Именно им вскоре придется формировать южный фас Курского выступа после неудачи под Харьковом.

Операция «Кольцо» обернулась для танковых войск Донского фронта тяжелыми потерями. После интенсивного прореживания танкового парка в первые дни наступления его численность так и не восстановилась, несмотря на прибывшее пополнение. Танковые бригады и полки фронта были лишь бледными тенями тех, кто начал операцию 10 января 1943 г. (см. таблицу).

НАЛИЧИЕ ТАНКОВ В СТРОЮ В ТАНКОВЫХ ЧАСТЯХ ДОНСКОГО ФРОНТА НА
22.00 2 ФЕВРАЛЯ 1943 г. [356]

		КВ	Т-34	Т-60	Т-70	Мк.IV	Всего
66 А	7 гв. тп	3	—	—	—	—	3
	8 гв. тп	2	—	—	—	—	2
65 А	254 тбр	—	2	2	2	—	6
	91 тбр	3	2	—	1	—	6
	121 тбр	—	25	—	—	—	25
	47 гв. тп	—	—	—	—	4	4
	9 гв. тп	10	—	—	—	—	10
62 А	90 тбр	—	5	1	1	—	7
	5 гв. тп	7	—	—	—	—	7
	Св.рота	—	—	—	—	—	—
Резерв фронта	1 гв. тп	2	1	—	1	—	4
	48 гв. тп	—	—	—	—	4	4
Всего по фронту		27	35	3	5	8	78

От первоначальной численности танкового парка Донского фронта осталось меньше трети. Если же принимать во внимание прибывшее пополнение боевой техники, то в строю к концу операции «Кольцо» осталась примерно четверть принимавших участие в операции боевых машин. Оба полка «Черчиллей» (47-й и 48-й гв. танковые полки) понесли значительные потери, от полнокровных полков к концу сражения осталось по 4 машины.

Раздавленный «Терминатор». Брошенное в районе Сталинграда 210-мм немецкое орудие. Такие орудия прокладывали штурмовым группам дорогу в развалинах и отбивали советские контрудары. Теперь они навеки замолчали

Однако, несмотря на очевидные шероховатости в планировании и проведении, операция «Кольцо» закрепила успех Красной армии под Сталинградом. Весь мир увидел толпы уныло бредущих пленных в остатках обмундирования, взятых в плен генералов недавно казавшегося

непобедимым вермахта. Всего в ходе наступательной операции войск Донского фронта в период с 10 января по 2 февраля 1943 г. были полностью ликвидированы 22 дивизии противника. По престижу армии Германии был нанесен сильный удар. С оперативной точки зрения первое, что бросается в глаза при оценке операции «Кольцо», – это сравнительная неспешность ее проведения. Армия Паулюса, уже в течение полутора месяцев находившаяся в окружении, была ликвидирована только за три недели. Объективной причиной этого может быть усталость войск Донского фронта, субъективной – желание командования избежать лишних потерь. Первое утверждение может быть проиллюстрировано на простом примере. 293-я стрелковая дивизия вступила в бой почти в штатной численности. На 24 октября 1942 г. в дивизии налицо было 10 420 человек. После тяжелых боев ее численность к 20 декабря просела до 3797 человек.

Не в лучшем состоянии была армия Паулюса. 6-й армии удавалось перебрасывать в среднем в сутки лишь следующее количество грузов. С 1 по 16 января было доставлено 2325 тонн, в среднем по 145 тонн в день. Между 16 и 28 января в «котел» было доставлено или сброшено всего 790 тонн, что дает в среднем в день всего 60,75 тонны.

Всего за 70 дней снабжения по воздуху 6-я армия получала в среднем 94,16 тонны грузов в день. Это было намного ниже даже минимальных потребностей в боеприпасах и продовольствии. С началом операции «Кольцо» ситуация со снабжением в 6-й армии неуклонно ухудшалась.

«Воздушный мост» по снабжению армии Ф. Паулюса стал последней крупной операцией транспортной авиации Люфтваффе. Между 24 ноября и 31 января 1943 г. было потеряно не меньше 488 самолетов, задействованных на снабжении 6-й армии. 166 самолетов было уничтожено, 108 пропали без вести, 214 – списаны как не подлежащие восстановлению. По типам они распределялись следующим образом: 266 Ю-52 (треть имевшихся в Люфтваффе самолетов этого типа), 165 Хе-111, 42 Ю-86, 9 ФВ-200, 5 Хе-177 и 1 Ю-290 [357]. Восстановить свои силы транспортной авиации Германии больше не удалось. Время, когда транспортная авиация сводила на нет все усилия советских войск по окружению больших и малых группировок немецких войск, безвозвратно ушло в прошлое.

Слабость обоих противников обусловила вялое развитие операции в целом. В плане контрнаступления под Сталинградом было предусмотрено в ходе окружения расчленить группировку противника только на две части. Для этого планировался удар правофланговых соединений 24-й армии Донского фронта вдоль левого берега Дона в направлении Вертячий, Песковатка с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от основных его сил в районе Сталинграда. На первом этапе контрнаступления такое расчленение осуществить не удалось.

Все это явилось результатом того, что армии левого крыла Донского и правого крыла Сталинградского фронтов в первые дни операции не имели достаточных сил и средств, чтобы расчленить окружаемого противника; им пришлось ограничиться лишь сковыванием большого количества дивизий противника, которые противостояли этим армиям. Попытки советских войск ликвидировать окруженного противника в конце ноября постепенным обжатием его группировки успеха не имели. Противник, располагавший большой территорией, сумел произвести маневр и укрепиться.

При планировании этой, начатой в январе, операции штаб Донского фронта допустил просчеты в оценке сил окруженного противника, что вызвало некоторые недочеты в распределении сил и средств по направлениям. Идея рассекающего удара в направлении с севера на юг выглядит более привлекательной. Сильный удар мог расстроить оборону, в которую упирался Сталинградский (а затем Донской) фронт в сентябре и октябре 1942 г., пытаясь пробиться к Сталинграду с севера. Тем более что в январе 1943 г. она была занята куда более слабыми силами. Войска 66-й армии в ходе операции «Кольцо» не добились решительного результата, т.к. имели минимальные средства усиления. Двадцать семь артиллерийских полков могли дать куда больший эффект. Разделение окруженной 6-й армии надвое, несомненно, сократило бы затраты времени на ликвидацию сопротивления немецких войск в «котле».

Прошедшие горнило Сталинграда армии стали элитой Красной армии. Помимо боевого опыта у них было то, чего не доставало многим другим, – они успели поверить в свои силы, почувствовать вкус победы и увидеть своими глазами одну из самых больших катастроф вермахта. По итогам

Сталинградской битвы участвовавшие в ней армии в апреле 1943 г. получили звание гвардейских. 21-я армия И.М. Чистякова стала 6-й гвардейской, 24-я армия И.В. Галанина – 4-й гвардейской, 62-я армия В.И. Чуйкова – 8-й гвардейской, 64-я армия М.С. Шумилова – 7-й гвардейской, 66-я армия А.С. Жадова – 5-й гвардейской армией.

Эпилог

С ликвидацией окруженной группировки противника в районе Сталинграда боевые действия завершились. Однако до возвращения вчерашнего поля брани к мирной жизни было еще далеко. Как сам город, так и местность на многие километры вокруг Сталинграда была густо наштапована минами. Во многих местах оставались неубранные трупы людей и животных, разбитая и брошенная техника, а также разнообразное военное имущество.

Первым шагом к нормальной, мирной жизни было разминирование. Одним из неприятных открытий первых недель после битвы стали немецкие радиомины и мины с большим сроком действия. В 4.30 утра 3 марта 1943 г. генерал-майор Калягин, руководивший разминированием в Сталинграде, докладывал начальнику инженерных войск Красной армии о допросе пленного офицера Альфреда Низзина, конструктора фирмы «Симменс-Гальске» по минам замедленного действия. Низзин был командирован в Сталинград для установки различных мин замедленного действия и мин, управляемых по радио. Всего им было установлено около тысячи таких мин. Также мины ставились другим инженером-конструктором, Шульцем, который в плен не попал, а погиб.

- а) На СТЗ, в кузнице, электростанции – 24 мины со сроком действия 80 дней;
- б) на заводе «Красный Октябрь» и «Баррикады» – 16 мин;
- в) на складе кожзавода – 10 штук типа М на неограниченный срок;
- г) в районе завода «Баррикады» при входах в цеха – 438 штук сроком действия 80 суток;
- д) на северо-восточной окраине Воропоново и Калач – 94 мины типа «Геркулес» со сроком действия 80 дней;
- е) в районе Воропоново на линии обороны немцев – 434 мины со сроком действия до 150 дней.

Низзин был изъят из лагеря военнопленных и помещен под особую охрану. Вскоре он, однако, заболел сыпным тифом, и дальнейшая судьба этого инженера неизвестна. Количество установленных мин поражает. Впрочем, у немцев было для этого почти два месяца – декабрь и январь.

Тем временем своим чередом шло рутинное разминирование обычных минных полей. К 15 мая было разминировано 38 тыс. кв. км территории. К разминированию привлекались пленные. На 2 марта 1943 г. таковых было 305 человек. При разминировании погибли 97 и ранены 224 сапера. В документе в явном виде не указывается национальность погибших и раненых, но из контекста следует, что это были потери советских саперов. Они стали последними жертвами битвы за Сталинград. Полностью разминирование завершилось только летом 1943 г. Связано это было с тем, что полноценные карты имелись в основном по советским минным полям. Немецкие минные поля не все были сразу обнаружены и выявлялись постепенно, по мере проведения работ по разминированию. Соотношение между советскими и немецкими минами по данным на май 1943 г., когда уже разминировали примерно 75% всех минных полей, было следующим. В числителе – количество советских мин, в знаменателе – немецких:

- а) снято противотанковых и противопехотных мин – 155 405/49 092;
- б) подорвано противотанковых и противопехотных мин – 211 369/38 533;
- в) собрано противотанковых и противопехотных мин – 7852/1550 [358] .

Хорошо видно, что Красная армия активнее использовала минное оружие. Число мин по всем позициям различается в разы. С другой стороны, большую часть битвы вермахт наступал. Соответственно, одни и те же мины могли сниматься и ставиться по несколько раз. Для обороняющейся стороны мины на единожды установленных минных полях безвозвратно утрачивались при отходе.

Еще одним наследием жестокого сражения были трупы погибших солдат и офицеров обеих сторон. По докладу Щаденко от 28 мая 1943 г., было собрано и захоронено 47 тыс. трупов солдат и командиров Красной армии. Трупов солдат и офицеров вермахта было гораздо больше, их было зарыто 147 тыс.

Весьма любопытную картину дает статистика собранного на полях сражений вокруг Сталинграда. Всего, по данным на 15 мая 1943 г., трофейщиками было учтено танков и бронемашин различных марок 2173 штуки. Из этого числа танки, принадлежавшие Красной армии, составляли 1794 единицы. Бронемашин было всего 39. Распределение по типам было следующим: 292 КВ, 836 Т-34, 516 Т-60 и Т-70, 146 танков, полученных по ленд-лизу, и 4 танка неуказанных марок. По этой статистике хорошо видно, какую роль в Красной армии играли легкие танки и что «рабочей лошадкой» битвы были «тридцатьчетверки». Немецких танков было учтено 298 штук, бронемашин – 42 штуки. По другому донесению, немецких танков было 296, а бронемашин – 44. Возможно, как «танк» были поначалу идентифицированы пушечные бронеавтомобили. Тягачей и тракторов было учтено 509 отечественных и 106 немецких.

По артиллерийскому имуществу картина была несколько другой. На полях сражений было собрано 664 отечественных орудия и 2013 немецких орудий всех калибров. Винтовок и автоматов отечественного производства было вывезено 80 748 штук, немецких – 165 524 штуки. Пулеметов было собрано 4156 штук отечественных и 8026 немецких. Правда, при интерпретации этой статистики следует учитывать, что часть трофейного стрелкового оружия немцами была собрана и хранилась на складах, а не валялась в чистом поле. Об одном из таких складов я упоминал при описании операции «Уран». Часть трофеев выдавалась войскам, часть отправлялась на склады.

Еще одним наследием разгромленной армии Паулюса стали освобожденные военнопленные. Их было 10 271 человек. Вполне возможно, что среди них были бывшие «хиви». После проверки они отправились в 15-ю запасную стрелковую бригаду Приволжского военного округа. Для этих людей война еще не закончилась.

Заключение

К сражению за Сталинград применимы самые разные эпитеты, но одно очевидно – это была выстраданная победа. Потребовалось затратить много сил, чтобы добиться действительно выдающегося результата в виде разгрома крупной группировки противника. В летней кампании 1942 г. оказывался на коне тот, кто захватывал и удерживал стратегическую инициативу. Длинный фронт от Ленинграда до Азовского моря невозможно было превратить в неприступную крепость.

Особенно сложной была задача построения протяженного фронта обороны для Красной армии, еще только приступавшей к формированию самостоятельных танковых соединений. Как показывала практика, удержание фронта требовало подвижных резервов, способных быстро выдвинуться на направление удара противника и «запечатать» прорыв либо нанести эффективный контрудар. У советских танковых корпусов это пока получалось не очень хорошо. Если же прорыв не запечатывался, то танковые клинья прорывались в глубину построения войск и закрывали крышку «котла» за многочисленными, но малоподвижными пехотными соединениями. В этих условиях успешное наступление и перехват инициативы был едва ли не единственным решением. Советскому командованию не удалось весной 1942 г. перехватить инициативу у противника. После Крыма и Харькова, с первыми ударами «Блау» капризная дама Стратегическая Инициатива надолго оказалась в объятиях противника. На практике это оборачивалось градом ударов, следовавших один за другим в тех местах, где их меньше всего ждали.

«Подушками безопасности» СССР стали летом 1942 г. резервные армии. С их помощью восстанавливали разваливающийся фронт под Воронежем и на сталинградском направлении. Однако владение немцами стратегической инициативой означало продолжение шквала ударов там, где их не ждали. Ударив по слабой точке 62-й армии, немцы быстро обвалили ее фронт. Слабые в пехотном и артиллерийском отношении танковые корпуса смогли лишь оттянуть момент окружения войск, стоящих на пути к Сталинграду. Контрудары не приносили желаемых результатов: пехота не шла за танками, оставшиеся без пехоты танки выбивались появившимися на вооружении немецких противотанковых дивизионов новыми 75-мм орудиями. «Термитные» снаряды сеяли смерть в рядах наступавших Т-34 и КВ.

Но вдруг наступил момент, в охотничьих рассказах начинающийся словами «и тут он пошел на меня...». Немцы сначала бросили в бой в Сталинграде ценнейшие подвижные соединения – 14-ю и 24-ю танковые дивизии. Та и другая дивизии быстро превратились в развалины. Затем они «законсервировали» к югу от Сталинграда 29-ю моторизованную дивизию, которую предполагалось

использовать в пока еще весьма туманных планах захвата Астрахани. После такого сбрасывания козырей резервом группы армий «Б» в подчинении XXXVIII танкового корпуса оставались слабые 22-я танковая дивизия и 1-я румынская танковая дивизия. Сильная 6-я танковая дивизия до фронта на Дону просто не доехала. Переформированные советские танковые и механизированные корпуса добрались до фронта быстрее.

Удачное наступление под Сталинградом и неудачное под Ржевом, проводившиеся в одно и то же время, неизбежно будут сравниваться друг с другом. Успешный «Уран» и неуспешный «Марс» различались не тем, кто эти операции планировал, и не тем, кто их проводил. Это не разница между «глупым Жуковым» и «умным Василевским», а разница между благоприятными и неблагоприятными условиями для проведения крупного наступления. В отличие от группы армий «Б», у группы армий «Центр» были боеспособные подвижные резервы. Именно они «запечатали» вклинения Западного и Калининского фронтов в ноябре – декабре 1942 г. под Ржевом. Также под Ржевом на всем протяжении фронта были немецкие дивизии, куда более устойчивые к ударам Красной армии образца 1942 г. Танковые и стрелковые соединения для «Марса» и «Урана» разливались из одного «краника». Судьбу «Урана» в условиях, когда весь фронт занимают немецкие войска, показывает судьба ударов по задонской группировке 6-й армии. Отсечь от главных сил 6-й армии под Сталинградом XI армейский корпус не удалось. 16-й танковый корпус понес большие потери, но не добился решительного результата. Разматывание этого танкового корпуса в «Уране» не отличается от попыток прорвать оборону немцев 6-м танковым корпусом в «Марсе».

Победители. Групповой снимок на память. Скоро эти люди разъедутся по разным фронтам, неся в себе сознание того, что немцев можно бить

Захваченные под Сталинградом танки Pz.III

Раздавленный «Терминатор». Брошенная в районе Сталинграда САУ 7.5-см Sfl .38, предположительно из 16-й танковой дивизии

Однако не следует думать, что общий успех наступления советских войск в операции «Уран» был шукой, выловленной лежебокой Емелей после случайного похода с ведрами к проруби. Советское командование целенаправленно создавало обстановку для будущего контрнаступления, причем начался этот процесс задолго до появления плана операции «Уран» как такового. Руководствуясь общим принципом захвата и удержания плацдармов на перспективу, советское

командование создало плацдармы у Клетской и Серафимовича. Контрударами резервных армий и упорным сопротивлением на улицах Сталинграда советское командование посадило 6-ю армию на дно оперативной «ямы» без крупных резервов. Далее потребовалась определенная дерзость для планирования и осуществления операции невиданных для Красной армии масштабов. Такие масштабы немецкое командование просто не могло себе представить. Окружив армию Паулюса, советское командование не только обнаружило, что в сети попалась куда более крупная рыба, чем планировалось. Снабжение по воздуху продлило агонию окруженных еще почти на два с половиной месяца. Сталинград стал одним из первых «фестунгов» (крепостей), которые своим пребыванием в узле коммуникаций снижали темпы наступления советских войск. Согласно традиции, получившей широкое распространение впоследствии, «фестунгом» стал город. В случае со Сталинградом прочные городские постройки дополнялись построенными на подступах к городу оборонительными обводами.

Проблемой Красной армии 1942 г. были все же не маневренные действия, а прорыв обороны противника. Наталкиваясь на подготовленную оборону немецких войск, советские части несли большие потери и не выполняли поставленных задач. Это было характерно не только для хорошо укрепленного центрального сектора советско-германского фронта (Ржев), но и для уплотнившихся участков фронта под Сталинградом. Наиболее характерный пример – это боевые действия Сталинградского фронта к северу от города в сентябре – октябре и 24-й армии в операции «Уран» в ноябре 1942 г. Прорыв обороны румынских войск и последующие маневренные действия войскам Красной армии вполне удалось. Причем более чем достойно был проведен маневренный поединок с немецкими подвижными соединениями у Верхне-Кумского в ходе отражения «Зимней грозы». Свои навыки в ведении маневренных операций Красной армии еще предстояло продемонстрировать. Сталинград стал лишь первой ласточкой.

Приложения

Приложение 1 Состав вооружения пехотных дивизий 6-й армии к началу Сталинградской битвы [359]

	57	75	79	100л	113	168	294	297	305	336	376	389	44	62	71
Ручн. пул.	514	453	359	467	363	461	210	409	426	438	453	434	428	342	475
Станк. пул.	125	113	67	118	84	110	30	108	103	116	104	109	97	96	116
37-мм Pak	47	32	41	34	33	42	17	44	11	26	26	11	36	41	32
47-мм Pak(f)	8	2 ²	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
42-мм Pak 41	–	–	–	44	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
50-мм Pak 38	6	12	–	4	16	11	2	6	22	23	22	21	6	10	20
75-мм Pak 40	10	7	8	6	8	8	6	6	6	8	9	8	7	6	8
75-мм Pak97/38	–	9	–	–	–	9	–	9	9	9	9	9	–	–	–
75-мм leIG18	20	20	18	14	20	18	7	19	18	18	17	–	18	18	19
150-мм sIG33	6	6	3	4	6	6	2	6	6	6	6	–	4	5	6
105-мм leFH16	–	–	–	–	–	–	27	–	24	24	–	23	–	–	–
105-мм leFH18	34	36	33	30	36	24	7	36	–	–	22	–	20	31	36
150-мм sFH18	–	12	8	8	9	9	–	9	12	12	11	12	8	–	12
sFH414(f)	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
150-мм реактивный миномет	–	–	–	–	–	12	–	–	12	12	12	12	12	–	–

Приложение 2 План наступления 6-й армии на Сталинград от 20.07.1942 г. [360]

Командование 6-й А, Оперативный отдел. 20.7.42, секретно.

Приказ армии 1) Перед восточным фронтом армии пока только слабый противник с танками. Согласно показаниям пленных, свежие силы, выгруженные у Калача, должны сформировать и удерживать там плацдарм. В междуречье Дона и Волги по обе стороны Сталинграда, по данным

воздушной разведки, подготовленные полевые укрепления. На северном фланге армии лишь слабый противник, занявший оборону на северном берегу Дона.

2) Задача 6-й А – как можно скорее занять Сталинград, в том числе прочно удерживать железнодорожную линию Морозовская – Сталинград. Основная масса армии незамедлительно наступает на Дон и за него по обе стороны Калача. Часть сил прикрывает северный фланг на Дону.

3) Задачи корпусов:

51-й ак прикрывает южный фланг армии. Для этого ему необходимо выйти к Дону между Потемкинской и устьем Чира и захватить плацдармы на другом берегу реки. Позднее корпус должен будет захватить высоты севернее и северо-западнее Аксая. Одну дивизию корпуса следует выделить в резерв армии в район станции Секретов таким образом, чтобы она при необходимости могла наступать как севернее, так и южнее Чира. О положении 1-й ТА будет сообщено отдельно.

Задача 14-го тк – переправиться через Дон по обе стороны Калача и захватить Сталинград. Для этого корпус должен разгромить предположительно находящиеся на плацдарме Калач на западном берегу Дона силы русских и быстрым смелым ударом прорваться к Волге. Быстрый захват неповрежденными мостов через Дон, особенно железнодорожного моста восточнее Рычева и шоссейного моста у Калача, имеют решающее значение. Движения моторизованных соединений корпуса к Дону и через него не должны ограничиваться назначенной корпусу полосой. При использовании дорог в полосе других корпусов следует своевременно информировать последние. 113-я пд будет подчинена корпусу, как только он сможет взять на себя командование дивизией в техническом отношении. Время передачи необходимо непосредственно согласовать с 8-м ак и доложить.

8-й ак прикрывает наступление 14-го тк на его северном фланге. Осуществляя постоянное прикрытие на южном берегу Дона (до района южнее Иловлинской) корпус, наступая глубоко эшелонированным порядком, должен выйти к Дону между устьем Большой Голубой и районом западнее Качалинской. Здесь корпус должен переправиться через реку и затем продвинуться до Волги в районе Дубовки и южнее. Между Доном и Волгой следует осуществлять прикрытие в северном направлении, по возможности на рубежах Тишанки и Прямой. 100-я егерская и 305-я пд остаются в подчинении корпуса, 376-я пд будет подчинена после смены ее 62-й пд. Точный момент передачи следует обсудить с 29-м ак, равно как и передачу 113-й пд – с 14-м тк. Передвижение 14-го тк имеют приоритет и в полосе 8-го ак.

17-й ак готовится как можно скорее принять на себя ответственность за рубеж Дона по обе стороны Серафимовича. Приказ относительно переброски ему дополнительных сил последует.

4) 389-ю и 384-ю пд 29-й ак должен сначала перебросить на Мешков. Для этого 389-я пд подчиняется 29-му ак.

5) Относительно передачи частей армейского подчинения приказ последует.

6) Разграничительные линии: 48-й тк и 51-й ак (одновременно южная граница армии и граница ГА): Сватово (6-я А) – Старобельск (6-я) – Миллерово (48-й тк) – Морозовская (48-й тк) – Потемкинская (48-й тк).

51-й ак и 14-й тк: Пономарев в 12 км юго-восточнее Нового Астахова (14-й) – Петропавловка (14-й) – Варламов (14-й) – Новый Степановский (14-й) – Нестеркин (14-й) – Нижний Калиновский (51-й) – Чир до Лесенкой (51-й) – Верхне-Чирская (51-й) – Логовский (14-й).

14-й тк и 8-й ак: Ушаков (8-й) – Сенаткин (14-й) – Урасов (14-й) – Сахаров (14-й) – Верхняя Голубая (8-й) – Малый (8-й).

7) Передача этого приказа в нижестоящие инстанции – только отдельными частями, достаточными для решения ими ближайших боевых задач.

Командующий: Паулюс 6-я армия. Оперативный отдел. № 2687/42.

Приложение 3 План А.И. Еременко

Товарищу Сталину.

В намечаемой операции по разгрому сталинградской группировки противника первостепенное значение имеет выбор направления главного удара.

Я уже в течение месяца обдумывал этот вопрос и рассчитывал, что наилучшим направлением удара с Донского фронта является направление с фронта Клетская – Сиротинская на Калач.

Это основной удар.

Выгоды этого направления:

1) Мы уничтожаем более легко слабые части противника, что имеет большое моральное значение для наших войск – окрыляет их.

2) Влияем этим на быстроту продвижения 21-й армии, которая в данное время имеет успех.

3) Выход на главные коммуникации противника в районе Калача и на переправы через р. Дон на участке Калач – Вертячий.

С выходом в этот район мы лишаем противника самого главного – маневра его подвижных танковых и моторизованных сил, действующих в районе г. Сталинград; изолируем от главного удара, а значит, и уничтожаем противника на западном и южном берегах р. Дон по частям.

Нанесение же удара восточнее р. Дон из района Котлубань ни к какому успеху не приведет, так как противник имеет возможность все туда бросить из района г. Сталинград, и операция захлебнется, в чем мы уже имеем неоднократный опыт.

Как мыслится сам план проведения операции?

В этой операции должны сыграть решающую роль 3 гв. кк и две-три мех. бригады, которые должны, невзирая ни на какие трудности марша, за сутки выйти в район Калач, где взорвать все переправы от нп Вертячий до нп Калач и занять оборону фронтом на восток. Этим закупорить противника на восточном берегу Дона одной кав. дивизией, а мех. бригадой прикрыться на реке Лисичка фронтом на запад, взорвать все переправы на этой реке и важные направления на отдельных участках заминировать.

В каждый эскадрон должны быть широко приданы саперы и подрывные средства.

Я считаю, что нужно, наконец, потребовать от конницы решать задачи по ее характеру – по глубокому вторжению рейдом. Эта задача легко выполняема за сутки, так как расстояние всего 60–80 километров.

Действия должны носить быстрый характер, не ввязываться в бой с отдельными тыловыми частями и охраной противника, а стремительно выходить в указанные районы для решения основной задачи.

Операцию нужно начать 20–22.10.42, так как в этот период начинается полнолуние и ночь становится светлой. Этим нужно воспользоваться и большую часть пространства преодолеть ночью.

С выходом в район Калач решается и вторая очень важная задача – уничтожение авиации и ее баз, так как главные силы авиации противника и ее базы находятся между р. Дон и р. Добрая, для чего выделить специальные группы конницы для проникновения на аэродромы и для уничтожения самолетов и баз.

Когда я составлял план этих действий в бытность мою командующим бывш. Сталинградским фронтом, я считал, что для этой операции нужно привлечь помимо указанной конницы и мех. частей шесть-семь стрелковых дивизий.

Так я планировал в прошлом эту операцию и поэтому считаю своим долгом Вам доложить.

План операции Сталинградского фронта

Я уже Вам докладывал основные соображения, теперь их конкретизирую.

Цель операции – разгром сталинградской группировки противника и очищение города Сталинграда от противника.

1. Главный удар нанести с фронта озеро Сарпа – озеро Барманцак в общем направлении на ст. Тингута, Советский, вдоль р. Червленая.

Вспомогательный удар, до начала основной операции, нанести с фронта Ивановка – Тундутово на нп Тингута с целью отвлечь внимание противника и ослабить его группировку в районе главного удара.

Конницу (4 кк) с одной мсбр использовать для выхода на тылы противника с фронта Шардава – Хулсюн-Зюр (оба пункта севернее озера Сарпа южного) в общем направлении Шебенеры – Обильное – Бажутово с целью перерезать коммуникации противника.

Отдельный сильный отряд с саперами-подрывниками выбросить на ст. Котельниково с целью разрушения узла и складов.

2. Силы и средства

На направлении главного удара – две стрелковые дивизии, две сбр, две тбр, две мсбр, два гмп, два ап армейского усиления. Резерв – две сбр.

[На направлении] вспомогательного удара – одна стр. дивизия, одна тбр.

3. При выходе на рубеж Карповская – Советский в основной удар включается 64-я армия с общей задачей выхода на рубеж Садовое – Карповская. Ее главный удар – левым флангом.

4. Начало операции 22.10–25.10.42.

5. В период подготовки будут доукомплектовываться 302, 126 сд и 155, 254 тбр.

Для успешного проведения операции прошу выделить 100 истребителей, танков КВ – 10, Т-34 – 48, Т-70 – 40, обученных бойцов 15 тысяч.

Прошу утвердить план операции.

ЕРЕМЕНКО

ХРУЩЕВ

№ 2889

9.10.42 г. 11.17

ЦА МО РФ, ф. 48а, оп. 1161, д. 6, л. 259 – 264. Телеграмма, экз. № 3. Цитируется по: Сталинградская битва. Книга первая. С. 705–707.

Приложение 4 План операции «Кольцо»

Ставка Верховного Главнокомандования, тов. Сталину.

Представляя план разгрома окруженной сталинградской группировки противника на Ваше утверждение, докладываю:

1. Главный удар наносится силами Донского фронта – четырнадцать стр. дивизий, восемь танковых полков, тридцать два артполка, девять гв. минполк., с фронта выс. 131,7, выс. 122,9 в общем направлении на Бабуркин, Хутор Гончара, Сталинградский, пос. Кр. Октябрь.

Цель удара – расколоть окруженную группировку с запада на восток и последовательно уничтожить ее по частям.

Вспомогательный удар наносится:

а) 66 армией пятью дивизиями на фронте выс. 130,7, изгиб желдороги сев.-зап. Орловка, в направлении – рзд. Древний Вал, х. Новая Надежда.

б) Силами Сталинградского фронта (четыре стр. дивизии, три мотострелковых бригады, две мехбригады, двенадцать артполков и четыре полка РС) на участке Попов, Ракотино, в общем направлении – Кравцов, выс. 123,6, ст. Воропоново.

2. Направление главного удара выбрано, исходя из следующих соображений:

а) Нанося главный удар с запада на восток, главную мощь нашего удара сосредоточиваем по основным силам противника, находящимся в районе Мариновка, Жирноклеевка, Мал.Россошка, свх. № 1, расчлняем их и в дальнейшем последовательно уничтожаем расчлененные отдельные группы противника.

б) На фронте главного удара обороняются войска, которым частично нанесено поражение в предыдущей операции Юго-Западного и Донского фронтов (76, 44, 376, 384 пд и 14 тд), среди них 44 и 376 пд дали за последнее время наибольшее количество пленных и перебежчиков.

в) Оборонительный рубеж, занимаемый противником в западном секторе, готовился только после отхода его частей из-за Дона, тогда как северный сектор подготавливался к обороне в течение 4 месяцев. Кроме того, в северном секторе занимают оборону лучшие немецкие дивизии и на поле боя много подбитых немецких и наших танков, которые используются противником как бронированные огневые точки.

г) Характер местности, изрезанной глубокими балками, идущими с запада на восток, обеспечивает нашим танковым частям свободу маневра в глубину, тогда как при ударе с севера на юг действия их будут ограничены.

д) Выгодное исходное положение, не требующее сложной перегруппировки войск.

3. Начало операции зависит от срока прибытия частей усиления, пополнения и боеприпасов Донскому фронту. После прибытия пополнения три дня отвожу на его обработку и ввод в строй.

Ориентировочный срок начала действий – 6 января 1943 г.

1-й этап операции – уничтожение западной части окруженной группировки и выход на рубеж х. Новая Надежда, Хутор Гончара, выс. 155,0, Песчанка – два дня.

2-й этап – уничтожение противника в районе Песчанка, Сталинград, Гумрак – два дня.

3-й этап – окончательная очистка (частью сил) всего района от отдельных обороняющихся групп противника – три дня.

Всего на операцию – семь дней.

4. После окончания операции войска Донского фронта выводятся к северу от линии: Калач (Сталинградский), Мариновка, Карповка, Питомник, пос. Кр. Октябрь (все пункты для Донфронта). Войска Сталинградского фронта – к югу от указанной линии.

Генерал-полковник *Воронов*

27.12.42.

Архив МО СССР, ф. 16 – А, оп. 1002, д. 1, лл. 26–29. Подлинник.

Приложение 5 Рекомендации по тактике штурмовых групп

УКАЗАНИЯ ПО БЛОКИРОВКЕ И РАЗРУШЕНИЮ УКРЕПЛЕННЫХ ОГНЕВЫХ ТОЧЕК ПРОТИВНИКА

1. НАЗНАЧЕНИЕ, СОСТАВ ГРУПП РАЗГРАЖДЕНИЯ И ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

В наступательном бою для преодоления заграждений перед передним краем обороны противника и для атаки его ДОТов и ДЗОТов от каждого стрелкового батальона должны выделяться группы разграждения и штурмовые отряды.

Количество, состав и снаряжение групп разграждения и штурмовых отрядов устанавливает командир батальона, однако это зависит от особенности боевой задачи батальона и характера боевых сооружений противника.

Обычно на стрелковый батальон нужно выделять не менее 3–4 групп разграждения и столько же штурмовых отрядов.

Группы разграждения и штурмовые отряды могут состоять:

ГРУППА РАЗГРАЖДЕНИЯ:

Состав: командир группы (мл. командир, сапер), 10 бойцов-сапер, 3 автоматчика и 2 сигнальщика. Всего 15 человек.

Саперы, кроме личного оружия, должны иметь: миноулавливатели, ножницы, инструменты и приборы для отыскивания, обезвреживания, уничтожения или разрушения противопехотных препятствий, мин и резки проволоки. Как правило, ножницы и приборы, предназначенные для резки или разрушения проволоки, должны быть изолированы резиной.

Бойцы-автоматчики назначаются для прикрытия действий сапер и разведки новых фланкирующих ОТ противника.

Сигнальщики должны иметь средства сигнализации.

ЗАДАЧА – разрушить заграждения и разминировать проходы.

Штурмовые отряды могут быть следующими:

I. ГРУППА АТАКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Состав: командир группы (младший командир), 8–10 автоматчиков, 2 ручных пулемета, одно ружье ПТР, один танк, 2 сигнальщика и отдельные орудия сопровождения. Всего 20–22 человека.

Бойцы, кроме личного оружия, должны иметь по 2–3 ручных гранаты, бутылки с горючей жидкостью, дымовые шашки, РДГ, средства связи и сигнализации.

ЗАДАЧА – атаковать и уничтожить ОТ противника и обеспечить действие группы разрушения.

3. ГРУППА РАЗРУШЕНИЯ Состав: командир группы (мл. командир сапер), 8–10 сапер-подрывников и 3 ампулометчика. Всего 12–14 человек.

Вооружение – личное оружие, заряды ВВ, ручные гранаты, 2–3 мешка с песком и палками для подталкивания мешков к амбразурам ОТ, бутылки с горючей жидкостью, легкие банки с бензином (банки со шлангами), дымовые шашки, РДГ и ампуломет.

Транспорт – волокуши, деревянные или бронированные прицепы для некоторой части людей, для ВВ, мешков с песком, банок с бензином и другого имущества разрушения.

ЗАДАЧА – разрушить ОТ противника.

Всего в штурмовом отряде: командир отряда (средний комсостав) и 32–34 бойца.

II. БОЕВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ГРУПП РАЗГРАЖДЕНИЯ Командир батальона обязан на местности:

– точно поставить группам разграждения задачи на проделывание и расширение проходов в

препятствиях;

- обеспечить работу групп разграждения огнем артиллерии, минометов, пулеметов, определить время начала и конца их работы;
- поставить задачи штурмовым отрядам и точно указать ОТ противника для атаки;
- указать, какая артиллерия, какие танки, минометы и пулеметы поддерживают действия штурмовых отрядов и способы целеуказания;
- уточнить штурмовым отрядам рубеж атаки, порядок и сигналы связи с ними для вызова, переноса огня поддерживающих средств обеспечения.

III. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРУПП РАЗГРАЖДЕНИЯ И ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ Группы разграждения выполняют свою работу под прикрытием огня артиллерии, минометов и пулеметов. Если препятствия находятся в непосредственной близости к переднему краю противника или на открытой местности, то проходы в них проделываются группами разграждения ночью.

Группы разграждения должны исполнить:

- разминировать проходы для пехоты и танков;
- разрушить противопехотные заграждения;
- прорезать проходы в проволочных заграждениях.

Проходов должно быть сделано не менее одного на стрелковый взвод и один проход для танков на участке поты.

По сигналу командира батальона штурмовые отряды переползаниями, перебежками, а иногда на волокушах, обычных или бронированных прицепах за танками двигаются в исходное положение для атаки.

Для беспрепятственного сосредоточения штурмовых отрядов в исходное положение для атаки, намеченные к разрушению и фланкирующие ОТ противника подавляются огнем артиллерии, минометов и ружей ПТР.

Командир батальона выделяет огневые средства сопровождения штурмовых отрядов – отдельные орудия, 1–2 ружья ПТР, часть станковых пулеметов или один танк на отряд, которые обеспечивают штурмовые отряды в процессе боя, расстреливая фланкирующие ОТ противника прямой наводкой.

Как правило, один штурмовой отряд может одновременно атаковать и разрушить одну ОТ противника.

В зависимости от рельефа местности и огня противника, штурмовой отряд выдвигается для атаки как можно ближе к атакуемой ОТ противника, во всяком случае, не далее дистанции безопасности поражения от разрыва снарядов своей артиллерии 150–200 м.

В исходном положении для атаки ОТ противника обстреливаются огневыми средствами сопровождения и ампулометами.

Перед броском в атаку командир отряда подает сигнал для переноса огня своей артиллерии в глубину обороны противника, после чего отряд штурмует ДОТ (ДЗОТ) и уничтожает его гарнизон.

Одновременно боевые порядки батальона атакуют огневые средства и уничтожают живую силу в промежутке между ДОТ (ДЗОТ), в окопах и ходах сообщения.

В случае обнаружения в глубине и на флангах новых ДОТ (ДЗОТ), задерживающих своим огнем атаку и продвижение боевых порядков батальона, командир батальона обязан поставить задачи танкам, артиллерии и штурмовым отрядам по блокировке и уничтожению их, а орудия артиллерии сопровождения и ружья ПТР быстро выдвигаются на ОП для расстрела ДОТ (ДЗОТ) прямой наводкой.

Подавление огня ДОТ (ДЗОТ) артиллерией, танками и штурмовыми отрядами является сигналом для дальнейшего продолжения атаки.

В глубине обороны противника командир батальона обязан уточнять и ставить задачи штурмовым отрядам и другим средствам подавления с тем, чтобы весь боевой порядок батальона двигался вперед и последовательно овладевал опорными пунктами противника.

От быстроты, организованности действий штурмовых отрядов и огня артиллерии зависит успех наступления боевого порядка батальона.

Начальник ОБП Донского фронта полковник

Молотков

19 декабря 1942 г.

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 135, лл. 119–123.

Список литературы

- Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М.: Прогресс, 1967.
- Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении. По опыту Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. М.: Воениздат, 1988.
- Боевой состав Советской Армии. Часть 2 (январь – декабрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1960.
- Боевой устав конницы РККА (БУК-38). М.: Воениздат, 1938.
- Боевые действия в Испании и Китае (опыт исследования). М. 1940.
- Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1983.
- Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: В 2 т. Том 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010.
- Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. М.: Воениздат, 1971.
- Гёрлиц В. Паулюс: трагедия фельдмаршала. Смоленск: Русич, 2006.
- Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941 – 1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма М.: Наука, 1973.
- Дёрр Г. Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957.
- Еременко А.И. Сталинград. М.: АСТ, 2006.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Кардашев В. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1972.
- Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941 – 1943. М.: Изографус; ЭКСМО, 2003.
- Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2000.
- Кокунов В.Л., Ступов А.Д. 62-я армия в боях за Сталинград. Второе, дополненное и исправленное издание. М.: Воениздат, 1953.
- Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты: Справочник. М.: Республика, 2000.
- Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. М.: Наука, 1973.
- Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Высшая школа, 1985.
- Маништейн Э. фон. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957.
- Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: ИЛ, 1957.
- Москаленко К.С. На юго-западном направлении. (Воспоминания командарма). М.: Наука, 1969.
- Мощанский И., Смолинов С. Оборона Сталинграда. Сталинградская стратегическая оборонительная операция. 17 июля – 18 ноября 1942 года. М.: БТВ-МН, 2002.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус, 2002.
- Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. М.: Воениздат НКО СССР, 1942.
- Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941 – 1945: Военно-исторический очерк. Т. 2. М.: Воениздат, 1958.
- Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000.
- По приказу Родины. Боевой путь 6-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1971.
- Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939.
- Португальский Р. М., Доманк А. С., Коваленко А. П. Маршал С. К. Тимошенко. М.: Издательство МОФ «Победа-1945 год», 1994.
- Разведывательный бюллетень № 25. Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М.: Воениздат НКО СССР, 1942.
- Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005.

- Родимцев А.И.* Гвардейцы стояли насмерть. М.: ДОСААФ, 1969.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.
- Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
- Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1942 год. Т. 16 (5 – 2). М.: Терра, 1996.
- Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1989.
- Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. Боевой путь Тринадцатой гвардейской Полтавской ордена Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии (1941–1945). Издание второе, дополненное. М.: Воениздат, 1971.
- Саркисян С.М.* 51-я армия (боевой путь). М.: Воениздат, 1983.
- Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск № 18. М.: Воениздат, 1960.
- Сборник материалов по изучению опыта войны № 6. Апрель – май 1943 г. М.: Воениздат, 1943.
- Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. Ноябрь – декабрь 1943 г. М.: Воениздат, 1943.
- Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.: Олма-пресс, 2002.
- Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница МГ, 2000.
- Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Справочник. М.: Кучково поле, 2003.
- Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I: М.: ИИК «Московские Новости», 1999.
- Чуйков В.И.* Сражение века. М.: Советская Россия, 1975.
- Шайберт Х.* До Сталинграда 48 километров. Хроника танковых сражений. 1942–1943. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010.
- Шрётер Х.* Сталинград. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007.
- Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989.
- Axworthy M. Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. Arms and Armour. 1995.
- Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Gefechts – und Erlebnisberichte aus den Kämpfen der “Glückhaften Division” von Verdun bis Stalingrad, von Monte Cassino bis zum Plattensee. Arbeitsgemeinschaft “Das Kleeblatt”, 1973.
- Dierich W.* Kampfesgeschwader 55 Greif. Stuttgart. Motorbuch-Verlag. 1973.
- Dettmer F.* Die 44. Infanterie-Division. Reichs Grenadier division Hoch-und-Deutschmeister. 1939–1945. Podzun-Palas Verlag, 1958.
- German Report Series. The German Campaign in Russia – Planning and Operations 1940–1942. The Naval&Military press Ltd.
- Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press. 2001.
- Glantz D.* Armageddon in Stalingrad: September-November 1942. The Stalingrad Trilogy, Volume 2. University Press of Kansas; 2009.
- Glantz D.* To the Gates of Stalingrad: Soviet-German Combat Operations, April-August 1942. University Press of Kansas; 2009.
- Grams R.* Die 14. Panzer-Division 1940–1945. Herausgegeben im Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14. Panzer-Division. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1957.
- Gudmundsson D.* Stormtroop tactics. Innovation in the German Army, 1914 – 1918. New York: Praeger, 1989.
- Jentz T.* Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany’s Tank Force. 1933 – 42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996.
- Jentz T.* Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany’s Tank Force. 1943 – 45. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996.
- Haupt W.* Army Group South. The Wehrmacht in Russia 1941 – 1945. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1998.
- Hayward J.* Stopped at Stalingrad. The Luftwaffe and Hitler’s Defeat in the East. 1942–1943. University Press of Kansas. 1998.

Kehrig M . Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht (Beitrage zur Militar – und Kriegsgeschichte). Deutsche Verlags-Anstalt. 1974.

Lannoy Francois de & Josef Charita. Panzertruppen. Les troupes Blindées allemandes. 1935 – 1945. Heimdal

Lemelsen/Schmidt. 29. Division, 29. Infanterie-Division (mot.), 29. Panzergrenadier-Division. Podzun-Pallas-Verlag, 1960.

Morzik F . German Air force Airlift Operations. USAAF Historical division. 1961.

Newton S . German battle tactics on the Russian front. 1941 – 1945. Schiffer Military History, Atglen, PA, 1994.

Raus E . Panzer Operations. The Eastern front Memoir of General Raus, 1941 – 1945. Compiled and Translated by Steven H. Newton. DA Capo Press. 2003.

Reese R . Stalin's Reluctant Soldiers. A social history of the Red Army. Univercity Press of Kansas, 1996.

Sadarananda D . Beyond Stalingrad: Manstein and the Operations of Army Group Don Praeger: Westport, Conn. 1990.

Schrodek G . Ihr Glaube galt dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11.Panzer-Division) – Munchen, Schild Verlag. 1976.

Schmitz G . Bildband der 16.Panzer-Division 1939–1945. Podzun. Bad Nauheim. 1956.

Senger und Etterlin F. von Die 24. Panzer-Division vormals 1. Kavallerie-Division 1939 – 1945, Vowinkel, 1962

Stoves R . Die 22. Panzer-Division, 25. Panzer-Division, 27. Panzer-Division and die 233. Reserve – Panzer-Division. Aufstellung. Gliderung. Einsatz. Podzun-Pallas-Verlag, 1985

Wagener C . Die Heeresgruppe Sued. Der Kampf im Sueden der Ostfront 1941 – 1942. Podzun-Pallas-Verlag.

Werthen W. Geschichte der 16.Panzer-Division 1939–1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1958.

Примечания

1

ЦАМО, ф. 220, оп. 226, д. 19, лл. 20–21.

2

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. ... С. 208–309.

3

ЦАМО, Ф.220, оп. 220, д. 24, л. 1.

4

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 79, лл. 90–91.

5

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 79, л. 93.

6

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5512, д. 14, л. 49.

7

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5512, д. 14, л. 40.

8

NARA T312 R1685 frame 148.

9

NARA T312 R1685 frame 148.

10

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 21, л. 73

11

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5512, д. 14, л. 40.

12

Сталинградская битва. Книга первая. С. 235.

13

NARA T312 R1685 frame 19, выделено мной.

14

NARA T312 R1685 frame 34.

15

NARA T312 R1685 frame 34.

16

На советских картах – Рычковский.

17

Первоначально предполагалось передать Паулюсу 23-ю и 24-ю тд, но позднее 23-я тд была оставлена в составе группировки, наступающей на Кавказ.

18

NARA T312 R1685 frame 187.

19

ЦАМО РФ, ф. 81, оп. 12074, д. 8, л. 160.

20

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 48.

21

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 294.

22

NARA T312 R1448 frame 839, не учтены XIV и XXIV танковые корпуса, переданные позднее.

23

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 томах. Том 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 441.

24

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 томах. Том 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 430.

25

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 48.

26

NARA T312 R1448 frames 120–122.

27

75-я пд вооружалась орудиями обоих типов.

28

NARA T312 R1685 frame 105.

29

NARA T312 R1685 frame 105.

30

NARA T312 R1448 frame 156.

31

NARA T312 R1685 frames 95, 102.

32

NARA T312 R1683 frame 899.

33

NARA T312 R1685 frames 258, 259, 301.

34

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 18, л. 259.

35

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 29.

36

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 235, д. 6/2, л. 457.

37

Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 33. М.: Воениздат, 1957. С. 169.

38

Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск № 33. М.: Воениздат, 1957. С. 169.

39

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 235, д. 6/2, л. 423.

40

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, л. 135.

41

NARA T312 R1683 frame 34.

42

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 22, л. 31.

43

NARA T312 R1683 frame 50.

44

NARA T312 R1683 frame 48.

45

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 322.

46

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 30.

47

NARA T312 R1683 frame 60.

48

NARA T312 R1685 frame 258.

49

NARA T312 R1683 frame 899.

50

NARA T312 R1683 frame 58.

51

NARA T312 R1683 frame 832.

52

NARA T312 R1683 frame 832.

53

NARA T312 R1683 frame 832.

54

Чуйков В.И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. С. 33.

55

Чуйков В.И. Указ. соч. С. 35.

56

ЦАМО РФ. Ф.220, оп. 226, д. 19, л. 116.

57

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 100.

58

NARA T312 R1448 frame 856.

59

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 23.

60

NARA T312 R1683 frame 74.

61

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 226, д. 19, лл. 119–120.

62

По отчету 158-й тбр, в числе противников бригады проходят вкопанные танки.

63

Цит. по: Glanz, p. 234.

64

NARA T312 R1448 frame 878.

65

NARA T312 R1683 frame 84.

66

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 30.

67

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 30а.

68

NARA T312 R1683 frame 84.

69

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, л. 30а.ь тор

70

NARA T312 R1683 frame 82.

71

NARA T312 R1448 frame 883.

72

NARA T312 R1448 frames 1148, 895.

73

ЦАМО РФ, ф. 3418, оп. 1, д. 6, л. 1.

74

Там же.

75

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 226, д. 19, л. 123.

76

Москаленко К.С. Указ. соч. С. 279.

77

Таблица составлена по данным ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 8, лл. 302–303 и д.18, лл. 233–234.

78

ЦАМО РФ, ф. 324, оп. 4794, д. 3, л. 4.

79

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 18, л. 238.

80

NARA T312 R1683 frame 118.

81

Термин использовался в переговорах штаба фронта с ГШ КА.

82

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, л. 153.

83

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 8, л. 306.

84

NARA T312 R1683 frame 1277.

85

NARA T312 R1683 frame 1168.

86

ЦАМО РФ, ф. 324, оп. 4794, д. 3, л. 4.

87

NARA T312 R1683 frame 1348.

88

Игра закончена.

89

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 82, л. 130.

90

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, л. 154.

91

NARA T312 R1683 frame 1283.

92

NARA T312 R1683 frame 1393.

93

Дёпп Г. Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957. С. 44.

94

NARA T312 R1449 frame 135, R1448 frame 1153.

2 Речь, очевидно, о боеприпасах к орудиям «Штурмгешюцев».

95

ЦАМО РФ, ф. 3418, оп. 1, д. 6, л. 8.

96

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 131.

97

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5512, д. 10, л. 4.

98

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 77, л. 69.

99

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 126.

100

Дёпп Г. Указ. соч. С. 44.

101

NARA T312 R1683 frame ???

102

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 139.

103

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 141.

104

Там же.

105

ЦАМО РФ, ф. 320, оп. 4522, д. 8, л. 213.

106

NARA T312 R1683 frame 240.

107

NARA T312 R1685 frame 848.

108

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 16, л. 22.

109

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 г. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 362.

110

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 70.

111

NARA T312 R1683 frame 242.

112

NARA T312 R1683 frame 244.

113

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 171.

114

Дёпп Г. Указ. соч. С. 44.

115

NARA T312 R1683 frame 246.

116

NARA T312 R1683 frame 246.

117

Москаленко К.С. Указ. соч. С. 295.

118

Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 313.

119

Москаленко К.С. Указ. соч. С. 295–296.

120

Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Bernard & Graefe, Koblenz. 1986. Band 1. S.80.

121

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5512, д. 10, л. 6.

122

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 34, лл. 54–55.

123

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 77, л. 6.

124

Составлено автором по данным NARA T312 R1448 frames 1106, 1241, 1304, 1393.

3 Под «управлением» в данном контексте понимается собственно управление и подчиненные ему части, как боевые, так и части боевого обеспечения.

125

NARA T312 R1683 frame 132.

126

NARA T312 R1683 frame 204.

127

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 150.

128

Там же.

129

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 175.

130

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72.

131

Москаленко К.С. Указ. соч. С. 298.

132

NARA T312 R1449 frame 135.

133

NARA T312 R1448 frame 1153.

134

NARA T312 R1449 frames 63, 105.

4 Под «управлением» в данном контексте понимается собственно управление и подчиненные ему части, как боевые, так и части боевого обеспечения.

135

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, л. 131.

136

Grams R. Die 14.Panzer-Division 1940–1945. Herausgegeben im Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14.Panzer-Division. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1957, S.50.

137

Сталинградская битва. Книга первая. С. 297.

138

Сталинградская битва. Книга первая. С. 305.

139

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 468, д. 33, л. 8.

140

Еременко А.И. Сталинград. М.: АСТ, 2006. С. 93.

141

Дёпп Г. Указ. соч. С. 38–39.

142

Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press, USA. 2001. P. 1069.

143

Дёпп Г. Указ. соч. С. 134.

144

Дёпп Г. Указ. соч. С. 134.

145

Шрётер Х. Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 40.

146

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 7.

147

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». М.: Яуза, 2006. С. 177–178.

148

Сталинградская битва. Книга первая. С. 236.

149

Еременко А.И. Указ. соч. С. 148.

150

ЦАМО РФ, лл. 3–4.

151

Сталинградская битва. Книга первая. С. 413.

152

NARA T312 R1683 frames 350–352.

153

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 77, л. 31.

154

Сталинградская битва. Книга первая. С. 418–419.

155

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 г. Т. 16(5–2). М.: Терра, 1996. С. 373.

156

Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 г. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 373.

157

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 219.

158

Дёпп Г. Указ. соч. С. 48.

159

ЦАМО РФ, ф. 3414, оп. 1, д. 24, л. 5 об.

160

Дёпп Г. Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957. С. 48–49.

161

Дёпп Г. Указ. соч. С. 40.

162

Там же.

163

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 8, л. 47

164

Grams R. Op. cit. S. 52–53.

165

Grams R. Op. cit. S. 53.

166

ЦАМО РФ, ф. 3430, оп. 1, д. 8, л. 68

167

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 468, д. 25, лл. 71–72.

168

Москаленко К.С. Указ. соч. С. 313.

169

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 71, л. 192.

2 Данные по 7 тк приведены по отчету корпуса ЦАМО РФ, ф. 3401, оп. 1, д. 8, л. 2.

170

NARA T312 R1685 frame 509.

171

ЦАМО РФ, ф. 3401, оп. 1, д. 3, л. 2.

172

NARA T312 R1683 frame 486.

173

NARA T312 R1683 frame 480.

174

NARA T312 R1449 frame 357.

175

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы, 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 387.

176

Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: ИЛ, 1957. С. 148.

177

6-й армии в целом – 575 тонн.

178

NARA T312 R1449 frame 388.

179

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 10, л. 3.

180

ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 10, л. 8.

181

NARA T312 R1683 frame 490.

182

Цит. по Москаленко К.С. Указ. соч. С. 332–333.

183

Еременко А.И. Указ. соч. С. 196.

184

NARA T312 R1685 frame 847.

185

NARA T312 R1685 frame 849.

186

NARA T312 R1683 frame 572.

187

NARA T312 R1685 frame 1019.

188

NARA T312 R1685 frame 1166.

189

Чуйков В.И. Указ. соч. С. 111.

190

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 468, д. 25, л. 33–35.

191

NARA T312 R1683 frame 572.

192

Чуйков В.И. Указ. соч. С. 112–113.

193

Родимцев А. И. Гвардейцы стояли насмерть. М.: ДОСААФ, 1969. С. 25.

194

Чуйков В.И. Указ. соч. С. 120–121.

195

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 69.

196

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 67.

197

Родимцев А.И. Указ. соч. С. 79.

198

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 136.

199

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 136.

200

NARA T312 R1686 frame 522.

201

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 129.

202

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 15, лл. 30–31.

203

NARA T312 R1686 frame 523.

204

Составлено автором по данным NARA T312 R1449 frames 759, 851.

205

ЦАМО РФ, ф. 3403, оп. 1, д. 8, л. 64.

206

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 124–125.

207

ЦАМО РФ, ф. 3401, оп. 1, д. 8, л. 7.

208

NARA T312 R1686 frame 37.

2 В донесении дивизии от 16 сентября в их числе указывалось наличие одного Pz.III с 75-мм короткоствольной пушкой.

209

3 NARA T312 R1685 frame 1205.

210

4 Показатель боеспособности батальона колебался от stark (крепкий) до schwach (слабый). – Прим. авт.

211

NARA T312 R1683 frame 620.

212

КТВ. S. 30.

213

NARA T312 R1683 frame 622.

214

ЦАМО РФ, ф. 3401, оп. 1, д. 3, л. 4.

215

NARA T312 R1683 frame 630.

216

NARA T312 R1449 frame 708.

217

ЦАМО РФ, Ф.292, оп. 6911, д. 42, л. 23.

218

- ЦАМО РФ, Ф.220, оп. 220, д. 17, л. 10.
219
ЦАМО РФ, ф. 3401, оп. 1, д. 7, л. 89
220
NARA T312 R1449 frame 707.
221
ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 120, лл. 14, 16 и 16об
222
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 85.
223
ЦАМО РФ, ф. 3414, оп. 1, д. 25, л. 16.
224
ЦАМО РФ, ф. 3414, оп. 1, д. 25, л. 16.
225
Меллентин Ф. Указ. соч. С. 148.
226
Гальдер Ф. Указ. соч. С. 350.
227
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 86 ю.
228
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 8, л. 400.
229
ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 25, л. 57.
230
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 8, л. 405.
231
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 87.
232
NARA T312 R1449 frame 1043.
233
NARA T312 R1686 frame 805.
234
NARA T312 R1686 frame 725.
235
NARA T312 R1686 frame 763.
236
ЦАМО РФ, ф. 220, оп. 220, д. 72, л. 85.
237
NARA T312 R1449 frames 63, 105.
238
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 79.
239
Еременко А.И. Указ. соч., С. 231
240
Там же.
241
Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: Терра, 1996. С. 403.
242
NARA T312 R1686 frame 590.
243
NARA T312 R1686 frame 610.
244
NARA T312 R1449 frame 912.

245

Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 256.

246

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 95.

247

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, лл. 122, 166.

248

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, лл. 226–229.

249

ЦАМО РФ, ф. 81, оп. 12075, д. 28, л. 10.

250

NARA T312 R1449 frames 690, 884.

251

NARA T312 R1683 frame 718.

252

NARA T312 R1449 frame 930.

253

Werthen W. Geschichte der 16.Panzer-Division 1939–1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim. 1958. S.113.

254

Werthen W. Op. cit. S.113.

255

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 104.

256

Kehrig M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht (Beiträge zur Militar- und Kriegsgeschichte). Deutsche Verlags-Anstalt. 1974. S.41.

257

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 41, л. 136.

258

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 206.

259

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 15, л. 97.

260

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 217.

261

Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница МГ, 2000. С. 253.

262

Дёпп Г. Указ. соч. С. 58.

263

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Воениздат, 1969. С. 48.

264

Сталинградская битва. Книга первая. С. 894.

265

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 98, л. 44.

266

Илья Давидович Усыскин – физик, член экипажа стратостата «Осоавиахим-1», потерпевшего катастрофу в 1934 г. после достижения рекордной высоты – 22 км.

267

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 томах. Том 1. М.: Объединенная редакция МВД России, 2010. С. 378.

268

Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press. 2001. pp.1073, 1075.

269

Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск № 6. Апрель – май 1943 г. М.: Воениздат, 1943. С. 33.

270

Подсчитано автором по NARA T312 R1449 frames 688–690, 882–892, R1450 frames 32–42.

271

ЦАМО РФ, Ф. 206, оп. 262, д. 25, л. 47.

272

ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 48–49, л. 158.

273

Там же, л. 175.

274

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Том 2. С. 79.

275

Цит. по: Еременко А. И. Указ. соч. С. 352.

276

Сталинградская битва. Книга первая. С. 694.

277

Сталинградская битва. Книга первая. С. 706.

278

Сталинградская битва. Книга первая. С. 706.

279

Василевский А. М. Указ. соч. С. 223.

280

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2), М.: Терра, 1996. С. 440.

281

Вскоре стала 50-й гвардейской стрелковой дивизией.

282

Ю. Машенко со ссылкой на ЦАМО РФ, ф. 331, оп. 5041, д. 10, л. 42.

283

Цит. по: Кириченко П. Первым всегда трудно. Боевой путь 1-го танкового Инстербургского Краснознаменного корпуса. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 58.

284

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 251, л. 62.

285

Сборник материалов по изучению опыта войны № 6. М.: Воениздат, 1943. С. 88

286

Василевский А. М. Указ. соч. С. 232–233.

287

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 251, лл. 135–136.

288

Кавполк, переформированный в моторизованный, 1074 человека. – Прим. автора.

289

Дёрр Г. Указ. соч. С. 67.

290

Кириченко П. Указ. соч. С. 66.

291

ЦАМО РФ, ф. 232, оп. 590, д. 17, л. 37.

292

Шрётер Х. Указ. соч. С. 88.

293

Дёрр Г. Указ. соч., с. 69, с уточнением по ЖБД 6-й армии.

294

Точка приложения основных усилий, нем. Schwerpunkt.

295

Дёрр Г. Указ. соч., С. 70–71.

296

Ю. Машенко со ссылкой на ЦАМО РФ, ф. 331, оп. 5041, д. 29, л. 5.

297

ЦАМО РФ, ф. 3403, оп. 1, д. 7, л. 39

298

ЦАМО РФ, ф. 3414, оп. 1, д. 25, л. 22.

299

ЦАМО РФ, ф. 3414, оп. 1, д. 25, л. 31.

300

Дёрр Г. Указ. соч. С. 72.

301

Шрётер Х. Сталинград. М.: Центрполиграф, 2007. С. 120–121.

302

Шрётер Х. Указ. соч. С. 122.

303

Гёрлиц В. Паулюс: трагедия фельдмаршала. Смоленск: Русич, 2006. С. 293.

304

ЦАМО РФ, ф. 232, оп. 590, д. 17, л. 49.

305

Адам В. Катастрофа на Волге. Смоленск: Русич, 2001., – С. 174–175.

306

ЦАМО РФ, ф. 232, оп. 590, д. 17, л. 55.

307

Адам В. Катастрофа на Волге. Смоленск: Русич, 2001. С. 172.

308

Ю. Машенко со ссылкой на ЦАМО РФ, ф. 331, оп. 5041, д. 24, л. 91.

309

Ю. Машенко со ссылкой на ЦАМО РФ, ф. 331, оп. 5041, д. 13, л. 346.

310

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 416.

311

Raus E. Panzer Operations. The Eastern front memoir of General Raus 1941–1945. DA Capo Press. 2003. P. 144.

312

Шайберт Х. До Сталинграда 48 километров. Хроника танковых сражений. 1942–1943. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. С. 37.

313

Raus E. Op. cit. Pp.150–151.

314

Наибольшую известность получили его действия в качестве командира «группы Бёке» на Украине зимой 1942–1944 гг.

315

Raus E. Op. cit. P. 157.

316

Гёрлиц В. Паулюс: трагедия фельдмаршала. Смоленск: Русич, 2006. С. 295.

317

Sadarananda D. Op. cit. P.27.

318

Сталинградская битва. Книга вторая. С. 162.

319

Там же.

320

Еременко А.И. Указ. соч. С. 416.

321

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 125, л. 16.

322

Там же. Л. 34.

323

Еременко А.И. Указ. соч. С. 417.

324

Шайберт Х. Указ. соч. С. 65.

325

КТВ ОКВ, S. 1120.

326

Сталинградская битва. Книга вторая. С. 204.

327

Там же. С. 211.

328

ЦАМО РФ, ф. 303, оп. 4005, д. 75, л. 17.

329

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005. С. 262–263.

330

Шайберт Х. Указ. соч. С. 139.

331

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 468, д. 24, л. 221.

332

ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 125, л. 113.

333

Псевдоним Р.Я. Малиновского. – Прим. авт.

334

Сталинградская битва. Книга вторая. С. 232.

335

Sadarananda D. Op. cit., p.42.

336

КТВ АОК 6. Band 2. S.298.

337

КТВ АОК 6. Band 2. S.298.

338

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. С. 375.

339

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 19, л. 8.

340

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. С. 340.

341

Сборник материалов по изучению опыта войны. Выпуск № 6. Апрель – май 1943 г. М.: Воениздат, 1943 г. С. 74.

342

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 415.

343

ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11360, д. 251, л. 57.

344

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988. С. 166.

345

Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 299–300.

346

Сталинградская битва. Книга вторая. С. 299.

347

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 189, л. 102.

348

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 173, л. 11.

349

Сталинградская битва. Книга вторая. С. 396–397.

350

Гаупт В. Указ. соч. С. 245.

351

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 173, л. 13.

352

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 189, л. 131, данные по 64-й армии в этот период не поступили.

353

Так Паулюс назвал парашютные контейнеры.

354

ЦАМО РФ, ф. 341, оп. 5312 д.185, л. 206.

355

ЦАМО РФ, ф. 341, оп. 5312 д.185, л. 204.

356

ЦАМО РФ, ф. 206, оп. 262, д. 173, л. 35

357

Morzik F. German Air force Airlift Operations. USAAF Historical division. 1961, p. 195.

358

РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 19, л. 161.

359

NARA T312 R1448 frame 210.

2 47-мм Pak (t).

360

NARA T312 R1685 frames 34–37.